

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (38) 2020

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (38) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (38) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 3 (38) 2020

Vlada V. Baranova. Adaptation of verbal borrowings in Mongolic	7
Maria P. Bezenova. The peculiarities of the translation of “God’s law” (1912) into Udmurt: verbal morphology	19
V. V. Vorobeva, I. V. Novitskaya. Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym)	33
Julia V. Normanskaja. Dictionaries of Perm Mansi “Native speakers of Siberia”, collected by P. S. Pallas in the 18 th century	71
Peter Sauli Piispanen. Some new Late Proto-Yukaghir reconstructions with added thoughts and considerations on various etymologies	81
Natalia M. Stoyanova. Different loanword integration strategies in similar morphological systems: Russian nouns in Nanai and Ulch	92
Firdaus G. Khisamitdinova, Zarema N. Ekba. Names of local spirits in Bashkir mythology	111

DISCUSSION

Natalia V. Saynakova, Sergei V. Kovylin. Materials on toponymy of the Ket Ob region as a basis for identification of the settlement border of the <i>šöšqum / šöšqup</i> dialect local group and confirmation of the intermediate position of the Middle Ob (sheshkum / sheshkup) dialect of the Selkup language	130
Julia V. Normanskaja. Discussion note on the article by N. V. Saynakova and S. V. Kovylin “Materials on toponymy of the Ket Ob region as a basis for identification of the settlement border of the <i>šöšqum / šöšqup</i> dialect local group and confirmation of the intermediate position of the Middle Ob (sheshkum / sheshkup) dialect of the Selkup language”	152
Style sheet	157

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (38) 2020

В. В. Баранова. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках.....	7
М. П. Безенова. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология	19
В. В. Воробьева, И. В. Новицкая. Морфология имени существительного в восточнохантыйском (ваховский, васюганский, сургутский, салымский).....	33
Ю. В. Норманская. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке	71
П. С. Пииспанен. Новые позднепраюкагирские реконструкции и добавления к различным этимологиям	81
Н. М. Стойнова. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках	92
Ф. Г. Хисамитдинова, З. Н. Экба. Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии	111

ДИСКУССИЯ

Н. В. Сайнакова, С. В. Ковылин. Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы <i>šöšqum / šöšqur</i> и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского / шёшкупского) диалекта селькупского языка	130
Ю. В. Норманская. Дискуссионная заметка к статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина «Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы <i>šöšqum / šöšqur</i> и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского / шёшкупского) диалекта селькупского языка»	152
Требования к оформлению статей.....	157

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках

Баранова Влада Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
Институт лингвистических исследований РАН; vbaranova@hse.ru

В статье рассматриваются стратегии адаптации глагольных заимствований в монгольских языках и их распределение в зависимости от языка-донора или под влиянием других факторов. Монгольские языки позволяют проследить контакты с разноструктурными языками на значительной территории и в различных контактных микроареалах.

В монгольских языках представлены три стратегии: не прямое включение (оформление специальным показателем), использование вспомогательного глагола, а также прямое включение иноязычных глаголов (последняя не слишком частотна). Большинство монгольских языков используют более одного варианта включения иноязычных глаголов. Внутри стратегии также существует вариативность, например, несколько аффиксов в халха-монгольском для непрямого включения или вспомогательный глагол в бурятском. Возможно, что выбор той или иной стратегии является ареальной чертой, характерной и для монгольских, и для контактирующих с ними других языков.

В статье затрагивается вопрос о соотношении монгольских данных с представлением о том, что типологически легче и чаще заимствуются именные основы, а не глагольные. Данные монгольских языков показывают, что в некоторых случаях иноязычные глагольные основы трактуются как именные и к ним «по умолчанию» добавляется вербализирующий суффикс. Возникает вопрос о том, насколько для конкретных языков важна частеречная природа заимствованных слов, особенно в контакте с языками, в которых свойства имени и глагола мало различаются.

Ключевые слова: глагольные заимствования, вербализатор, вспомогательный глагол

ADAPTATION OF VERBAL BORROWINGS IN MONGOLIC

Vlada V. Baranova, National Research University “Higher School of Economics” (Saint Petersburg);
Institute for Linguistic Studies RAS; vbaranova@hse.ru

This paper deals with different strategies of loanverb adaptation in different Mongolic languages, trying to bridge the gap between individual descriptions of grammatical loanword adaptation in particular Mongolic languages and general typologies of verbal borrowings (such as [Wohlgemuth 2009]). The Mongolic data allows to trace contacts with languages belonging to different structural types covering a huge territory with possible contact micro-areas. The receiving Mongolic languages are agglutinating and almost exclusively suffixing, while their donors include languages with similar properties (Turkic varieties), with inflectional morphology (Russian), and with strong isolating tendencies (Chinese, English). Accordingly, the patterns of adaptation might differ according to the properties of the donor language.

There are three adaptation strategies in Mongolic languages: indirect insertion (with derivational affixes adapting loanwords), a light verb strategy, and direct insertion. The direct insertion pattern is less common, while indirect insertion and the light verb strategy are equally frequent. Most Mongolic varieties use only two strategies, but some Inner Mongolian dialects allow for all three patterns. One adaptation strategy may employ different markers: for example, in Khalkha, a variety of affixes facilitate indirect assertion, and in some Buryat dialects, the light verb *bol-* ‘become’ is used alongside the more widely attested *ke-* ‘do’ for adapting borrowed verbs. Variation in a particular language is thus due to the combination of different adaptation strategies and the presence of more than one marker inside one pattern. The paper discusses the distribution of adaptation strategies within a variety according to donor language or other factors. It suggests that adaptation strategies may be viewed as areal features for Mongolic and other languages, though their precise areal distribution requires further study.

The paper discusses the borrowability of nouns and verbs. The well-known typological approach presupposes that nouns are borrowed more frequently and easily than verbs. Nevertheless, data from different Mongolic varieties shows that loanwords are sometimes treated as nouns in that a verbalizer is even added to verbal roots. Thus, it becomes less clear how relevant word class in the donor language is for the borrowability of a given word, especially if there are no morphological clues to word class, as in Chinese.

Keywords: verbal borrowings, derivational adaptation, verbalizer, light verb

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка» № 19-512-44006.

1. Введение¹

Статья посвящена адаптации глагольных заимствований в монгольских языках. Широкое понимание термина «заимствование» обозначает процесс интеграции элемента из одного языка (языка-источника, или языка-донора) в новый язык [Poplack 2018: 6]. В это понятие включены как регулярные заимствования, ставшие элементами словаря, так и спонтанные заимствования, “nonce borrowing” [Poplack et al. 1988: 57]. В центре внимания данной работы находятся модели адаптации иноязычных глаголов к особенностям монгольской грамматики; вопросы изменения лексической семантики глагола и фонетическая адаптация заимствованного слова останутся за пределами данной работы (о них см. [Шурунгова 2004] для калмыцкого, [Бертагаев 1974] для монгольского и бурятского).

Вопрос, регулярно возникающий в исследованиях языковых контактов, касается частотности заимствования тех или иных элементов. Грамматические элементы заимствуются существенно реже, чем лексические; однако для них тоже можно установить некоторые иерархии легкости заимствования ([Gardani et al. 2015], обобщение в [Seifart 2019: 15]). Другой факт, упоминаемый во многих типологических работах, касается включения разных частей речи из другого языка (см. диаграмму в [Poplack et al. 1988: 63]). Имена заимствуются чаще, чем глаголы: в типологической выборке языков среди существительных оказалось 31% заимствованных, тогда как среди глаголов только 14% [Tadmor 2009: 61; Tadmor et al. 2010]².

Как заимствованные элементы встраиваются в грамматику? Типология стратегий оформления заимствованных глаголов рассматривается в работах [Moravcsik 1975; Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]. В работе [Wohlgemuth 2009] выделяются четыре стратегии: использование вспомогательного глагола (*light verb strategy*), не прямое включение (*indirect insertion*) с помощью аффикса, оформляющего заимствования, прямое включение (*direct insertion*) нового глагола и редкий случай заимствования системы спряжения целиком, включение парадигмы (*paradigm insertion*), возможный, в частности, в смешанных языках.

Данная классификация, безусловно, необычайно важна для типологии, однако нуждается в дальнейшем обсуждении. Анализ конкретных языков показывает, что не все случаи попадают в эту классификацию или относятся только к одной стратегии. Следует учитывать и другие функции средств адаптации: например, грузинская приставка *da-* в основном используется как средство непрямого включения заимствованных глаголов, однако не является обязательной и выражает временные и аспектуальные значения [Amiridze 2018]. Выделение включения парадигмы в качестве отдельной стратегии, равноправной с заимствованием при помощи особого адаптационного суффикса, может вызвать сомнения, поскольку она встречается крайне редко и характерна только или преимущественно для смешанных языков, представляющих собой достаточно специфический результат языковых контактов (о том, какие языки относят к смешанным (*mixed language*), см. [Bakker, Mous 1994]).

Не прямое включение предполагает различные способы оформления, по крайней мере в языках с богатой словообразовательной системой. Я. Вольгемут выделяет разные случаи в зависимости от оформления вербализатором или каузативирующим аффиксом [Wohlgemuth 2009: 94—101]. Как будет показано ниже, использование разных аффиксов может как зависеть, так и не зависеть от свойств лексемы в языке-источнике: аргументной структуры, частеречной принадлежности и т. д. Анализ влияния синтаксических и морфологических характеристик заимствованного глагола в рамках ограниченной группы родственных языков, контактирующих с разноструктурными языками, может дать новые данные для типологии глагольных заимствований.

Для подхода Я. Вольгемута, следующего классификации Э. Моравчик ([Moravcsik 1975; цит. по [Wohlgemuth 2009]), важно, что эти модели отражают бóльшую или меньшую степень интеграции, т. е. включенности заимствованного элемента в грамматику языка-реципиента. Использование вспомогательного глагола относится к случаям наименьшей интеграции иноязычного материала, следующая точка континуума — не прямое включение, а затем прямое включение и включение всей парадигмы [Wohlgemuth 2009]. Однако выбор той или иной стратегии может быть обусловлен не только степенью интеграции, но и другими факторами, такими как структурные свойства контактирующих языков (как языка-источника, так и языка-реципиента, адаптирующего заимствованные элементы) или распространенность модели в ареале.

¹ Я благодарю анонимных рецензентов журнала и А. Ракоша за комментарии к черновой версии статьи.

² Если говорить собственно о частотности, то, по мнению Т. А. Архангельского, результат может быть связан с методикой подсчета (принятой, в частности, в [Tadmor et al. 2010]): имена легче включаются в словарь и быстрее уходят из него, т. е. на синхронном уровне мы увидим больше заимствованных существительных, но не обязательно так будет в исторической перспективе [Архангельский 2019].

Монгольские языки представляют чрезвычайно интересный материал для наблюдений с этой точки зрения, поскольку являются достаточно близкими между собой идиомами, контактирующими с разноструктурными языками (бурятский и калмыцкий с русским, монгольский Внутренней Монголии с китайским, баоаньский, дунсянский и др. с тибетским и китайским). Они расположены на достаточно большой территории и в зонах контактов с разными языками образуют микроареалы. Монгольские языки относятся к числу языков с развитой морфологией, тогда как языки, контактирующие с монгольскими, устроены по-разному. Говорящий, желающий включить в речь на монгольском языке русский глагол, должен определить, как выразить видо-временные значения — оставить русские показатели, обладающие другой грамматической семантикой и набором контекстов употребления, продублировать, т. е., например, к форме прошедшего времени добавить еще и монгольский показатель, или использовать только монгольские показатели. Однако процесс заимствования из языков без морфологических показателей, например из китайского в монгольские, устроен иначе.

За исключением анклавов — могольского в Афганистане и ойратского в Кыргызстане — монгольские языки расположены на территории Монголии, КНР (Внутренняя Монголия, Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, Ганьсу-Цинхайский регион) и Российской Федерации (Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Калмыкия, Республика Тыва). При этом условия, набор и количество контактирующих идиомов существенно различаются, и можно выделить несколько ареалов с разными наборами контактирующих языков и плотностью этих контактов. Калмыцкий значительно выдается в европейскую часть Евразии и после XVII в. не имел контактов с другими монгольскими языками, но находился под влиянием русского. Для широнгольских языков (баоаньского, дунсянского, канцзя, монгорского) в Ганьсу-Цинхайском регионе исследователи постулируют развитие языкового союза [Janhunen 2012] с взаимным влиянием монгольских, китайских и тюркских языков, а также значимой ролью тибетского [Sandman, Simon 2016]. Помимо очевидного влияния государственных языков (стандартного халха-монгольского, китайского и русского), важны контакты с другими идиомами, например хамниганского с эвенкийским, ширя-уйгурского с тюркскими языками. Среди предположительно заимствованных лексем значительное число составляют заимствования из других монгольских языков (включая междиалектные, приводящие, в частности, к образованию дублетов в монгорском/мангуэрском [Nutgeren 2011: 51]), а также заимствования из тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Среди исследователей во многих случаях нет консенсуса по поводу того, считать ли подобные элементы заимствованиями или когнатами. При любой трактовке речь идет о единицах, структурно близких языку-реципиенту и легко встраивающихся в новый язык, поэтому они не требуют специальных грамматических средств адаптации.

Данная статья рассматривает, как монгольские языки интегрируют глаголы со значительно отличающимися грамматическими свойствами. Для этого привлекаются только очевидные и/или недавние заимствования из языков с иной морфологической структурой. Прежде всего, в центре внимания будут русские и отчасти английские заимствования в центральномонгольские языки (калмыцкий, бурятский, халха-монгольский), китайские глаголы, заимствованные в южномонгольские языки, а также отдельные арабские и тибетские заимствования. В центре внимания находятся заимствованные лексемы, являющиеся глаголами в обоих языках, однако в некоторых случаях будет оговариваться неочевидная частеречная принадлежность лексемы в языке-источнике (например, в китайском или английском) или будут привлекаться для сравнения глаголы, образованные от заимствованной именной основы. В задачи исследования, помимо описания стратегий, используемых в монгольских языках, входит анализ распределения этих стратегий в зависимости от языка-источника или ареала.

Ю. Янхунен разделяет монгольские языки на центральные (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий/ойратский, хамниганский, хорчинский, ордосский), южные (ширя-уйгурский, баоаньский, дунсянский, монгорский хуцзу и минхэ) и языки, образующие отдельные подгруппы, дагурский и могольский [Janhunen 2006: 232]. В данной статье рассматриваются современные центральные и южные монгольские идиомы.

Статья основана на данных устных текстов (авторского корпуса устных текстов, записанных в разные годы в Республике Калмыкия), письменных корпусов калмыцкого, бурятского и халха-монгольского языков, а также примеров из Интернета. Данные об идиомах, для которых не разработаны корпуса, собирались по грамматическим описаниям³. Неизбежным ограничением такого подхода становятся не вполне сопоставимые данные: для некоторых идиомов представлено достаточно материалов, позволяющих судить о функционировании заимствованных элементов в текстах, тогда как для других доступны только отдельные упоминания и единичные примеры в очерках грамматики. Однако в данном случае

³ Данные из корпусов или интернет-запросов приводятся в орфографии источника, глоссирование и перевод мои; примеры из грамматик — в транскрипции их авторов с унификацией глосс (см. список сокращений).

кажется возможным пренебречь сбалансированностью данных, чтобы попробовать предварительно описать и модели, свойственные разным монгольским языкам, и соотношение разных стратегий.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 будут рассмотрены немногочисленные в монгольских языках случаи прямого включения, в разделе 3 — варианты непрямого включения, раздел 4 посвящен анализу конструкций с легким глаголом, в разделе 5 разные стратегии адаптации заимствованных глаголов в монгольских языках представлены в виде таблицы, и раздел 6 содержит некоторые общие результаты исследования.

2. Прямое включение

К этой стратегии относится присоединение монгольских грамматических аффиксов к иноязычным глаголам. Это относительно редкий среди монгольских языков способ оформления заимствований (хотя в языках мира он оказывается наиболее распространенным [Wohlgemuth 2009: 146—151]). Хамниганский язык в Западной Монголии демонстрирует эту стратегию, причем сравнение примеров (1) и (2) показывает, что глагол может использоваться как с монгольскими показателями, так и без них.

- (1) *Bid piiwo uu-na, vvtka uu-na, tancewaaj-na, doo dool-na* [Грунтов, Мазо 2015: 176]
мы пиво пить-PRS водка пить-PRS танцевать-PRS песня петь-PRS
'Мы будем пить пиво, пить водку, танцевать и петь песни'.
- (2) *Araxi uu-na, naad-na, taanca-l-na, tancewaai* [Грунтов, Мазо 2015: 177]
водка пить-PRS играть-PRS танец-VBLZ-PRS танцевать
'Пьем водку, играем, танцуем'.

Не вполне ясно, в какой форме заимствуются русские глаголы в хамниганском. Приведенные формы *tancewaaj-na/tancewaai* [Грунтов, Мазо 2015: 176—177] могут быть интерпретированы как заимствования нестандартной формы императива в неимперативном значении или основы инфинитива с добавлением *-j*. Возможно, что форма связана со старожильческими русскими говорами Забайкалья, с носителями которых контактировали носители хамниганского.

Монгольский Внутренней Монголии (восточная часть) допускает прямое включение китайских глаголов (наряду с другими моделями, см. ниже). В примерах (3) и (4) к китайскому глаголу *kāi* (开) 'начинать, открывать' добавляется аффикс имперфективного деепричастия *-zu*, а к китайским глаголам *dào* (到) 'приезжать' и *zhǔnbèi* (准备) 'приготовить(ся)' — аффикс причастия *-san*.

- (3) *yaodian kai-ju baina siu* [Yi Liqi 2010], цит. по [Kobayashi 2015: 234]
аптека бежать-CVB.IPFV быть-PRS Q
'Он(а) бежит в аптеку'.
- (4) *Tere doo-san!* [Schatz 2009: 95]
3SG приезжать-PC.PST
'Он приезжает!'
- (5) *Ĉi sayiqan junbe-sen uu?* [Schatz 2009: 95]
2SG хорошо приготовить-PC.PST Q
'Ты хорошо подготовился?'

3. Непрямое включение

В данном разделе рассматриваются случаи, относящиеся к непрямо́му включению. Монгольские языки демонстрируют значительное разнообразие внутри этого типа как в наборе аффиксов, так и в форме заимствованного глагола, к которой присоединяется монгольский показатель.

3.1. Набор аффиксов для адаптации глагольных заимствований в монгольских языках

В одном идиоме часто одновременно представлены несколько аффиксов, вводящих глагольные заимствования. В халха-монгольском можно отметить аффиксы *-l/-la-* с переходными глаголами, *-d-* с непереходными, а также *-š-* и *-š-UUL-*, сочетающиеся как с переходными, так и с непереходными. Однако в устной речи аффикс *-la-* используется и с непереходными глаголами: *болтать* > *болталах* [Бат-Эрдээнэ 2014: 133].

Степень продуктивности сходных аффиксов достаточно сильно варьируется между разными монгольскими языками. В бурятском аффикс *-la-* чрезвычайно продуктивен, тогда как в калмыцком модель оформления заимствованных глаголов аффиксами является периферийной и находятся единичные примеры: *горидлх* от русского слова ‘угореть’, *командлх* от русского ‘командовать’ и некоторые др. [Шурунова 2004: 12].

В монгорском (мангуэрском, минхэ, Mangghuer) отмечены два аффикса для заимствованных глаголов *-lie* и *-luo*, правда, их распределение автор не рассматривает [Slater 2003: 330]. В монгорском/монгульском (хуцзу, Mongghul) китайские заимствованные глаголы должны обязательно иметь деривационные аффиксы *-ki* или *-la* [Faehndrich 2007: 231].

- (6) *bei dʒa dʒenmin-la-di-dʒ-a be:* [Faehndrich 2007: 232]
сто семей доказать-VBLZ-COMPL-PERF-OBJ PTCL
‘Много семей доказало (это) (что возможно разбогатеть)’.

По некоторым данным, в монгольском Внутренней Монголии, кроме прямого присоединения монгольских аффиксов к китайскому глаголу, отмечены примеры оформления заимствованного слова аффиксом *-te* [Yi Liqi 2010], цит. по [Kobayashi 2015: 235], однако они не дают точной картины того, как используется аффикс и совпадает ли он, например, с адъективатором *-ta/te*.

3.2. Вербализаторы как способ адаптации заимствований

Аффикс, оформляющий глагольные заимствования, часто является вербализатором, образующим глаголы от исконных имен. В баоаньском аффикс *-kə*, присоединяясь к именам, образует глаголы: от существительного *nohkor* ‘друг’ с помощью аффикса *-kə* образуется глагол ‘помогать’, от *wela* ‘работа’ — глагол со значением ‘строить’. Этот же вербализирующий аффикс *-kə* присоединяется к заимствованным глаголам независимо от их статуса в языке-источнике [Fried 2010: 99—100]. В примере (7) слово *ɕuan* из кит. 选 *xiǎn* ‘выбирать’, будучи изначально глаголом, тем не менее сопровождается вербализатором *kə-*.

- (7) *su lotʂʰa=nə loʂi=la mǝnda ɕuan-kə-teə=tɕo* [Fried 2010: 100]
так школа-ACC учитель-PL 1SG.ACC выбирать-VBLZ-PERF-QUOT.IPF.OBJ
‘Так что школьные учителя выбрали меня, (сказал он)’.

Вербализатор *-la*, образующий от имен глаголы, широко представлен в тюркских и в тунгусо-маньчжурских языках и, в зависимости от точки зрения исследователей, рассматривается как часть общего фонда показателей в тюркских и монгольских или как материальное заимствование тюркского суффикса в монгольские, например, на карте заимствованных аффиксов [Seifart 2013].

3.3. Тип основы, к которой присоединяется аффикс

Этот параметр зависит, разумеется, от типа контактирующих языков: для заимствований из русского языка важен вопрос о производящей основе, не существенный для китайских заимствований. В бурятском заимствуется основа инфинитива и оформляется с помощью аффикса *-la*: *танцевать* > *тансаваа-л-ха*, *кутить* > *кутии-ла-хэ* [Бертагаев 1974: 243]. Однако в диалекте западных бурят глаголы заимствуются в форме инфинитива целиком, вместе с аффиксом *-ть*, который перед вербализирующим аффиксом *-la* переходит в *d*: *создавать* > *саздавад-ла-ха*, *решать* > *ришад-ла-ха*, *хотеть* > *хатеэд-лэ-хэ*, *учить* > *учиид-ла-ха*, *думать* > *дуумад-ла-ха* [Бертагаев 1974: 243]. Приведенные примеры показывают, что заимствованные глаголы могут включаться в системы чередований по гармонии гласных (*хатеэд-лэ-хэ*). Список итоговых бурятских форм в книге [Бертагаев 1974] дает основания предполагать, что русские глаголы заимствуются в форме несовершенного вида и среди них нет возвратных глаголов на *-ся*.

4. Оформление вспомогательным глаголом

Ядром этой стратегии (включение легкого глагола) является оформление глагола вспомогательным глаголом ‘делать’. В монгольских языках в рамках одноязычной грамматики такие сочетания невозможны, т. е. ‘делать’ не относится к числу вспомогательных глаголов, образующих сложные глаголы, однако при заимствовании или переключении кодов это становится возможным⁴. Ниже рассмот-

⁴ П. Мейскен отмечает, что включение глаголов из другого языка с помощью глагола ‘делать’ из матричного языка типологически частотно, а переключение кодов часто приводит к инновациям и появлению структур, отсутствовавших в обоих контактирующих языках [Muysken 2000: 253—259].

рены сочетания заимствованных глаголов со вспомогательным глаголом ‘делать’, оформление заимствованных именных основ глаголом ‘делать’ и другие вспомогательные глаголы, вводящие заимствованные глаголы в разных монгольских языках.

4.1. Вспомогательный глагол ‘делать’ с заимствованными глаголами

В калмыцком языке, прежде всего в устной речи, русский глагол заимствуется в форме инфинитива и сочетается с финитными и нефинитными формами глагола *ke-* ‘делать’.

- (8) *все снохи ir-äd* *ükr-in* *deežə* *масло*
 придти-СВБ.АНТ корова-ГЕН первая.чашка
ав-č *ir-xov* *топить ke-xov*
 брат-СВБ.ИПФВ придти-РС.ФУТ.СОП делать-РС.ФУТ.СОП
 ‘(Когда бабки болеют,) все снохи приходят, приносят коровье подношение (из первой порции), масло, топят его’.
- (9) *В сорок третьем basə dän-äsə* *снимать ke-вäd,* *охрэн-de* *ködəl-dəg* *bäə-žə*
 тоже война-ABL делать-СВБ.АНТ охрана-DAT работать-РС.НАВ быть-EVD
 ‘В сорок третьем году (его) тоже сняли с войны, (он) работал в охране’.
- (10) *Раньше oda küük-t-igə eke eck-in’ kel-xlä*
 сейчас ребенок-ПЛ-АСС мать отец-АСС.Р.3 говорить-СВБ.СУЦ
küštä *исполнять ke-dəg* *bilä*
 сильный делать-РС.НАВ быть.REM
 ‘Раньше, когда детям родители давали напутствие, выполняли’.

Среди оформленных по этой модели русских глаголов в корпусе устных текстов преобладают такие, которые имеют соответствия в калмыцком: *хээлх* ‘топить’, например *өөк хээлх* ‘топить жир’, *һарһх* ‘снимать, выставлять’, *малтх* ‘копать’. Тем самым, их можно определить скорее как *nonce-borrowing*, чем как заимствования с новой семантикой. В корпусе письменных текстов эта модель встречается главным образом с такими глаголами, у которых нет исконных калмыцких соответствий: *страховать ke-*, *конфисковать ke-*.

Русские глаголы включаются в форме инфинитива; при этом приставочные глаголы совершенного вида обычно заимствуются без приставки⁵. Перфективность и имперфективность передает форма глагола ‘делать’, как выше в примере (9) с глаголом ‘снимать’.

- (11) *Körä* *вазэр* *копать ke-вäd,* *orša-vudn* *img-igə*
 мерзлый земля делать-СВБ.АНТ погребать-1PL 3SG-АСС
 ‘Мерзлую землю вскопали, ее похоронили’

Калмыцкий вспомогательный глагол ‘делать’ несет все грамматические показатели и непосредственно примыкает к заимствованному инфинитиву, между ними не может быть никаких других полных или служебных слов. Инфинитив со вспомогательным глаголом ведет себя как сложный глагол, например целиком встраивается в конструкцию отрицательного императива, как в примере (12), где возможна замена на **обижать bichä ke-*.

- (12) *Ek-im* *bichä* *обижать ke-Ø*
 мать-Р.1SG NEG.ИМП делать-ИМП
 ‘Маму мою не обижай!’

Постфикс *-ся* (в разных значениях), наоборот, в инфинитиве не усекается, а в калмыцком глаголе *ke-* ‘делать’ нет показателей актантной деривации⁶ (примеры из [Баранова 2015: 13]):

- (13) *gem-än* *sur-ad* *извиняться ke-nä-v*
 болезнь-Р.РЕФЛ просить-СВБ.АНТ делать-PRS-1SG
 ‘Прошу извинить мой проступок, извиняюсь’.

⁵ По такой же модели заимствуются русские инфинитивы с глаголом *tu-* ‘делать’ в чувашском языке (и, возможно, в других тюркских языках). Существующая там модель непрямого включения с вербализатором *-la* оформляет приставочный глагол.

⁶ Каузативный показатель в ряде примеров сохраняется, но в калмыцком он значительно лексикализован.

- (14) *tegäd däkäd xojurn мириться ke-və-vidən*
 потом еще вдвоем делать-PST-1PL
 ‘Потом уже помирились вдвоем’.

В примере (13) на *ke-* нет (факультативного) показателя пассива *-gdə*, а в (14) — более обязательного в данном контексте показателя реципрока *-ldə*. Интересно сравнить такое оформление с заимствованием русского инфинитива с легким глаголом ‘делать’ в бесермянском удмуртском, где русский инфинитив также сохраняет *-ся*, однако в удмуртском глаголе *kar-* ‘делать’ могут быть морфологические показатели детранзитивации [Arkhangelskiy, Usacheva 2017].

Кроме калмыцкого, модель со вспомогательным глаголом ‘делать’ широко представлена в монгольских диалектах Внутренней Монголии, наряду с прямым включением иноязычного глагола (и, возможно, непрямым включением с помощью аффикса, см. Раздел 3). По данным [Yi Liqi 2010], цит. по [Kobayashi 2015: 235], модель с легким глаголом может заменять прямое включение, ср. (15a) и (15b) в монгольском Внутренней Монголии.

- (15) a. *tere basa yapon-du liuxue-jü bai-na uu?*
 3SG тоже Япония-LOC учиться.за.границей-CVB.IPFV быть-PRS Q
 b. *tere basa yapon-du liuxue ki-jü bai-na uu?*
 3SG тоже Япония-LOC учиться.за.границей делать-CVB.IPFV быть-PRS Q
 ‘Он тоже едет учиться в Японию?’

Важно отметить, что языки, не использующие регулярно модель с глаголом ‘делать’, могут содержать окказиональные или относительно частотные примеры такой адаптации, в частности для лексем из определенного языка-источника. Например, в халхасском заимствованные глаголы в основном оформляются деривационными аффиксами, но модель со вспомогательным глаголом тоже используется для (спонтанного) включения английских глаголов на форумах и в устной речи.

- (16) *Манай залуу-с ажил-д оро-хын тулд*
 1PL-GEN парень-PL работа-DAT входить-PC.FUT-GEN для
хэдэх⁷ газар анлай хий-дэг бол? (Twitter)
 сколько земля делать-PC.HAV Q
 ‘Во сколько мест наши ребята подают заявления, чтобы получить работу?’

4.2. Глагол ‘делать’ для включения иноязычных имен

В языках, в которых отмечена модель с легким глаголом, встречается также возможность введения иноязычных имен с помощью глагола ‘делать’. В корпусе письменных текстов на калмыцком языке сравнительно мало примеров оформления русских инфинитивов с помощью вспомогательного глагола *ke-* ‘делать’ (всего 4 употребления), но оно регулярно применяется к заимствованным существительным (68 употреблений); в устной речи такие примеры тоже встречаются (хотя в корпусе преобладают сочетания с инфинитивом, см. 4.1).

- (17) *хоjr — qurvən операц ke-lv-čk-u*
 два три делать-CAUS-COMPL-PST[1SG]
 ‘Я перенесла 2-3 операции.’

Заимствованные существительные с глаголом ‘делать’ встречаются в халха (18) и бурятском (19):

- (18) *Манай хуудс-ыг лайк хий-сэн бүх хүмүүс-тээ баярла-лаа!* (Facebook)
 наша страница-ACC делать-PC.PST все люди-DAT быть.благодарным-PST
 ‘Спасибо всем за поставленные лайки на нашей странице!’
- (19) *Мүнгэнэйн-гөө ханза нээ-жэ, үдэшэ Дэлэгэй үгэ-һэн*
 денежный-GEN.REFL сундук открывать-CVB.IPFV вечер (имя) слово-GEN
расписка хэ-жэ орхи-бо. <БК 2014>
 делать-CVB.IPFV оставлять-PST

‘Открыв сундук для денег, подписал расписку, данную Дэлэгом’.

В дунсянском глагол *kie-* ‘делать’ сочетается с арабскими существительными и образует глаголы: ‘*atinə sonloŋlo kie* ‘быть удовлетворенным’ [Shuanglong 2018].

⁷ Вариант написания *хэдэн* ‘сколько’ или опечатка.

4.3. Глагол ‘говорить’, оформляющий заимствования

В баоанском и, возможно, в других монгольских языках языкового союза Амдо отмечено оформление заимствованных глаголов вспомогательным глаголом ‘говорить’. Однако не совсем ясно, идет ли речь именно об особой модели со вспомогательным глаголом ‘говорить’ или это глагол ‘делать’, так как в этих идиомах они совпали в одной форме (в монгольском *ge-* ‘говорить’ vs. *xii-* ‘делать’, в калмыцком *gi-* и *ke-* соответственно). К. Слейтер, а вслед за ним Р. Фрид переводят глагол *kie-* как ‘говорить’, однако в их материалах нет примеров глагола ‘делать’ [Slater 2003; Fried 2010].

- (20) *Nughuai-ni diantou ge-lang ma* (от кит. гл. *diantou* 点头 ‘кивать’ [Slater 2003: 302])
 собака-р.3 кивать делать/говорить-OBJ:IPFV PTCL
 ‘Его собака кивнула’.

Можно говорить о звуковом совпадении двух единиц (об омонимии на синхронном уровне), однако сопоставление этих данных с бурятскими, халхасскими и калмыцкими материалами дает основание считать, что, возможно, глагол ‘говорить’ в монгольских языках может выполнять функцию адаптации заимствований. В частности, в монгольском роль основного глагола в сочетаниях со звукоподражаниями и идеофонами выполняет преимущественно глагол *xii-* ‘делать’, но в бурятском и в калмыцком ему в этих контекстах соответствуют сочетания с *gexe/gix* ‘говорить’, например монг. *хялам хийх*, *хялс-хийх*, бур. *хилам гэхэ* ‘сверкнуть глазами, косо взглянув; бросить взгляд; мельком взглянуть’ [Бертагаев 1974: 264], калм. *гилс-гилс гиж халэх* ‘смотреть потупившись, исподлобья’. Возможно, что у *ge-/gi-* развилось значение, дублирующее вспомогательный глагол ‘делать’, поскольку он используется в контекстах, не предполагающих звукового сопровождения: *гэхэс хийх* ‘поклониться, резко кивнуть’, бур. *гэхэд гэхэ* в том же значении [Бертагаев 1974: 263], калм. *гекс гүһэд авх* ‘кивнуть’. Дополнительным аргументом может служить использование в калмыцком языке форм грамматикализованного глагола *gi-* ‘говорить’ для включения иноязычных названий и терминов (см. [Баранова 2015]).

4.4. Другие вспомогательные глаголы, вводящие заимствования

Т. А. Бертагаев упоминает, что в западнобурятских диалектах используется глагол *болохо* ‘становиться’ для включения «любого русского глагола без ограничения»: *пицать* > *пицаать болохо*, *создавать* > *сздаваать болохо*, *смеяться* > *сэмеятца болохо* и т. д. [Бертагаев 1974: 243]. К сожалению, данных об этом недостаточно.

В дунсянском языке отмечено включение заимствованного глагола не только с помощью вспомогательного глагола *kie-* ‘делать’, но и с помощью глагола *qolu-* ‘делать, изготавливать’, однако последняя модель иллюстрируется только одним примером с включением заимствованного существительного: *alən qolu* ‘расслабляться’ от арабского *alən* ‘вселенная’ [Shuanglong 2018].

5. Соотношение разных стратегий адаптации заимствованных глаголов

В таблице на с. 15 сведены данные о разных стратегиях адаптации заимствований в монгольских идиомах, рассмотренные в разделах 2—4.

Как видно из таблицы, большинство языков используют более одного варианта включения иноязычных глаголов. Монгольский Внутренней Монголии использует все три типа включения заимствованных глаголов. Кроме того, внутри определенной стратегии также может быть несколько вариантов. Например, халха-монгольский имеет несколько словообразовательных аффиксов для непрямого включения. В бурятском модель со вспомогательным глаголом в принципе периферийна, но кроме глагола *хе-* ‘делать’ в некоторых диалектах встречается *болохо* ‘становиться’.

Чем объясняется выбор конкретной стратегии адаптации глагольных заимствований в тех случаях, когда в языке засвидетельствованы несколько стратегий? Одно объяснение, обсуждавшееся в Разделе 1, связывает выбор стратегии со степенью интеграции заимствования в язык-реципиент [Wohlgemuth 2009; Amiridze 2018]. Монгольские языки с этой точки зрения демонстрируют значительную вариативность. В калмыцкой устной речи вспомогательный глагол вводит русские инфинитивы, дублирующие, по большей части, уже существующие калмыцкие глаголы, т. е. это спонтанные заимствования и слабая степень интеграции. Однако данные других идиомов не подтверждают связь спонтанных заимствований, близких к переключениям кодов, со стратегией оформления вспомогательным глаголом. Бурятский аффикс *-ла*, т. е. не прямое включение, регулярно используется в речи с заимствованными основами или глагольными формами, дублирующими уже существующие и достаточно частотные в бурятском языке исконные формы, например, *думалха*. Единственная группа диалектов (диалекты монгольского языка

Стратегии адаптации глагольных заимствований

	Прямое включение	Непрямое включение	Вспомогательный глагол
калмыцкий	–	редкие случаи с аффиксом <i>-l-</i>	+, прежде всего в устном корпусе
бурятский	–	+	частично: <i>xe-</i> ‘делать’ с именами, <i>boloxo</i> ‘становится’ (в западнобурятских диалектах)
халха-монгольский	–	+ аффиксы <i>-la</i> , <i>-d</i> , <i>-š-</i>	редко <i>xii-</i> ‘делать’
монгольский Внутренней Монголии	+	+ аффикс <i>-te</i> , возможно, связанный с адъективатором <i>-ta/-te</i>	<i>ki-</i> ‘делать’
хамниганский	+	n/a	n/a
монгорский (минхэ)	–	+ аффиксы <i>-lie</i> и <i>-luo</i>	+
хуцзу	–	+ аффиксы <i>-ki</i> и <i>-la</i>	?
баоаньский	–	+ аффикс <i>-ke</i> (вербализатор)	<i>ge-</i> ‘делать, говорить’
дунсянский	–	+	<i>kie-</i> ‘делать’, <i>qolu-</i> ‘делать, изготавливать’

Внутренней Монголии), в которых предположительно есть все три способа, регулярно используют только прямое включение и стратегию с легким глаголом, причем одна и та же лексема может быть оформлена разными способами.

Зоны наиболее интенсивных контактов (таких как контакты бурятского и калмыцкого с русским, монгольского во Внутренней Монголии с китайским, баоаньского, дунсянского и др. монгольских идиомов этого ареала с тибетским и китайским) дают преобладание разных стратегий. Возможно, что выбор той или иной стратегии является отчасти ареальной чертой. Генерализация наиболее распространенной модели оформления заимствований может протекать как контактно-обусловленная грамматикализация и затрагивать несколько идиомов. К сожалению, на данный момент недостаточно данных для картографирования этих особенностей, но можно отметить, что в разных вариантах монгольского языка Внутренней Монголии распространена модель прямого включения, в целом не характерная для монгольских языков. В регионе, относящемся к языковому союзу Амдо, распространены две модели: не-прямая стратегия с вербализатором и модель с легким глаголом. Таков, например, дунсянский — язык с интенсивными контактами [Lefort 2017], см. обсуждавшиеся выше примеры из [Shuanglong 2018]. Обе модели отмечены в тюркских языках (включая уйгурский), а аффикс с когнатом *-la* может быть интерпретирован как тюркское заимствование или общий элемент.

Во введении упоминалась дискуссия о том, что в языках мира глаголы заимствуются реже, чем имена. Анализ данных конкретных языков, особенно родственных, показывает, что можно взглянуть на вопрос о заимствовании имен и глаголов и с другой точки зрения: насколько для конкретных языков релевантно разделение заимствованных основ на именные и глагольные? Во многих монгольских языках существует модель заимствования с присоединением аффикса *-la*, представляющего собой вербализатор — аффикс, образующий новые глаголы от исконных существительных. Этот аффикс также образует глаголы от заимствованных имен и оформляет заимствованные глаголы. Более того, при использовании этой модели не всегда очевидно, произведено ли слово от русского существительного или от русского же глагола. Например, в калмыцком глагол *командлх* ‘командовать’ принято интерпретировать как производное от русского глагола *командовать* [Шурунгова 2004], однако нет никаких формальных оснований не считать его производным от существительного *команда* (ср. образованные от заимствованных имен калмыцкие глаголы *паарлх* ‘ходить парами’, *мишклх* ‘укладывать в мешок’). В разные монгольские языки из одного языка-источника могли заимствоваться существительное и глагол с одним и тем же значением: например, монг. *маневрлах*, бур. *маневривалхэ* ‘маневрировать’ от заимствованного существительного *маневр* и от глагольной основы *маневривова-(ть)* соответственно. С помощью вспомогательного глагола ‘делать’ в калмыцкий язык включаются как инфинитивы русских глаголов, так и русские существительные (превращаясь в составные глаголы).

Таким образом, можно задаться вопросом о том, насколько для конкретных языков важна частеречная принадлежность заимствованного слова. В случае с языками вроде китайского свойства имени и глагола различаются мало. Если во многих языках обновление словаря в целом связано с появлением новых предметов и понятий, т. е. новые имена заимствуются чаще, чем глаголы, то некоторые языки «по умолчанию» трактуют все иноязычные основы как «квазиимена» и прибавляют к ним аффикс, образующий глаголы от исконных имен.

6. Заключение

В статье были рассмотрены модели адаптации глагольных заимствований в разных монгольских языках. Модель прямого включения не слишком частотна в монгольских языках, тогда как непрямоe включение и стратегия со вспомогательным глаголом встречаются чаще и примерно в равной степени. Почти все языки используют более одного варианта включения иноязычных глаголов, но в пределах конкретного языка какой-то вариант является более распространенным. Например, халха-монгольский преимущественно использует непрямоe включение и реже — модель с легким глаголом *xii-* 'делать'. Иногда можно проследить тяготение одной модели к определенному языку-донору (например, русские глаголы заимствуются в монгольские языки с помощью аффикса, а английские могут сочетаться с легким глаголом). Видимо, в какой-то момент наиболее частотная модель генерализуется и распространяется на весь языковой материал.

Другой аспект принцип выбора конкретной стратегии, возможно, объединяет в ареальные кластеры разные монгольские языки (и другие языки контактных ареалов). Это направление только намечено в данной работе и ждет дальнейшего исследования.

Сокращения

Языки

бур. — бурятский
 калм. — калмыцкий
 монг. — халха-монгольский
 кит. — китайский

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	LOC — местный падеж
ABL — исходный падеж	NEG.IMP — прохитив
ACC — винительный падеж	OBJ — объектный показатель
CAUS — каузатив	P — посессив
COMPL — комплетив	PC — причастие
COP — связка	PERF — перфектив
CVB — деепричастие	PL — множественное число
CVB.ANT — перфективное («разделительное») деепричастие	PRS — настоящее время
CVB.IPF — имперфективное («соединительное») деепричастие	PST — прошедшее время
CVB.SUCC — условное деепричастие	PTCL — частица
FUT — будущее время	Q — вопросительная частица
DAT — дательный падеж	QUOT — цитатив, показатель косвенной речи
EVD — эвиденциальность	REFL — возвратное склонение
GEN — родительный падеж	REM — давнопрошедшее время
IMP — императив	SG — единственное число
IPFV — имперфектив	VBLZ — вербализатор
NAV — хабитуалис	

Источники

БК 2014 — Бурятский корпус // http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru, 2014. {Buryat corpus // <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>, 2014.}

Литература

Архангельский 2019 — Архангельский Т. А. Действительно ли глаголы сложно заимствовать? Доклад на XVI Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (21—23 ноября 2019 г.). Санкт-Петербург, 2019. (рукопись) {*Arkhangelskiy T. A. Are verbs really that hard to borrow? 16th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. (November 21—23, 2019). Saint Petersburg, 2019.*}

Баранова 2015 — *Баранова В. В.* Переключение кодов и заимствования как чужая речь: маркирование русских элементов в калмыцком языке // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 7—17. {*Baranova V. V.* Code-switching and borrowings as a reported speech: marking of the Russian elements in Kalmyk // *Ural-Altaic Studies*. 2015, 3 (18). P. 7—17.}

Бат-Эрдээнэ 2014 — *Бат-Эрдээнэ С.* Фонетико-морфологическое освоение русизмов в монгольских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bat-Erdenee S.* Phonetic and morphological adaptation of Russian loanwords in Mongolic. PhD thesis. Moscow, 2014.}

Бертагаев 1974 — *Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М., 1974. {*Bertagaev T. A.* Vocabulary of modern Mongolic standard languages based on Mongolian and Buryat. Moscow, 1974.}

Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. М.* Русские заимствования в монгольском хамниганском // Ред. *Г. Ц. Пюрбеев.* Российско-монгольский лингвистический сборник. М., 2015. С. 153—164. {*Gruntov I. A., Mazo O. M.* Russian borrowings in Mongolian Khamnigan // *Russian and Mongolian collected papers in Linguistics*. Moscow, 2015. P. 153—164. }

Шурунгова 2004 — *Шурунгова Б. А.* Русские заимствования в калмыцком языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. Рукопись. {*Shurungova B. A.* Russian borrowings in Kalmyk. PhD thesis. Elista, 2004. Manuscript.}

Amiridze 2018 — *Amiridze N.* Accommodating loan verbs in Georgian: Observations and questions // *Journal of Pragmatics*. 2018, 133. P. 150—161.

Arkhangelskiy, Usacheva 2017 — *Arkhangelskiy T. A., Usacheva M. N.* Spontaneous Russian verbal borrowings in Udmurt. Presentation at Contact-Driven Multilingual Practices, University of Helsinki, 1st of June 2017 (ms).

Bakker, Mous 1994 — *Bakker P., Mous M.* Introduction // Eds. *Bakker P., Mous M.* Mixed languages. 15 case studies in language intertwining. Amsterdam, 1994. P. 1—11.

Faehndrich 2007 — *Faehndrich B. M.* Sketch Grammar of the Karlong Variety of Mongghul, and Dialectal Survey of Mongghul. Doctoral Dissertation. Manoa, 2007.

Fried 2010 — *Fried R. W.* A grammar of Bao'an Tu, a Mongolic language of northwest China. Doctoral dissertation. Buffalo, NY, 2010.

Gardani et al. 2015 — *Gardani F., Arkadiev P., Amiridze N.* Borrowed morphology: An overview // Eds. *Gardani F., Arkadiev P., Amiridze N.* Borrowed morphology. Berlin, 2015. P. 1—23.

Janhunen 2006 — *Janhunen J.* Mongolic languages // Ed. *Brown K.* The encyclopedia of language & linguistics. Amsterdam, 2006. P. 231—234.

Janhunen 2012 — *Janhunen J.* On the hierarchy of structural convergence in the Amdo Sprachbund // Eds. *Suihkonen P., Comrie B., Solovyev V.* Argument structure and grammatical relations: A crosslinguistic typology. Amsterdam, 2012. P. 126—177.

Kobayashi 2015 — *Kobayashi Y.* Changes in spoken Mongolian in Inner Mongolia caused by language contact with Chinese // *Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* Т. XI. Ч. 1. Исследования по монгольским языкам. СПб., 2015. С. 233—240.

Lefort 2017 — *Lefort J.* Contact-induced change in the Dongxiang language // *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*. 2017, 46 (2). P. 174—193.

Moravcsik 1975 — *Moravcsik E.* Borrowed verbs // *Wiener Linguistische Gazette*. 1975, 8. P. 3—30.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge, 2000.

Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Utrecht, 2011.

Poplack 2018 — *Poplack S.* Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar. NY, 2018.

Poplack et al. 1988 — *Poplack S., Sankoff D., Miller C.* The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics*. 1988, 26 (1). P. 47—104.

Sandman, Simon 2016 — *Sandman E., Simon C.* Tibetan as a “model language” in the Amdo Sprachbund: evidence from Salar and Wutun // *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2016, 3 (1). P. 85—122.

Schatz 2009 — *Schatz M.* The creation of Sinism: Mongolian-Chinese language contact in Inner Mongolia // Eds. *Otsuka H., Stroh C., Urdze A.* More Morphologies. Contributions to the Festival of Languages, Bremen, 17 Sep to 7 Oct, 2009 (*Diversitas Linguarum* 35). Bochum, 2009. P. 89—99.

Seifart 2013 — *Seifart F.* AfBo: A world-wide survey of affix borrowing. Leipzig, 2013. (Available online at <http://afbo.info>)

Seifart 2019 — *Seifart F.* Contact-induced change // Eds. *Darquennes J., Salmons J., Vandenbussche W.* Language Contact. An International Handbook (*Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK)* 45/1). Berlin, 2019. P. 13—23.

Shuanglong 2018 — *Shuanglong J.* On hybrid words of Dongxiang language. Paper presented at 3rd international conference of Mongolic linguistics (ML2018). Baarin Left Banner, Inner Mongolia, 2018.7.29 — 2018.08.01. Ms.

Slater 2003 — *Slater K. W.* A Grammar of Mangghuer: a Mongolic language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund. London — NY, 2003.

Tadmor 2009 — *Tadmor U.* Loanwords in the world's languages: Findings and results // Eds. *Haspelmath M., Tadmor U.* Loanwords in the world's languages: A comparative handbook. Berlin, 2009. P. 55—75.

Tadmor et al. 2010 — *Tadmor U., Haspelmath M., Taylor B.* Borrowability and the notion of basic vocabulary // *Diachronica*. 2010, 27 (2). P. 226—246.

Wichmann, Wohlgemuth 2008 — *Wichmann S., Wohlgemuth J.* Loan verbs in a typological perspective // Eds. *Stolz T., Bakker D., Palomo R. S.* Aspects of Language Contact. Berlin — NY, 2008. P. 89—121.

Wohlgemuth 2009 — *Wohlgemuth J.* A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, 2009.

Yi Liqi 2010 — *Yi Liqi.* Mongorugo ni okeru Kango shakuyō yōso ni motodzuku dōshi kēsē // Chiba daigaku jinbun shakai kagaku kenkyū. 2010, 21. P. 299—319. {*Yi Liqi.* Mongolian Verb Formation Based on Chinese Loanwords // Studies on Humanities and Social Sciences of Chiba University. 2010, 21. P. 299—319.}

К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются глагольные морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

Описание морфологических особенностей в статье основано на проведенном ранее анализе графической и фонетической систем перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом основным методом исследования является сопоставление языкового материала памятника с данными современного литературного удмуртского языка и его диалектов.

В работе подробно рассматриваются категории наклонения, времени и залога, характерные для современного удмуртского языка, а также неспрягаемые формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие. В результате анализа в памятнике нами был выявлен ряд особенностей, характеризующихся употреблением маркеров с *ы*-овыми огласовками в соответствии с *и*-овыми в литературном языке и южноудмуртских диалектах в формах возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения. Все *ы*-овые варианты оказались архаичными по своему происхождению, а *и*-овые объясняются переходом первоначального *ы* в *и* перед палатальным согласным. В переводе «Закона Божия» нам удалось выявить лишь один маркер инновационного характера — показатель деепричастия *-чѣзь (-тчозя-)*.

Таким образом, анализ показал, что глагольная морфологическая система памятника имеет архаичный характер.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, глагольная морфология

THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF “GOD’S LAW” (1912) INTO UDMURT: VERBAL MORPHOLOGY

Maria P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

This article examines the verbal morphologic characteristics of the translation of “God’s Law” into the Udmurt language. The relevance of the study lies in the fact that written monuments are one of the main sources for studying the history of the language, but most of Udmurt written monuments have not yet been examined.

The description of morphological characteristics in the article is based on a previous analysis of the graphic and phonetic systems of the translation of “God’s Law” into Udmurt. The main research method is comparing the linguistic material of the monument with the data of the modern literary Udmurt language and its dialects.

The paper discusses in detail the categories of mood, tense and voice, which are characteristic of the modern Udmurt language, as well as non-conjugated forms of the verb, which include the infinitive, participle, and gerund. As a result of the analysis, in the monument it was discovered that a number of features characterized by the use of markers with the *ы* vowel in accordance with the *и* in the literary language and the South Udmurt dialects in the forms of the reflexive voice, the present tense of the 1st and 2nd persons, the past non-evidential tense of the 3rd person plural, present participles, formed from the verbs of the 1st conjugation. All the *ы* vowel variants turned out to be archaic in origin, and the *и* vowel variations are explained by the change of the original *ы* into *и* before the palatal consonant. In the translation of “God’s Law” only one marker was identified as innovative, this is an indicator of the gerund *-чѣзь (-тчозя-)*.

Thus, the analysis showed that the verbal morphological system of the monument is archaic.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, written sources, verbal morphology

Введение

Данная статья представляет собой продолжение серии работ, посвященных описанию графических, фонетических и морфологических особенностей перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык [Безенова, Кондратьева 2019; Безенова 2020]. В этой работе мы подробно остановимся на особенностях глагольной морфологии памятника. Для этого рассмотрим категории наклонения, времени и залога, характерные для удмуртского языка, а также неспрягаемые (неличные) формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие. Анализ морфологических изоглосс, как и в предыдущих статьях, мы будем проводить методом сопоставления языковых данных перевода «Закона Божия» с материалами литературного языка и современных удмуртских диалектов.

1. Категория наклонения и временные формы

В современном удмуртском языке и большинстве его диалектов выделяют три наклонения¹: изъявительное, условное и повелительное. Все они встретились и в тексте анализируемого памятника.

1.1. Изъявительное наклонение

Основным отличительным признаком глаголов изъявительного наклонения является их способность изменяться по временам. В современном удмуртском литературном языке выделяют восемь временных форм: а) простые: настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное); б) сложные: I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное и прошедшее многократное [УКК 2011: 170]. Большинство этих временных форм представлено и в тексте памятника [Закон Божий].

1.1.1. Настоящее время

Морфологическими показателями утвердительных глагольных форм настоящего времени в современном удмуртском языке являются маркеры: *-исько/-йсько* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 1-м и во 2-м лицах единственного и множественного числа), *-сько* (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 1-м и во 2-м лицах единственного и множественного числа), *-э/-е* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 3-м лице единственного числа), *-о/-ё* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 3-м лице множественного числа), нулевой показатель (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 3-м лице единственного числа), *-ло* (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 3-м лице множественного числа)². При этом суффиксы, примыкающие к глагольным основам в 3-м лице, одновременно указывают на грамматические категории времени, лица и числа. Отрицательные глагольные формы настоящего времени представляют собой аналитические конструкции, состоящие из знаменательного и вспомогательного отрицательного глагола, который изменяется по лицам и числам (подробнее см. [УКК 2011: 170—174]). В таблицах 1 и 2 приведены примеры из текста памятника и их литературные соответствия.

Из приведенных в таблицах 1 и 2 примеров можно видеть, что в тексте памятника [Закон Божий] в глагольных формах настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения, присутствуют некоторые отклонения от современных литературных норм: а) в утвердительных формах 1-го и 2-го лица функционирует маркер *-ысько(-)* в соответствии с литер. *-исько(-)/-йсько(-)*; б) в отрицательных формах 1-го лица употребляется показатель *-ыськ-* в соответствии с литер. *-иськ-*. Такая особенность в целом характерна для говоров северной диалектной зоны, в которую входят северное наречие и часть срединных говоров удмуртского языка. Соответствие *ы* в говорах северной диалектной зоны литературному *и*

¹ В отдельных диалектах удмуртского языка, например в южноудмуртских [Кельмаков 2006: 145], выделяют также желательное наклонение (оптатив), которое представляет собой сочетание препозитивных частиц *мед* 'пусть' или *медаз* 'пусть не' с глаголами в будущем времени. Но в целом вопрос о наличии оптатива в современном удмуртском языке спорен, поскольку у него нет «специальной синтетической формы выражения» [Тараканов 1984: 29], а аналитические формы с частицами *мед*, *медаз* многие ученые рассматривают в рамках повелительного наклонения.

² Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы-* относятся к I спряжению (например: *мыныны* 'идти, пойти', *учкыны* 'смотреть, глядеть', *пырыны* 'зайти, заходить' и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (например: *ужаны* 'поработать, работать', *дасяны* 'приготовить, готовить', *бичаны* 'собрать, собирать' и др.) [УКК 2011: 148].

встречается не только в суффиксах глаголов настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, но и при образовании других форм от глаголов I спряжения, а именно: в показателях прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, в суффиксах возвратного залога, а также в маркерах причастий «настоящего времени» [Кельмаков 2006: 67]. При этом считается, что *ы*-овые варианты этих суффиксов имеют более архаичный характер, а *и*-овые маркеры возникли «в результате изменения первичного *ы* перед палатальными согласными в *и*» [Кельмаков 2006: 66]. Все эти случаи употребления в памятнике *ы* в соответствии с литературным *и* в различных показателях будут подробно рассмотрены ниже.

Таблица 1. Глаголы I спряжения в настоящем времени

число	лицо	примеры из памятника ³	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
утвердительные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано			-исько/ -йсько		
	2	<i>сётыськóд</i> ‘даешь’ PRS-2SG <i>тырмытыськóд</i> ‘наполняешь’ PRS-2SG		<i>сёт-</i> <i>тырмыт-</i>	<i>-йсько-</i> <i>-йсько-</i>	-д -д	
	3	<i>адзэ́</i> ‘видит’ PRS.3SG <i>сётэ́</i> ‘дает’ PRS.3SG <i>яратэ́</i> ‘любит’ PRS.3SG		<i>адзэ́-</i> <i>сёт-</i> <i>ярат-</i>		-е -э -э	
мн. ч.	1	<i>карыськóм</i> ‘делаем’ PRS-1PL <i>лыдзэ́ськóм</i> ‘читаем’ PRS-1PL <i>нуллыськóм</i> ‘носим’ PRS-1PL		<i>кар-</i> <i>лыдзэ́-</i> <i>нулл-</i>	<i>-исько-</i> <i>-исько-</i> <i>-йсько-</i>	-м -м -м	-(<i>ы</i>) -(<i>ы</i>) -(<i>ы</i>)
	2	не зафиксировано			<i>-исько-/</i> <i>-йсько-</i>	-д-	- <i>ы</i>
	3	<i>улó</i> ‘живут’ PRS.3PL <i>юрттó</i> ‘помогают’ PRS.3PL <i>лэсьтó</i> ‘делают’ PRS.3PL		<i>ул-</i> <i>юртт-</i> <i>лэсьт-</i>		-о -о -о	
отрицательные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>		<i>-иськ-/</i> <i>-йськ-</i>		- <i>ы</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>		<i>-иськ-/</i> <i>-йськ-</i>		- <i>ы</i>
	3	не зафиксировано	<i>уг</i>				- <i>ы</i>
мн. ч.	1	<i>ум-кэ́ но адзэ́ськэ́</i> ‘хотя и не видим’ NEG.1PL-PRS-PL <i>ум йы́быркыське</i> ‘не молимся’ NEG.1PL-REFL-PRS-PL	<i>ум</i> <i>ум</i>	<i>адзэ́-</i> <i>йы́бырк-</i>	<i>-иськ-</i> <i>-иськ-</i>		- <i>е</i> - <i>е</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>		<i>-иськ-/</i> <i>-йськ-</i>		- <i>е</i>
	3	<i>уг быгатó</i> ‘не умеют’ NEG-PRS.3PL	<i>уг</i>	<i>быгат-</i>	<i>-о</i>		

³ В статье в качестве иллюстраций, как правило, приводится по три примера из [Закон Божий]. Меньшее количество примеров свидетельствует о том, что соответствующая форма в тексте памятника встречается лишь один или два раза.

Таблица 2. Глаголы II спряжения в настоящем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
утвердительные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано			-сько		
	2	<i>вераськод</i> 'говоришь' PRS-2SG		<i>вера-</i>	-сько-	-д	
	3	<i>верá</i> 'говорит' PRS.3SG <i>возьмá</i> 'защищает' PRS.3SG		<i>вера-</i> <i>возьма-</i>		∅	
мн. ч.	1	<i>вераськóм</i> 'говорим' PRS-1PL <i>чакласькóм</i> 'думаем' PRS-1PL <i>ушьяськóм ~ ушьяськóмы</i> 'хвалим' PRS-1PL		<i>вера-</i> <i>чакла-</i> <i>ушья-</i>	-сько- -сько- -сько-	-м -м -м	-(ы) -(ы) -(ы)
	2	не зафиксировано			-сько-	-д-	-ы
	3	<i>вералó</i> 'говорят' PRS.3PL <i>возьмалó</i> 'пасут' PRS.3PL <i>ушьялó</i> 'хвалят' PRS.3PL		<i>вера-</i> <i>возьма-</i> <i>ушья-</i>		-ло -ло -ло	
отрицательные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>		-ськ-		-ы
	2	<i>уд кышкаськы</i> 'не боишься' NEG.2SG-PRS-SG	<i>уд</i>	<i>кышка-</i>	-ськ-		-ы
	3	не зафиксировано	<i>уг</i>				
мн. ч.	1	не зафиксировано	<i>ум</i>		-ськ-		-е(лэ)
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>		-ськ-		-е(лэ)
	3	не зафиксировано	<i>уг</i>			-ло	

1.1.2. Будущее время

Морфологическими показателями утвердительных форм будущего времени в современном удмуртском языке являются маркеры *-о* (I спряжение) и *-ло* (II спряжение). Отрицательные формы представляют собой сочетание препозитивного вспомогательного отрицательного глагола, который изменяется по временам, лицам и числам, и знаменательного глагола [УКК 2011: 174—175]. Аналогичным образом будущее время выражается и в анализируемом памятнике (см. таблицы 3, 4).

Таблица 3. Глаголы I спряжения в будущем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
утвердительные формы							
ед. ч.	1	<i>султó</i> 'встану' FUT.1SG <i>ыстó</i> 'отправлю' FUT.1SG <i>юрттó</i> 'помогу' FUT.1SG		<i>султ-</i> <i>ыст-</i> <i>юртт-</i>	-о -о -о		
	2	<i>кулóд ~ кулод</i> 'умрешь' FUT-2SG <i>луóд</i> 'будешь' FUT-2SG		<i>кул-</i> <i>лу-</i>	-о- -о-	-д -д	
	3	<i>быттóз</i> 'уничтожит' FUT-3SG <i>мозмыттóз</i> 'освободит' FUT-3SG <i>улóз</i> 'будет жить' FUT-3SG		<i>бытт-</i> <i>мозмыт-</i> <i>ул-</i>	-о- -о- -о-	-з -з -з	

мн. ч.	1	<i>оскóm</i> ‘будем верить’ FUT-1PL		<i>оск-</i>	<i>-о-</i>	<i>-м</i>	<i>-(ы)</i>
	2	<i>сётóды</i> ‘дадите’ FUT-2-PL		<i>сёт-</i>	<i>-о-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	<i>шуозы</i> ‘скажут’ FUT-3-PL		<i>шу-</i>	<i>-о-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>
отрицательные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>				
	2	<i>уд кúлы</i> ‘не умрешь’ NEG.FUT.2SG	<i>уд</i>	<i>кулы-</i>			
	3	<i>уз дúгды</i> ‘не перестанет’ NEG.FUT.3SG	<i>уз</i>	<i>дугды-</i>			
мн. ч.	1	не зафиксировано	<i>ум</i>				<i>-э(лэ)</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				<i>-э(лэ)</i>
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				<i>-э(лэ)</i>

Таблица 4. Глаголы II спряжения в будущем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
утвердительные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано			<i>-ло</i>		
	2	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-д</i>	
	3	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-з</i>	
мн. ч.	1	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-м</i>	<i>-(ы)</i>
	2	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	<i>лучкалóзы</i> ‘украдут’ FUT-3-PL <i>ушьялóзы</i> ‘похвалят’ FUT-3-PL		<i>лучка-</i> <i>ушья-</i>	<i>-ло-</i> <i>-ло-</i>	<i>-з-</i> <i>-з-</i>	<i>-ы</i> <i>-ы</i>
отрицательные формы							
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>				
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				
мн. ч.	1	<i>ум чídaлэ</i> ‘не вытерпим’ NEG.FUT.1PL-PL	<i>ум</i>	<i>чида-</i>			<i>-лэ</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				<i>-лэ</i>
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				<i>-лэ</i>

1.1.3. Первое прошедшее (очевидное) время

Показателем первого прошедшего времени утвердительных форм глаголов I спряжения в современном удмуртском языке является суффикс *-и(-)/-й(-)*; для II спряжения характерен нулевой маркер⁴, исключение составляют лишь глагольные формы 1-го лица единственного числа, в которых показателем времени выступает формант *-й*. Отрицательные формы первого прошедшего времени, как и рассмотренные выше формы настоящего и будущего времени, выражаются сочетаниями изменяемого вспомогательного отрицательного глагола со знаменательным глаголом [УКК 2011: 178—179].

⁴ Согласно «Грамматике современного удмуртского языка» (1962), функцию показателя первого прошедшего времени глаголов II спряжения выполняет конечный гласный основы *-а(-я)* (*люк-а-д* ‘ты собрал’, *люк-а-ды* ‘вы собрали’, *дас-я-зы* ‘они приготовили’) [ГСУЯ 1962: 202].

В тексте памятника [Закон Божий] представлены лишь утвердительные формы прошедшего очевидного времени глаголов I спряжения. Каких-либо отклонений от современных литературных норм в данном случае нам выявить не удалось (см. таблицу 5).

Таблица 5. Глаголы I спряжения в прошедшем очевидном времени (утвердительные формы)

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия			
			основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
ед. ч.	1	<i>кылй</i> 'я услышал' 1PST.1SG	<i>кыл-</i>	<i>-й</i>		
	2	<i>вуйд</i> 'ты прибыл' 1PST-2SG <i>сийд</i> 'ты съел' 1PST-2SG	<i>ву-</i> <i>си-</i>	<i>-и-</i> <i>-и-</i>	<i>-д</i> <i>-д</i>	
	3	<i>адзйз</i> 'он увидел' 1PST-3SG <i>луйз</i> 'он стал' 1PST-3SG <i>мыжгйз</i> 'он ударил кулаком' 1PST-3SG	<i>адз-</i> <i>лу-</i> <i>мыжг-</i>	<i>-и-</i> <i>-и-</i> <i>-и-</i>	<i>-з</i> <i>-з</i> <i>-з</i>	
мн. ч.	1	<i>курймы</i> 'мы попросили' 1PST-1-PL	<i>кур-</i>	<i>-и-</i>	<i>-м-</i>	<i>-ы</i>
	2	<i>кылйды</i> 'вы слышали' 1PST-2-PL	<i>кыл-</i>	<i>-й-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	не зафиксировано		<i>-и-/ -й-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>

1.1.4. Второе прошедшее (неочевидное) время

Прошедшее неочевидное время в тексте памятника [Закон Божий] представлено лишь формами третьего лица. Морфологическими показателями утвердительных форм 3-го лица единственного числа являются маркеры *-эм/-ем* (I спряжение) и *-м* (II спряжение), например:

адзём 'он, оказывается, видел' 2PST.3SG — литер. *адзём/адзэmez*, *косём* 'он, оказывается, велел' 2PST.3SG — литер. *косэм/косэmez*, *кылдытэм* 'он, оказывается, создал' 2PST.3SG — литер. *кылдытэм/кылдытэmez*;

верам ~ *верам* 'он, оказывается, сказал' 2PST.3SG — литер. *верам*, *жалям* 'он, оказывается, пожалел' 2PST.3SG — литер. *жалям*, *юам* 'он, оказывается, спросил' 2PST.3SG — литер. *юам* и др.

В литературном удмуртском языке употребление в формах второго прошедшего времени 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения личного показателя *-ез* факультативно [УКК 2011: 181—183]. В памятнике же маркер *-эм/-ем* выражает не только временное значение, но и лицо и число; отдельных личных маркеров в данном случае не добавляется. Аналогичное явление зафиксировано в говорах северного наречия [Карпова 2018: 321]. Кроме того, подобные формы без личных формантов функционируют в бесермянском наречии [Люкина 2016: 122], в срединных говорах [Бушмакин 1971: 296—297] и в отдельных говорах южного наречия [Кельмаков 1977: 50; Атаманов 2005: 186].

Морфологическими маркерами форм прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа в современном удмуртском языке являются суффиксы *-иллям(-)/-йллям(-)* (у глаголов I спряжения) и *-ллям(-)* (у глаголов II спряжения) [УКК 2011: 182]. В [Закон Божий] данные формы образуются соответственно с помощью показателей *-ыльлям(-)*⁵ и *-лльям(-)*; при этом, как мы уже указывали ранее, *ы-*овый вариант глагольных форм I спряжения, который представлен в тексте памятника [Закон Божий], имеет более архаичный характер [Кельмаков 2006: 66]:

косыльльям 'они, оказывается, велели' 2PST.3PL — литер. *косйлллям/косйлллямзы*, *оскыльльям* 'они, оказывается, поверили' 2PST.3PL — литер. *оскилллям/оскилллямзы*, *потыльльям* 'они, оказывается, вышли' 2PST.3PL — литер. *потйлллям/потйлллямзы*;

кышкальльям 'они, оказывается, испугались' 2PST.3PL — литер. *кышкалллям/кышкалллямзы*, *погральльям* 'они, оказывается, свалились' 2PST.3PL — литер. *погралллям/погралллямзы*, *тодмальльям* 'они, оказывается, узнали' 2PST.3PL — литер. *тодмалллям/тодмалллямзы* и др.

Кроме того, В. К. Кельмаков отмечает, что «в северных говорах и бесермянском наречии, в отличие от южных говоров, глагол неочевидного прошедшего времени в 3-ем лице множественного числа имеет

⁵ Лишь в четырех словоформах употребляется маркер *-ильлям*: *адзильльям* 2PST.3PL (ср. *адзвыльльям* 2PST.3PL) — литер. *адзйлллям/адзйлллямзы*; *вайльльямзы* 2PST-3-PL (ср. *вайыльльям* 2PST.3PL) — литер. *вайлллям/вайлллямзы*; *сийльльям* 2PST.3PL, *сийльльямзы* 2PST-3-PL — литер. *сийлллям/сийлллямзы*; *уайльльям* 2PST.3PL — литер. *вайлллям/вайлллямзы*.

особый показатель лица *-зы (зь)*» [Кельмаков 2006: 151—152]. Однако следует отметить, что данный личный маркер употребляется в современных севернудмуртских диалектах неодинаково: в верхнечепецких говорах форма прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, как правило, употребляется без личных формантов; для нижнечепецких говоров характерно регулярное употребление маркеров лица; а «в говорах среднечепецкого диалекта указанные формы второго прошедшего времени могут выступать как с личными показателями, так и без них, причем более регулярный характер (...) имеют формы без личных формантов» [Карпова 2018: 321]. В тексте памятника [Закон Божий] формы второго прошедшего времени, оформленные личными маркерами в 3-м лице множественного числа, также присутствуют, но в количественном отношении они уступают формам без показателей лица. В общей сложности нам удалось выявить 50 форм без личного маркера 3-го лица множественного числа и 35 форм, оформленных личным показателем *-зы*, при этом форма одного и того же слова может употребляться как с личным маркером, так и без него, ср.:

кошкыльля́м 2PST.3PL ~ *кошкыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, ушли’ — литер. *кошкилля́м/кошкилля́мзы*, *лыктыльля́м* 2PST.3PL ~ *лыктыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, пришли’ — литер. *лыктйлля́м/лыктйлля́мзы*, *лэсьтыльля́м* 2PST.3PL ~ *лэсьтыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, сделали’ — литер. *лэсьтйлля́м/лэсьтйлля́мзы*;

веральля́м 2PST.3PL ~ *веральля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, сказали’ — литер. *вералля́м/вералля́мзы* и др.

Отрицательные формы прошедшего неочевидного времени в современном удмуртском языке образуются двумя способами: синтетическим, т. е. прибавлением к глагольной основе отрицательного суффикса *-мтэ*, и аналитическим, который представляет собой сочетание соответствующих утвердительных глагольных форм с препозитивной неизменяемой частицей *öвöл* ‘не; нет’ [УКК 2011: 182]. Для текста памятника характерен аналитический способ образования отрицательных глагольных форм второго прошедшего времени, при этом, как и в случае утвердительных форм, встречаются лишь формы 3-го лица:

öвöл вера́м ‘он, оказывается, не сказал’ NEG-2PST.3SG — литер. *верамтэ/верамтэз/öвöл верам, öвöл сие́м* ‘он, оказывается, не съел’ NEG-2PST.3SG — литер. *сиымтэ/сиымтэз/öвöл сием/öвöл сиемез*;

öвöл дйсьтыльля́мзы ‘они, оказывается, не осмелились’ NEG-2PST-3-PL — литер. *дйсьтйлля́мтэ / дйсьтйлля́мтэзы / öвöл дйсьтйлля́м / öвöл дйсьтйлля́мзы, öвöл кылцькыльля́мзы* ‘они, оказывается, не послушались’ NEG-REFL-2PST-3-PL — литер. *кылзйськилля́мтэ/кылзйськилля́мтэзы / öвöл кылзйськилля́м / öвöл кылзйськилля́мзы, öвöл шедьтыльля́м* ‘они, оказывается, не нашли’ NEG-2PST.3PL — литер. *шедьтйлля́мтэ / шедьтйлля́мтэзы / öвöл шедьтйлля́м / öвöл шедьтйлля́мзы* и др.

Аналитический способ образования форм второго прошедшего времени в целом характерен для всех диалектов северного наречия [Карпова 2018: 322]. В южноудмуртских говорах, напротив, представлен синтетический способ [Кельмаков 1970: 385—386, 1977: 50, 2006: 152; Насибуллин 1978: 101; Атаманов 2005: 186], а в бесермянском наречии встречаются как синтетический, так и аналитический способы образования отрицательных форм неочевидного прошедшего времени [Тепляшина 1970: 232; Люкина 2016: 123].

1.1.5. Сложные формы прошедшего времени

В тексте анализируемого памятника, как и в современном удмуртском языке, встречаются сложные формы прошедшего времени, представляющие собой сочетания знаменательного глагола, который стоит в одном из рассмотренных выше простых временных форм, и вспомогательных глаголов *вал* ‘был’, *вылэм* ‘был, оказывается’ [УКК 2011: 184]. В [Закон Божий] нам удалось выявить два типа аналитических форм прошедшего времени:

1) II плюсквамперфект:

вера́м вылэм ‘он сказал было’ 2PST.3SG AUX — литер. *верам вал/вылэм*.

2) прошедшее длительное:

возьма́ло вылэм ‘они пасли было’ PRS.3PL AUX — литер. *возьмало вал/вылэм*;

тодэ́ вылэм ‘он знал было’ PRS.3SG AUX — литер. *тодэ вал/вылэм*;

уг о́ско вылэм ‘они не верили было’ NEG-PRS.3PL AUX — литер. *уг оско вал/вылэм* и др.

1.2. Условное наклонение

Показателем условного наклонения в современном удмуртском языке является суффикс *-сал*. При этом формы единственного числа 1-го лица личными маркерами не оформляются, а в формах 2-го и 3-го лица присоединение личных показателей факультативно. Формы множественного числа во всех трех

лица маркируются показателями лица и числа. Отрицательные формы условного наклонения образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с препозитивным отрицательным глаголом *öй* [ГСУЯ 1962: 211].

В тексте памятника «Закон Божий» нам удалось зафиксировать лишь две глагольные формы условного наклонения, оформленные суффиксом *-сал*:

луысáлмы ‘мы бы были’ COND-1-PL — литер. *луысалмы*;

öй-кэ сётысáл ‘если бы он не дал’ NEG-COND.3SG — литер. *öй сётысал ке/öй сётысалыз ке* (ке ‘если; когда’).

Несмотря на ограниченное количество примеров, видим, что в оформлении самого суффикса условного наклонения отличий от современных литературных норм нет. Однако отрицательная форма образована без присоединения показателя лица *-ыз*, что характерно для говоров северного наречия, в которых «глаголы условного наклонения в единственном числе как в положительной, так и отрицательной формах употребляются без личных показателей» [Карпова 2018: 302]. При этом для говоров южного наречия более характерно оформление подобных форм суффиксами лица [Кельмаков 2006: 147], а в литературном языке употребление личных маркеров факультативно.

1.3. Повелительное наклонение

Глагольные формы повелительного наклонения в единственном числе в современном удмуртском языке, как и в его диалектах, характеризуются отсутствием формальных показателей. «Основной формой повелительного наклонения является второе лицо единственного числа, совпадающее с основой инфинитива» [ГСУЯ 1962: 208], в котором ударение переходит на первый слог слова, например: литер. *кóшкы* ‘уходи’, *вúрзы* ‘пришей’, *кóра* ‘руби’, *пéлля* ‘дуй’ и др. Подобные императивные формы встречаются и в тексте памятника [Закон Божий]:

дúнматы ‘очисти’ IMP.2SG — литер. *дúнматы*, *мóзмыты* ‘освободи’ IMP.2SG — литер. *мóзмыты*, *юртты* ‘помоги’ IMP.2SG — литер. *юртты*;

вэра ‘скажи’ IMP.2SG — литер. *вэра*, *вóзьма* ‘защити’ IMP.2SG — литер. *вóзьма*, *жáля* ‘пожалей’ IMP.2SG — литер. *жáля* и др.

Конечная гласная основы *-ы* форм повелительного наклонения единственного числа, образованных от глаголов I спряжения, при отсутствии сочетания согласных в основе слова, в современном литературном языке выпадает, например: *мын* ‘иди’, *си* ‘ешь’, *ю* ‘пей’ и др. [УКК 2011: 164]. Такое явление в целом характерно и для современных диалектов удмуртского языка⁶. Представлено оно и в [Закон Божий], однако в тексте памятника этот конечный гласный основы нередко сохраняется (например, *у́тьы* ‘береги’ IMP.2SG — литер. *уть*; *д́ышеты* IMP.2SG — литер. *дышет* и др.) или встречается параллельное употребление императивных форм, образованных от глаголов I спряжения, с наличием/отсутствием конечного гласного основы (ср. *сёт* ~ *сёты* ‘дай’ IMP.2SG — литер. *сёт*; *кар* ~ *кары* ‘сделай’ IMP.2SG — литер. *кар*).

Формальными показателями множественного числа повелительного наклонения в утвердительных формах являются маркеры *-э(лэ)/-е(лэ)* (от глаголов I спряжения) и *-лэ* (от глаголов II спряжения). В тексте памятника представлены императивные формы множественного числа, образованные только от глаголов I спряжения; все они оформлены маркером *-элэ (-елэ)*:

дúгдэлэ ‘остановитесь’ IMP.2PL — литер. *дúгдэ/дúгдэлэ*;

сúлтэлэ ‘встаньте’ IMP.2PL — литер. *сúлтэ/сúлтэлэ*;

юэлэ ‘пейте’ IMP.2PL — литер. *юэ/юэлэ* и др.

Отрицательные императивные формы в памятнике, как и в литературном удмуртском языке, образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с препозитивным отрицательным глаголом *эн*, который не изменяется по лицам и числам, например:

эн кельты ‘не оставляй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн кельты*, *эн кельты*;

эн сётты ‘не давай’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сёт*, *эн сёт*;

эн сйы ‘не ешь’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сй*, *эн сй*.

В современном удмуртском литературном языке, кроме синтетического способа образования императивных форм, выделяют также аналитический способ, при котором глагол употребляется с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* или *медам* (*медад*, *медаз*) [УКК 2011: 168]. Утвердительные аналитические формы повелительного наклонения с частицей *мед* представлены и в [Закон Божий]: *мед юрттоз* ‘пусть он поможет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед юрттоз*, *мед адзёз* ‘пусть он увидит’

⁶ Л. Л. Карпова отмечает, что в подобных случаях «в северноудмуртских диалектах императив глаголов I спряжения единственного числа чаще выражается усеченной основой (без конечного гласного *-ы*)» [Карпова 2018: 298].

IMP-FUT-3SG — литер. *мéd адžоз; мед жалялóz* ‘пусть он пожалеет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мéd жалялoз; мед чаклалóm* ‘пусть мы подумаем’ IMP-FUT-1PL — литер. *мéd чаклалом; мед оскозы* ‘пусть они верят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мéd оскозы* и др.

2. Залог глагола

2.1. Возвратный и невозвратный залог

Формы возвратного залога в современном удмуртском языке образуются от переходных глаголов с помощью суффиксов *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение). Глаголы невозвратного залога характеризуются отсутствием формальных маркеров, т. е. имеют нулевой показатель.

В тексте памятника [Закон Божий] для образования форм возвратного залога употребляются суффиксы *-ыськ(ы)-*, *-ск(ы)-* и *-ськ(ы)-*.

1) *-ыськ(ы)-* (от глаголов I спряжения):

пильыськыльля́м ‘они, оказывается, разбились’ REFL-2PST.3PL — литер. *пильыськиллям/пильыськиллямзы*;

лыдзьыськэ́ ‘читается’ REFL-PRS.3SG — литер. *лыдзьыське*;

кылыськэм ~ *кылыськэм* ‘оказывается, послышалось’ REFL-2PST.3SG — литер. *кылыськем/кылыськемез* и др.

В данном случае видим, что показатель *-ыськ-*, который употребляется в памятнике для образования форм возвратного залога от глаголов I спряжения, соответствует литературному *-иськ-/-йськ-*. Функционирование аналогичных *ы-*овых вариантов мы уже отметили ранее при рассмотрении глагольных форм настоящего времени; при этом указали, что подобные варианты характерны для говоров северной диалектной зоны и по своему происхождению являются первичными по отношению к *и-*овым маркерам [Кельмаков 2006: 66].

Кроме этого, В. К. Кельмаков отмечает, что суффикс возвратного залога глаголов I спряжения, особенно в сочетании с глагольными основами, оканчивающимися на *-ты-(ны)*, имеет некоторые диалектные варианты, «в “чистом” виде он выступает лишь в буйско-таныпском и татышлинском говорах, напр.: бт. *дышэт-ис’кы-ны*, татш. *дышэт-ис’къ-нь* ‘учиться, обучаться’ (бт. *дышэты-ны*, татш. *дышэть-нь* ‘учить, обучать’); бт. *кут-ис’кы-ны*, татш. *кут-ис’къ-нь* ‘взяться, схватиться’ (бт. *куты-ны*, татш. *куть-нь* ‘поймать, схватить’) и др.» [Кельмаков 2006: 140—141]. В остальных диалектах данный морфологический маркер видоизменяется, в результате чего в современных говорах удмуртского языка встречаются различные модификации залогового суффикса глаголов I спряжения: *-с’к(ы)-* (кукморский говор периферийно-южного диалекта, некоторые центрально-южные говоры), *-чк(ы)-* (кырыкмасские и граховские говоры центрально-южного диалекта, верхнечепецкий говор северного наречия), *-к(ы)-* (большинство срединных говоров), *-ск(ы)-* (некоторые срединные и большинство говоров северного наречия) [Кельмаков 2006: 141—142]. Последний вариант залогового суффикса глаголов I спряжения *-ск(ы)-* широко представлен и в тексте памятника [Закон Божий], при этом в сочетании с конечным согласным основы *t* графически этот показатель в памятнике часто выглядит как *-цк(ы)-*. Отметим, что в современном удмуртском языке формы с маркерами *-ск(ы)-* и *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-* функционируют параллельно.

2) *-ск(ы)-* (от глаголов I спряжения):

кутскыльля́м ~ *кутскыльля́м* ‘они, оказывается, начали’ REFL-2PST.3PL — литер. *кутскиллям/кутскиллямзы/кутйськиллям/кутйськиллямзы*;

жэутскэм ‘он, оказывается, поднялся’ REFL-2PST.3SG — литер. *жэутскем/жэутскемез/жэутйськем/жэутйськемез*;

вордскэм ~ *ворцкэм* ‘он, оказывается, родился’ REFL-2PST.3SG — литер. *вордскем/вордскемез/вордйськем/вордйськемез* и др.

3) *-ськ(ы)-* (от глаголов II спряжения):

вöсьяськó ‘молятся’ REFL-PRS.3PL — литер. *вöсьясько*;

люкаськыльля́м ‘они, оказывается, собрались’ REFL-2PST.3PL — литер. *люкаськиллям/люкаськиллямзы*;

шонаськóно ‘нужно размахиваться’ REFL-IMPERS — литер. *шонаськóно* и др.

2.2. Понудительный и непонудительный залог

Понудительный залог в современном удмуртском языке и в большинстве диалектов образуется при соединении к основе глагола маркера *-т(ы)-* [УКК 2011: 202]. Глаголы непонудительного залога характеризуются отсутствием формальных показателей.

На диалектном уровне при образовании форм понудительного залога встречаются некоторые отклонения от современных литературных норм удмуртского языка. Так, например, в закамском, кукморском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта «глаголы тюркского происхождения образуют понудительный залог посредством заимствованного суффикса *-дыры/-тыры*, напр., кукм. *азь-нь* ‘воспалиться, разболеться (о ране)’ — *аз-дърь-нь* ‘вызвать воспаление, воспалить’» [Кельмаков 2006: 142]. Подобный маркер представлен и в отдельных центрально-южных говорах, в частности в граховских, в которых глагольные формы понудительного залога с заимствованным аффиксом используются параллельно с формами с исконным показателем *-т(ы)-*, например: *кэл'ыштын ~ кэл'ыштырын* ‘облюбовать, заставить понравиться’ [Атаманов 1981: 52]. При этом заимствованный маркер может присоединяться не только к глаголам тюркского происхождения (*безытын ~ бездырын* ‘отучить, отвадить’ [Атаманов 1981: 52]), но и к исконно удмуртским (*паймытын ~ паймыттырын* ‘удивить, заставить удивиться’ [Атаманов 1981: 52]).

В тексте анализируемого памятника встретились лишь одна глагольная форма понудительного залога, оформленная маркером *-т(ы)-*, идентичным литературному: *жугытэм* ‘заставил избить’ CAUS-2PST.3SG — литер. *жугытэм/жугытэмез*. Вероятно, наличие только одной словоформы объясняется функционированием в памятнике аналитических каузативных конструкций, выраженных сочетанием инфинитива с глаголом *косыны* ‘велеть, заставить’, например: *карыны косэм* ‘он, оказывается, заставил сделать’, *вераны косыльлям* ‘они, оказывается, заставили сказать’, *нуыны косыльлям* ‘они, оказывается, заставили унести’ и др.

3. Неспрягаемые формы глагола

Наряду со спрягаемыми формами глагола, в современном удмуртском языке выделяют также неспрягаемые глагольные формы, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.1. Инфинитив

Морфологическим показателем инфинитива в литературном удмуртском языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является суффикс *-ны*. В отдельных говорах гласный *ы* данного суффикса может выпадать (*-ны > -н*). В частности, данное явление встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия в инфинитивных формах I спряжения, «если перед конечным гласным *ы* глагольной основы наблюдается стечение согласных: *вэтлын* (< *вэтлыны*) ‘уйти’, *вордын* (< *вордыны*) ‘воспитывать’, *ватскын* (< *ватскыны*) ‘спрятаться’ и др.» [Карпова 2018: 345]. Подобные формы также зафиксированы в средневожских говорах [Воронцов 1997: 16], а также в граховских [Атаманов 1981: 52—53] и кырыкмасских [Кельмаков 1978: 66—73] говорах южного наречия. В бесермянских говорах, по данным диалектологов, функционируют обе инфинитивные формы, как полная, так и краткая без конечного гласного *ы* [Тепляшина 1970: 87—88; Люкина 2016: 41].

В тексте памятника [Закон Божий] никаких отклонений от современных литературных норм в оформлении инфинитивных форм глагола нам выявить не удалось, ср.:

лэстыны ‘делать’ INF — литер. *лэстыны*, *оскыны* ‘верить’ INF — литер. *оскыны*, *тодыны* ‘знать’ INF — литер. *тодыны*;

возмань ‘охранять’ INF — литер. *возманы*, *селяканы* ‘грешить’ INF — литер. *сьольканы*, *ужань* ‘работать’ INF — литер. *ужаны* и др.

3.2. Причастие

В современном удмуртском языке причастия условно можно разделить на утвердительные и отрицательные. К утвердительным относятся глагольные формы, образованные с помощью суффиксов *-ись* (*-йсь*), *-сь*; *-эм* (*-ем*), *-м*; *-оно* (*-ёно*), *-но*; *-он* (*-ён*), *-н*, *-мон*; *-эмын* (*-емын*), *-мын*. Отрицательные причастные формы образуются с помощью маркеров *-тэм*, *-ттэ* [УКК 2011: 261].

В тексте памятника [Закон Божий] нам удалось выявить следующие морфологические показатели причастий:

1) *-ысь* (от глаголов I спряжения), *-сь* (от глаголов II спряжения):

яратысь ‘любящий’ РТСР — литер. *яратйсь*, *сётысь* ‘дающий’ РТСР — литер. *сётйсь*, *улысь* ‘живущий’ РТСР — литер. *улйсь*;

возма́сь ~ возмасть ‘защищающий’ РТСР — литер. *возмасть*, *жалясь* ‘жалующий’ РТСР — литер. *жалясь* и др.

- 2) **-эм (-ем)** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):
кулэм ‘умерший’ РТСР — литер. *кулэм, лэсьтэм* ‘сделанный’ РТСР — литер. *лэсьтэм, тійяськэм* ‘сломавшийся’ РТСР — литер. *тійяськем*;
копэм ‘вскопанный’ РТСР — литер. *копам* и др.
- 3) **-оно (-ёно)**:
лыктоно ‘который должен прийти’ РТСР — литер. *лыктоно, витёно* ‘которого предстоит ждать’ РТСР — литер. *витёно*.
- 4) **-он**:
мынон ‘по которому идет’ РТСР — литер. *мынон*.
- 5) **-мон**:
улымон ‘достаточный для того, чтобы жить’ РТСР — литер. *улымон*.
- 6) **-эмын (-емын)** (от глаголов I спряжения), **-мын** (от глаголов II спряжения):
гожтэмын ‘записан’ РТСР — литер. *гожтэмын, тупатэмын* ‘исправлен’ РТСР — литер. *тупатэмын, уатэмын* ‘спрятан’ РТСР — литер. *уатэмын*;
ушъямын ‘восхвален’ РТСР — литер. *ушъямын* и др.
- 7) **-мтэ**:
кылымтэ ‘неуслышанный’ РТСР — литер. *кылымтэ*.
- 8) **-онтэм**:
луонтэм ‘небывалый’ РТСР — литер. *луонтэм*.

Итак, в рассматриваемом памятнике представлены практически все суффиксы причастий, которые встречаются в современном удмуртском языке, при этом практически все они идентичны литературным маркерам. Исключение составляет лишь показатель причастия настоящего времени от глаголов I спряжения. Видим, что в данном случае в соответствии с литер. *-ись* в памятнике употребляется формант *-ысь*, при этом литературный вариант данного маркера имеет более инновационный характер [Кельмаков 2006: 67]. Изменение первичного *ы* в *и*, вероятно, «следует объяснить воздействием соседних палатальных согласных, в данном случае последующего мягкого *с*» [Карпова 2018: 348]. Показатель причастия настоящего времени от глаголов I спряжения с *и*-овой огласовкой функционирует также в говорах южного наречия [Кельмаков 2006: 155], в бесермянском наречии встречаются оба варианта суффикса [Люкина 2016: 78], а для многих срединных и северных говоров характерны *ы*-овые маркеры, хотя, по данным Л. Л. Карповой, в последнее время в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия «наряду с суффиксом *-ыс*’, отмечается тенденция употребления его варианта *-ис*» [Карпова 2018: 348].

3.3. Деепричастие

В современном удмуртском языке и большинстве его диалектов морфологическими показателями деепричастий являются суффиксы *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь*, *-мон*. К деепричастиям также относят отглагольные слова, оформленные маркерами *-эмен (-емен)*, *-мен/-мтэен*, *-эмысь(-емысь)*, *-мысь/-мтэысь* [УКК 2011: 273]. В тексте памятника [Закон Божий] мы выявили следующие аффиксы деепричастий:

- 1) **-са**:
басьтыса ‘взяв’ CONV — литер. *басьтыса, кылыса* ‘услышав’ CONV — литер. *кылыса, потыса* ‘выйдя’ CONV — литер. *потыса*;
вераса ~ *вераса* ‘сказав’ CONV — литер. *вераса, малтаса* ‘подумав’ CONV — литер. *малтаса, ушъяса* ‘похвалив’ CONV — литер. *ушъяса* и др.
- 2) **-тэк**:
дыртытэк ‘не спеша’ CONV — литер. *дыртытэк, кулытэк* ‘не умирая’ CONV — литер. *кулытэк, яратытэк* ‘не любя’ CONV — литер. *яратытэк* и др.
- 3) **-ку**:
понуку ‘когда кладешь’ CONV — литер. *понуку*.

Стоит отметить, что деепричастия с маркером *-ку*, подобно финитным формам глагола, могут изменяться по лицам и числам, ср.: *выдыкүд* ‘когда ты ложишься’ CONV-2SG — литер. *выдыкүд, пырыкүз* ‘когда он входит’ CONV-3SG — литер. *пырыкүз, вöсьяськыкумы* ‘когда мы молимся’ CONV-1-PL — литер. *вöсьяськыкумы* и др.

В диалектах удмуртского языка в качестве варианта данного маркера встречается показатель *-кы*, который характерен для говоров южной диалектной зоны [Атаманов 1981: 55; 2005: 188; Кельмаков 1987: 31, 44; 2006: 159], части срединных говоров [Бушмакин 1971: 311; Тепляшина 1973: 208; Загуляева 1980: 15], бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 253] и нижнечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 357]. Вариант *-ку* функционирует в современных говорах северной диалект-

ной зоны [Кельмаков 2006: 159]; по своему происхождению данный вариант считается вторичным (см. подробнее [Серебренников 1963: 302]), при этом, согласно трактовке Л. Л. Карповой, он возник из формы на *-кы* «не на основе фонетических законов, а по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда’» [Карпова 2018: 358].

4) *-чѣзь (-тчозя-)*:

луычѣзь ‘до становления’ CONV — литер. *луытозь*, *луытчозяз* ‘до его становления’ CONV-3SG — литер. *луытояз*.

Как видим, в данном случае в соответствии с литературным *-тозь* в тексте памятника функционирует особый вариант маркера *-чѣзь (-тчозя-)*, при этом, как и деепричастия на *-ку*, данные формы могут употребляться с лично-притяжательными формантами.

В диалектах удмуртского языка суффикс *-тозь* представлен в различных вариантах: *-тос'* (употребляется в кукморском, бавлинском и шошминском говорах периферийно-южного диалекта), *-тоз̄* (встречается в срединных говорах), *-чѣож* (характерен для отдельных северных говоров), *-ччоож* (представлен в татышлинском и буйско-таныпском говорах периферийно-южного диалекта), *-ччоз'* (*-чоз'*) (употребляется в большинстве севернoudмуртских говоров) [Кельмаков 2006: 157—158]. Последний вариант, идентичный маркеру, который встречается в [Закон Божий], наиболее широко представлен в современных среднечепецком и нижнечепецком диалектах, реже встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 358—360]. Что касается происхождения данного показателя, по мнению В. К. Кельмакова, вариант *-ччоз'* (*-чоз'*) возник «в результате контаминации суффиксов *-тоз'* и *-чѣож* (~ *-ччоож*)» [Кельмаков 2006: 158]; в свою очередь, *-чѣож* в [Серебренников 1963: 306] возводится к послелогу *чож* или *чоже* ‘в течение’.

5) *-эмысь* (от глаголов I спряжения), *-мысь* (от глаголов II спряжения):

ызэмысь ‘ото сна’ CONV — литер. *изэмысь*,

ушьямысь ‘из-за похвалы’ CONV — литер. *ушьямысь*.

Выводы

Итак, в тексте памятника [Закон Божий] на уровне глагольной морфологии можно выделить ряд особенностей, в отношении которых язык рассматриваемого памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов:

- 1) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ыськ-* в соответствии с литер. *-иськ-/-йськ-*;
- 2) образование форм настоящего времени 1-го и 2-го лица от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ысько(-)* в соответствии с литер. *-исько(-)/-йсько(-)*;
- 3) образование форм прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ыллям(-)* в соответствии с литер. *-иллям(-)/-йллям(-)*;
- 4) образование причастий настоящего времени от глаголов I спряжения с помощью суффикса *-ысь* в соответствии с литер. *-ись*;
- 5) образование деепричастий с помощью маркера *-чѣзь (-тчозя-)* в соответствии с литер. *-тозь*.

Из перечисленных особенностей лишь одна (п. 5) имеет инновационный характер, остальные четыре особенности — архаичного происхождения, при этом все они объясняются переходом первоначального *ы* в *и* перед палатальным согласным [Кельмаков 2006: 66—67]. На сегодняшний день *ы*-овые варианты маркеров в основном сохранились в севернoudмуртских говорах, а *и*-овые закрепились в говорах южной диалектной зоны, а также в литературном удмуртском языке. Маркером вторичного происхождения в памятнике также является показатель деепричастий *-ку*, соответствующий литер. *-ку*, первичный вариант *-кы* которого на данный момент сохранился в говорах южной диалектной зоны, бесермянском наречии и нижнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка.

Таким образом, можно сказать, что в целом в памятнике [Закон Божий], по сравнению с именной морфологией, которую мы подробно рассмотрели в предыдущей статье [Безенова 2020], глагольная морфологическая система имеет более архаичный характер. При этом все выявленные нами морфологические особенности как инновационного, так и архаичного происхождения представлены в современном северном наречии удмуртского языка; анализ глагольной морфологии, как и именной, не противоречит нашей гипотезе относительно диалектной принадлежности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык, поскольку среднечепецкий диалект, один из говоров которого, как мы предположили ранее в работе [Безенова, Кондратьева 2019], является потомком языка, отраженного в данном переводном памятнике письменности, относится к севернoudмуртским диалектам.

Сокращения

Языки и диалекты

бт. — буйско-таньпский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
 кукм. — кукморский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
 татш. — татышлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IMPERS — безличный глагол
1PST — первое прошедшее (очевидное) время	INF — инфинитив
2PST — второе прошедшее (неочевидное) время	NEG — отрицательный глагол
AUX — вспомогательный глагол	PL — множественное число
CAUS — понудительный залог	PRS — настоящее время
COND — условное наклонение	PTCP — причастие
CONV — деепричастие	REFL — возвратный залог
FUT — будущее время	SG — единственное число
IMP — повелительное наклонение	

Общие

литер. — литературная форма, литературный язык
 отриц. — отрицательный
 гл. — глагол

Литература

- Атаманов 1981 — *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45—96. {*Atamanov M. G.* Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}
- Атаманов 2005 — *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. {*Atamanov M. G.* From Dondykar to Ursyurt. From the History of the Udmurt Regions. Izhevsk, 2005.}
- Безенова 2020 — *Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020, 1 (36). С. 53—70. {*Bezenova M. P.* The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Noun Morphology // Ural-Altaiic Studies. 2020, 1 (36). P. 53—70.}
- Безенова, Кондратьева 2019 — *Безенова М. П., Кондратьева Н. В.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019, 3 (34). С. 7—52. {*Bezenova M. P., Kondratieva N. V.* The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Graphics, Spelling, and Phonetics // Ural-Altaiic Studies. 2019, 3 (34). P. 7—52.}
- Бушмакин 1971 — *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. {*Bushmakin S. K.* Phonetic and Morphological Features of Middle Eastern Dialects of the Udmurt Language. PhD thesis. Tartu, 1971.}
- Воронцов 1997 — *Воронцов П. И.* Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. {*Vorontsov P. I.* Phenomena of *ы* Phoneme Loss in Udmurt Dialects // Permistika 4: Perm Languages and their Dialects in Synchrony and Diachrony. Izhevsk, 1997.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. *П. Н. Перевощиков*. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}
- Загуляева 1980 — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. {*Zagulyaeva B. Sh.* Prikilmez Dialects of the Udmurt Language. Summary of a PhD thesis. Tartu, 1980.}
- Закон Божий — Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия. Часть I. Казань, 1912. {God’s Law: A Book with Pictures for Young Children in the Votyak Language of the Glazov Dialect. Part I. Kazan, 1912.}
- Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Кельмаков 1970 — *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1970. {*Kelmakov V. K.* Kukmor Dialect of the Udmurt Language. PhD thesis. Moscow, 1970.}

Кельмаков 1977 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26—61. {*Kelmakov V. K.* Brief Description of the Kyrykmas Dialects of the South Udmurt Dialect. I // Questions of the Udmurt Dialectology: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1977. P. 26—61.}

Кельмаков 1978 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65—85. {*Kelmakov V. K.* Brief Description of the Kyrykmas Dialects of the South Udmurt Dialect. II // On the Dialects and Subdialects of the South Udmurt Dialect: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1978. P. 65—85.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987, 1 (XXIII). С. 34—44. {*Kelmakov V. K.* Proto-Permian affricates in modern Udmurt dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1987, 1 (XXIII). P. 34—44.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. {*Liukina N. M.* Phonetic and Morphological Features of Lekma and Yunda Besermyans Languages. Izhevsk, 2016.}

Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151. {*Nasibullin R. Sh.* Observations on the Language of the Krasnoufim Udmurts // On the Dialects and Subdialects of the South Udmurt Dialect: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1978. P. 86—151.}

Серебрянников 1963 — *Серебрянников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.}

Тараканов 1984 — *Тараканов И. В.* Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25—34. {*Tarakanov I. V.* Imperative Mood, Forms of its Expression and their Meaning in the Udmurt Language // Questions of Grammar of the Udmurt Language. Izhevsk, 1984. P. 25—34.}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. Москва, 1970. {*Tepliashina T. I.* The Language of the Besermyans. Moscow, 1970.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. и материалов. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223. {*Tepliashina T. I.* Notes on the Upper-Izh Udmurt Dialects // Questions of Udmurt Linguistics: Collection of Articles and Materials. Vol. 2. Izhevsk, 1973. P. 196—223.}

УКК 2011 — Удмурт кылэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011. {Morphology of the Udmurt Language: Scientific and Educational Publication / Ed. *N. N. Timerkhanova*. Izhevsk, 2011.}

Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym)

Victoria V. Vorobeva, Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow),
Tomsk State University (Tomsk), Tomsk Polytechnic University (Tomsk); vorobeva@tpu.ru
Irina V. Novitskaya, Tomsk State University (Tomsk); irno2012@yandex.ru

This study presents findings resulting from a comparative analysis of the system of nominal morphological markers in four dialects of Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, and Salym). The analysis focused on the morphological markers that form paradigms of three nominal categories: case, number and possession, and aimed at revealing shared and unique features of Eastern Khanty dialects. The analysis was grounded in the descriptions and interpretations of language facts elicited from the Eastern Khanty speakers in the twentieth century and presented in several influential grammar studies of Khanty. These data were then compared with language data elicited from Vakh Khanty speakers in the course of fieldwork (2017—2019). Comparison with current data displayed an overall stability of the Eastern Khanty nominal system which had remained almost unchanged despite the ongoing influence of the Russian language.

Although the nominal categories in question are shared by the four Eastern dialects of Khanty, the comparative analysis of their paradigms has revealed some controversial issues regarding the status of some markers, their forms and use. The contradictions within these three categories are associated with the morphemic representation, terminology and status of some markers. The system of case markers is the most controversial. All in all, there are nine productive case markers in the Eastern Khanty varieties: nominative, ablative, allative, lative, locative, abessive, comitative, oblique, and translative accompanied by the distributive marker that is restricted in use.

Keywords: Eastern Khanty, nominal morphology, number, possession, case, dialectal distinctions

МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ВОСТОЧНОХАНТЫЙСКОМ (ВАХОВСКИЙ, ВАСЮГАНСКИЙ, СУРГУТСКИЙ, САЛЫМСКИЙ)

Воробьева Виктория Владимировна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Томский государственный университет (Томск), Томский политехнический университет (Томск); vorobeva@tpu.ru
Новицкая Ирина Владимировна, Томский государственный университет (Томск); irno2012@yandex.ru

В настоящем исследовании представлены результаты сравнительного анализа системы именных морфологических маркеров в четырех диалектах восточных ханты (вахском, васюганском, сургутском и салымском). Были проанализированы морфологические маркеры, образующие парадигмы трех именных категорий: падежа, числа и посессивности. Цель анализа заключалась в выявлении общих и уникальных черт диалектов восточнохантыйского. В основе анализа лежит описание и интерпретация языковых фактов, полученных от носителей восточного варианта хантыйского в двадцатом веке и представленных в нескольких значимых исследованиях грамматики хантыйского языка. Эти данные сравнивались с языковым материалом, полученным от носителей вахского диалекта хантыйского языка в ходе полевых исследований (2017—2019 гг.). Сравнение с текущими данными показало устойчивость и сохранность именной системы в восточных диалектах хантыйского, которая осталась практически неизменной, несмотря на продолжающееся влияние русского языка.

Хотя рассматриваемые именные категории являются общими для четырех восточных диалектов хантыйского, сравнительный анализ их парадигм выявил некоторые спорные вопросы, касающиеся статуса некоторых маркеров, их форм и использования. Дискуссионные аспекты этих трех категорий связаны с морфемным представлением и статусом некоторых маркеров, а также с используемой терминологией. Самой дискуссионной является категория падежа. Всего в восточно-хантыйских диалектах имеется девять продуктивных падежных показателей: номинатива, аблатива, алатива, латива, локатива, абессива, комитатива, косвенного, транслатива, к которым примыкает ограниченный в использовании маркер дистрибутива.

Морфологическая система ныне используемых диалектов восточнохантыйского — вахского и сургутского — имеет некоторые диалектные различия. Формальные диалектные различия в этих диалектах обнаруживаются в формах притяжательных суффиксов и падежных маркеров.

Ключевые слова: восточнохантыйский, именная морфология, число, посессивность, падеж, диалектные различия

1. Introduction

The Khanty language in general is known to have a very extensive morphology [Honti 1988: 172—196]. From the typological perspective, each Eastern Khanty dialect and subdialect displays a range of common or unique features in morphology. Studies of the morphosyntactic features of various Khanty dialects were initiated in the nineteenth century and included such works as “An experience in writing the grammar of Irtysh and elements of Surgut” by M. A. Castrén [Castrén 1849; Castrén, Schiefner 1858]; a phonetic and morphological description of Southern (Irtysh) dialects by S. Patkanov [Patkanov, Fokos-Fuchs 1911]; grammar of Konda and Yugan by H. Paasonen [Paasonen, Vértes 1965], grammar sketches of Demjanka, Irtysh, Konda, Vakh, Vasyugan, Trom-Yugan, Nizjam, Kazym, Obdorsk by K. F. Karjalainen [Karjalainen, Vértes 1964]; grammar sketches of Synya, Sberkal and Kazym dialects in Ostyak works by W. Steinitz [Steinitz 1975; 1980]; a chrestomathy of nearly all Khanty dialects by L. Honti [Honti 1984/1986].

Basic grammars devoted to one dialect (subdialect) of Eastern Khanty or a subgroup variety of Eastern Khanty have been published since the 1940s, for example, a grammar sketch of the Middle-Ob dialect [Zhvotikov 1942]; grammar of the Sberkal dialect [Steinitz 1950; Schmidt 2008]; grammar essays of the Vakh dialect [Tereshkin 1961; Gulya 1966; Honti 1995]; grammar of the Muzhi dialect [Rédei 1966]; a chrestomathy of Synya and Kazym Khanty [Kispál, Mészáros 1980]; a chrestomathy of the Surgut dialect [Csepregi 1998/2011; 2017]; Obdorsk (Priural) Khanty grammar [Nikolaeva 1995; 1999]; a grammar of Kazym dialect [Nemysova 1988; Kaksin 2007]; a dictionary with a grammar description of Synya Khanty [Onyina 2009]; aspects of the grammar of Vasyugan and Yugan Khanty [Filchenko 2007; 2010].

The nominal morphology of Eastern Khanty varieties has been described in detail in such works as [Tereshkin 1967; Gulya 1976; Honti 1977; 1982]. More focused studies of the Khanty nominal morphology have addressed such issues as the marking of plural [Schiefer 1973], the system of cases [Liimola 1971], the morphological encoding of the ‘essive’ meaning [Filchenko 2017], the functional and pragmatic aspects of case marking [Filchenko 2006b], nominal derivation in Khanty [Sauer 1967], the declension system in the Ob-Ugric dialects [Tereshkin 1974], nominal suffixes and suffix combinations in the Vakh dialect [Veenker 1973], possessive suffixes in the Vasyugan dialects [Mindiyarova 2009], the case systems of nouns and pronouns in Khanty [Koshkareva 2001] among others.

Overall, this long-standing tradition of studying Ob-Ugric languages in general and Khanty in particular has yielded significant achievements in the fields of both Uralic linguistics and typology. What seems to be a disadvantage, however, is that the studies, chronologically covering at least a century-long timespan, have not been grounded in one theoretical framework. Moreover, a great deal of available data is outdated, presented in an inconsistent way, and appears to have been influenced by approaches characterising historical linguistics tradition. Many of these flaws have been identified with regard to Uralistics in general [Klumpp, Mazzitelli, Rozhanskiy 2018] and can be applied to the Khanty studies as well. The task of further developing Khanty studies requires, among other things, complying with the functional-typological methodology and consistency in presenting language data. To this end, it is important to have a clear and comprehensive overview of any language subsystem, for example, nominal morphology, presented in accordance with the latest standards and techniques.

This study focuses on Eastern Khanty and seeks to compare morphological properties of nouns in the Vakh, Vasyugan, Surgut, and Salym dialects that will allow us to reveal their shared and differing features. These results will subsequently be compared with the language data obtained in the course of fieldwork with Vakh Khanty speakers in 2017—2019.

The necessity of such an analysis arises from the fact that there are no unanimous opinions on the contents of various subsystems and their markings, which is aggravated by the presentation of available language data in accordance with various traditions.

The paper is organized as follows. First, a brief introduction to the variety of Eastern Khanty dialects and their contemporary sociolinguistic status is presented in Section 1. Section 2 compares the inflectional morphology of nouns in four Eastern dialects. A summary of the findings is presented in the conclusion.

The data for a comparative analysis have been borrowed from [Castrén, Schiefner 1958; Karjalainen, Vértes 1964; Tereshkin 1961; 1981; Gulya 1966; Honti 1982; 1984/86; Filchenko 2007; 2010; Csepregi 1998/2011; 2017]. The analysis also draws on the data on adnominal possession and case and number marking elicited during fieldwork in the settlements of Korliki, Lariak and Novojugino in 2017—2019. To date, the corpus of transcribed and annotated language data collected in the course of fieldwork with Vakh and Vasyugan speakers encompasses around two thousand words. All examples illustrating the use of Vakh Khanty nominal markers are borrowed from the database owned by one of the authors. Moreover, the Vasyugan examples were borrowed from the online Vasyugan corpus (<http://www.policy.hu/filchenko/FTG%20ELDP%20project/langdata.htm>) and unpublished fieldwork data from The Department of Siberian Indigenous Languages at TSPU.

All nominal markers are presented in tables and explained in the relevant sections of the article. The original examples preserve the transcription systems adopted in the relevant sources. The phonemic orthography of the fieldwork samples is based on the Finno-Ugric transcription (FUT) system.

1.1. A Brief on Eastern Khanty Dialects

Varieties division. The varieties analyzed in this paper, namely, Vakh, Vasyugan, Surgut, and Salym dialects of Khanty, belong to the Eastern cluster of Khanty that is opposed to the Western one, according to the contemporary classification of the dialects in question [Solovar, Nakhracheva, Shiyanova 2016]. The Eastern dialects are named after the tributaries of the Ob river: Salym, Pim, Yugan, Agan, Trom-Yugan, Trom-Yogan, Vakh, and Vasyugan rivers.

For the time being, there is no unanimous opinion on the exact affiliation of Vakh and Vasyugan Khanty. One group of linguists holds an opinion that these varieties form one common Vakh-Vasyugan dialect of Eastern Khanty along with the Surgut and the Salym dialects. [Steinitz 1980: 8; Solovar, Nakhracheva, Shiyanova 2016; Sosa 2017: 1]. Some other linguists argue that Vakh and Vasyugan belong to different Eastern Khanty varieties [Karjalainen, Vértes 1964; Hajdú 1985: 45; Honti 1988: 172]. Our analysis of these varieties is grounded in the concept that the Eastern group comprises two subgroups: Surgut and Vakh-Vasyugan. Each subgroup is further subdivided into two dialects (varieties), e.g. Surgut combines the Surgut and Salym dialects, while Vakh-Vasyugan encompasses the Vakh and the Vasyugan dialects. Marta Csepregi distinguishes such subdialects of the Surgut dialect as Pim, Trom-Agan, Agan, and Yugan [Csepregi 2017: 16], Nikolay I. Tereshkin — Pim, Trom-Yugan, Agan, and Yugan [Tereshkin 1981: 4], while László Honti distinguishes Pim, Trom-Agan, Trom-Yugan, and Yugan subdialects [Honti 1984/1986]. There are two reasons for such convolution in naming Khanty dialects: 1) the Surgut noun *jǎǰən* ‘river’ has several Russian equivalents, e.g. Agan, Yugan, Yegan, Yogan; 2) Trom-Agan is the name of the settlement, whereas Trom-Yogan is the name of the river. The variety of Khanty spoken in the settlement of Trom-Agan, located on the banks of the Trom-Yogan river, is not uniform, consequently, Trom-Agan and Trom-Yogan may be treated as subdialects [Li, Timkin 2019: 44]. In this paper, we will use the river-based terminology adopted for the Surgut dialects: Pim, Trom-Yogan, Agan, and Yugan. Another subdialect of Surgut Khanty mentioned in literature is Lyamin, spoken on the River Lyamin [Csepregi 1997], which is geographically close to the Pim river. This fact accounts for ascribing Lyamin Khanty to the Pim subdialect. The Vakh-Vasyugan subgroup is represented by the Alexandrovsk subdialect that is not spoken nowadays [Solovar, Nahrachjova, Shiyanova 2016: 10]. The Salym dialect is considered as a mixed variety that includes some elements of the now extinct southern dialects of Khanty [Solovar, Nahrachjova, Shiyanova 2016: 11].

Distinctive features of Eastern varieties. According to Tereshkin, a distinction between the Vakh and the Vasyugan dialects is found on the phonological level: the former belongs to the *l*-type, the latter — to the *j*-type. The major difference is revealed in the use of the initial phoneme in word forms: compare the 3rd person pronoun with [l] in Vakh *lǒy*, and with [j] in Vasyugan *jǒy*. Some other examples are *lol* — *jol* ‘a nick (on the blade), crack’, *lop* — *jop* ‘a fishing rod’, *lort* — *jort* ‘a root’ [Tereshkin 1981: 212]. The dictionary by Tereshkin [1981] provides some more phonetic and lexical differences between the two dialects, e.g. V. *wǎlə* — Vas. *wǎla* ‘a bed, plank-bed’ [Tereshkin 1981: 516], V. *ķǎruyǎl* — Vas. *qǎruwǎl* ‘a part of the rifle’ [Tereshkin 1981: 157], V. *kǎnsǎ* — Vas. *ķansa* ‘a pipe for smoking’. Some lexical units are specific to only one dialect, e.g. V. *ķǎrǎntǎyǎltǎ* ‘to put on footwear’, Vas. *ķǎrtǎ* ‘to skin an animal’, Vas. *jolǎmnǎy* ‘a song performed during a ritual’, V. *joyǎtam* ‘afterwards, then’ among others. However, no proper research into the phonetic, lexical and grammatical differences between the two dialects has been carried out. The present study may contribute to identifying variations in nominal morphology. Subdialects of Surgut Khanty represent the *λ*-type¹, while Salym Khanty is regarded as the *t*-type [Solovar, Nakhracheva, Shiyanova 2016]. For example, V., Vas. *ulǎm* — Sur. *ulǎm* — Sal. *utǎm* ‘sleep, dream’, V., Vas. *wǎltǎ* — Sur. *wǎlta* — Sal. *wǎlta* ‘hunt’ [Tereshkin 1981: 500, 520]. [Csepregi 2017: 16] argues that the Salym dialect displays some morphological features that point to its affiliation with the Eastern cluster, however, in terms of phonetics it belongs to the southern cluster. It has also been revealed that the transition of [λ] to [t] started in the Irtysh-Kondinski dialect about 200 years ago and gradually spread to the north and east [Steinitz 1980: 10]. Salym Khanty was the first to be affected by this process, whilst Surgut Khanty is currently going through this process. Another distinctive feature of the Vakh-Vasyugan subgroup is vowel harmony, which is also present to some extent in the variants of Surgut and Salym [Collinder 1960: 2014; Tereshkin 1961: 17; Honti 1984/1986: 24; Steinitz 1966—1993]. Apart from the phonetic and lexi-

¹ In Vakh and Vasyugan [l] is a forelingual, constrictive sonorant, the Surgut [λ] is a forelingual, noise lateral [Tereshkin 1961: 44; Csepregi 2017: 48].

cal differences, the Vakh-Vasyugan and the Surgut subgroups display specific features in grammar as well. For instance, Vakh-Vasyugan Khanty has four forms for the past tense, whereas the Surgut dialect has only one past-tense form not marked by any suffix. There used to be another form for the past tense in Surgut Khanty marked by the suffix *-s*. This suffix is rarely used now [Csepregi 2017: 161, 183], however it was found in some grammar sketches [Karjalainen, Vértes 1964; Honti 1984/1986: 51]. Moreover, only Vakh-Vasyugan Khanty has a construction with a locative-marked subject and a verb in the active voice [Gulya 1970; Tereshkin 1981: 5; Filchenko 2006a]. All Eastern dialects share the vowel gradation [Honti 1982: 116]. It occurs both in the noun declension and in the verb conjugation, e.g. [o] ~ [i] *kołəy* ‘nephew’ — *kilə-əl* nephew-POSS.3SG ‘his/her nephew’. Unlike the eastern cluster of dialects, the western cluster displays vowel gradation only in some monosyllabic verbs, adverbs and in word-formation [Csepregi 2017: 60].

From a sociolinguistic perspective, the language use of the analyzed dialects can be characterized as follows. The research trip to the Nizhnevneartovsk region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra from 2017 to 2019 helped to reveal that the Vakh Khanty use their ethnic language only in the remote, isolated village of Korliki (on the banks of the Korliki river). In the nearest settlements — Lariak, Chekhlovey and Sosnovy Bor (the Vakh river) — the number of speakers does not exceed more than 3—5 people, and the intergenerational transfer of the ethnic language is completely disrupted. A research team, including one of the authors, carried out a survey among Khanty speakers who lived in some settlements (Novoyugino, Staroyugino, Bondarka, Naunak, Bolshaya Griva) along the Vasuygan river in the Kargasok district of the Tomsk region in 2017, and discovered that the ethnic language had ceased being used as a means of communication, and the speakers were able to remember only some isolated lexical units designating objects of material culture (for the word list, see <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/906/6/perspective/906/7/view?page=1>). In the settlements of Novyj Vasyugan and Ozernoe in the Kargasok district the only speakers of Vasyugan Khanty belong to the old generation [Filchenko 2007: 17—18]. The last fluent speaker, P. M. Melimov, is known to have died in 2015 and none of his remaining family members speak the language. Native speakers of the Alexandrovsk subdialect of Vasyugan Khanty do not speak their native language either. Surgut Khanty is currently spoken in the Surgut district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra by the Khanty who live in the basins of the Lyamyn, Pim, Trom-Agan, Trom-Yogan, Agan, Maly and Bolshoy Yugan rivers. According to A. S. Pesikova’s estimates obtained during some ethnographic expeditions between 1992 and 2015, the number of speakers of Surgut Khanty totalled 2 811 people [Csepregi 2017: 18; see also Sosa 2017: 1]. The ethnic speakers of Salym and Vasyugan Khanty have completely switched to Russian.

2. Nominal markers in Eastern Khanty

In the analyzed Eastern Khanty dialects, the noun has three inflectional categories: number, case and possession. There is no grammatical category of gender or that of definiteness in Khanty.

In the morphological structure of the word, the nominal categories are represented in the following order: number marker + possession marker + case marker. For example,

- (1) *kiriw-l-əm-nə* vehicle-PL-POSS.1SG-LOC ‘in my boats’ Vas.;
- (2) *kiriw-ət-nə* vehicle-PL-LOC ‘in boats’ Vas.

In the following sections, each nominal category will be described in terms of its paradigm and salient features in each Eastern Khanty dialect. The objective is to reveal all similarities and differences in the system of nominal markers in the four dialects.

2.1. Number

The Khanty noun has 3 numbers: singular, dual and plural. The dual number is omnipresent in all Ob-Ugric languages [Kálmán 1988: 406], whereas among the other Uralic languages only Saami and Samoyed have a morphologically distinct dual [Itkonen 1960: 41—49; Comrie 1988: 462].

Each number has two forms: absolute (free) and dependent (bound). Their use depends on the presence or absence of possessive markers in the word structure. In example (1) above, the number marker *-l-* is used in the dependent form and the marker *-ət-* is in the absolute form. The absolute (free) number markers indicate the duality or plurality of the object, the dependent (bound) number markers show the duality or plurality of the possessed object. According to most grammarians, bound number markers and possessive suffixes are jointly treated as one morpheme. In the present paper, the bound number markers and the possessive suffixes are treated as separate morphemes because such an approach provides a clearer picture of the paradigm of possessive suffixes and reveals its salient features. According to the traditional view, the possessive paradigm contains

27 markers. The approach proposed here enables us to observe that the bound possessive markers of DU and PL coincide in almost all forms. This makes it possible to combine the identical forms and, consequently, reduce the overall number of possessive suffixes. See Table 12.

The paradigms of the absolute (free) and dependent (bound) number markers in four Eastern dialects are illustrated in Tables 1—6. All Khanty data are borrowed from [Tereshkin 1961: 33; Karjalainen, Vértes 1964; Gulya 1966; Honti 1982; 1984/86: 36—37; Filchenko 2007; Csepregi 1998/2011; 2017]. Allomorphs of the same morpheme are given after a slash.

Table 1. Absolute number markers in **Vakh** and **Vasyugan**

Number	Markers	Examples
SG	∅	<i>weli</i> ‘reindeer’ <i>kat</i> ‘house’
DU	<i>yən/yän</i> (< <i>kən/kän</i>)	<i>weli-yən</i> reindeer-DU ‘two reindeer’ <i>köt-kän</i> stove-DU ‘two stoves’ <i>kat-kən</i> house-DU ‘two houses’ <i>lök-yän</i> road-DU ‘two roads’
PL	<i>t/at/ät</i>	<i>weli-t</i> reindeer-PL ‘many reindeer’ <i>al-t</i> year-PL ‘many years’ <i>kat-at</i> house-PL ‘many houses’ <i>köt-ät</i> hand-PL ‘many hands’

Table 2. Dependent number markers in **Vakh** and **Vasyugan**

Number	Markers	Examples
SG	∅	<i>köy-ämän</i> stone-POSS.1DU ‘our (2) stone’
DU	<i>(ə)y/(ə)l/(ə)y/(ə)l</i> (< <i>k(ə)l/(ə)k(ə)l</i>)	<i>kat-käl-in</i> house-DU-POSS.2PL ‘your two houses’ <i>kök-käl-än</i> (< <i>köy</i>) stone-DU-POSS.2SG ‘your two stones’
PL	<i>l</i>	<i>kür-l-öy</i> axe-PL-POSS.1PL ‘our axes’ <i>wala-l-an</i> place-PL-POSS.2SG ‘your places’

The use of the dual number markers in Vakh Khanty will be illustrated by some examples borrowed from the unpublished fieldwork data. The absolute dual number marker *-yən/-yän* and the dependent dual number marker *-(ə)y/(ə)l/(ə)y/(ə)l* code two objects. The dependent dual number marker codes two possessed objects, cf. (3—6):

- (3) *öyi-yən köläk-kən antə-yən*
girl-DU overcoat-DU put.on-NST.SBJ.3DU
‘The two girls put on their two overcoats.’
- (4) *öyi-äyl-än köläk-kən antə-yən*
girl-DU-POSS.2SG overcoat-DU put.on-NST.SBJ.3DU
‘Your two girls put on their two overcoats.’
- (5) *ämp-yän čäl-l-äyän*
dog-DU bark-NPST-SBJ.3DU
‘Two dogs are barking.’
- (6) *mä weli-yən läwät-l-äm*
1SG deer-DU feed-NPST-SBJ.1SG
‘I feed two deer.’

The dual number makers are used to code paired items, see examples (7—9).

- (7) *kaq-ali-m joypa jö-y-ä, mä täm nöñ-ä kəñčəñ n’ir-ali-kən*
brother-DIM-POSS.1SG home go-EP-IMP.SBJ.SG 1SG here 2SG-LAT patterned Khanty.footwear-DIM-DU
päni kəñčəñ pas-ali-kkən wer-l-äm
and patterned mitten-DIM-DU make-NPST-SBJ.1SG
‘My brother, come home, I will embroider your footwear and mittens here.’

(8) *səwərki sem-äli-kän täja-wəl*
 frog-LOC eye-DIM-DU have-NPST.SBJ.3SG
 ‘A frog has eyes.’

(9) *ḡəsi-nə kät köt-kän*
 human.being-LOC two arm-DU
 ‘A human being has two arms.’

Moreover, the absolute dual number marker *-yän/-kän* in Vakh Khanty is used to form the words denoting members of the family like *iki-sä-yän* grandfather-DERIV-DU ‘a grandfather with a grandchild’, *imi-sä-yän* grandmother-DERIV-DU ‘a grandmother with a grandchild’, *jäy-sä-yän* father-DERIV-DU ‘a father with a child’, *äs-sä-yän* mother-DERIV-DU ‘a mother with a child’, etc. Such formations consist of the word denoting the eldest member of the family (grandmother, grandfather, mother, father, elder brother or sister), the derivational suffix *-sä* denoting any younger member of the family and the dual suffix *-yän/-yən*. Example (10) illustrates how such derivatives can be used in actual speech:

(10) *kät äni-sä-yän t’u wəl-yən t’u wəl-yən*
 two elder.sister-DERIV-DU DEM live-NST.SBJ.3DU DEM live-NST.SBJ.3DU
 ‘The sister and brother live like this.’

The noun’s dual suffix is preserved when it is preceded by the numeral *kä(t)* ‘two’. See examples (11—16).

(11) *kä sar-yän jäḡk-än-äki-yän*
 two pike-DU water-LOC-PRED-DU
 ‘There are two pikes in the water.’

(12) *ap-in kät ämp-yän wä-yäs*
 father-POSS.2SG two dog-DU take-PST2.SBJ.3SG
 ‘Your father took two dogs with him.’

(13) *nöḡ äḡki-nə ėj iki päni kä təkäy-yän täja-wəl*
 2SG mother-LOC one mother’s.elder.brother/uncle and two younger.sister-DU have-NPST.SBJ.3SG
 ‘Your mother has one elder brother/uncle and two younger sisters.’

If the noun is preceded by other numerals up to ten, then the noun is used in the singular, cf. (14—16):

(14) *käčəḡ ḡu ḡoləm rit wä-yäs*
 each person three boat take-PST2.SBJ.3SG
 ‘Each person took three boats.’

(15) *käčəḡ ḡu n’älä rit wä-yäs*
 each person four boat take-PST2.SBJ.3SG
 ‘Each person took four boats.’

(16) *tom ḡəsi-nə wet loy täja-wəl*
 that person-LOC five horse have-PRS.3SG
 ‘That person has five horses.’

The absolute dual number marker *-yän/-yən* can code nouns which express objects conceivable as a couple like *imi-yän ik-kän* old.woman-DU old.man-DU ‘an old man with an old woman’. To express this meaning both nouns are coded by the dual marker, for example (17).

(17) *weli-yän äm-yän wəl-l-äyän*
 deer-DU dog-DU live-NPST-SBJ.3DU
 ‘A deer lives with a dog.’

The marker of the dual number can be added to the numeral *kä(t)* ‘two’ as well if it is not followed by the noun denoting an object of the real world, see example (18):

(18) *lüy kät-kän pä ḡolislä-yas*
 3SG two-DU time cough-PST2.SBJ.3SG
 ‘He coughed two times.’

The absolute number marker *-t/-ət/-ät* and the dependent number marker *-l* are used to code more than two entities. The dependent number marker *-l* codes possessed entities. Cf. examples (19—20):

(19) *äjlänä äŋki-täl* *kan't'a pit-käl*
 once mother-POSS.3PL ill fall-PST3.SBJ.3SG
 ‘Once their mother fell ill.’

(20) *ämp-ät t'äl-äkä-tä-yäs-ät*
 dog-PL bark-INCH-TR-PST2-SBJ.3PL
 ‘The dogs started barking.’

The use of number markers by Vasyugan Khanty speakers is described in [Filchenko 2007: 76—80].

Table 3. Absolute number markers in **Surgut**

Number	Markers	Examples
SG	∅	<i>kat</i> ‘house’ <i>imi</i> ‘woman’ <i>wajəy</i> ‘animal’
DU	<i>yən</i> (< <i>kən/kən</i>)	<i>kat-kən</i> house-DU ‘two houses’ <i>imi-yən</i> woman-DU ‘two women’ <i>wajk-kən</i> animal-DU ‘two animals’
PL	<i>t/ət</i>	<i>weli-t</i> reindeer-PL ‘many reindeer’ <i>wajy-ət</i> animal-PL ‘many animals’

Table 4. Dependent number markers in **Surgut**

Number	Markers	Examples
SG	∅	<i>rit-em</i> boat-POSS.1SG ‘my boat’ <i>kut-in</i> house-POSS.2PL ‘your house’
DU	<i>yəl</i> (< <i>kəl/kəl</i>)	<i>rit-yəl-ən</i> boat-DU-POSS.2PL ‘your two boats’ <i>kot-yəl-in</i> house-DU-POSS.2PL ‘your two houses’
PL	<i>λ</i>	<i>rit-λ-al</i> boat-PL-POSS.3PL ‘their boats’ <i>kot-λ-in</i> house-PL-POSS.2PL ‘your houses’

The use of number markers by Surgut Khanty speakers is described in detail in [Csepregi 2017: 75—77].

Table 5. Absolute number markers in **Salym**

Number	Markers	Examples
SG	∅	<i>n'öy</i> ‘small river’ <i>awə</i> ‘daughter, girl’ <i>pos</i> ‘mitten’
DU	<i>yən</i> (< <i>kən/kən</i>)	<i>awə-yən</i> daughter-DU ‘two daughters, girls’ <i>n'ök-kən</i> small.river-DU ‘two small rivers’
PL	<i>t/ət</i>	<i>pos-ət</i> mitten-PL ‘many mittens’ <i>awə-t</i> daughter-PL ‘many daughters, girls’

The data presented in Table 6 were borrowed from [Honti 1982; 1984/86: 36—37]. Regrettably, there are neither available documented texts in Salym Khanty nor any relevant examples in the Eastern Khanty dictionary [Tereshkin 1981].

Table 6. Dependent number markers in **Salym**

Number	Markers	Examples
SG	∅	—
DU	<i>ŋət</i>	—
PL	<i>t</i>	—

In Table 7 all number markers in the four dialects are summarized.

Table 7. Number markers in four Eastern dialects

Type of marker	Number	Dialects			
		Vakh	Vasyugan	Surgut	Salym
Absolute	SG	∅			
	DU	<i>ɣən/ɣän</i> (< <i>ɕən/kən</i>)		<i>ɣən</i> (< <i>ɕən/kən</i>)	<i>ɣən</i> (< <i>ɕən/kən</i>)
	PL	<i>t/ət/ät</i>		<i>t/ət</i>	<i>t/ət</i>
Dependent	SG	∅			
	DU	<i>(ə)ɣ(ə)l/(ə)ɣ(ä)l</i> (< <i>(ə)ɕ(ə)l/(ə)k(ä)l</i>)		<i>ɣəl</i> (< <i>kəl/ɕəl</i>)	<i>ɲət</i>
	PL	<i>l</i>		<i>λ</i>	<i>t</i>

As follows from Table 7, the singular number (in both free and bound types) is unmarked in all dialects. The dual free marker is identical in the dialects *-ɣən/ɣän*, whereas the bound dual marker presents some variation: *-ɣl/-ɣəl/-ɲət*. In Khanty, either *ɣ* or its nasal variant *ɲ* is the dual suffix [Kálmán 1988: 406] and both are found in Eastern Khanty.

The plural free marker is *-t-* which is a feature shared by the Ob-Ugric languages and the majority of Uralic languages [Kálmán 1988: 406]. This morpheme *-t-* appears in nominal suffixes as well as in the verbal suffix marking the third person plural which may be indicative of its polysemous nature. The plurality of possession is marked by the suffix *-l/-λ*. This marker is unknown in other cognate languages [Kálmán 1988: 406].

In summary, researchers express unanimous opinions on the forms of number markers in the four Eastern Khanty dialects. The differences attested within the number markers paradigm are associated with the phonological variations in the group of Eastern dialects: the Vakh-Vasyugan subgroup uses the phoneme [l] — a forelingual, constrictive sonorant, the Surgut dialect — [λ] — a forelingual, noise lateral. In the Salym dialect [λ] has changed into to [t].

2.2. Possession

In the Ob-Ugric languages, the category of possession is marked with suffixes [Liimola 1963: 202—241; Décsy 1990: 66]. These possessive markers encode the person, the number of the possessor and the number of the possessee simultaneously. The nominal possessive paradigm includes forms for three persons (1, 2, 3) and three numbers (SG, DU, PL) in each dialect.

Noun phrases with possessive suffixes can denote possessive relation of various kinds (see [Janda 2015: 245] for the clarification): prototypical possessive (e.g. *Mari's doll*), non-prototypical (*branches of trees*) and non-possessive (*my plane, my station*) [Janda 2015: 245]. In the Ob-Ugric languages, the noun marked by a possessive suffix is the head of the construction that is referred to the possessed. The possessive suffixes encode the referent that serves as a possessor. The possessor can be overtly expressed by a noun or a pronoun preceding the head as a modifier. The noun phrase occurs in four variations in Ob-Ugric languages presented in Table 8 below [Janda 2015: 244].

Table 8. Options of noun phrases in Ob-Ugric languages

	Modifier	Head	
	Possessor	Possessed	
1 st pattern	noun	noun	
2 nd pattern	noun	noun	POSS
3 rd pattern	∅	noun	POSS
4 th pattern	pronoun	noun	POSS

Tables 9—11 present nominal possessive suffixes and their allomorphs in Eastern Khanty dialects. Their forms are illustrated in sample possessive noun phrases. All Khanty data are borrowed from fieldwork carried out from 2017 to 2019 and from [Karjalainen, Vértes 1964; Tereshkin 1961: 33; Gulya 1966: 58—59; Honti 1984/86: 39].

Table 9. Possessive markers in **Vakh**
köy ‘stone’, *kat* ‘house’, *kür* ‘axe’

Possessor		Possessee		
		SG	DU	PL
SG	1	<i>m/əm/əm/im/im/am/äm</i> <i>köy-äm</i> stone-POSS.1SG ‘my stone’ <i>kat-äm</i> ‘my house’ house-POSS.1SG <i>kür-im</i> axe-POSS.1SG ‘my axe’	<i>am/äm</i> <i>kök-käl-äm</i> stone-DU-POSS.1SG ‘my two stones’ <i>kat-äyl-am</i> house-DU-POSS.1SG ‘my two houses’ <i>kür-äyl-äm</i> axe-DU-POSS.1SG ‘my two axes’	<i>am/äm</i> <i>köy-l-äm</i> stone-PL-POSS.1SG ‘my stones’ <i>kat-l-am</i> house-PL-POSS.1SG ‘my houses’ <i>kür-l-äm</i> axe-PL-POSS.1SG ‘my axes’
	2	<i>n/ən/ən/in/in/an/än</i> <i>köy-än</i> stone-POSS.2SG ‘your stone’ <i>kat-än</i> house-POSS.2SG ‘your house’ <i>kür-im</i> axe-POSS.2SG ‘your axe’	<i>an/än</i> <i>köy-käl-än</i> stone-DU-POSS.2SG ‘your two stones’ <i>kat-äyl-an</i> house-DU-POSS.2SG ‘your two houses’ <i>kür-äyl-än</i> axe-DU-POSS.2SG ‘your two axes’	<i>an/än</i> <i>köy-l-än</i> stone-PL-POSS.2SG ‘your stones’ <i>kat-l-an</i> house-PL-POSS.2SG ‘your houses’ <i>kür-l-än</i> axe-PL-POSS.2SG ‘your axes’
	3	<i>l/əl/əl</i> <i>köy-əl</i> stone-POSS.3SG ‘his/her stone’ <i>kat-əl</i> house-POSS.3SG ‘his/her house’ <i>kür-əl</i> axe-POSS.3SG ‘his/her axe’	$\emptyset$ <i>köy-käl</i> stone-DU-POSS.3SG ‘his/her two stones’ <i>kat-äyl</i> house-DU-POSS.3SG ‘his/her two houses’ <i>kür-äyl</i> axe-DU-POSS.3SG ‘his/her two axes’	<i>əl/əl</i> (K) ² $\emptyset$ /əl/əl/al/äl/lə/lä (H) lə/lä (G, T, FW) <i>köy-l/köy-l-lə/köy-l-äl</i> stone-PL-POSS.3SG / stone-PL- POSS.3SG / stone-PL-POSS.3SG ‘his/her stones’ <i>kat-l-lə/kat-al</i> house-PL-POSS.3SG / house- PL-POSS.3SG ‘his/her houses’ <i>kür-l/kür-l-lə/kür-l-äl</i> axe-PL-POSS.3SG / axe-PL-POSS.3SG / axe-PL-POSS.3SG ‘his/her axes’
DU	1	<i>mən/mən/əmən/ämən/ imən/imən/amən/ämən</i> <i>köy-ämən</i> stone-POSS.1DU ‘our (2) stone’ <i>kat-ämən</i> house-POSS.1DU ‘our (2) house’ <i>kür-ämən</i> axe-POSS.1DU ‘our (2) axe’	<i>amən/ämən</i> <i>köy-käl-ämən</i> stone-DU-POSS.1DU ‘our (2) two stones’ <i>kat-äyl-ämən</i> house-DU-POSS.1DU ‘our (2) two houses’ <i>kür-äyl-ämən</i> axe-DU-POSS.1DU ‘our (2) two axes’	<i>amən/ämən</i> <i>köy-l-ämən</i> stone-PL-POSS.1DU ‘our (2) stones’ <i>kat-l-ämən</i> house-PL-POSS.1DU ‘our (2) houses’ <i>kür-l-ämən</i> axe-PL-POSS.1DU ‘our (2) axes’

² The letter in brackets indicates the surname of a researcher who mentions this allomorph: K — K. F. Karjalainen, H — L. Honti, T — N. I. Tereshkin, G — J. Gulya, C — M. Csepregi, F — A. Ju. Filchenko, FW — data obtained during fieldwork or retrieved from unpublished data, for instance, *-ləχ* (K), *-∅* (T), *-ləγ/-läγ* (G, H).

Possessor	Possessee			
	SG	DU	PL	
2	<i>tən/tän/ətən/ätän</i> <i>köy-ätän</i> stone-POSS.2DU ‘your (2) stone’ <i>kut-ətən</i> house-POSS.2DU ‘your (2) house’ <i>kür-ätän</i> axe-POSS.2DU ‘your (2) axe’	<i>in/in</i> <i>köy-kəl-in</i> stone-DU-POSS.2DU ‘your (2) two stones’ <i>kat-əyl-in</i> house-DU-POSS.2DU ‘your (2) two houses’ <i>kür-əyl-in</i> axe-DU-POSS.2DU ‘your (2) two axes’	<i>in/in</i> <i>köy-l-in</i> stone-PL-POSS.2DU ‘your (2) stones’ <i>kat-l-in</i> house-PL-POSS.2DU ‘your (2) houses’ <i>kür-l-in</i> axe-PL-POSS.2DU ‘your (2) axes’	
	3	<i>tən/tän/ətən/ätän</i> <i>köy-ätän</i> stone-POSS.3DU ‘their (2) stone’ <i>kut-ətən</i> house-POSS.3DU ‘their (2) house’ <i>kür-ätän</i> axe-POSS.3DU ‘their (2) axe’	<i>in/in</i> <i>köy-kəl-in</i> stone-DU-POSS.3DU ‘their two stones’ <i>kat-əyl-in</i> house-DU-POSS.3DU ‘their (2) two houses’ <i>kür-əyl-in</i> axe-DU-POSS.3DU ‘their (2) two axes’	<i>in/in</i> <i>köy-l-in</i> stone-PL-POSS.3DU ‘their (2) stones’ <i>kat-l-in</i> house-PL-POSS.3DU ‘their (2) houses’ <i>kür-l-in</i> axe-PL-POSS.3DU ‘their (2) axes’
PL	1	<i>əy/öy</i> <i>köy-öy</i> stone-POSS.1PL ‘our stone’ <i>kut-əy</i> house-POSS.1PL ‘our house’ ax-POSS.1PL <i>kür-öy</i> ‘our axe’	<i>əy/öy</i> <i>köy-kəl-öy</i> stone-DU-POSS.1PL ‘our two stones’ <i>kat-əyl-əy</i> house-DU-POSS.1PL ‘our two houses’ <i>kür-əyl-öy</i> axe-DU-POSS.1PL ‘our two axes’	<i>əy/öy</i> <i>köy-l-öy</i> stone-PL-POSS.1PL ‘our stones’ <i>kat-l-əy</i> house-PL-POSS.1PL ‘our houses’ <i>kür-l-öy</i> axe-PL-POSS.1PL ‘our axes’
	2	<i>tən/tän/ətən/ätän</i> <i>köy-ätän</i> stone-POSS.2PL ‘your stone’ <i>kut-ətən</i> house-POSS.2PL ‘your house’ <i>kür-ätän</i> axe-POSS.2PL ‘your ax’	<i>in/in</i> <i>köy-kəl-in</i> stone-DU-POSS.2PL ‘your two stones’ <i>kat-əyl-in</i> house-DU-POSS.2PL ‘your two houses’ <i>kür-əyl-in</i> axe-DU-POSS.2PL ‘our two axes’	<i>in/in</i> <i>köy-l-in</i> stone-PL-POSS.2PL ‘your stones’ <i>kat-l-in</i> house-PL-POSS.2PL ‘your houses’ <i>kür-l-in</i> axe-PL-POSS.2PL ‘your axes’
	3	<i>təl/täl/ətəl/ätäl</i> (K, H, G, T, FW) <i>jil/jil/il/il</i> (H) <i>köy-ätäl/köy-il</i> stone-POSS.3PL ‘their stone’ <i>kut-ətäl/kut-il</i> house-POSS.3PL ‘their house’ <i>kür-ätäl/kür-il</i> axe-POSS.3PL ‘their axe’ <i>imi-täl/imə-jil</i> woman-POSS.3PL ‘their woman’	<i>al/äl</i> <i>köy-kəl-äl</i> stone-DU-POSS.3PL ‘their two stones’ <i>kat-əyl-al</i> house-DU-POSS.3PL ‘their two houses’ <i>kür-əyl-äl</i> axe-DU-POSS.3PL ‘their two axes’	<i>al/äl</i> <i>köy-l-äl</i> stone-PL-POSS.3PL ‘their stones’ <i>kat-l-al</i> house-PL-POSS.3PL ‘their houses’ <i>kür-l-äl</i> axe-PL-POSS.3PL ‘their axes’

The data in Table 9 show that researchers only disagree about the form of 3SG of the possessor and PL of the possessed. Karjalainen mentions markers *-əl/-äl*, whereas Honti distinguishes markers *-Ø/əl/äl/al/äl/lə/lä*, Gulya and Tereshkin give the form *-lə/-lä*. The available field data comply with Gulya and Tereshkin's opinion. Along with that, Honti distinguishes two groups of suffixes: *-(j)il/-(j)il* and *-(ə)təl/-(ə)täl* that can be used to mark 3PL of the possessor and SG of the possessed. Karjalainen, Gulya and Tereshkin, however, argue that there is only one set of suffixes *-(ə)təl/-(ə)täl*, which is supported by the recently collected field data.

The following possessive paradigm obtained from ethnic Vakh speakers during field trips from 2017 to 2019 demonstrates possessive noun phrases.

Examples of the noun phrases with a SG possessee include *möñkäm-īm* snake-POSS.1SG 'my snake', *möñkäm-in* snake-POSS.2SG 'your snake', *möñkäm-äl* snake-POSS.3SG 'his/her snake', *möñkäm-īmän* snake-POSS.1DU 'our (2) snake', *möñkäm-ätän* snake-POSS.2DU 'your (2) snake', *möñkäm-ätän* snake-POSS.3DU 'their (2) snake', *möñkäm-öy* snake-POSS.1PL 'our snake', *möñkäm-ätän* snake-POSS.2PL 'your snake', *möñkäm-ätäl* snake-POSS.3PL 'their snake'.

Examples of the noun phrases with a DU possessee include *möñkäm-äyl-äm* snake-DU-POSS.1SG 'my two snakes', *möñkäm-äyl-än* snake-DU-POSS.2SG 'your two snakes', *möñkäm-äyl* snake-DU-POSS.3SG 'his/her two snakes', *möñkäm-äyl-ämän* snake-DU-POSS.1DU 'our (2) two snakes', *möñkäm-äyl-in* snake-DU-POSS.2DU 'your (2) two snakes', *möñkäm-äyl-in* snake-DU-POSS.2DU 'your (2) two snakes', *möñkäm-äyl-öy* snake-DU-POSS.1PL 'our two snakes'; *möñkäm-äyl-in* snake-DU-POSS.3DU 'their two snakes', *möñkäm-äyl-äl* snake-DU-POSS.3PL 'their two snakes'.

Examples of noun phrases with a PL possessee include *möñkäm-l-äm* snake-PL-POSS.1SG 'my snakes', *möñkäm-l-än* snake-PL-POSS.2SG 'your snakes', *möñkäm-l-lä* snake-PL-POSS.3SG 'his/her snakes', *möñkäm-l-ämän* snake-PL-POSS.1DU 'our (2) snakes', *möñkäm-l-in* snake-PL-POSS.2DU 'your (2) snakes', *möñkäm-l-in* snake-PL-POSS.3DU 'their (2) snakes', *möñkäm-l-öy* snake-PL-POSS.1PL 'our snakes', *möñkäm-l-in* snake-PL-POSS.2PL 'your snakes', *möñkäm-l-äl* snake-PL-POSS.3PL 'their snakes'.

The four patterns indicated by Janda for Ob-Ugric languages (see Table 8) have been revealed in Vakh Khanty. Below we consider each pattern separately.

The first set of examples (21—25) illustrates the first pattern of possessive noun phrases, including embedded ones. Possessive relations are denoted by simple juxtaposition of the possessor and possessed.

- (21) *t'i welü kör-γän.*
 this child leg-DU
 'It is a child's legs.'
- (22) *ämp käs-käs pükini ewäl.*
 dog run-PST2-SBJ.3SG hare scent
 'The dog ran after the scent of a hare.'
- (23) *put juγ-nə koy-ta čoy-i put lajəγ-wäl*
 pot tree turn.out porridge-DERIV pot hang-NPST.SBJ.3SG
 'It turns out that a pot with porridge is hanging on the stick for pots.'
- (24) *t'i mä äči-m päy*
 this 1SG older.brother-POSS.1SG son
 'It is my older brother's son.'
- (25) *t'i ku-j-əm iki öyi*
 this husband-EP-POSS.1SG man daughter
 'It is my husband's daughter.'

Examples (26—28) demonstrate the second pattern of noun phrases. Possessive relations are expressed by possessive suffixes attached to the head-noun in the phrase.

- (26) *t'i welä əñki-l*
 this child mother-POSS.3SG
 'It is a mother's child.'
- (27) *t'i əñki-m äni-l*
 this mother-POSS.1SG sister-POSS.3SG
 'It is my mother's sister.'
- (28) *səwəs iki čöñč-äl kiräytä-min joğ ləña-ķə-tə-s*
 forest.ghost old.man back-POSS.3SG turn-CNV house enter-INCH-TR-PST1.SBJ.3SG
 'When Sevsiki turned his back to him, [he] entered.'

The third pattern is more frequently used than others. In this pattern, the possessor is expressed implicitly. The possessed functioning as the head is marked by possessive suffixes.

- (29) *api-täl tewärsäy-jä-γäl*
father-POSS.3PL die-EP-PST3.SBJ.3SG
‘Their father died.’
- (30) *äñkiyot-l-äm lawka-nə pəki wə-wäl-t wor ont-a tu-wäl-t*
parent-PL-POSS.1SG shop-LOC doll take-NPST-SBJ.3PL forest inside-ALL bring-NPST-SBJ.3PL
‘My parents buy a doll in the shop and bring it to the forest.’
- (31) *äni-l on'čəy juγ-li likär tōy tu-s*
sister-POSS.3SG pine tree-DERIV sledge there bring-PST1.SBJ.3SG
‘His sister brought a sledge made of pine.’
- (32) *ka, kiləy-ali-m tōγä-nə nuḵ li-s-i*
well, grandson-DIM-POSS.1SG fire-LOC upward eat-PST1-PASS.3SG
‘Well, my little grandson was eaten by fire.’
- (33) *kut-äl-a joy ləŋa-s päni kat pat'-nə juγ kat-a mälišə-wäl*
house-POSS.3SG-LAT inside enter-PST1.SBJ.3SG and house edge-LOC wood house-LAT touch-NPST.SBJ.3SG
‘He entered his house and was touching/groping its wooden walls.’
- (34) *tim-tom pəjlaŋ-äl-na čoyət jerimil-l-ätä*
this-that wing-POSS.3SG-COM snow mark-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG
‘[It] marks the snow with this or that wing.’

The last set of examples (35—36) demonstrates the fourth pattern of possessive noun phrases with a pronominal possessor.

- (35) *tim man'č, mü man'č-əm köyi*
this fairy-tale this fairy-tale-POSS.1SG cuckoo
‘This fairy-tale, my fairy-tale — “Cuckoo”.’
- (36) *min pəγali-mən t'u al tewärsäy-jä-γäl*
1DU boy-POSS.1DU that year die-EP-PST3.SBJ.3SG
‘Our boy died that year.’

The possessive markers in Vasyugan Khanty are studied in [Karjalainen, Vértes 1964; Honti 1984/86: 39; Filchenko 2007].

Table 10. Possessive markers in **Vasyugan**
öyi ‘daughter’, ‘girl’ *wäla* ‘place’, *ḵul* ‘fish’

Possessor		Possessee		
		SG	DU	PL
SG	1	<i>m/əm/əm/im/im/am/äm</i> <i>öyi-m</i> daughter/girl-POSS.1SG ‘my girl’ <i>wäla-m</i> place-POSS.1SG ‘my place’	<i>am/äm</i> <i>öyi-käl-äm/öyi-γl-äm</i> daughter/girl-DU-POSS.1SG ‘my (two) girls’ <i>wäla-γl-am</i> place-DU-POSS.1SG ‘my two places’	<i>am/äm</i> <i>öyi-l-äm</i> daughter/girl-PL-POSS.1SG ‘my girls’ <i>wäla-l-am</i> place-PL-POSS.1SG ‘my places’
	2	<i>n/ən/ən/in/in/an/än</i> <i>öyi-n</i> daughter/girl-POSS.2SG ‘your girl’ <i>wäla-n</i> place-POSS.2SG ‘your place’	<i>an/än</i> <i>öyi-käl-än/öyi-γl-än</i> daughter/girl-DU-POSS.2SG ‘your two girls’ <i>wäla-γl-an</i> place-DU-POSS.2SG ‘your two places’	<i>an/än</i> <i>öyi-l-än</i> daughter/girl-PL-POSS.2SG ‘your girls’ <i>wäla-l-an</i> place-PL-POSS.2SG ‘your places’

Possessor		Possessee		
		SG	DU	PL
DU	3	<i>l/əl/əl</i> <i>öyi-l</i> daughter/girl-POSS.3SG ‘his/her girl’ <i>wäla-l</i> place-POSS.3SG ‘his/her place’	Ø <i>öyi-käl</i> daughter/girl-DU.POSS.3SG ‘his/her two girls’ <i>wäla-yl</i> place-DU.POSS.3SG ‘his/her two places’	<i>lə/lə</i> (F) <i>əl/əl</i> (K, H) <i>öyi-l-əl</i> daughter/girl-PL-POSS.3SG ‘his/her girls’ <i>wäla-l-əl</i> place-PL-POSS.3SG ‘his/her places’ <i>kül-l-lə</i> fish-PL-POSS.3SG ‘his/her fish’
	1	<i>mən/mən/əmən/ämən/ imən/imən/amən/ämən</i> (K, H) <i>min/mİN</i> (F) <i>öyi-mən</i> daughter/girl-POSS.1DU ‘our (2) girl’ <i>wäla-mən</i> place-POSS.1DU ‘our (2) place’ <i>kül-mİN</i> fish-POSS.1DU ‘our (2) fish’	<i>amən/ämən</i> (K, H) <i>min/mİN</i> (F) <i>öyi-käl-ämən/öyi-yl-ämən</i> daughter/girl-DU-POSS.1DU ‘our (2) two girls’ <i>wäla-yl-amən</i> place-DU-POSS.1DU ‘our (2) two places’ <i>kül-əl-ämİN</i> fish-DU-POSS.1DU ‘our (2) two fish’	<i>amən/ämən</i> (K, H) <i>min/mİN</i> (F) <i>öyi-l-ämən</i> daughter/girl-PL-POSS.1DU ‘our (2) girls’ <i>wäla-l-amən</i> place-PL-POSS.1DU ‘our (2) places’ <i>kül-əl-ämİN</i> fish-PL-POSS.1DU ‘our (2) fish’
	2	<i>tən/tən/ətən/ätən</i> <i>öyi-tən</i> daughter/girl-POSS.2DU ‘your (2) girl’ <i>wäla-tən</i> place-POSS.2DU ‘your (2) place’	<i>in/in</i> <i>öyi-käl-in/öyi-yl-in</i> daughter/girl-DU-POSS.2DU ‘your (2) two girls’ <i>wäla-yl-in</i> place-DU-POSS.2DU ‘your (2) two places’	<i>in/in</i> <i>öyi-l-in</i> daughter/girl-PL-POSS.2DU ‘your (2) girls’ <i>wäla-l-in</i> place-PL-POSS.2DU ‘your places’
	3	<i>tən/tən/ətən/ätən</i> <i>öyi-tən</i> daughter/girl-POSS.3DU ‘their (2) girl’ <i>wäla-tən</i> place-POSS.3DU ‘their (2) place’	<i>in/in</i> <i>öyi-käl-in/öyi-yl-in</i> daughter/girl-DU-POSS.3DU ‘their (2) two girls’ <i>wäla-yl-in</i> place-DU-POSS.3DU ‘their (2) two places’	<i>in/in</i> <i>öyi-l-in</i> daughter/girl-PL-POSS.3DU ‘their (2) girls’ <i>wäla-l-in</i> place-PL-POSS.3DU ‘their (2) places’
PL	1	<i>w/əw/öw</i> (K, H) <i>y/əy/öy</i> (F) <i>öyi-w</i> daughter/girl-POSS.1PL ‘our girl’ <i>wälo-w</i> place-POSS.1PL ‘our place’ <i>kül-əy</i> fish-POSS.1PL ‘our fish’	<i>w/əw/öw/əw/əw</i> (K, H) <i>y/əy/öy</i> (F) <i>öyi-käl-əw/öyi-yl-əw</i> daughter/girl-DU-POSS.1PL ‘our two girls’ <i>wäla-yl-əw</i> place-DU-POSS.1PL ‘our two places’ <i>kül-yl-əy</i> fish-DU-POSS.1PL ‘our two fish’	<i>w/əw/öw/əw/əw</i> (K, H) <i>y/əy/öy</i> (F) <i>öyi-l-əw</i> daughter/girl-PL-POSS.1PL ‘our girls’ <i>wäla-l-əw</i> place-PL-POSS.1PL ‘our places’ <i>kül-yl-əy</i> fish-PL-POSS.1PL ‘our fish’

Possessor		Possessee		
		SG	DU	PL
2		<i>tən/tən/ətən/ätən</i> <i>öyi-tən</i> daughter/girl-POSS.2PL 'your girl' <i>wāla-tən</i> place-POSS.2PL 'your place'	<i>in/in</i> <i>öyi-käl-in/öyi-yl-in</i> daughter/girl-DU-POSS.2PL 'your two girls' <i>wāla-yl-in</i> place-DU-POSS.2PL 'your two places' <i>kül-yl-in</i> fish-DU-POSS.2PL 'your two fish'	<i>in/in</i> <i>öyi-l-in</i> daughter/girl-PL-POSS.2PL 'your girls' <i>wāla-yl-in</i> place-PL-POSS.2PL 'your places' <i>kül-yl-in</i> fish-PL-POSS.2PL 'your fish'
	3	<i>jil/jil/il/il (K, H)</i> <i>täl/täl (F)</i> <i>öyә-jil</i> daughter/girl-POSS.3PL 'their girl' <i>wāla-jil</i> place-POSS.3PL 'their place' <i>kat-il</i> house-POSS.3PL 'their house' <i>kül-täl</i> fish-POSS.3PL 'their fish'	<i>al/äl (K, H)</i> <i>äl/äl (F)</i> <i>öyi-käl-ül/öyi-yl-ül</i> daughter/girl-DU-POSS.3PL 'their two girls' <i>wāla-yl-äl</i> place-DU-POSS.3PL 'their two places' <i>kül-yl-äl</i> fish-DU-POSS.3PL 'their two fish'	<i>al/äl (K, H)</i> <i>äl/äl (F)</i> <i>öyi-l-ül</i> daughter/girl-DU-POSS.3PL 'their girls' <i>wāla-l-äl</i> place-DU-POSS.3PL 'their places' <i>kül-l-äl</i> fish-DU-POSS.3PL 'their fish'

As can be inferred from Table 10, variations of the suffix forms are more numerous in Vasyugan Khanty. These variations affect several forms: 1) 3SG of the possessor and PL of the possessed (e.g. *-läl/-lä (F)*, *-äl/-äl (K, H)*); 2) 1DU of the possessor and SG, DU, PL of the possessed (e.g. *-mən/mən/əmən/ämən/imən/imən/amən/ämən (K, H)*, *-min/-min (F)*); 3) 1PL of the possessor and SG, DU and PL of the possessed (e.g. *-y/өy/öy (F)*, *-w/өw/öw/əw/əw (K, H)*); 4) 3PL of the possessor and SG of the possessed (e.g. *-täl/-täl (F)*, *-(j)il/-(j)il (K, H)*); 5) 3PL of the possessor and DU and PL of the possessed (e.g. *-äl/-äl (F)*, *-al/-äl (K, H)*).

It is important to mention here that only two linguists — K. F. Karjalainen and A. Yu. Filchenko — managed to do fieldwork in the area where the Vasyugan Khanty reside. Their field trips were carried out approximately a hundred years apart, which alone can account for the discrepancies in the suffix forms. Moreover, Filchenko's language data were obtained from a few native speakers.

The use of possessive suffixes (in accordance with the patterns) by Vasyugan Khanty speakers is described in [Filchenko 2007: 80—83].

Table 11 introduces the Surgut possessive suffixes.

Table 11. Possessive markers in **Surgut** [Karjalainen, Vértes 1964; Honti 1984/1986; Csepregi 1998/2011; 2017] TrY. *pänə* 'string', *P. rit* 'boat'

Possessor		Possessee		
		SG	DU	PL
SG	1	<i>əm/em/am</i> <i>pän-am</i> string-POSS.1SG 'my string' <i>rit-em</i> boat-POSS.1SG 'my boat'	<i>am</i> <i>pän-yäl-am</i> string-DU-POSS.1SG 'my two strings' <i>rit-yäl-am</i> boat-DU-POSS.1SG 'my two boats'	<i>am</i> <i>pänə-λ-am</i> string-PL-POSS.1SG 'my strings' <i>rit-λ-am</i> boat-PL-POSS.1SG 'my boats'

Possessor	Possessee			
	SG	DU	PL	
	2	<p><i>ən/en/ela</i></p> <p><i>pǎn-a</i> string-POSS.2SG 'your string'</p> <p><i>rit-e(n)</i> boat-POSS.2SG 'your boat'</p>	<p><i>a</i></p> <p><i>pǎn-γəl-a</i> string-DU-POSS.2SG 'your two strings'</p> <p><i>rit-γəl-a</i> boat-DU-POSS.2SG 'your two boats'</p>	<p><i>a</i></p> <p><i>pǎnə-λ-a</i> string-PL-POSS.2SG 'your strings'</p> <p><i>rit-λ-a</i> boat-PL-POSS.2SG 'your boats'</p>
	3	<p><i>λ/əλ/iλ</i></p> <p><i>pǎna-λ</i> string-POSS.3SG 'his/her string'</p> <p><i>rit-əλ</i> boat-POSS.3SG 'his/her boat'</p>	<p>∅</p> <p><i>pǎn-γəl</i> string-DU-POSS.2SG 'his/her two strings'</p> <p><i>rit-γəl</i> boat-DU-POSS.2SG 'his/her two boats'</p>	<p>∅/-λ/-əλ/aλ</p> <p><i>pǎna-λ</i> string-PL/POSS.2SG 'his/her strings'</p> <p><i>rit-λ-aλ</i> boat-PL-POSS.2SG 'his/her boats'</p>
DU	1	<p><i>mən</i></p> <p><i>pǎna-mən</i> string-POSS.1DU 'our (2) string'</p> <p><i>rit-mən</i> boat-POSS.1DU 'our (2) boat'</p>	<p><i>mən/əmən/amən</i> P. <i>amən</i> (H)</p> <p><i>pǎn-γəl-mən</i> string-DU-POSS.1DU 'our (2) two strings'</p> <p><i>rit-γəl-amən</i> boat-DU-POSS.1DU 'our (2) two boats'</p>	<p><i>mən/əmən/amən</i> P. <i>amən</i> (H)</p> <p><i>pǎn-λ-mən</i> string-PL-POSS.1DU 'our (2) strings'</p> <p><i>rit-λ-amən</i> boat-PL-POSS.1DU 'our (2) boats'</p>
	2	<p><i>in/in</i></p> <p><i>pǎn-in</i> string-POSS.2DU 'your (2) string'</p> <p><i>rit-in</i> boat-POSS.2DU 'your (2) boat'</p>	<p><i>ən</i></p> <p><i>pǎn-γəl-ən</i> string-DU-POSS.2DU 'your (2) two strings'</p> <p><i>rit-γəl-ən</i> boat-DU-POSS.2DU 'your (2) two boats'</p>	<p><i>ən/in</i></p> <p><i>pǎn-λ-ən</i> string-PL-POSS.2DU 'your (2) strings'</p> <p><i>rit-λ-ən</i> boat-PL-POSS.2DU 'your (2) boats'</p>
	3	<p><i>in/in</i></p> <p><i>pǎna-in</i> string-POSS.3DU 'their (2) string'</p> <p><i>rit-in</i> boat-POSS.3DU 'their (2) boat'</p>	<p><i>ən</i></p> <p><i>pǎn-γəl-ən</i> string-DU-POSS.3DU 'their (2) two strings'</p> <p><i>rit-γəl-ən</i> boat-DU-POSS.3DU 'their (2) two boats'</p>	<p><i>ən/in</i></p> <p><i>pǎn-λ-mən</i> string-PL-POSS.3DU 'their (2) strings'</p> <p><i>rit-λ-amən</i> boat-PL-POSS.3DU 'their (2) boats'</p>
PL	1	<p>TjY. <i>əχ, əχ</i> (K) TjA. <i>γ/əγ/iγ</i> (H) J., P. <i>əw/ew/iw</i> (H) <i>uw/əw</i> (C)</p> <p><i>pǎna-γ</i> string-POSS.1PL 'our string'</p> <p><i>rit-ew</i> boat-POSS.1PL 'our boat'</p>	<p>TjY. <i>əχ, əχ</i> (K) TjA. <i>əγ</i> (H) J., P. <i>əw</i> (H) <i>uw</i> (C)</p> <p><i>pǎn-γəl-əγ</i> string-DU-POSS.1PL 'our two strings'</p> <p><i>rit-γəl-əw</i> boat-DU-POSS.1PL 'our two boats'</p>	<p>TjY. <i>əχ, əχ</i> (K) TjA. <i>γ/əγ/iγ</i> (H) J., P. <i>əw/ew/iw/uw</i> (H) <i>uw</i> (C)</p> <p><i>pǎn-λ-əγ</i> string-PL-POSS.1PL 'our strings'</p> <p><i>rit-λ-əw</i> boat-PL-POSS.1PL 'our boats'</p>

Possessor	Possessee		
	SG	DU	PL
2	<i>in/in</i> <i>pǎn-in</i> string-POSS.2PL ‘your string’ <i>rit-in</i> boat-POSS.2PL ‘your boat’	<i>in/ən</i> <i>pǎn-γəl-ən</i> string-DU-POSS.2PL ‘your two strings’ <i>rit-γəl-ən</i> boat-DU-POSS.2PL ‘your two boats’	<i>in/ən</i> <i>pǎn-λ-ən</i> string-PL-POSS.2PL ‘your strings’ <i>rit-λ-ən</i> boat-PL-POSS.2PL ‘your boats’
	3	<i>il/il</i> <i>pǎn-il</i> string-POSS.2PL ‘their string’ <i>rit-il</i> ‘their boat’	<i>aλ</i> <i>pǎn-γəl-aλ</i> string-DU-POSS.3PL ‘their two strings’ <i>rit-γəl-aλ</i> ‘their two boats’

The use of the possessive suffixes in Surgut is analysed in [Csepregi 2017: 79—83].

The researchers’ disagreement concerns the forms for 1PL of the possessor and SG, DU and PL of the possessed. Csepregi gives the suffix with a voiced, fricative, labial sound [w] (e.g. *-uw/-əw*) for all subdialects, in contrast to Karjalainen and Honti who give the form with a voiced, fricative, velar sound which Karjalainen designated as [χ], while Honti as [ɣ]. Along with that, Honti mentions the form *-amən* for 1DU of the possessor and DU and PL of the possessed for the Pim subdialect.

The incomplete paradigm of possessive markers of Salym Khanty is presented and analysed in [Honti 1982: 108—109].

For the purpose of comparison, a summarized account of the use of possessive suffixes in Eastern Khanty varieties is presented in Table 12. This overview draws on the fieldwork data collected over the last two decades.

Table 12. Possessive suffixes in Vakh-Vasyugan and Surgut Khanty

Possessee		SG	DU	PL
Possessor	Dialect			
SG 1	V.-Vas.	<i>m/əm/əm/im/im/am/äm</i>		<i>am/äm</i>
	Sur.	<i>əm/em/am</i>		<i>am</i>
SG 2	V.-Vas.	<i>n/ən/ən/in/in/an/än</i>		<i>an/än</i>
	Sur.	<i>ən/en/e/a</i>		<i>a</i>
SG 3	V.-Vas.	<i>l/əl/əl</i>	∅	<i>lə/lä</i>
	Sur.	<i>λ/əλ</i>		<i>aλ</i>
DU 1	V.	<i>(ə)mən/(ə)män</i>		<i>amən/ämən</i>
	Vas.	<i>(ə)mən/(ə)män/(ə)mın/(ə)mın</i>		<i>ämən/amən/ämin/ämin</i>
	Sur.	<i>mən</i>		<i>amən</i>
DU 2	V.-Vas.	<i>(ə)tən/(ə)tän</i>		<i>in/in</i>
	Sur.	<i>in</i>		<i>ən</i>
DU 3	V.-Vas.	<i>(ə)tən/(ə)tän</i>		<i>in/in</i>
	Sur.	<i>in</i>		
PL 1	V.-Vas.	<i>γ/əγ/öγ</i>		<i>əγ/öγ</i>
	Sur.	<i>w/ew/uw</i>		<i>uw</i>
PL 2	V.-Vas.	<i>(ə)tən/(ə)tän</i>		<i>in/in</i>
	Sur.	<i>in</i>		
PL 3	V.-Vas.	<i>(ə)təl/(ə)täl</i>		<i>äl/al</i>
	Sur.	<i>il</i>		<i>aλ</i>

It can be observed that in Eastern Khanty, as well as in Mansi, possessive markers tend to coincide. For example, possessive markers for the 1SG, DU and PL of the possessor and all number forms of the possessed seem

to coincide in all dialects. Identical forms are found marking the 2DU, 3DU and 2PL of the possessor, and plural forms of the possessed. It can be illustrated by the following examples:

- (37) *köy-käl-äm* stone-DU-POSS.2SG ‘my two stones’ V.;
 (38) *köy-l-äm* stone-PL-POSS.2SG ‘my stones’ V.;
 (39) *pän-γäl-am* string-DU-POSS.2SG ‘my two strings’ Sur.;
 (40) *pänə-λ-am* string-PL-POSS.2SG ‘my strings’ Sur.

The Vakh-Vasyugan subgroup and the Surgut dialect differ as far as the forms of possessive suffixes are concerned. The correlating differing forms are those for 2SG of the possessor and DU/PL of the possessed V.-Vas. *-an/-än*, S. *-a*, for 2DU, 3DU, 2PL of the possessor and SG of the possessed V.-Vas. *-(ə)tən/-(ə)tän*, S. *-in*, for 1PL of the possessor and SG, DU, PL of the possessed V.-Vas. *-y/-əy/-öy*, S. *-w/-ew/-uw*, for 3SG of the possessor and PL of the possessed V.-Vas. *-lə/-lä*, S. *-al*, for 2DU of the possessor and PL of the possessed V.-Vas. *-in/-in*, S. *-ən*. With regard to the forms of the possessive suffixes of 3SG and 3Pl of the possessor the distinction between the dialects under analysis is associated with the phonological specifications.

Concluding this section, it should be mentioned that this overview of Eastern Khanty possessive markers did not involve a thorough comparative analysis of their functioning. Consequently, it did not address the contentious issue of whether the possessive suffixes may function as the markers of definiteness in the Uralic languages (for different opinions see [Collinder 1957: 349; Décsy 1990: 66; Honti 1984/1986; Nikolaeva 1999: 83—84; 2003; Janda 2015; Filchenko 2014; Potanina 2014: 168; Budzisch 2017: 58]).

2.3. Case

This category is represented by a different number of nominal cases (3—11) depending on the Khanty dialect.

In all Northern Khanty dialects, the nominal paradigm involves three cases, however their representation varies from dialect to dialect. For instance, in Kazym the paradigm comprises the nominative, lative and locative, while in Priural (Obdorsk) it includes nominative, locative and translative. In Southern Khanty the number of cases varied from five to six, depending on the opinion of the given researcher. For instance, in Konda there were five cases: nominative, lative, comitative-instrumental, locative and ablative as mentioned in [Zhivotikov 1942: 15]; in Irtysh dialect six cases were distinguished: nominative, dative, instrumental, locative, ablative and caritive [Castrén 1849: 33].

In Eastern Khanty dialects the category of case includes between seven and eleven cases. The exact number of attested cases in a separate dialect largely depends on the opinion of the given researcher. For example, Tereshkin argues that there are eight cases in the Vakh dialect [Tereshkin 1961: 42], whereas Gulya distinguishes ten case markers that can have more than one function in the same dialect [Gulya 1966: 53—54], and Honti identifies eleven cases in Trom-Agan, Trom-Yugan and Yugan subdialects of Surgut [Honti 1984/1986: 60—61]. This apparent divergence of opinion is accounted for by the status of the case morpheme as an element itself which is used to express grammatical relations in a sentence.

There is no disagreement among researchers on the existence of six such cases — nominative, locative, ablative, lative, comitative, and oblique. Abessive, allative, comparative, and translative have also been distinguished by the majority of researchers. However, there are only a few individual linguists who have identified such cases as the distributive and temporal distributive (expletive) in Eastern Khanty.

The subsequent analysis of case markers in Eastern Khanty dialects is grounded in the concept of syntactic and semantic cases [Melchuk 1998: 325; Plungyan 2003: 122]. According to Melchuk, the syntactic cases are used to encode the nuclear roles of the predicate (see *ibid.*). In Eastern Khanty, the markers that can be included in the group of syntactic cases are the nominative and, in some cases, the locative. The nominative is the only case that is not materially expressed. Unlike most Uralic languages which have the accusative (though the passage of word-final **-m* to *-n* in some languages has led to syncretism) [Comrie 1988: 462] and the genitive of the noun, Khanty dialects have utilized the nominative to fulfill these functions. The accusative case marker in Khanty is only present in the pronominal system, while the genitive is completely unknown [Comrie 1988: 463]. The locative can code grammatical relations on a par with spatial semantics.

All other case markers belong to the group of semantic cases. Within this group, the markers are distributed into three subgroups. The first semantic group includes case markers that convey spatial semantics: ablative, allative, lative, and locative. In this group, the lative case marker can code the semantics of recipient on a par with spatial semantics. The second semantic group includes the abessive and comitative markers which encode the semantics of with- and without-relations. The last group consists of three markers: distributive, oblique and translative. The case markers assigned to this group are aimed at conveying the ‘adverbial’ and ‘oblique’ meanings.

All in all, five case markers are characterized by multi-functionality in Eastern Khanty, which may be due to the reduction of the Khanty case system compared to those in other Uralic languages. In many typological studies it is argued that the syncretic semantics of some case marker is grounded in the closeness of the syncretized meanings [Ganenkov 2002: 3]. Multi-functional case markers are found in both groups. They are the markers of nominative, ablative, lative, locative, and comitative cases. For instance, the lative case with the marker *-a/-ä* can be used for coding spatial meanings: lative, illative, allative and a recipient in Vasyugan Khanty. As a consequence, different terms are used in the literature to define this marker, for example, it is termed as the lative-objective [Tereshkin 1961: 46], lative [Csepregi 2008/2011: 17; 2017: 89], lative-dative [Honti 1984/1986: 60], illative-dative [Filchenko 2007: 84], lative, illative, dative [Karjalainen, Vértes 1964: 102, 149—151, 207—209]. The marker *-(t)ə/-(t)ä/-at/ät* is termed differently as well: accusative, instrumental [Karjalainen, Vértes 1964: 149—151, 210—211], instructive-final [Honti 1984/1986: 60], instrumental-objective [Filchenko 2007: 85—94], etc.

In view of the multi-functionality of case markers in Khanty, we adopt a simplified way to designate them, which means that the case name is dictated by the central/key³ function of the marker. Thus we will use ‘LAT’ to mark the relevant morpheme in the glossed line, although its actual function can be used to express the illative or dative semantics. In each example, the exact function in which the case marker is used in the sentence is indicated after the colon sign following the translation, e.g.:

- (41) *ämp kat-a jö-yäs*
 dog house-LAT enter-PST2.3SG
 ‘A dog entered the house.’ : *illative*

If any case is termed differently in the literature, another name is given in brackets in Tables (13—18) with a reference to the researcher who mentioned it, e.g. abessive (caritive K), locative (locative T, H, agentive-locative K). In the tables, all cases are presented alphabetically in each of the three groups mentioned above.

Vakh Khanty

Generally speaking, researchers do not hold a unanimous opinion on either the number of nominal cases in the Vakh dialect or their range. Karjalainen argues that the Vakh dialect possesses only seven nominal cases (instrumental-objective, allative and translative are excluded from the list), and the comparative case is exemplified by the nouns in the singular alone. Tereshkin distinguishes only eight nominal cases in the dialect excluding abessive and comparative cases. The suffix *-ləγ/-ləγ* is classified by Tereshkin as a derivational one with the meaning of deprivation [Tereshkin 1961: 57]. Gulya adds two more cases — abessive and comparative — to the case system in this dialect making it a total of ten cases. Honti also identifies ten cases in this dialect, however, he replaces the comparative case with the distributive.

Table 13 presents the case paradigm in Vakh Khanty. All data are borrowed from [Karjalainen, Vértes 1964: 149—151; Tereshkin 1961: 42—55; Gulya 1966: 53—54; Honti 1984/86: 39] and own field data.

The data presented in Table 13 include eleven cases in Vakh Khanty mentioned in the literature: nominative, ablative, allative, lative, locative, abessive, comitative, comparative, distributive, oblique, and translative. In some cases researchers used different characters to designate the same sound. This accounts for a seeming variation in case markers, as presented in Table 13. For instance, the abessive case ending is introduced as *-ləγ/-ləγ* by Gulya and Honti and as *-ləχ* by Karjalainen; the locative is also represented by two variants: *-nə/-nə* (given by Gulya and Honti) and *-nε* (by Karjalainen).

The fieldwork data revealed nine functionally productive case markers in modern Vakh Khanty: nominative, ablative, locative, allative, lative, abessive, comitative, oblique, and translative. The distributive marker has a restricted use.

The element *nijit*, which is used to mark a comparison of one object with another, functions as an autonomous element demonstrating the properties of a postposition, i.e. it defies the harmony of vowels with the preceding word. Tereshkin defines the element *nijit* as a postposition as well. In other Eastern dialects the comparative postposition has the form of *nijə* in Vasyugan and *nijktə* in Surgut. Here are some examples (42—45).

³ We do not use double nomenclature for multi-functional markers in order to avoid excessive or overloaded terminology. In some cases, it was especially problematic to select the most suitable title for the marker since several of their functional meanings can be regarded as the key ones, consequently, all of them could have been selected as the titles. For example, the *-a/-ä* marker can encode both the lative and the dative semantics, whereas the *-na/-nä* marker is the morpheme encoding the comitative and instrumental meanings.

Table 13. Case markers in Vakh

No.	Case	Marker	Examples
Syntactic group 1			
1	Nominative	∅	<i>kūr</i> ‘leg’ <i>likār</i> ‘sledge’
Semantic group 1			
2	Ablative (Prolative T)	<i>oy/χ</i> (K) <i>oy/öy/ay/äy</i> (T) <i>oy/öy</i> (G, H, FW)	<i>lök-öy</i> road-ABL ‘along the road’ <i>ämp-öy</i> dog-ABL ‘away from a dog’ <i>jəŋk-öy</i> water-ABL ‘out of water’ <i>käräy-oy</i> place-ABL ‘away from a place’
3	Allative (Lative T) (Approximative H)	– (K) <i>(a)pa/</i> <i>(ä)pä</i>	<i>wont-apa</i> forest-ALL ‘to the forest’ <i>jay-(a)pa</i> people-ALL ‘to people’ <i>küräk-(ä)pä</i> eagle-ALL ‘to an eagle’
4	Lative (Dative K) (Lative-Objective T) (Lative-Dative H)	<i>a/ä</i>	<i>kat-a</i> house-LAT ‘(to enter) a house’ <i>ul-a</i> berry-LAT ‘for berries’ <i>päsän-ä</i> table-LAT ‘on a table’ <i>niŋ-ä</i> woman-LAT ‘to a woman’ (see more examples (62—67) on the functional sets of the lative)
5	Locative (Locative T, H)	<i>nε</i> (K) <i>nə/nä</i>	<i>sart-nə</i> pike-LOC ‘pike’ <i>niŋ-nə</i> woman-LOC ‘by a woman’ (see more examples (68—76) on the functional sets of the locative) <i>joyän-nə</i> river-LOC ‘into the river’ <i>mäy-nə</i> ground-LOC ‘into the ground’ <i>t’u al-nə</i> that year-LOC ‘that year’
Semantic group 2			
6	Abessive (Caritive K)	<i>ləχ</i> (K) – (T) <i>ləy/läy</i> (G, H, FW)	<i>weli-ləy</i> deer-ABS ‘without a deer’ <i>ämp-ləy</i> dog-ABS ‘without a dog’ <i>majtik-ləy</i> soap-ABS ‘without soap’ <i>awet-l-am-ləy</i> hair-PL-POSS.1SG-ABS ‘without my hair’
7	Comitative	<i>nät</i> (K) <i>na/nä</i> (T, FW) <i>nät(i)/nat(i)</i> (G) <i>nat/nät</i> (H)	<i>rit-na</i> boat-COM ‘by boat’ <i>pečkän-nä</i> gun-COM ‘with a gun’ <i>läjäm-nä</i> ax-COM ‘with an ax / by ax’ <i>əŋk-im-nä-ti</i> mother-POSS.1SG-COM-PRTC ‘with my mother’ <i>köyäl-nä-ti</i> bowl-COM-PRTC ‘with a bowl’ <i>torəm kos-ət-na-ti</i> sky star-PL-COM-PRTC ‘The sky is with stars.’
8	Comparative	<i>nijit</i> /SG (K) – (T, H, FW) <i>nijə(t)/</i> <i>nijä(t)</i> (G)	<i>tim kat tom kat nijät əlʃə-ki</i> this house that house COMP big-PRED ‘This house is bigger than that house.’ [Gulya 1966: 57] (see examples (42—45) on the postpositive element <i>nijit</i>)
Semantic group 3			
9	Distributive	– (K, T, G) <i>tälta/tältä</i> (H) <i>-(ə)täl/-(ə)täl</i> (FW)	<i>ěj way-ət-tälta tintə-s-i</i> one animal-PL-DISTR pay-PST1-PASS.3SG ‘Everyone’s payment was an animal.’ [Honti 1984/86: 64] (see examples (100—105) on the use of the distributive marker)
10	Oblique (Instructive-Final H)	– (K) <i>(t)ə/(t)ä</i>	<i>suməny-ə</i> headscarf-OBJ ‘headscarf’ <i>läŋki-tə</i> squirrel-OBJ ‘squirrel’ (see examples (92—95) on the use of the oblique)
11	Translative	– (K) <i>y/əy/äy</i> (< <i>ka/kä</i>) (T, FW)	<i>ač-ək</i> sheep-TRL ‘(turn) into a sheep’ <i>lujwäy kat-ək jä-s</i> ring house-TRL become-NPST.3SG ‘The ring became a house.’

- (42) *kör'liki larjyak niḡit jəm-iki*
Korliki Larjak from good-PRED
'Korliki is better than Larjak.'
- (43) *tim juḡ tom juḡ niḡit enä-ki*
this tree that tree from thick-PRED
'This tree is thicker than that tree.'
- (44) *tim läḡki-t tom läḡki-t niḡit əllə-ki-j-ət*
this squirrel-PL that squirrel-PL from big-PRED-EP-PL
'These squirrels are bigger than those squirrels.'
- (45) *peṭya vasya niḡit əllə-ki kät al-oy*
Petya Vasya from big-PRED two year-ABL
'Petya is two years older than Vasya.'

The distributive suffix *-(ə)təl/- (ə)täl* seems to be most controversial. It is mentioned as the derivational suffix of the numeral in Tereshkin's and Gulya's grammars and as a morphological case marker of the noun in Honti's chrestomathy [Tereshkin 1961: 62—63; Gulya 1966: 71—72; Honti 1984/1986]. Regardless of its status either as an inflectional or derivational marker, it has the meaning of separation per capita, e.g. *ej-ətäl* one-DISTR 'one per capita', *läwt-ətäl* seven-DISTR 'seven per capita', *ej rit-ətäl* one boat-DISTR 'one boat per capita'. The fieldwork data show that the distributive suffix *-(ə)təl/- (ə)täl* marks an independently used numeral, e.g. *ej-ətäl* one-DISTR 'one per capita' or a noun used in combination with a numeral, e.g. *ej kul-ətäl* one fish-DISTR 'a fish per capita', cf. examples (46—47):

- (46) *ejnäm ej kul-ətäl li-s-ət*
all one fish-DISTR eat-PST1-SBJ.3PL
'Everyone has eaten a fish.'
- (47) *ej-ətäl mǎ-j-il-ä*
one-DISTR give-EP-MULT-IMP.SBJ.SG
'Give one by one.'

With a view to the fact that the distributive marker *-(ə)təl/- (ə)täl* is predominantly used as a postposition following a numeral, it can be regarded as a case marker with a restricted use. Moreover, the numerals to which the distributive marker is found in postposition are 'one' and occasionally 'two'. Examples of collocations with other numerals have not been attested. See examples (48—51):

- (48) *ejnäm ej n'an' tayt-ali-täl li-s-ət*
all one bread piece-DIM-DISTR eat-PST1-SBJ.3PL
'Everyone has eaten a piece of bread.'
- (49) *käčəḡ ku ej rit-ətäl wǎ-yäs*
everyone man one boat-DISTR take-PST2.SBJ.3SG
'Everyone took a boat.'
- (50) *käčəḡ ku kǎ rit-ətäl wǎ-yäs*
every man two boat-DISTR take-PST2.SBJ.3SG
'Everyone took two boats.'

If a noun combines with a numeral other than 'one' or 'two', the distributive case marker is not used.

- (51) *käčəḡ ku wet rit wǎ-yäs*
every man five boat take-PST2.SBJ.3SG
'Everyone took five boats.'

All in all, the distributive suffix *-(ə)təl/- (ə)täl* can not be regarded as productive due to its lesser-used semantics. Moreover, it can be viewed as archaic since its use is restricted in terms of the number of native speakers, old-aged for the most part, who were able to provide speech samples.

Below we provide some examples illustrating the functional set of the case markers used in modern Vakh Khanty.

The unmarked nominative case is only used to realize the grammatical function. It codes the subject and the object of the predicate. Cf. examples (52—54). In addition, the grammatical functions can be marked by the spatial case in Vakh Khanty — the locative (see examples (74—81)).

- (52) *püt'k-äli joypa poräylä-s*
 bird-DIM home fly-PST1.SBJ.3SG
 'The bird flew home.' : *nominative*
- (53) *mä ämp laŋka-l-əm*
 1SG dog love-NPST-SBJ.1SG
 'I love a dog.' : *accusative*
- (54) *mä päy-äm käslintäl-s-im*
 1SG boy-POSS.1SG marry-PST1-SBJ.1SG:OBJ.SG
 'I married off my son.' : *accusative*

Moreover, the unmarked nominative marker codes the dependent noun in the adnominal possessive pattern. In the Uralic languages, the genitive marker is predominantly used in such patterns. It is demonstrated in example (55):

- (55) *mäj woŋi lök wu-s-öy*
 1PL fox track see-PST1-SBJ.1PL
 'We saw a fox tracks.' : *genitive*

The semantic group of spatial case markers includes ablative, allative, lative, and in some cases, locative ones cumulating 'orientation' with 'position/direction/stative location'. The case markers of ablative, lative and locative are multi-functional.

Examples (56—59) demonstrate the use of the ablative marker *-oy/-öy* whose semantics express motion 'from, from the surface of, from inside of', motion 'along, via':

- (56) *moskva-oy mälaŋotl män-γäl-äm*
 MOSCOW-ABL yesterday go-PST3-SBJ.1SG
 'Yesterday [I] came from Moscow.' : *ablative*
- (57) *ěj pült-öy sat warəw lüyäl-wäl*
 one hole-ABL hundred nutcracker fly.out-NPST.3SG
 'Hundreds of nutcrackers fly out of one nest.' : *ablative*
- (58) *lüy-än män-t puyləm-am-öy öymil-s*
 3SG-LOC 1SG-ACC cheek-POSS.1SG slap-PST1.SBJ.3SG
 'He slapped my cheek.' : *prolative*
- (59) *kiriw way-oy män-wäl*
 motorboat Vakh-ABL go-NPST.SBJ.3SG
 'A motorboat is moving along the Vakh river.' : *prolative*

The allative marker *-pa/pä* is used to designate the meaning of 'motion to, towards' (examples 60—61). It is likely to have originated from a postposition *-pəla/-pəta* 'towards' in the Southern and Northern dialects [Tereshkin 1961: 45].

- (60) *mä institut-pa onəltəyäl-tä män-γas-əm*
 1SG institute-ALL study-INF go-PST2-SBJ.1SG
 'I went to the institute.' : *allative*
- (61) *lüy lawka-j-pa jäl-əs päni n'än' wä-s*
 3SG shop-EP-ALL go-PST1.SBJ.3SG and bread take-PST1.SBJ.3SG
 'He went shopping and bought some bread.' : *allative*

The marker *-a/-ä* is multi-functional. It can mark the spatial meaning of illative 'motion into' (cf. examples 62—63) and lative 'motion/direction to, at, on' (64—67).

- (62) *t'it mä sumka-m-a pan-í*
 this 1SG bag-POSS.1SG-LAT put-IMP.SBJ.SG:OBJ.SG
 'Put it in my bag.' : *illative*

- (63) *püt'k-äli kat-a joγ porəylə-s päni čoy-i put pat'-a lät-min*
bird-DIM house-LAT home fly-PST1.SBJ.3SG and porridge-DERIV pot edge-LAT sit.down-CNV
čoy läyi-mə-s
porridge eat-INCH-PST1.SBJ.3SG
'A little bird flew into the house, sat down on the edge of the pot with porridge, and started eating it.' : *illative*
- (64) *püt'k-äli tim juγ-a, tom juγ-a lät-min äni-l nir-l-ätə.*
bird-DIM this tree-LAT that tree-LAT sit.down-CNV sister-POSS.3SG tease-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG
'The bird is teasing the sister, flying from tree to tree.' : *lative*
- (65) *t'uğa läyäl-m-al, äjlänə səwəs iki kat-a jöytə-s*
for.a.long.time fly-PFV.PTCP-3SG suddenly forest.ghost old.man house-LAT arrive-PST1.SBJ.3SG
'He flew for a long time, and suddenly arrived at Sevsiki's house.' : *lative*
- (66) *kat koŋ-a lätə-s päni täl il l'öγätəja-γsə-wäl*
house hole.in.the.ceiling-LAT sit.down-PST1.SBJ.3SG and from.there downwards look-REFL-NPST.SBJ.3SG
'He sat down at the hole in the ceiling and kept looking down from there.' : *lative*
- (67) *jiwäs-ü tökəm-tə-s-tə päni töγät-ü nik lan'ləm-tə-s-tə*
skewer-LAT poke-TR-PST1-SBJ.3SG:OBJ.SG and fire-LAT to/at stick-TR-PST1-SBJ.3SG:OBJ.SG
'[He] inserted the skewer through it and put it close to the fire.' : *lative*

The lative marker *-a/-ä* can have the grammatical function to code the recipient (68—70):

- (68) *mä ämp-ü litot mə-s-im*
1SG dog-LAT food give-PST1-SBJ.1SG:OBJ.SG
'I gave food to a dog.' : *dative*
- (69) *änä, män-nə səwəs iki-j-ü ärəytə-s-uj-əm*
sister, 1SG-LOC forest.ghost old.man-LAT promise-PST-PASS-1SG
'Sister, I have promised to marry you to some Sevsiki.' : *dative*
- (70) *pəγ-ali äni-l-ü t'uti jəγ-iγən...*
youth-DIM sister-POSS.3SG-LAT this say-NST.SBJ.3SG
'The boy says this to his sister.' : *dative*

The locative marker *-nə/-nə* indicates a stative, spatial or temporal location (71—73):

- (71) *iləŋ nowən-nə emtär ät'əγ wəl-γal*
ancient time-LOC lake cold be-PST3.SBJ.3SG
'The water used to be cold in the lake.' : *locative*
- (72) *tim löŋ-nə emtär ät'əγ-äki*
this summer-LOC lake cold-PRED
The water is cold in the lake this summer.' : *locative*
- (73) *mä muŋkə lawkə-nə pam juγ liwət kōrasəw təs wə-γäs-əm*
1SG PRTC shop-LOC grass tree leaf similar fabric take-PST2-SBJ.1SG
'I bought some green fabric in the shop.' : *locative*

The locative marker *-nə/-nə* can encode the subject of the active predicate and thereby share the syntactic function of the nominative marker (74—75):

- (74) *käčəŋ ni-nə jernäs-ə män-t mə-γäs-ät*
each woman-LOC dress-INS 1SG-ACC give-PST2-SBJ.3PL
'Each woman gave me a dress.' : *agentive*
- (75) *jay-nə min-t räk-ə totkəl-wəl-t*
people-LOC 1DU-ACC rye.flour-OBJ bring-NPST-SBJ.3PL
'People bring us rye flour.' : *agentive*

The locative marker *-nə/-nə* is used to mark the agent of the passive predicate as well (76—77):

- (76) *səwəs iki-nə püt'k-äli utə arim-tə-s-i päni t'uti pöγ-l-ətə*
forest.ghost old.man-LOC bird-DIM from grab-TR-PST1-PASS.3SG and such blow-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG
'Sevsiki grabbed the bird and started blowing at it.' : *agentive*

- (77) *iki, mā tōǰä-nä nuḵ li-s-uj-əm, tom peḷk-äm kiräyt-ä*
 old.man 1SG fire-LOC upward eat-PST1-PASS-1SG that side-POSS.1SG turn.over-IMP.SBJ.SG
 ‘Old man, my one side is roasted by the fire, turn me over.’ : *agentive*

Moreover, in modern Vakh Khanty the locative marker *-nə/-nä* is attached to the subject of the predicate that has the passive marker of 3SG *-i/-i*. The marker *-i/-i* is used with all persons and numbers of the subject. The construction does not have a passive meaning. It is frequently used in the actual speech of the Vakh Khanty but has never been described before. There are plans to analyze them in details. The construction is illustrated by examples (78—81):

- (78) *äni-l-nä köč n’oyəl-l-i*
 sister-POSS.3SG-LOC no.matter.how chase-NPST-PASS.3SG
 ‘No matter how much the girl was chasing it.’
- (79) *ḵəm. män-nä tōḵəm-t-i*
 indeed 1SG-LOC know-TR-PST.PASS
 ‘Yes, I do know him.’
- (80) *män-nä mon’t’i tōḵəm-tə-s-i*
 1SG-LOC just know-TR-PST1-PASS
 ‘I have just met him.’
- (81) *kolya-j-ən ilən män-yäs-i*
 3SG-EP-LOC early leave-PST2-PASS.3SG
 ‘Kolya left earlier.’

The remaining case markers of the abessive, distributive, comitative, oblique and translative cases have various ‘adverbial’ and ‘oblique’ semantics.

The comitative marker *-na/-nä* is a continuum of the comitative and instrumental meanings. Despite the existing associations between the comitative and instrumental meanings, which are at the core of ‘with’-clauses, the typological studies of 280 languages conducted by Stolz [1966] reveal that only 23 per cent of idioms possess syncretic instrumental-comitative markers. In Vakh Khanty, the comitative marker *-na/-nä* can mark the accompaniment, instrument, material and vehicle.

Some controversy surrounds the form of this case marker, because Karjalainen and Honti claim that it is *-nat/-nät*, whereas Tereshkin distinguishes this form without the final *-t* or *-ti/ti*: *-na/-nä* [Tereshkin 1961: 51]. Gulya argues that the instrumental function is marked by *-nat/-nät*, while the comitative — by the *-nati/-näti* marker, however, the example he provides [Gulya 1966, 57] is evidence of the fact that the same marker *-na/-nä* is employed to encode both functions, see example (82) below:

- (82) *mä api-na rit-na män-s-əm*
 1SG father-COM boat-COM go-PST1-SBJ.1SG
 ‘I went with my father by boat [with a boat].’

Our own field data indicate that the marker *-na/-nä* is used to signal instrumental and comitative semantics. The fact is that the marker *-na/-nä* takes the particle *ti/ti* more frequently than other case markers. The element *-t-* is regarded as a pronominal stem [Karjalainen, Vértes 1964: 895; Steinitz 1966—1993: 1391; Vértes 1967]. The particle *ti/ti* does not change the meaning of the marker *-na/-nä*. The element *-na/-nä*, with or without the particle *ti/ti*, is used as a syncretic instrumental-comitative marker, cf. examples (83—94):

- (83) *paḡ-ət-nə n’uyəl-l-i jəḡk-i köyəl-nü-ti jəḡk-i köyəl-nü*
 boy-PL-LOC catch.up-NPST-PASS water-DERIV cup-COM-PRTC water-DERIV cup-COM
 ‘The boys catch up with her with cups of water.’ : *comitative*
- (84) *təḡ jō-yäs ni äntəw-nü-ti*
 here come-PST2.3SG woman belt-COM-PRTC
 ‘Here came a woman with a belt.’ : *comitative*
- (85) *t’i ḵasi püčkän-nü*
 this man gun-COM
 ‘This man is with a gun.’ : *comitative*
- (86) *min-nä än’i-m-nü-ti ču pəḵi-t wə-l-ätə*
 1DU-LOC elder.sister-POSS.1SG-COM-PRTC this doll-PL take-PRS-PASS.3PL
 ‘My elder sister and I take these dolls.’ : *comitative*

- (87) *lüy qos-na män-yäs*
3SG star-COM go-PST2.3SG
'He went together with a star.' : *comitative*
- (88) *wor ont-nə weli aḡən-na jaḡka-ḡal-oy, noy-na jaḡka-ḡal-oy*
forest inside-LOC deer horn-COM play-PST3-SBJ.1PL bough-COM play-PST3-SBJ.1PL
'We played with deer antlers, with boughs in the forest.' : *instrumental*
- (89) *liləy mən-l-əm päni rit-a iməl-l-əm päni rit-na jəl-il-l-əm*
in.secret go-NPST-SBJ.1SG and boat-ILL sit-NPST-SBJ.1SG. and boat-INS go-MULT-NPST-SBJ.1SG
'Secretively, I go and sit down in the boat, and travel by boat.' : *instrumental*
- (90) *män-nə ämp juḡ-na joḡim-s-i*
1SG-LOC dog stick-COM hit-PASS-3SG
'I hit the dog with a stick.' : *instrumental*
- (91) *kası rit-na jə-wəl*
person boat-COM go-NPST.3SG
'The man travels by boat.' : *instrumental*
- (92) *joḡ-ən čäjpıt jəḡk-nä-ti*
home-LOC teapot water-COM-PRTC
'In the house there is a teapot with water.'
- (93) *lar woḡi läy-ä-l-nä-ti nərəmlä-wəl*
sor fox tail-POSS.3SG-INS-PRTC play-NPST.SBJ.3SG
'The fox plays with its tail.' : *instrumental*
- (94) *nöḡ pöḡy-nü, pöḡk-äm-nä-ti wajy-ali ärəy kən'äytä-l-im.*
2SG tooth-COM tooth-POSS.SG.1SG-COM-PRTC animal-DIM aside tear-NPST-SBJ.1SG:OBJ.SG
'You, use your teeth, I tear little animals to pieces with my teeth.' : *instrumental*

The particle *ti/ti* can be added to other nominal and verbal markers, cf. examples (95—96):

- (95) *masha päsän olwentəy tayta-na-ti töy seyätä-yäs-ti*
Masha table fabric piece-COM-PRTC there wipe-PST2.SBJ.3SG-PRTC
'Masha wiped the table with a piece of cloth.'
- (96) *mä kəḡčıl-s-əm ḡul-a-ti*
1SG seek-PST1-SBJ.1SG fish-LAT-PRTC
'I went fishing.'

In Eastern Khanty, without-clauses are grammaticalized and semantically opposed to with-clauses marked by the comitative marker. The meaning 'the lack or absence of something' is coded by the abessive marker *-ləy/-ləy*. Examples (97—98) illustrate the use of the abessive marker:

- (97) *mä ämp-ləy ḡoya-l-em*
1SG dog-ABS go-NPST-SBJ.1SG
'I am going without a dog.' : *abessive*
- (98) *ləy püčkän-ləy jəl-il-yäs-ət*
3PL gun-ABS go-MULT-PST2-SBJ.3PL
'They went without a gun.' : *abessive*

The oblique marker *-(t)ə/-(t)ä* distinguishes itself as a morpheme that marks the inanimate object of a transitive verb in any conjugation and voice. (cf. examples 99—102):

- (99) *lüy-ən män-t suməny-ə məjlä-s*
3SG-LOC 1SG-ACC headscarf-OBL give-PST1.SBJ.3SG
'He presented me with a headscarf.' : *oblique*
- (100) *män-t äčiy jəḡk-ä məj-itəy*
1SG-ACC cold water-OBL give-IMP.SBJ.PL
'Give me cold water.' : *oblique*

- (101) *mä nōŋ-ät läŋki-tä wel-s-im*
 1SG 2SG-ACC squirrel-OBL kill-PST1-SBJ.1SG:OBJ.3SG
 ‘I killed a squirrel for you.’ : *oblique*
- (102) *käčəŋ ku män-nä kul-ə mäs-i*
 every man 1SG-LOC fish-OBL give-PST1-PASS.3SG
 ‘I gave a fish to everyone.’ : *oblique*

The translative marker *-y/-əy/-əy* signals the meaning of transition from one state to another. The translative meaning is typically encoded by the dynamic verbal predicates *jäta* ‘become’ and *sälimtätä* ‘turn into’. It is illustrated by examples (103—106):

- (103) *köyi-y jä-yäl päni t’itä küm porɣəl-ɣal*
 cuckoo-TRL turn.into-PST3.3SG and so outside fly-PST3.SBJ.3SG
 ‘[She] turned into a cuckoo and flew out.’ : *translative*
- (104) *äjlanä püt’k-äli-kä sälimtäs-päni ɣat ɣon-oy köm porɣələ-s*
 once bird-DIM-TRL happen-PST1.SBJ.3SG and house hole.in.the.ceiling-ABL outdoors fly-PST1.SBJ.3SG
 ‘Suddenly, he turned into a bird and flew into the street through the ceiling hole.’ : *translative*
- (105) *lüy jol-ta ku-j-y jä-yäs*
 3SG shamanise-INF man-TRL become-PST2.SBJ.3SG
 ‘He became a shaman.’
- (106) *itän-əy jä-s*
 evening-TRL become-PST1.SBJ.3SG
 ‘It turned into evening / Evening came.’

Table 14 presents comparative data on the case markers in Vakh Khanty obtained from the scientific publications written in the twentieth century [Karjalainen, Vértes 1964; Tereshkin 1961; Gulya 1966; Honti 1984/1986; Honti 1995] and those collected during recent fieldwork.

What may be concluded from the table data is the fact that the case system of Vakh Khanty has remained almost unchanged despite the continuous influence of the Russian language. The case paradigm of the present day Vakh Khanty involves 10 case markers, excluding the comparative. The exclusion of the latter is motivated by a new interpretation of its status. The comparative element *niŋit* is currently distinguished as an autonomous postpositive element. The distributive marker *-(ə)täl/-(ä)täl* is restricted in its use. The marker of the comitative case *-na/nä* can often be followed by the particle *ti/ti* which does not affect the comitative-instrumental semantics of the marker.

Vasyugan Khanty

The case system of this dialect has been briefly described in works by several researchers, wherein they express differing opinions on the composition of this nominal category.

For example, Karjalainen distinguishes nine cases in Vasyugan Khanty with the exclusion of the allative and the distributive ones (see Table 15). He also identifies the oblique case, traditionally termed instrumental-objective in literature, as the accusative, most likely because it marks an oblique object of the active or passive verb, see example (107).

- (107) *män-t ämp-ä mäjlä-s*
 1SG-ACC dog-INS give-PST1.SBJ.3SG
 ‘[He/She] presented me with a dog.’

According to Honti, the Vasyugan Khanty noun inflects for ten cases. The researcher has doubts with regard to the allative case and is the only one who distinguishes the distributive. The use of the latter case is illustrated in example (108):

- (108) *ěj läŋki-täl art-s-iw*
 one squirrel-DISTR divide-PST1-SBJ.1SG:OBJ.SG
 ‘[I] gave everyone a squirrel.’

Filchenko argues that there are nine cases in Vasyugan Khanty, which means that the comparative and the distributive are not included.

Table 14. Comparative data on the Vakh Khanty case markers

No.	Case	Kariajalainen (K), Tereshkin (T), Gulya (G), Honti (H) / markers	Fieldwork / markers
Syntactic group 1			
1	Nominative		∅
Semantic group 2			
2	Ablative (Prolative T)	<i>oγ/χ</i> (K) <i>oγ/öγ/ay/äy</i> (T) <i>oγ/öγ</i> (G, H)	<i>oγ/öγ</i>
3	Allative (Lative T) (Approximative H)	– (K) <i>(a)pa/(ä)pä</i>	<i>(a)pa/(ä)pä</i>
4	Lative (Dative K) (Lative-Objective T) (Lative-Dative H)	<i>a/ä</i>	<i>a/ä</i>
5	Locative (Locative T, H)	<i>nε</i> (K) <i>nə/nä</i>	<i>nə/nä</i>
Semantic group 3			
6	Abessive (Caritive K)	<i>ləχ</i> (K) – (T) <i>ləγ/läγ</i> (G, H)	<i>ləγ/läγ</i>
7	Comitative	<i>nät</i> (K) <i>na/nä</i> (T) <i>nät(i)/nat(i)</i> (G) <i>nat/nät</i> (H)	<i>na/nä</i>
8	Comparative	<i>nìñit</i> /SG (K) – (T, H) <i>niñə(t)/niñä(t)</i> (G)	–
Semantic group 4			
9	Distributive	– (K, T, G) <i>təltə/tältä</i> (H)	<i>-(ə)təl/-(ä)täl</i>
10	Oblique (Instructive-Final H)	– (K) <i>(t)ə/(t)ä</i>	<i>(t)ə/(t)ä</i>
11	Translative	– (K) <i>γ/əγ/äγ (< kə/kä)</i>	<i>γ/əγ/äγ (< kə/kä)</i>

Table 15 presents the system of case markers in Vasyugan Khanty. All the data are borrowed from [Kariajalainen, Vértes 1964: 149–151; Honti 1984/86: 60–61; Filchenko 2007: 86–96; 2010; 2017: 360–362].

Table 15. Case markers in Vasyugan

No.	Case	Marker	Examples
Syntactic group 1			
1	Nominative	∅	<i>kür</i> ‘leg’ <i>wajaj lök</i> ‘animal footprint’
Semantic group 1			
2	Ablative (Ablative, Elative K) (Ablative, Prolative F) Ablative-Elative2 (F)	<i>ow</i> (K) <i>ow/öw/oγ/öγ</i> (H) <i>oγ/öγ</i> (F) <i>i/i</i> (F)	<i>kat-ow</i> house-ABL ‘away from a house’ <i>iməj-öw</i> woman-ABL ‘away from a woman’ <i>juy-oγ</i> tree-ABL ‘away from the wood’ <i>puyol-oγ</i> village-ABL ‘away from a village’ <i>kargasok-oγ</i> Kargasok-ABL ‘away from Kargasok’ <i>lök-i</i> road-ABL ‘along the road’

No.	Case	Marker	Examples
3	Allative (Approximative H) Allative2 (F)	– (K) <i>pa/pā</i> (H) <i>pa/pā</i> (F) <i>nam</i> (F)	<i>joy-pa</i> ‘towards home’
4	Lative (Lative/Illative K) (Lative H) (Illative/Dative F)	<i>a/ä</i>	<i>kat-a</i> house-LAT ‘(to enter) a house’ <i>ämp-ä</i> dog-LAT ‘(to give) a dog’ <i>kor pe k-ä</i> swamp side-LAT ‘(to go) to the bank of a swamp’ <i>un-a</i> forest-LAT ‘to the forest’
5	Locative (Locative, Inessive K) (Locative H, F)	<i>ne</i> (K) <i>nə/nə</i>	<i>joyən-nə</i> river-LOC ‘in the river’ <i>mäy-nə</i> ground-LOC ‘in the ground’ <i>sart-nə</i> pike-LOC ‘pike’ <i>niy-nə</i> woman-LOC ‘woman’
Semantic group 2			
6	Abessive (Caritive K)	<i>läy/läy</i>	<i>imi-läy</i> woman-ABS ‘without a woman’ <i>täyta-läy</i> piece-ABS ‘without a piece’ <i>jernes-läy</i> shirt-ABS ‘without a shirt/dress’
7	Comitative (Comitative K)	<i>nə</i> (K) <i>na(t)/nä(t)</i>	<i>juy-nat</i> stick-COM ‘with/by a stick’ <i>pečkän-nä</i> gun-COM ‘with/by a gun’ <i>l’öy-em-nät</i> cousin-POSS.1SG-COM ‘with my cousin’ <i>imi-nä</i> woman-COM ‘with a woman’ <i>tajka-na-ti</i> Tajka-COM-PRTC ‘with Tajka’
8	Comparative	<i>nijε</i> (K) <i>nijə/nijä</i> (H) – (F)	<i>tim imi-nijə jem-iki</i> this woman-COMP good-PRED ‘This woman is better.’ <i>tim täyta-nijä jem-iki</i> this piece-COMP good-PRED ‘This piece (of cloth) is better.’ [Honti 1984/1986] <i>l’oy mes-nijε jem-iki</i> horse cow-COMP good-PRED ‘A horse is better than a cow.’ [Karjalainen, Vértes 1964]
Semantic group 3			
9	Distributive	– (F, K) <i>təl/täl</i> (H)	<i>läjki-täl</i> squirrel-DISTR ‘giving out a squirrel to each’
10	Oblique (Accusative K) (Instructive-Final H)	ϵ (K) <i>(t)ə/(t)ä</i>	<i>täyta-tə</i> piece-OBJ ‘a piece (of cloth)’ <i>kat-ə</i> house-OBJ ‘house’ <i>pečkän-äm näl-ä punka-s-im</i> gun-POSS.1SG bullet-OBJ load-PST1-SBG.1SG:OBJ.SG ‘I loaded my gun by means of a bullet.’ [Filchenko 2007: 95]
11	Translative	$\dot{\epsilon}\chi$ (K) $\gamma(\dot{\epsilon})$ (H) <i>ya/yə</i> (F)	<i>imi-γ</i> woman-TRL ‘(turn) into a woman’ <i>jüy mustim ajni-kə jə-s</i> 3SG beautiful young.woman-TRL become-PST1.3SG ‘She became a beautiful young woman.’ <i>mä əntə kəñč-il-tä ku-ka wəl-əkətə-s-əm</i> 1SG NEG hunt-MULT-INF man-TRL be-INCH-PST1-SBJ.1SG ‘I did not become a hunter.’

Similar to the situation with Vakh Khanty, researchers distinguish the following cases in Vasyugan Khanty: nominative, ablative, allative, lative, locative, abessive, comitative, comparative, distributive, oblique, and translative. However, they introduce the signifiers of some case markers differently. The ablative case marker is presented as *-ow* (voiced, constrictive, bilabial) by Karjalainen and as *-oy/-öy* (voiced, constrictive, backlingual) by Filchenko, while Honti accepts both variants *-ow/öw/oy/öy*. The translative is marked by *-əχ* in Karjalainen’s grammar, by *-γ(ə)* in Honti’s, and by *-ya/-yə* in Filchenko’s description. The symbols χ and γ are likely to designate the same sound (voiced, constrictive, backlingual) in Honti and Karjalainen’s works, whereas Filchenko distinguishes a voiceless, occlusive backlingual sound.

Another discrepancy concerns representation of the same phoneme. A case in point is $-\varepsilon$ vs. $-\partial/-\ddot{a}$ for the markers of the locative ($-\varepsilon$ and $-n\varepsilon$ (K); $-(t)\partial/-(t)\ddot{a}$ and $-n\partial/-n\ddot{a}$ (H, F)) or the comparative element ($-ni\eta\varepsilon$ (K) and $-ni\eta\partial/-ni\eta\ddot{a}$ (H)). Likewise, the comitative case markers are presented as $-n\ddot{a}$ (K) and $-na(t)/-n\ddot{a}(t)$ (H, F).

What is also noteworthy in the Vasyugan data presented in Table 15 is the fact that Filchenko distinguishes two sets of markers for both the ablative and the allative cases (cf. the text material from [Kalinina 1966], collected in the 1960s, in which markers for the allative2 and the ablative2 were not attested). Filchenko points out that the allative2 marker is $-nam$, whereas the ablative-relative2 marker is $-i/-i$. These are identical to the markers of these very cases in Surgut Khanty. It can be assumed that the markers identical to the Surgut Khanty case markers were introduced into the speech of the last speaker of Vasyugan Khanty, whom Filchenko interviewed, as a result of his contact with the speakers of the neighbouring Yugan Khanty subdialect (the Surgut dialect). The examples (109, 119) of the ablative-relative2 use are borrowed from Filchenko's grammar study [2007: 28, 93]:

- (109) *məŋ-a pat-i nuruyt-əl-kən*
 1PL-ILL hill-ABL run-NPST-SBJ.3DU
 'The bear with a bear cub] are running down the hill towards us.' Vas.

Examples illustrating the use of the allative2 marked by $-nam$ are scarce in the texts recorded in Vasyugan Khanty. According to Filchenko, the allative2 marker $-nam$ is attested most frequently in the Yugan river dialect data, but it is also present in Vasyugan, predominantly as an inflection on demonstratives, postpositions, adverbs and numerals as mentioned by [Filchenko 2007: 84], see example (110).

- (110) *nuŋ pirta... t'i-näm t'əti tolkat' werä! mä təl t'i-näm illə-pa-ti!*
 2SG behind there-ALL2 so push do-IMP.SBJ.SG1SG here there-ALL2 front-ALL PRTC
 'You (go) behind...there...push like this! I...(will pull) forward there!'

It is still questionable whether the allative, ending in $-nam$ and in $-pa/-pä$, should be identified in the Vasyugan Khanty nominal case system since it is not supported by any language data. Karjalainen did not mention this case at all, whereas Honti doubted its existence. All examples with the allative case of the noun obtained from the texts collected by either Kalinina or Filchenko involve *joy-pa* 'home-ALL' (see example (111)), which may be glossed or be given as a solid word form V., Vas. *joypa* '[go] home' as seen in the dictionary [Tereshkin 1961: 46; 1981: 78].

- (111) *kolə joypa-ti män-s-əw*
 all home-PRTC go-PST1-SBJ.1PL
 'We all went home.' Vas.

Since the allative marker $-(a)pa/-(\ddot{a})pä$ is attested in Vakh Khanty, its use can be compared to that in Vasyugan Khanty. Example (112) illustrates the use of the lative case marked by $-a$ in Vasyugan Khanty borrowed from [Filchenko 2007: 28]. In example (113) the word for 'place' in Vakh Khanty is marked by the allative case marker $-apa$.

- (112) *tom jiyi peləy-nə ut-a kərimtə-s-kən*
 that river side-LOC forest-ALL turn-PST1-SBJ.3DU
 'On the other bank of the river they turned into the forest.' Vas.

- (113) *məčəy təyi-l-pa män-əs*
 permanent place-POSS.3SG-ALL go-PST1.SBJ.3SG
 'He left for the ancestral lands.' V.

These examples point to the fact that the lative maker $-a/-\ddot{a}$ is used for coding the allative meaning along with the semantics of the lative, illative, and dative in Vasyugan Khanty. In Vakh and Surgut Khanty the allative meaning is coded by the mono-functional marker $-(a)pa/-(\ddot{a})pä$, whereas the lative, illative, and dative meanings are signalled by the multi-functional marker $-a/-\ddot{a}$.

In the speech samples obtained from Vasyugan Khanty speakers at the beginning of the 21st century one can isolate wordforms like *Toms-k-əka* Tomsk-ALL 'to Tomsk', *kishtovka-ka* Kishtovka-ALL 'to Kishtovka', *lawka-ka* shop-ALL 'to the shop' (online Vasyugan corpus), the structure of which contains the marker $-ka$. According to the data in the table (see Table 15), the marker $-ka$ encodes the meaning of the translative case. However, the semantics of the examples above points to the availability of the seme 'motion to...' in their semantic structure. This fact enables one to assume that the marker $-ka$ can be reinterpreted as a combination of the morpheme $-a-$, elsewhere sometimes glossed as the allative marker, and the epenthetic consonant y ($< k, \check{k}$). On these grounds, we may support the viewpoint that the marker $-ka$ has a compound structure: $-k-$ is an epenthetic consonant, and $-a$ is the marker of the lative case. Consider example (114):

- (114) *tayla män-äyi kistövkä-k-ä män-äyi*
 there go-PST.3SG Kishtovka-EP-LAT go-PST.3SG
 ‘There [he/she] went, to Kishtovka went.’

The form of the comitative marker is presented as *-nat* in Filchenko’s Vasyugan Khanty description [Filchenko 2007: 84; 2017: 360]. However, one can find examples with the morpheme *-na/-nä* in the corpus as in (115—116) below:

- (115) *mä jöyäs-äm қақи-l-am-na*
 1SG come-PST1-SBJ.1SG young.brother-PL-POSS.1SG-COM
 ‘I came with my brothers.’ [Filchenko 2017: 362]
- (116) *mä қој-l-әм қул wel'-tä қайрәмтән-ta қаләw-na*
 1SG want-NPST-1SG fish kill-INF catch-INF net-COM
 ‘I want to catch fish with a net.’

Like in Vakh Khanty, the comitative marker *-na/-nä* can be followed by the particle *ti/tj* in Vasyugan as well, but such instances are not numerous, see examples (117—118):

- (117) *ej ti tajka-na-tj...*
 one DEM Tajka-COM-PRTC
 ‘Once Tajka and I...’
- (118) *mətali-na-tj қирқ-al әl-l-ätä*
 something-COM-PRTC sack-3SG.POSS carry-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG
 ‘He carries something in his bag.’

In both dialects the final vowel *i/i* of the particle *ti/tj* can be omitted, it is especially evident in the position before another vowel, cf. examples (119—120):

- (119) *min lel-em-na-t ej jaққel-am-nә internät-i nuk wә-uj-mән*
 1PL brother-POSS.1SG-COM-PRTC one parents-POSS.1PL-LOC boarding.school-ABL above take-PASS-1PL
 ‘Once my yonger brother and I were taken by our parents from the boarding school.’ Vas. [Filchenko 2007: 360]
- (120) *rjt-na-t unč-әs*
 boat-COM-PRTC cross-PST1.SBJ.3SG
 ‘She/He’s crossed over in a boat.’ V. [Tereshkin 1981: 581]

More examples on the use of case markers in Vasyugan Khanty can be found in [Filchenko 2007: 85—95; 2017: 360—362]. The most controversial distributive suffix *-(ә)täl/-(ә)täl* is not described in that paper and is not illustrated by any examples.

As a preliminary conclusion, it can be mentioned that the Vakh and Vasyugan morphological case systems have their own peculiarities. The Vasyugan case paradigm does not include the allative marker. Its function is fulfilled by the multi-functional marker *-a/-ä*. The Vakh Khanty has the mono-functional marker *-(a)pa/-(ä)pä* to code the allative semantics.

Surgut Khanty

This overview of the Surgut Khanty case system is grounded in the data provided by Honti [1984/86: 60—61]. Karjalainen’s research focused primarily on Trom-Yugan Khanty. It is worth mentioning that Honti differentiated the Trom-Yugan and the Trom-Agan subdialects on phonological grounds: Trom-Yugan Khanty was characterized by vowel harmony, whereas Trom-Agan had lost that feature. Another subdialect of Surgut Khanty in which Honti identified vowel harmony was Yugan Khanty. As referred to by Csepregi [1998/2011: 10—11], the gradual elimination of vowel harmony is thought to have started in the Yugan river area at the turn of the nineteenth-twentieth century and have been completed by the beginning of the twenty-first century. This is supported by the fact that no vowel harmony is attested in Khanty dialects in the most recent grammar.

Table 16 presents an overview of the cases and their markers in the subgroups (Trom-Yugan, Trom-Agan, Yugan, Pim) of Surgut Khanty. The data are borrowed from [Castren, Schiefner 1958: 22—32; Karjalainen, Vértes 1964: 207—211; Honti 1984/86; Csepregi 1998/2011; 2017].

Table 16. Case markers in Surgut Trom-Yugan, Trom-Agan, Yugan, Pim

No.	Case	Marker / Postposition				Examples
		TjY.	TjA.	P.	Y.	
Syntactic group 1						
1	Nominative	∅				<i>imi</i> ‘woman’ <i>ap-əm rit</i> father-POSS.3SG boat ‘a boat of my father’ <i>iki süsəy wär</i> old.man trap make.NPST.3SG ‘An old man made a trap.’
Semantic group 1						
2	Ablative (Excessive, Elative K)	<i>i/i/</i>	<i>i/</i>	<i>i/iwəλ</i> (H)	<i>i</i>	<i>kot-i</i> house-ABL ‘away from a house’ <i>juy-i</i> tree-ABL ‘away from a tree’ <i>səŋkij-i</i> ‘along the sand’
3	Allative (Approximative K, H, C)	<i>nam/</i> <i>näm</i>	<i>nam</i>		<i>nam/</i> <i>näm</i>	<i>imi-näm</i> woman-ALL ‘to a woman’ <i>kut-əl-nam</i> house-POSS.3SS-ALL ‘to his house’
4	Lative (Lative, Illative, Dative K) (Lative C) (Lative-Dative H)	<i>a/ä</i>	<i>a</i>		<i>a/ä</i>	<i>jəŋk-a</i> water-LAT ‘(fall) into water’ <i>iməj-ä</i> woman-LAT ‘(say) to a woman’ <i>ä^ynə-a wəl-ta mən-λ-əm</i> A'gan-ALL live-go-NPST-S.1SG ‘I am going to live on the banks of the Agan river.’ [Karjalainen, Vértes 1964: 221]
5	Locative (Locative, Agentive, Inessive K) (Locative H, C)	<i>nε (ä)</i> (K) <i>nə/nä</i>	<i>nə</i>			<i>imi-nə put wär-λ-i</i> woman-LOC food cook-PASS.3SG ‘Food is cooked by a woman’ <i>kot-nə</i> house-LOC ‘into a house’ <i>süwəs-nə</i> autumn-LOC ‘in autumn’
Semantic group 2						
6	Abessive (Caritive K)	<i>ləy/läy</i> <i>ləy/läy</i>	<i>ləy</i>			<i>imi-ləy</i> woman-ABS ‘without a woman’ <i>tüwət-ləy</i> fire-ABS ‘without fire’ <i>äwi-ləy</i> daughter-ABS ‘without a daughter’ <i>uləm-ləy</i> dream-ABS ‘without dreams’
7	Comitative	<i>nat/nät</i>	<i>nat</i>	<i>nat/nät</i>		<i>rit-nat</i> boat-COM ‘by boat’ <i>ləjəm-nat</i> axe-COM ‘with /by an axe’ <i>ni-kən-nat</i> woman-DU-COM ‘with two women’ <i>imi-nät</i> woman-COM ‘with a woman’
Semantic group 3						
8	Distributive	<i>pti/pti</i> (K) <i>təłtā/təłta</i> (H) – (Cs)	? (H) – (Cs)	<i>łta/łtä</i> (H) – (Cs)		TrY. <i>ěj länki-təłtū</i> one squirrel-DISTR ‘with one squirrel each’ TrY. <i>äwi-pti</i> girl-DISTR ‘each girl’ TrY. <i>rit-əl-pti</i> boat-PL-DISTR ‘(take seats) in boats’
9	Temporal Distributive (Expletive H)	– (K) <i>p(ti)/p(ti)</i> (H) – (C)	? (H) – (C)	<i>p(ti)</i> (H) – (C)		Y. <i>ləŋə-pti</i> summer-TDISTR ‘every summer’ TrY. <i>katlə-pti</i> day-TDISTR ‘every day’
10	Oblique (Instrumental K, Cs) (Instructive-Final H)	<i>at/ät</i>	<i>at</i>		<i>at/ät</i>	<i>suntuk wər-at tər'əmt-əy</i> box blood-OBJ flow-NPST.3SG ‘There is blood coming out of the box.’ <i>mä nüŋ-at nıpək-at mə-λ-əm</i> 1SG 2SG-ACC book-OBJ give-NPST-1SG ‘I give you a book.’
11	Translative	<i>ye/ke</i> (K) <i>yə/yä</i> (<i>< kə/kä</i>) (H, C)	<i>yə (< kə/kä)</i> (H, C)			<i>itən-yə jə-y</i> evening-TRL become-NPST.3SG ‘The evening has come.’ <i>wöŋ-kə</i> son-in-law-TRL ‘(become) son-in-law’ <i>kəməŋ-kə</i> swan-TRL ‘(become) a swan’ <i>łäk-kə (< łäw)</i> horse-TRL ‘(become) a horse’

As the data in Table 16 show, researchers' opinions differ with regard to the morphological status of such cases as the ablative, and the distributive.

According to Honti, the ablative case in the Pim subdialect can be formed both synthetically (by means of the suffix *-i-*) and analytically (using the postposition *iwəλ*). Taking into account the fact that the neighboring southern dialects (the Pim and Lyamin rivers are the most southern tributaries of the Ob) are attested to have shifted from the synthetic form to analytic, it is natural to assume that the Pim subdialect has also utilized the postposition *iwəλ* (cf. Southern *iwət*, Northern *ewəlt* 'from, away from') to mark the ablative.

The most controversial marker seems to be the distributive. It is not included in the nominal case paradigm consisting of nine markers that was described by Csepregi. However, the use of this case marked by *-pti/-pti* has been attested in Surgut Khanty by Karjalainen and illustrated by numerous examples in [Karjalainen, Vértes 1964: 230—232]. As a consequence, Karjalainen distinguished ten case markers in the paradigm. Contrary to this view, Honti divided the distributive into two cases: the distributive per se and the expletive (temporal distributive). Both markers *-təłtä/-təłta* and *-pti/-pti* may be used to express the meaning of separation per head ('to separate smth. per head'), and only the latter *-pti/-pti* marks an adverbial in the meaning of frequency in time ('once a week', etc.). This extends the paradigm to 11 cases in Honti's view [1984/86: 64]. The following examples (121—124) borrowed from [Karjalainen, Vértes 1964: 230—231; Honti 1984/86: 64] illustrate the use of the distributive marker in Trom-Yugan Khanty. In other scientific publications on Surgut Khanty such examples have not been attested.

- (121) *ěj läŋki-təłtū urt-ətəγ*
 one squirrel-DISTR divide-PST.SBJ.1PL:OBJ.SG
 'Each of us was given a squirrel.'
- (122) *äwi-pti kəl-t məj-ə*
 girl-DISTR fish-PL give-IMP.SBJ.SG:OBJ.SG
 'Give each girl a fish.'
- (123) *rit-əł-pti läl-t*
 boat-PL-DISTR sit-PST.3PL
 '[They] took seats in boats.'
- (124) *katlə-pti pira mən-λ*
 day-DISTR backwards go-NPST.SBJ.3SG
 '[He] loses weight every day.'

According to Csepregi's grammar [2017: 102], the suffix with the distributive meaning *-əłta* is described as the suffix marking numerals, e.g.:

- (125) *pəki-t wät-əłta ěj kəröpka-γ-a pän-λ-əluw*
 doll five-DISTR one box-EP-LAT put-NPST-SBJ.1PL:OBJ.PL
 'The dolls were packed into boxes, five dolls in each box.'

The functioning of case markers in Surgut Khanty is described in [Csepregi 2017: 86—99].

Salym Khanty

This dialect has not been thoroughly studied yet, and the only source where the case system is holistically described is in [Honti 1984/1986]. According to the researcher, the case paradigm in Salym Khanty encompasses nine cases: nominative, allative, lative, locative, abessive, comitative, expletive, oblique, and translative. Table 17 gives a brief overview of the nominal cases in this dialect. Due to the lack of data, examples are not provided for all cases. If some marker is not attested in the speech samples, it is given in brackets.

Honti distinguished nine case markers in Salym Khanty: nominative, allative, lative, locative, abessive, comitative, temporal distributive, oblique, and translative. As he points out, the ablative case is formed analytically by means of the postpositive element *iwət* 'from' similar to an alternative option with *iwəλ* 'from' found in Pim Khanty. Consider example (126):

- (126) *pal'ta kasa iwət*
 pocket coat from
 'out of the pocket of the coat'

Such morphemes as *-nat* and *-tə* function as the markers of the comitative and the abessive cases respectively.

Table 17. Case markers in Salym

No.	Case	Marker	Examples
Syntactic group 1			
1	Nominative	Ø	<i>imət</i> ‘a stuffed bird’
Semantic group 1			
2	Allative (Approximative H)	<i>nam</i>	–
3	Lative (Lative-Dative H)	<i>a</i>	<i>kimət kät jöyət-mən kăram oŋ-a</i> the.second day come-PST.1DU Karym inside-ALL ‘On the second day we got to the river Karym.’
4	Locative (Locative H)	<i>nə</i>	<i>əj n'öyə anə kūrmat-nə, əj n'öyə anə pəsan oytə-nə</i> one meat bowl threshold-LOC one meat bowl table surface-LOC ‘One cup with meat is at the threshold, the other is on the table.’ [Tereshkin 1981: 130]
Semantic group 2			
5	Abessive	<i>(tə)</i>	–
6	Comitative	<i>(nat)</i>	–
Semantic group 3			
7	Temporal distributive (Expletive H)	<i>ptə</i>	–
8	Oblique (Instructive-Final H)	<i>at</i>	<i>sěj-at wăr-ta</i> good.thing-INS.OBJ do-INF ‘to do somebody a favour’ [Tereshkin 1981: 436]
9	Translative	<i>yə (< kə/ķə)</i>	<i>n'ăķ-ķə atəm-ta</i> joke-TRL bad-INF ‘to make nasty jokes about sb’ [Tereshkin 1981: 300]

2.4. General observations of case markers

Summarizing all information about the nominal category of case in the Eastern dialects of Khanty, one can easily categorize all the cases into two groups: 1) the so-called *recognized cases*, i.e. those that are present in all dialects and recognized by all khantologists and 2) *not unanimously recognized cases*, i.e. those that are attributes of some dialects and are not recognized unanimously. Tables 18 and 19 give an overview of these two sub-groups of case markers in Eastern Khanty borrowed from the contemporary grammar sketches made by [Filchenko 2017; Csepregi 2017] and from fieldwork data elicited from the speakers of Vakh and Vasyugan Khanty.

Table 18. Formal representation of the recognized case markers in the Eastern Khanty

№	Cases	Vakh-Vasyugan	Surgut
Syntactic group 1			
1	Nominative	Ø	
Semantic group 1			
2	Lative	<i>a/ă</i>	<i>a</i>
3	Locative	<i>nə/nă</i>	<i>nə</i>
Semantic group 2			
4	Abessive	<i>ləy/lăy</i>	<i>ləy</i>
5	Comitative	<i>nă/na</i>	<i>nat</i>
Semantic group 3			
6	Oblique	<i>(t)ə/(t)ă</i>	<i>at</i>
7	Translative	<i>yə/ăy/lăy (< əķ/ăķ/ķə/kă)</i>	<i>yə (< kə/ķə)</i>

The group of recognized cases encompasses seven markers of the nominative, lative, locative, abessive, comitative, oblique, and translative. It should be stressed here that three markers in this group are multi-functional: lative, locative and comitative.

In this group, formal distinctive features of case markers between the Vakh and Vasyugan dialects are not identified. The differences between the Vakh-Vasyugan subgroup and Surgut subgroup are evident with regard to the comitative and oblique markers. The comitative marker used to encode the instrumental and comitative semantics in both varieties has the form *-na/-nä* that is often followed by the particle *ti/ti* in the Vakh-Vasyugan subgroup and the form *-nat* in the Surgut subgroup. The oblique marker has the form *-(t)ə/-(t)ä* in the Vakh-Vasyugan subgroup and *-at* — in the Surgut subgroup. The sound [t] appears as an epenthetic element only when the noun ends in a vowel, e.g. *läŋki-tə* ‘squirrel’, *ḱat-ə* ‘house’ V.

Let us now consider the group of nonunanimously recognized cases (see Table 19).

Table 19. Formal representation of nonunanimously recognized case markers in Eastern Khanty

№	Case markers	Vakh	Vasyugan	Surgut
Semantic group 1				
1	Ablative	<i>oy/öy</i>	<i>oy/öy</i> <i>i</i>	<i>i</i>
2	Allative	<i>(a)pa/(ä)pä</i>	–	<i>nam</i>
Semantic group 3				
3	Distributive	<i>-(ə)təl/-(ä)täl</i>	–	–

The list of nonunanimously recognized case markers includes the ablative, the allative, and the distributive.

The ablative marker is *oy*-based in Vakh-Vasyugan Kanty and is *i*-based in Surgut Khanty. According to Filchenko’s data, the ablative can also be marked by *-i* in Vasyugan Khanty, which may have been borrowed from the Yugan subdialect of Surgut Khanty. In Pim, the ablative meaning can be marked not only morphologically, but also analytically, by means of the postposition *iwəλ* ‘from’. In Salym Khanty only the postposition *iwət* ‘from’ is used for conveying this meaning.

Likewise, the Vakh dialect and the Surgut subgroup differ formally with regard to the marker of the allative case. The allative marker is *(a)pa*-based in the Vakh-Vasyugan subgroup and *nam*-based in the Surgut subgroup. In the Vasyugan dialect the allative case marker in the nominal paradigm is not attested. Apart from some examples with the word *joypa* ‘(towards) home’ marked for this case, there are no more Vasyugan Khanty data to confirm the use of the ablative. The semantics of the allative is coded by the lative *a*-based marker.

The element V.-Vas. *-(ə)təl/-(ä)täl*, S. *əλta* with a distributive meaning is one of the most discussed markers with regard to its status. In both subgroups it is used as the suffix of numerals which is capable of expressing distributive semantics. In Karialajnen’s data, elicited in the beginning of the twentieth century, this suffix, with the distributive semantics, is attached to a noun. In contemporary speech samples of the Vakh speakers the distributive marker is verified, but its use is restricted in terms of the number of native speakers and its scope of application. In Vasyugan and Surgut contemporary studies, conducted by Filchenko and Csepregi, the element Vas. *-(ə)təl/-(ä)täl*, S. *-əλta* is not mentioned in the capacity of an inflectional nominal suffix. It can be added that the origin of the distributive suffix is linked to such items as *tel* (Vas.), *täl* (S.), *tät* (Sal.) functioning as postpositions in the meaning ‘full’ [Tereshkin 1981: 464]. The distributive suffix V.-Vas. *-(ə)təl/-(ä)täl*, S. *-əλta* does not produce new forms but is found in both Eastern subgroups. The marker of the temporal distributive S. *-pti/-pti*, Sal. *-ptə* may be found only in the Surgut subgroup data, collected in the twentieth century.

An overview of the system of case markers in present-day Eastern Khanty varieties, Vakh and Surgut, is presented in Table 20. It is grounded in the fieldwork data, collected from 2017 to 2019 and in Csepregi’s grammar study [2017].

Both spoken Eastern varieties — Vakh and Surgut — have nine nominal case markers. The major dialectal differences of the two varieties lie between the ablative and allative markers. The Vakh ablative marker has the form *-oy/-öy*, whereas the Surgut form is *-i*; the Vakh allative marker is *-(a)pa/-(ä)pä*, whereas in Surgut it is *-nam*. Moreover, the markers of the comitative V. *-na/-nä*, S. *-nat*, oblique V. *-(t)ə/-(t)ä*, S. *-at*, and translative V. *-y/-əy/-äy*, S. *-yə* are formally distinguished but originate from the same stem.

Table 20. ‘Contemporary’ case markers of Vakh and Surgut Khanty

No.	Vakh	Surgut
Syntactic group 1		
1	Nominative	
	Ø	
Semantic group 1		
2	Ablative	
	<i>oy/öy</i>	<i>i</i>
3	Allative	
	<i>(a)pa/(ä)pä</i>	<i>nam</i>
4	Lative	
	<i>a/ä</i>	<i>a</i>
5	Locative	
	<i>nə/nä</i>	<i>nə</i>
Semantic group 2		
6	Abessive	
	<i>ləy/läy</i>	<i>ləy</i>
7	Comitative	
	<i>na/nä</i>	<i>nat</i>
8	Distributive	
	<i>-(ə)təl/-(ä)täl</i>	
Oblique/Instrumental (C)		
9	<i>(t)ə/(t)ä</i>	<i>at</i>
Translative		
10	<i>γ/əγ/äγ (< ək/äk)</i>	<i>γə (< kə/kə)</i>

Conclusion

This study focused on a comparative analysis of nominal markers in four dialects of Eastern Khanty, namely, Vakh, Vasyugan, Surgut, and Salym. The analysis was grounded in the descriptions and interpretations of language facts elicited from the Eastern Khanty speakers in the twentieth century and presented in several influential grammar studies of Khanty. These data were then compared with language data elicited from Vakh Khanty speakers in the course of fieldwork (2017—2019). Consequently, all relevant linguistic data pertaining to the nominal morphology of the Eastern Khanty are gleaned in the present work and encompass the materials included in the grammar notes which were written between the early twentieth century and the current year.

The analysis helps us reveal and explain disagreements in the literature regarding the nominal inflectional markers and some morphological discrepancies among the groups and subgroups of Eastern Khanty. Our comparative analysis of the old and current data demonstrates an overall stability in the Eastern Khanty nominal system which has remained almost unchanged despite the ongoing influence of the Russian language.

The inflectional morphology of Eastern Khanty nouns has a wide repertoire of markers that represent three nominal categories: number, possession, and case. The contradictions within these three categories boil down to the morphemic representation, terminology and status of some markers. The system of the case marker is the most controversial.

In the declension system of the noun, there are nine case markers in the Eastern Khanty varieties: nominative, ablative, allative, lative, locative, abessive, comitative, oblique, and translative. They are complemented by a distributive marker with a restricted usage. These case markers are distributed into syntactic and semantic groups. The syntactic group includes the unmarked nominative case and, to a certain extent, the locative marker which can encode the agentive relations as well. The remaining eight markers, including the locative, belong to the semantic group. Within this group, three subgroups can be established: the first involves markers with the spatial meanings (these are the ablative, allative, locative, and lative markers), the second includes the abessive and comitative markers due to their ability to express semantically opposite meanings of with-clauses and without-clauses, and the third is made up of the distributive, oblique and translative markers predominantly aimed at conveying various ‘oblique’ semantics. The use of the distributive suffix is reduced to the cases in which a noun is combined with a numeral. The markers of the nominative, ablative, locative, lative and comitative are multi-

functional and may code more than one semantic relation, e.g. the functional set of the nominative marker includes the functions of the nominative, accusative and genitive.

In this study the comparative element V. *niñit*, Vas. *niñə*, S. *niñkt* has been confirmed to be a comparative postposition.

The morphological system of the currently spoken Eastern Khanty varieties — Vakh and Surgut — has some dialectal differences. The number markers are only phonologically different for the dependent number marker of DU V. $-(ə)ʃ(ə)l/-(ə)ʃ(ə)l$, S. $-ʃəλ$. The distinction between the possessive suffixes of the Vakh and Surgut Khanty concerns the forms for 2SG of the possessor and DU/PL of the possessed V.-Vas. $-an/-ān$, S. $-a$; for 2DU, 3DU, 2PL of the possessor and SG of the possessed V.-Vas. $-(ə)tən/-(ə)tən$, S. $-in$; for 1PL of the possessor and SG, DU, PL of the possessed V.-Vas. $-ʃ/-əʃ/-öʃ$, S. $-w/-ew/-uw$; for 3SG of the possessor and PL of the possessed V.-Vas. $-lə/-lə$, S. $-al$; for 2DU of the possessor and PL of the possessed V.-Vas. $-in/-in$, S. $-ən$. The dialectal distinctions between case markers are found in the forms of the ablative V. $-oy/-öy$, S. $-i$ and the allative V. $-(a)pa/-(ä)pä$, S. $-nam$. The markers of the comitative V. $-na/-nä$, S. $-nat$, oblique V. $-(t)ə/-(t)ə$, S. $-at$, and translative V. $-ʃ/-əʃ/-öʃ$, S. $-ʃə$ formally differ although they originated from one and the same stem.

We believe that a further detailed study of the functional aspect of the number, possessive and case markers of Eastern Khanty may be helpful in solving other controversies associated with them.

Acknowledgement

The analysis was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (grant No. 14.Y26.31.0014.) as part of the research project “Linguistic and ethnocultural diversity of South Siberia in synchrony and diachrony: the interaction of languages and cultures”.

We would like to extend our thanks to Professor László Honti who helped us and gave invaluable and detailed constructive suggestions.

We thank the Vakh Khanty consultants for their helpful contributions. We are also grateful to Yu. V. Normanskaya, doctor of philology, and A. V. Dybo, doctor of philology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, for their help in organizing the research trips of one of the authors.

Abbreviations

ABL — ablative, ABS — abessive, ACC — accusative, ALL — allative, COM — comitative, COMP — comparative, CNV — converb, DEM — demonstrative, DERIV — derivational suffix, DIM — diminutive, DISTR — distributive, DU — dual, EP — epenthetic, ILL — illative, IMP — imperative, INCH — inchoative, IPFV.PTCP — imperfect participle, OBL — oblique, LAT — lative, LOC — locative, MULT — multicative, NEG — negative particle, NPST — non-past tense, NST — non-suffixed tense, PFV.PTCP — perfect participle, PST1 — past tense in $-s$, PST2 — past tense in $-yas/-yäs$, PST3 — past tense in $-yal/-yäl$, REFL — reflexive $-ʃə/-ʃə$, OBJ — objective, PASS — passive, PL — plural, POSS — possessive suffix, PRED — predicator suffix, PRIC — particle, SBJ — subjective, SG — singular, TDISTR — temporal distributive, TRL — translative, TR — transitive. V. — Vakh, Vas. — Vasyugan, P. — Pim, S. — Surgut, Sal. — Salym, TrA. — Trom-Agan, TrY. — Trom-Yugan, Y. — Yugan.

References

- Budzisch 2017 — *Budzisch J.* On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* 2017, 2 (25). P. 58—66.
- Castrén 1849 — *Кастрен М. А.* Опыт перевода Остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ. С.-Петербургъ, 1849. {*Castrén M. A.* Experience of translating the Ostyak grammar with a short dictionary. St. Petersburg, 1849.}
- Castrén, Schiefner 1858 — *Castrén M. A., Schiefner A. A.* Versuch einer ostjakischen Sprachlehre. Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg, 1858.
- Collinder 1957 — *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm, 1957.
- Collinder 1960 — *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm, 1960.
- Comrie 1988 — *Comrie B.* General Features of the Uralic Languages / Ed. *D. Sinor.* The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Leiden-New York-KöbenhavnKöln, 1988. P. 451—476.
- Csepregi 1997 — *Csepregi M.* General information about the Ostyaks (Khantys) / Ed. *E. K. Lazar.* Studies on Surgut Ostyak Culture. Budapest, 1997.
- Csepregi 1998/2011 — *Csepregi M.* Szurguti osztják chrestomathia {Chrestomathy of Surgut dialect of Khanty language}. Szeged, 1998/2011.

- Csepregi 2017 — *Csepregi M.* Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2017. {*Csepregi M.* Surgut Khanty dialect. Khanty-Mansiysk, 2017.}
- Décsy 1990 — *Décsy G.* The Uralic Protolanguage: A Comprehensive reconstruction. Bloomington, 1990.
- Filchenko 2006a — *Filchenko A.* The Eastern Khanty locative-agent constructions / Eds. *B. Lyngfelt and T. Solstad.* Demoting the Agent: Passive, Middle and Other Voice Phenomena. Amsterdam / Philadelphia, 2006. P. 47—82.
- Filchenko 2006b — *Фильченко А. Ю.* Функционально-прагматический аспект падежного оформления аргументов в восточно-хантыйских диалектах // Вестник ТГПУ. 2006 4 (55). С. 140—147. {*Filchenko A. Yu.* The functional and pragmatic aspect of case marking of arguments in Eastern Khanty dialects // Vestnik: TSPU. 2006, 4 (55). P. 140—147.}
- Filchenko 2007 — *Filchenko A. Yu.* A Grammar of Eastern Khanty. Doctor of Philology Thesis. Houston, Texas, 2007.
- Filchenko 2010 — *Filchenko A. Yu.* Aspect of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2010.
- Filchenko 2014 — *Filchenko A. Yu.* Possessive Constructions in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2014, 1 (3). P. 99—112.
- Filchenko 2017 — *Filchenko A. Yu.* The 'essive' in Eastern Khanty / Ed. *C. de Groot.* Uralic Essive and the Expression of Impermanent State. John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 357—382.
- Ganenko 2002 — *Ганенков Д. С.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива / Ред. *Плунгян В. А.* Исследования по теории грамматики. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. С. 1—23. {*Ganenko D. S.* Typology of case meanings: the semantic domain of prolativ / Ed. *V. A. Plungyan.* Research on the theory of grammar. 2: Grammarization of spatial meanings in world languages. Moscow, 2002. P. 1—23.}
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington — The Hague, 1966.
- Gulya 1970 — *Gulya J.* Aktiv, Ergativ und Passiv im Vach-Ostjakischen // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen, 15—18, Juli 1968. Göttingen, 1970. P. 80—83.
- Gulya 1976 — *Гуля Я.* Морфология хантыйского языка // Основы финно-угорского языкознания. М., 1976. С. 303—332. {*Gulya J.* Khanty morphology // Outlines of Finno-Ugric linguistics. Moscow, 1976. P. 303—332.}
- Hajdú 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. {*Hajdú P.* The Uralic languages and peoples. Moscow, 1985.}
- Honti 1982 — *Honti L.* A szalimi osztják nyelvjárás hang- és alaktanának ismertetése // Nyelvtudományi Közlemények. 1982, 84. P. 91—119.
- Honti 1984/1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica {Ostyak Chrestomathy}. Budapest, 1984/1986.
- Honti 1988 — *Honti L.* Die ostjakische Sprache / Ed. *D. Sinor.* The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden — New York — København — Köln, 1988. P. 172—196.
- Honti 1995 — *Хонти Л.* Ваховский диалект хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. Сб. статей 2. Томск, 1995. С. 4—39. {*Honti L.* Vakh dialect of the Khanty language. Peoples of North-West Siberia. 2. Tomsk, 1995. P. 4—39.}
- Itkonen 1960 — *Itkonen E.* Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriß und Wörterverzeichnis. Apuneuvoja suomalais-ugrilainen kielten opintoja varten VII. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1960.
- Janda 2015 — *Janda E.* Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function // Eesti ja Soome-ugri Keeleteaduse Ajakiri {Journal of Estonian & Finno-Ugric Linguistics}. 2015, 6 (2). P. 243—258.
- Kaksin 2007 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {*Kaksin A. D.* Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2007.}
- Kalinina 1966 — *Калинина Л. И.* Васюганский диалект // Языки и топонимия Сибири. Сб. статей. Томск, 1966. С. 88—95. {*Kalinina L. I.* Vasyugan dialect // Languages and toponymy of Siberia. Tomsk, 1996. P. 88—95.}
- Kálmán 1988 — *Kálmán B.* The History of Ob-Ugric Languages // Ed. *D. Sinor.* The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden — New York — København — Köln, 1988. P. 395—412.
- Karjalainen, Vértes 1964 — *Karjalainen K. F., Vértes E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. Helsinki, 1964.
- Kispál, Mészáros 1980 — *Kispál M., Mészáros H.* Északi osztják kresztomátia {Northern Ostyak Chrestomathy}. Budapest, 1980.
- Klumpp, Mazzitelli, Rozhanskiy 2018 — *Klumpp G., Mazzitelli L., Rozhanskiy F.* Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA—JEFUL // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri {Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics}. 2018, 9 (1). P. 9—30.
- Koshkareva 2001 — *Koshkareva N. B.* The case systems of nouns and pronouns in Khanty. Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs // Studia Slavica Oldenburgensia. 2001, 4. P. 235—254.
- Li, Timkin 2019 — *Ли П. И., Тимкин Т. В.* Проблема диалектной принадлежности полевых материалов по хантыйскому языку с реки Тромъеган // Тезисы докладов международной научной конференции «Документирование языков и диалектов коренных малочисленных народов России». СПб., 2019. С. 44—45. {*Li P. I., Timkin T. V.*

The problem of the dialectal affiliation of field materials in the Khanty language from the Tromyegan River // Proceedings of the international scientific conference “Documentation of languages and dialects of indigenous peoples of Russia”. St. Petersburg, 2019. P. 44—45.}

Liimola 1963 — *Liimola M.* Zur historischen Formenlehre des Wogulischen (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 127). Helsinki, 1963.

Liimola 1971 — *Liimola M.* Zur Kasuslehre der Vach — Vasjugan Mundart der ostjakischen Sprache // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1971, 71. P. 3—24.

Melchuk 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том 2. Москва—Вена, 1998. {*Melchuk A. I.* General morphology course. Vol. 2. Moscow—Vienna, 1998.}

Nemysova 1988 — *Нёмысова Е. А.* Хантыйский язык. Учебник для педучилищ. Ленинград, 1988. {*Nemysova E. A.* Khanty language. Textbook for Pedagogical schools. Leningrad, 1988.}

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak (Languages of the World/Materials 305). München, 1999.

Nikolaeva 1999 — *Николаева И.* Обдорский диалект хантыйского языка. Москва—Гамбург, 1999. {*Nikolaeva I.* Obdorsk dialect of Khanty. Moscow-Hamburg, 1999.}

Nikolaeva 2003 — *Nikolaeva I.* Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // Eds. *P. Suihkonen, B. Comrie* / International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Iževsk — Leipzig, 2003. P. 130—145.

Onyina 2009 — *Onyina S. B.* Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzékkel) {Dictionary with grammar description of Synja Khanty}. Budapest, 2009.

Paasonen, Vértes 1965 — *Paasonen H., Vértes E.* Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan (Journal de la Société Finno-Ougrienne). Helsinki, 1965.

Patkanov, Fokos-Fuchs 1911 — *Patkanov S. K., Fokos-Fuchs D.* Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte. Budapest, 1911.

Plungyan 2003 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003. {*Plungyan V. A.* General morphology: An introduction. Moscow, 2003.}

Potanina 2014 — *Potanina O. S.* К типологии атрибутивных possessивных конструкций на материале васюганского диалекта хантыйского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014, 5 (35), ч. 2. С. 165—169. {*Potanina O. S.* On typology of adnominal possessive constructions by the material of Vasyugan Khanty. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2014, 5 (35), pt. 2. P. 165—169.}

Rédei 1966 — *Rédei K.* Northern Ostyak chrestomathy (Muzhi dialect). Bloomington. Indiana, 1966.

Sauer 1967. — *Sauer G.* Die Nominalbildung im Ostjakischen. Finnisch-Ugrische Studien V. Berlin, 1967.

Schiefer 1973 — *Schiefer L.* Zur Pluralbildung in den ostjakischen Dialekten Vach und Vasjugan // Études finno-ougriennes. 1973, 10. P. 133—169.

Schmidt 2008 — *Schmidt É.* Serkáli osztják chrestomathia {Chrestomathy of Sherkal Khanty}. Budapest, 2008.

Solovar, Nakhracheva, Shiyanova 2016 — *Соловар В. Н., Нахрacheва Г. Л., Шиьянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovar V. N, Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2016.}

Sosa 2017 — *Sosa S.* Functions of morphosyntactic alternations, and information flow in Surgut Khanty Discourse. Doctor of Philology Thesis, Helsinki, 2017.

Steinitz 1950 — *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomathie (Scherkaler dialect). Leipzig, 1950.

Steinitz 1966—1993 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Vol. 1—15. Berlin, 1966—1993.

Steinitz 1975 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Texte. Bearbeitet von G. Sauer. Berlin, 1975.

Steinitz 1980 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Bearbeitet von E. Lang, G. Sauer and R. Steinitz. Berlin, 1980.

Stolz 1966 — *Stolz Th.* Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // Papiere zur Linguistik. 1966, 54 (1). P. 3—65.

Tereshkin 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект. Москва, Ленинград, 1961. {*Tereshkin N. I.* Sketches of Khanty dialects. Vakh dialect. Moscow, Leningrad, 1961.}

Tereshkin 1967 — *Терешкин Н. И.* Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология) Дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 1967. {*Tereshkin N. I.* The Vakh dialect of Kahnty language (phonetics and morphology). Doctor of Philology Thesis. Leningrad, 1967.}

Tereshkin 1974 — *Терешкин Н. И.* Система склонения в диалектах обско-угорских языков. // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Ленинград, 1974. С. 67—77. {*Tereshkin N. I.* The declension system in the dialects of the Ob-Ugric languages // The declension in the Paleoasian and Samoyedic languages. Leningrad, 1974. P. 67—77.}

Tereshkin 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточнохантыйских диалектов. Ленинград, 1981. {*Tereshkin N. I.* Dictionary of the Eastern Khanty dialects. Leningrad, 1981.}

Veenker 1973 — *Veenker W.* Verzeichnis der ostostjakischen (Vach) Suffixe und Suffixkombinationen (unter Einschluss der wichtigsten Pronomina) // *Societas Uralo-Altaica*, 5. Hamburg, 1973.

Vértes 1967 — *Vértes E.* Die ostjakischen Pronomina. Budapest, 1967.

Zhivotikov 1942 — *Животиков П. К.* Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект). Ханты-Мансийск, 1942. {*Zhivotikov P. K.* Sketch of the Khanty grammar (Middle-Ob dialect). Khanty-Mansiysk, 1942.}

Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Как было показано в работах Я. Гуйя, мансийские диалекты в XVIII в. не имели диалектных особенностей, характерных для XIX—XX в. и подробно описанных в работах Л. Хонти. Насколько нам известно, словари П. С. Палласа по пермским мансийским говорам с этой точки зрения ранее подробно не изучались. В настоящей статье показано, какое место занимали говоры пермских манси в существующей классификации диалектов. Анализ материала словарей пермских мансийских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил: 1) в двух случаях уточнить реконструкцию ПМанс. фонем, поскольку рефлекс $a < \text{ПМанс. } *ā, \bar{e} < \text{ПМанс. } *j$ занимают ареалы, форма которых указывает на инновационное развитие этих рефлексов; на ПМанс. уровне предположительно следует восстанавливать $*o$ и $*ā$ соответственно; 2) установить, что в двух случаях инновационные развития в пермских говорах схожи с фонетическими переходами в тавдинском южном диалекте: ПМанс. $*o$ ($*ā$ по [Honti 1982]) $> a$, ПМанс. $*u > o$. Однако развитие ПМанс. $*y > o$, зафиксированное в пермских мансийских говорах, представлено в восточных мансийских и в части западных диалектов, но не отмечено в южных и северных диалектах. В других случаях в пермских мансийских диалектах представлено архаичное прамансийское состояние. В случае изменения ПМанс. $*u > o$, имевшего место в южных диалектах, привлечение пермских мансийских данных позволяет датировать время этого перехода.

Проведенный анализ показывает, что существующая классификация мансийских диалектов, описывающая разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, должна быть изменена, поскольку в соответствии с ней по одним признакам пермские диалекты относятся к южным, а по другим — к восточным и западным. Мы считаем, что, возможно, следует отказаться от классификационного признака «развитие ПМанс. $*-y$ », поскольку во всех северных мансийских текстах XVIII—XIX вв. отсутствует рефлекс ПМанс. $*-y$; более того, по нашим полевым данным, такое развитие представлено и в современном северном среднеобском диалекте. Таким образом, этот признак не разделяет генетически разные диалектные группы между собой, а имеет ареальную специфику. По остальным инновационным признакам исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. Становится ясно, что еще в XVIII в. южные диалекты, ныне исчезнувшие, простирались еще почти на 300 км на запад в Свердловскую область.

Ключевые слова: мансийский, пермские диалекты, П. С. Паллас, архивные материалы

DICTIONARIES OF PERM MANSI “NATIVE SPEAKERS OF SIBERIA”, COLLECTED BY P. S. PALLAS IN THE 18th CENTURY

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS; Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

As shown by J. Gulya, 18th-century Mansi dialects lacked the dialect traits which developed in the 19th—20th centuries and which have been described in detail by L. Honti. To the best of our knowledge, P. S. Pallas's dictionaries of the Perm Mansi dialects have not been previously examined thoroughly from this point of view. This article identifies the place of the Perm Mansi dialects in the existing dialect classification. The analysis of the Perm Mansi dictionaries collected by P. S. Pallas allowed: 1) to refine the reconstruction of two PMans. phonemes: namely, the shape of the areas which preserve the reflexes $a < \text{PMans. } *ā, \bar{e} < \text{PMans. } *j$ indicates their innovative development. Thus, their PMans. forms should be reconstructed as $*o$ and $*ā$ instead; 2) to ascertain that two innovative developments in the Perm dialects are similar to the southern (Tavda) dialect: PMans. $*o$ ($*ā$ according to [Honti 1982]) $> a$, PMans. $*u > o$. However, the development of PMans. $y > o$, which takes place in the Perm Mansi dialects, is preserved only in the eastern and some of the western Mansi dialects, but not in the southern or northern dialects. In other cases, the Perm Mansi dialects preserve the archaic Proto-Mansi state. For instance, the Perm Mansi data make it possible to pinpoint the time of the PMans. change $*u > o$, which took place in the southern dialects.

All in all, the analysis shows that the existing classification of the Mansi dialects describing their division, which took place about 1000 years ago, should be changed as it does not account sufficiently for the Perm dialects. According to this classification, some of the features place the Perm dialects into the southern Mansi group whereas other features identify these dialects as eastern or western. Furthermore, the article proposes that the development of PMans. $*-y$ should no longer be used as a criterion for classification since there is no PMans. reflex $*-y$ in all the northern Mansi texts of the 18th—19th centuries. Moreover, according to the field data, such a development is also present in the modern northern Middle Ob dialect. Thus, this feature does not divide genetically different dialect groups, but has an areal specificity. As for the other innovative features, the extinct Perm Mansi dialects are closest to the Tavdin dialect and should probably be assigned to this group. It becomes patent then that the currently extinct southern dialects extended almost 300 km westward to the Sverdlovsk region even as late as in the 18th century.

Keywords: Mansi, Perm dialects, P. S. Pallas, archive data

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

Прикамский север — это значительная часть двух больших районов, Чердынского и Красновишерского, мест уникальных как в географическом, так и в историческом отношении. Огромный регион, который раскинулся от Косы и Юрлы до Верхней Печоры, в XIX в. носил название Чердынского уезда. Именно через эти земли пришло на Урал русское население. Но, как показывают археологические раскопки, уже с IX в. там жили манси. «Складывание группы манси, проживающих на территории Пермского края, исследователи связывают с сылвенской археологической культурой (III—15 вв.). Первоначально манси были расселены на Южном Урале и его западных склонах. Под влиянием колонизации коми и русских переселились в Зауралье» [Голева 2020].

Как отмечается в [Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012], еще в XVII—XVIII вв. манси заселяли всю полосу западных предгорий Урала от верховьев реки Печоры на севере до верхнего течения реки Уфы на юге. По Уфе и восточнее Урала по рекам Пышме и Исети манси граничили с башкирами, занимавшими лесную и лесостепную территорию Южного Урала и обоих его предгорий.

Необходимо упомянуть и о мансийских княжествах, распространенных в XII—XVII веках в Пермском крае. Княжество — объединение по 30-50 человек во главе с князем, имеющим привилегированное положение. У князя имелись рабы, много жен, красивое оружие, железные доспехи. Существовали свои районные диалекты по месту расселения, большинство из которых уже утрачено; к ним, например, относятся чердынский, чувоской, кунгурский говоры.

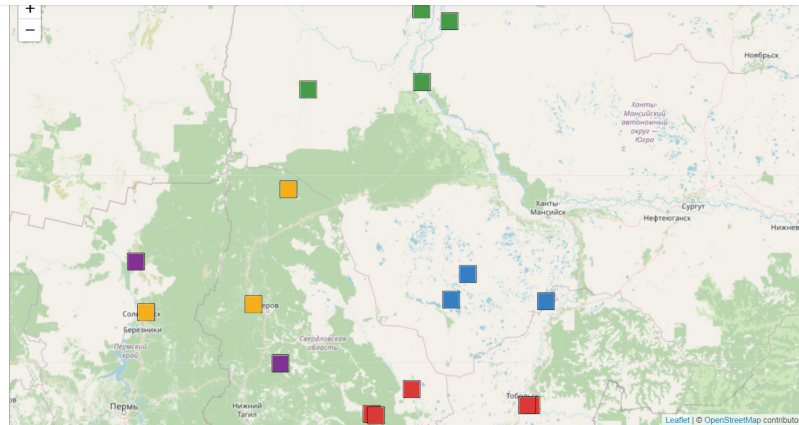
Таким образом, именно в Пермском крае в древности был центр расселения манси, откуда они со времен колонизации русскими начали сдвигаться в Зауралье. По данным в [Попов 1804], мансийское население Пермского края стало резко сокращаться начиная с XVII века. Уже к концу XVIII в. «в Кунгурском уезде обитают они в деревнях Копчиковой и Бабенки, да на реке Сылве в деревне Шигаевой. В сих трех деревнях, причисленных к Чувоской волости Кунгурского уезда, считается 76 ясажных вогул мужского пола». Необходимо подчеркнуть, что во всех упоминаниях о вогулах этих деревень говорится, что они давно обрусели. Так, Н. С. Попов пишет: «...женятся на девках русских крестьян, отчего столько переменялись, что ничего отличного от русских крестьян не имеют, не все уже могут говорить повогульски, но русский язык все употребляют, так же в одежде, строении домов и во всем хозяйстве не видно никакого от русских крестьян отличия» [Попов 1804: 299].

В связи с этим в наиболее известных источниках по мансийскому языку: словарях и текстах, собранных Б. Мункачи в конце XIX в. и А. Каннисто в начале XX в., — нет информации о говорах пермских манси Чердынского уезда, поскольку они перешли уже на русский язык.

Но оказалось, что словари этих диалектов были собраны П. С. Палласом в конце XVIII в. Их оригиналы, более полные, чем изданные в 1792 г. варианты, были найдены нами в архиве А. М. Шёгрена в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. В настоящее время словари пермских манси, дополненные параллелями из литературного языка и этимологиями, доступны на платформе ЛингвоДок: верхотурский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/1653/perspective/2685/1654/view>, чердынский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/846/perspective/2685/847/view>, кунгурский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/6/perspective/2685/7/view>.

На карте 1 можно видеть, что пермские мансийские говоры (обозначены желтым цветом), которые не были включены в существующую классификацию, предложенную Б. Мункачи в конце XIX в., находятся западнее и южнее мансийских диалектов, сохранившихся в XIX в.

Ранее мансийские источники XVII—XVIII вв. уже привлекали внимание ученых, см. подробнее [Kannisto 1914; Kalman 1958; Gulya 1958, 1963]. С точки зрения сравнительно-исторического языкознания наиболее информативными являются статьи [Gulya 1958, 1963]. В результате двухлетнего пребывания в СССР Я. Гуя собрал в архивах богатую коллекцию словников, созданных в XVIII в. на диалектах мансийского языка. В результате их анализа он пришел к выводу, что в системе вокализма еще не имелось диалектной раздробленности, и она была значительно ближе к прамансийскому состоянию: лабиализация ПМанс. *ā еще не закончилась, рефлексом ПМанс. *ā всегда был монофтонг, переход древнемансийского *й* в *о* в южном диалекте также еще не закончился, остальные гласные не отличались от прамансийского состояния, за исключением *ē*, рефлексация которого была полностью изучена Я. Гуей, см. подробнее [Gulya 1963: 173—174]. С точки зрения консонантизма, по мнению Я. Гуи, мансийские говоры XVIII в. были близки диалектам XX в. Он отмечает следующие инновационные изменения, произошедшие в отдельных группах мансийских диалектов: 1) в значительной части южных говоров произошел переход ПМанс. *p > *w*, 2) в западных, восточных и южных диалектах имела место лабиализация *k, 3) в северном диалекте древнемансийское *ǰ* в большинстве случаев сохранялось, переход в *s* начался в конце XIX в., 4) переход древнемансийского *ć* в *ś* произошел в западных, восточных и северных диалектах, см. подробнее [Gulya 1963: 174—175].

Карта 1. Расположение мансийских диалектов в XVIII в.

(зеленый — северные, голубой — восточные, красный — южные, фиолетовый — западные, желтый — пермские)

В статье [Gulya 1958] рассматриваются слова, зафиксированные в XVIII в. в трех областях проживания манси: Нижний Тагил, Нижняя Тура и по течению р. Чусовая (нынешняя Свердловская область). В говорах манси из этих трех областей Я. Гуя выделяет три основных диалектных признака, отличающие рассматриваемые говоры от большинства диалектов XIX в.:

1 признак: противопоставление *o* vs. *u* в первом слоге (рефлексы ПМанс. *ū)¹, пример — слово ‘три’ [Steinitz 1955: 115], по этому признаку рефлексация рассматриваемых говоров совпадает с южно-мансийскими;

2 признак: противопоставление *š* vs. *s* (рефлекс ПМанс. *š), пример — слово ‘сто’ [Steinitz 1955: 97], по этому признаку рефлексация тагильского, турского и чусовского говоров совпадает с южной и западной мансийской.

3 признак: наличие монофтонга vs. дифтонга в качестве рефлекса ПМанс. *ā на примере слова ‘семь’ [Steinitz 1955: 3], по этому признаку рассматриваемые говоры совпадают с южными и северными мансийскими диалектами, поскольку в остальных диалектах В. Штайниц вслед за А. Каннисто выделяет дифтонги.

Таким образом, рассматриваемые уже исчезнувшие говоры по выделенным признакам полностью совпадают с южными диалектами и имеют единообразные рефлексы, совпадающие с ПМанс. Однако материал в пермских словарях П. С. Палласа имеет как по вышеуказанным, так и по другим, значимым для XIX в. диалектно-дифференцирующим признакам, неединообразную рефлексацию. Это является свидетельством того, что разделение на диалекты среди пермских манси началось еще в XVIII в. Анализ данного материала позволяет установить, в каких говорах появились первые инновации.

Словари П. С. Палласа по пермским мансийским говорам, насколько нам известно, с этой точки зрения подробно не изучались. Представляется интересным оценить, какое место в существующей классификации диалектов занимают говоры пермских манси. Для этого проанализируем диалектный материал, представленный в словарях, с точки зрения диалектно-дифференцирующих признаков по [Honti 1982: 149].

Таблица 1. Основные диалектно-дифференцирующие изоглоссы мансийских диалектов по [Honti 1982: 149]

Южные	Восточные	Западные	Северные
<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>
<i>a</i>	<i>ā/ē</i>	<i>ē</i>	<i>ā/e</i> ²
<i>aw</i>	<i>ī</i>	<i>əy/0</i> ³	<i>əy</i>
<i>ć</i>	<i>ś</i>	<i>ś</i>	<i>ś</i>
<i>š</i>	<i>s(š)</i>	<i>š</i>	<i>s(š)</i>
<i>k</i>	<i>x/k</i>	<i>k</i>	<i>x</i>
<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>

¹ В статье для экономии места приводится ПМанс. реконструкция по монографии [Honti 1982], опубликованной уже после статьи [Gulya 1958], поскольку Я. Гуя описывает прамансийские фонемы, не называя их, с помощью указания на рефлексы в отдельных мансийских диалектах.

² Рефлексация уточнена по обским мансийским полевым данным, см. подробнее [Норманская 2015].

³ Уточнено на материале диалектных примеров из [Honti 1982].

ПМанс. *ā⁴

Южные	Восточные	Западные	Северные
ā	ō	ō	ō

Кунгур. *a/o*, чердын. *o*⁵, верхотур. *o/a*

Кунгур. *Каталь* ‘день’, *Коталь* ‘солнце’, *Котланть* ‘свет’, Чердын. *Коталь* ‘солнце’, Верхотур. *Хоталь* ‘солнце’ < ПМанс. *kātəl ~ *kätəl < ПУ⁶ *koje;

Кунгур. *Канта* ‘война’, Чердын. *Контлахты*, Верхотур. *Хонтлахна* ‘война’ < ПМанс. *kānt;

Кунгур. *Оли* ‘есть’, *Алось* ‘был’, Чердын. *Оли* ‘есть’, *Оланты* ‘жизнь’, Верхотур. *Ялась* ‘был’, *Олой* ‘есть’ < ПМанс. *āl- < ПУ *elä;

Кунгур. *Ванка* ‘яма’, Чердын. *Вонка* ‘яма’, Верхотур. *Вонка* ‘ров’ < ПМанс. *wāñkā < ПУ *woñke/a;

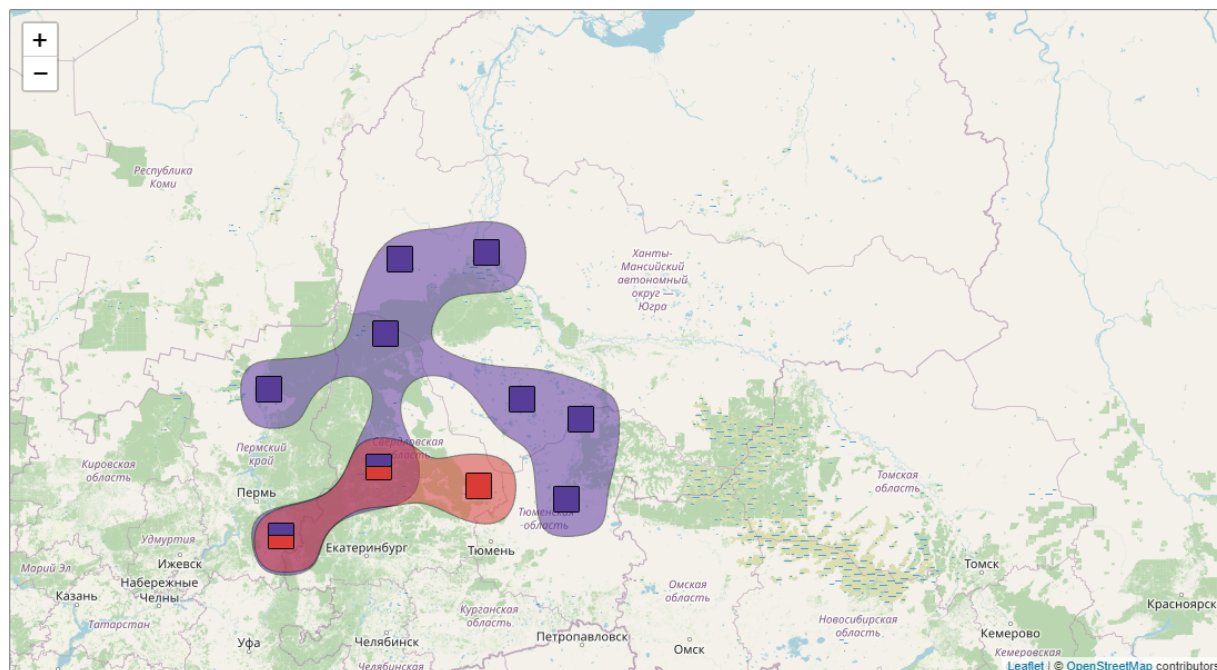
Кунгур. *Ваталинь* ‘вихрь’, *Воати* ‘ветер’, Чердын. *Уадь* ‘ветер’, Верхотур. *Воть* ‘ветер’ < ПМанс. *wātz;

Кунгур. *Варь* ‘лес’ < ПМанс. *wār;

Кунгур. *Таромь* ‘небо, Бог’, Чердын. *Торомь* ‘небо’, Верхотур. *Тармь* ‘Бог’ < ПМанс. *tārəm;

Чердын. *Шошь* ‘лить’, Верхотур. *Шашинь* ‘лить’ < ПМанс. *šāš-;

Кунгур., Чердын., Верхотур. *Коть* ‘6’ < ПМанс. *kāt < ПУ *kutte.

Карта 2. Отражение ПМанс. *ā

(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ā > o/ō, красный цвет — диалекты с сохранением ПМанс. *ā)

На карте 2 можно видеть, что сохранение ПМанс. *ā, свойственное тавдинскому диалекту и частично кунгурскому и верхотурскому говорам, было зафиксировано в XVIII в. в достаточно компактном ареале на юге территории расселения манси. Тот факт, что достаточно часто ПМанс. *ā является рефлексом ПУ *o, *u, позволяет предположить, что более корректно реконструировать для этого ряда соответствий ПМанс. *o, см. подробнее [Норманская 2015].

⁴ Здесь и далее ПМанс. реконструкция приводится по [Honti 1982].

⁵ Единственным исключением является чердын. *Уадь* ‘ветер’, где особая рефлексация связана, вероятно, с переходом *w > u и дифтонгоидным характером возникшего сочетания ua-.

⁶ Здесь и далее ПУ формы цитируются по [UEW].

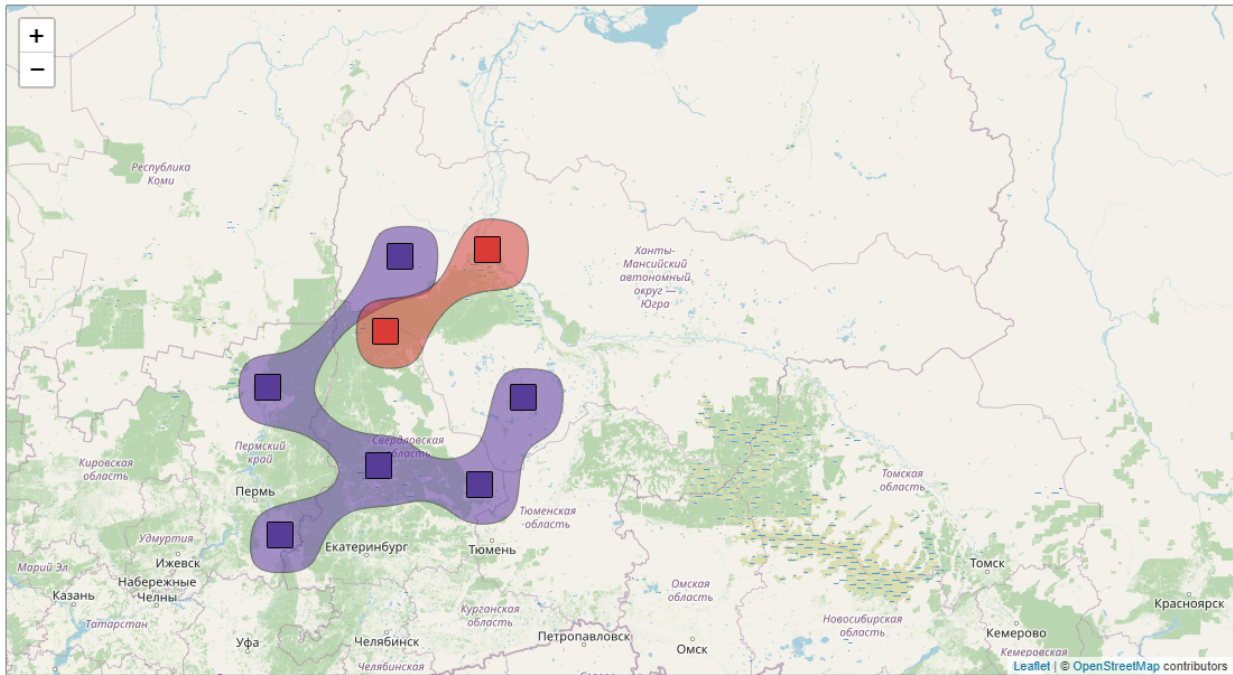
ПМанс. *ĭ

Южные	Восточные	Западные	Северные
<i>a</i>	<i>ā/ē</i>	<i>ē</i>	<i>ā/e</i>

Для ПМанс. *ĭ зафиксирован лишь один надежный пример, в котором в пермских диалектах мансийского представлена рефлексация, совпадающая с южной и, частично, с восточной и северной.

Кунгур., чердын., верхотур. *a*

Кунгур. *Салои* ‘молния’, Чердын. *Салы* ‘молния’, Верхотур. *Сальс* ‘молния’ < ПМанс. *sĭl- < ПУ *śala.

Карта 3. Отражение ПМанс. *ĭ

(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ĭ > *a*, красный цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ĭ > *e/ē*)

Итак, можно видеть, что переход ПМанс. *ĭ > *e/ē* представлен только в компактном ареале на северо-востоке территории расселения манси, а переход ПМанс. *ĭ > *a* занимает практически всю мансийскую территорию. Можно предположить, что ПМанс. *ĭ следует реконструировать как *ā, поэтому нельзя исключать, что в пермских мансийских диалектах сохранилась архаическая рефлексация.

ПМанс. *-y

Южные	Восточные	Западные	Северные
-aw	-ī	-ay/-o	-ay

Кунгур., чердын., верхотур. -o

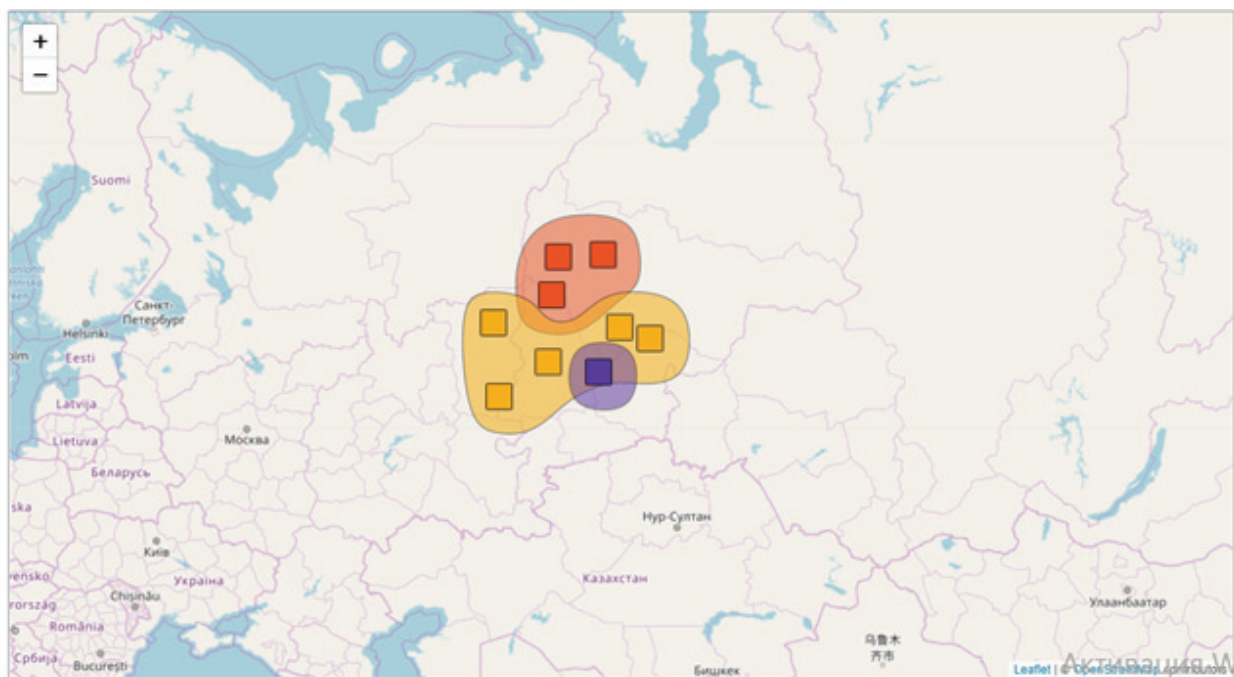
В позиции ауслата:

Кунгур. *Инна* 'велико', Чердын. *Яныбаикъ* 'власть' < ПМанс. *jānəy (~ -ä);

Чердын. *Иръ* 'петь' < ПМанс. *īrəy (~ -ä);

Чердын. *Ва* 'сила', Верхотур. *Ва* < ПМанс. *wāy;

Верхотур. *То* 'сук' < ПМанс. *tay (~ -a).

Карта 4. Отражение ПМанс. *y в позиции ауслата
(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *y > w, красный цвет — диалекты, в которых
ПМанс. *y сохранилось без изменений, желтый цвет — диалекты, в которых ПМанс. *y > o)

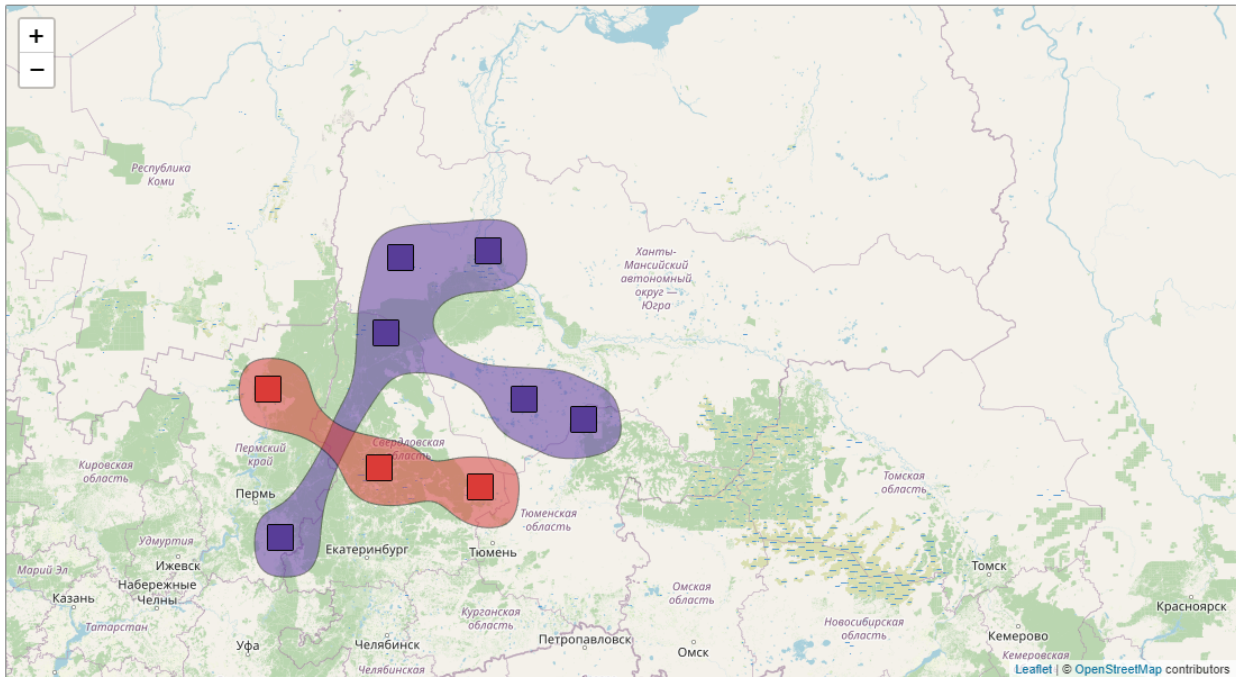
По карте можно видеть, что каждое из изменений занимает компактный ареал. Наиболее древняя рефлексия (сохранение ПМанс. *y < ПУ *k) представлена на севере территории расселения манси. Развитие ПМанс. *y > o, свойственное диалектам пермских манси, произошло на территории проживания западных и восточных манси и является инновационным.

ПМанс. *ś

Южные	Восточные	Западные	Северные
ś	ś	ś	ś

Кунгур. с, чердын. ч/ш, верхотур. ч

Кунгур. *Тонсинь* ‘стой’, Чердын. *Тунчанть*, Верхотур. *Тончань* < ПМанс. *tīñś-, *tīśt-;
Кунгур. *Конся* < ПМанс. *kīñś ‘звезда’ < ПУ *kiñśV ~ *kiśV.

Карта 5. Отражение ПМанс. *ś

(синий цвет — диалекты с переходом ПМанс. *ś > ś, красный цвет — диалекты с сохранением ПМанс. *ś)

Можно видеть, что переход ПМанс. *ś > ś занимает ареал некомпактной формы, типичный для архаических особенностей, в то время как сохранение ПМанс. *ś представлено в компактном ареале проживания носителей тавдинского южного диалекта, верхотурского и чердынского говоров западного диалекта. Но привлечение данных ПУ реконструкции показывает, что именно сохранение *ś является архаизмом, а инновационное развитие представлено практически по всей территории расселения манси.

ПМанс. *k|_Vзад.

Южные	Восточные	Западные	Северные
k	x/k	k	x

Кунгур. к, чердын. к, верхотур. к(в)

Кунгур. *Конся* ‘звезда’ < ПМанс. *kīñśа < ПУ *kiñśV ~ *kiśV;

Кунгур. *Колымь* ‘слух’, Верхотур. *Квална* < ПМанс. *k^wāl-;

Кунгур. *Коль* ‘рыба’, Чердын. *Куль* ‘рыба’, Верхотур. *Кволь* < ПМанс. *kūl;

Кунгур., Чердын., Верхотур. *Коть* ‘б’ < ПМанс. *kāt;

Кунгур. *Каталь*, Чердын., Верхотур. *Коталь* ‘солнце, день’ < ПМанс. *kātəl (~ -а);

Кунгур. *Коромь*, Чердын. *Урумь*⁷, Верхотур. *Кормь* ‘з’ < *kūrəm.

В этой ситуации очевидно, что сохранение ПМанс. *k в анлаутной позиции перед задними гласными — архаическая черта, которая представлена в пермских мансийских говорах.

⁷ Выпадение анлаутного согласного не вполне ясно.

ПМанс. *š

Южные	Восточные	Западные	Северные
š	s/(KU š)	š	s

Кунгур., чердын., верхотур. ш

Чердын. *Ушь* ‘град’ — сосв. *ӯс* < ПМанс. *šša;

Чердын., Кунгур., Верхотур. *Шишь* ‘спина’ < ПМанс. *šiš (~ -ä);

Чердын., Кунгур., Верхотур. *Шимь* ‘сердце’ < ПМанс. *šim (~ -ä);

Чердын. *Шошь* ‘лить’, Верхотур. *Шашинь* ‘лить’ < ПМанс. *šāš-;

Чердын. *Шамкасылъ* ‘брови’, *Шамь* ‘око’, Кунгур. *Шамбанъ* ‘ресницы’, *Шамбонъ* ‘зрение’, *Шамь* ‘око’, Верхотур. *Шампуль* ‘ресницы’, *Шемь* ‘око’ < ПМанс. *šām (~ -ä);

Чердын. *Кошкиль* ‘ногти’, Кунгур. *Кошкеръ* ‘ногти’, Верхотур. *Квашкеръ* ‘ногти’ < ПМанс. *kūnš (~ -ä);

Кунгур. *Шаниши* ‘колени’, Верхотур. *Шанишь* ‘колени’ < ПМанс. *šānš (~ -ä);

Чердын. *Шарыны* ‘топор’, Верхотур. *Шарнь* ‘топор’ < ПМанс. *šāyər-.

Как видно из примеров, сохранение ПМанс. *š является архаизмом, свойственным и пермским мансийским говорам.

Дополнительные диагностические черты**ПМанс. *и**

Южные	Восточные	Западные	Северные
о	и	и	и

Кунгур., чердын., верхотур. о/у

Кунгур. *Конся* ‘звезда’ < ПМанс. *kūńca < ПУ *kūńcV ~ *kūcV;

Кунгур. *Коромъ* ‘3’ — Чердын. *Урумъ* ‘3’, Верхотур. *Кормъ* < ПМанс. *kūrəm < ПУ *kolme (*kulme);

Кунгур. *Коль* ‘рыба’, Верхотур. *Кволь* — Чердын. *Куль* ‘рыба’ < ПМанс. *kūl < ПУ *kala;

Кунгур. *Ои* ‘птица’, Чердын. *ои*, Верхотур. *Ой* ‘птица’ < ПМанс. *wūj < ПУ *wajV;

Кунгур. *Лонта* ‘гусь’ < ПМанс. *lūntz < ПУ *lunta;

Кунгур. *Ломемъ* ‘кость’ — Чердын. *Лушынъ*, Верхотур. *Лушашъ* ‘кость’ < ПМанс. *lūw < ПУ *luwe;

Кунгур. *Ло* ‘конь’ — Чердын., Верхотур. *Лу* ‘конь’ < ПМанс. *lūw < ПУ *luwV (*luV);

Кунгур. *Туе* ‘лета’, Чердын. *Тукторнь* < ПМанс. *tūj < ПУ *suje;

Кунгур. *Бумъ* ‘трава’ — Чердын., Верхотур. *Помъ* < ПМанс. *puma.

Как видно, переход ПМанс. *и > о является инновационной чертой, представленной в тавдинских диалектах в записях XIX в. А в пермских мансийских записях XVIII в. зафиксировано начало этого изменения, когда переход затронул лишь часть слов. Таким образом, эти данные позволяют нам установить датировку этого перехода и выявить общую инновационную черту, характерную для западных пермских и южного тавдинского диалекта.

ПМанс. *е (*i по [Honti 1982])

Южные	Восточные	Западные	Северные
е	е	е	е

Кунгур. е/(и), чердын. и/(е), верхотур. и/е

Чердын. *Ирь* ‘петь’ — Кунгур. *Ервряхъ* ‘петь’ < ПМанс. *īrəy (~ -ä);

Чердын. *Иткауль* ‘пояс’, Кунгур. *Интонъ* ‘пояс’, Верхотур. *Интепквалы* < ПМанс. *īnt-, *īntāp;

Чердын. *Ильмъ* ‘язык’, Верхотур. *Нилмъ* — Кунгур. *Нельма* < ПМанс. *ńilmā < ПУ *ńālmā;

Верхотур. *Теньтъ* ‘есть’, Кунгур. *Техъ* ‘есть’ < ПМанс. *tī-, *tūy-, *tāj-; *tūt-/ *tikt- [Honti 1982];

Чердын. *Екумъ* ‘жена’ < ПМанс. *īkʷā.

Интересно, что в этих примерах в пермских мансийских диалектах еще частично сохраняется ПМанс. архаическая рефлексация *i, утраченная во всех мансийских диалектах XIX в.

Выводы

Итак, можно видеть, что анализ материала словарей пермских мансийских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил:

1) в двух случаях уточнить реконструкцию ПМанс. фонем, поскольку рефлексы $a <$ ПМанс. $*\bar{a}$, $\bar{e} <$ ПМанс. $*\bar{i}$ занимают ареалы, форма которых указывает на инновационное развитие этих рефлексов. А на ПМанс. уровне предположительно следует восстанавливать $*o$ и $*\bar{a}$ соответственно;

2) установить, что в двух случаях инновационные развития в пермских говорах схожи с фонетическими переходами в тавдинском южном диалекте: ПМанс. $*o$ ($*\bar{a}$ по [Honti 1982]) $> a$, ПМанс. $*u > o$. Однако развитие ПМанс. $*y > o$, зафиксированное в пермских мансийских говорах, представлено в восточных мансийских и в части западных диалектов, но не отмечено в южных и северных диалектах. Переход ПМанс. $*\acute{c} > \acute{s}$, характерный для всех диалектов за исключением южных, произошел только в кунгурском говоре, в верхотурском и чердынском говорах зафиксирована архаическая рефлексация.

В других случаях в пермских мансийских диалектах представлено архаичное прамансийское состояние. В случае изменения ПМанс. $*u > o$, имевшего место в южных диалектах, привлечение пермских мансийских данных позволяет датировать время этого перехода.

Итак, проведенный анализ показывает, что существующая классификация мансийских диалектов, в соответствии с которой в таблице 1 даны признаки, описывающие разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, должна быть изменена, поскольку по ней по некоторым признакам пермские диалекты относятся к южным, а по другим — к восточным и западным.

Мы считаем, что, возможно, следует отказаться от классификационного признака «развитие ПМанс. $*-y$ », поскольку, как было показано в [Кошелюк, Норманская 2020], и в других неизданных материалах Палласа, наиболее близких к северным говорам, отсутствует ПМанс. $*-y$; более того, по нашим полевым данным, такое развитие представлено и в современном северном среднеобском диалекте. Таким образом, этот признак не разделяет генетически разные диалектные группы между собой, а имеет ареальную специфику.

По остальным инновационным признакам исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. Становится ясно, что еще в XVIII в. южные диалекты, ныне исчезнувшие, простирались еще почти на 300 км на запад в Свердловскую область.

Сокращения

KU — нижнекондинский диалект мансийского языка
 Верхотур. — верхотурский говор пермских манси
 Кунгур. — кунгурский говор пермских манси
 ПМанс. — прамансийский язык
 ПУ — прауральский язык
 сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка
 Чердын. — чердынский говор пермских манси

Литература

Голева 2020 — Голева Т. Г. Манси (вогулы) // Пермский край. Энциклопедия. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803968010> (дата обращения 01.05.2020). {Goleva T. G. Mansi (Woguls) // Perm Region. Encyclopedia. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803968010> (accessed 01.05.2020).}

Кошелюк, Норманская 2020 — Кошелюк Н. А., Норманская Ю. В. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020, 1 (36). С. 92—101. {Kosheljuk N. A., Normanskaja Ju. V. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect? // Ural-Altai studies. 2020, 1 (36). P. 92—101.}

Норманская 2015 — Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015, 4 (19). С. 40—59. {Normanskaja Ju. V. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system // Ural-Altai studies. 2015, 4 (19). P. 40—59.}

Попов 1804 — Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Ч. 1, 2. Пермь, 1804.

{*Popov N. S.* Economic description of the Perm province, according to the of the St. Petersburg Free Economic Society, composed in 1802 and 1803 in Perm. Part 1, 2. Perm, 1804.}

Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012 — *Пудовкин С. И., Пудовкина А. С., Долгорукова Е.Ю.* Вогульские древности // Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «X Зырянские чтения». Курган, 2012. С. 205—207. {*Pudovkin S. I., Pudovkina A. S., Dolgorukova E. Yu.* Vogul antiquities // Abstracts of the Russian scientific and practical conference “X Zyryanov Readings”. Kurgan, 2012. P. 205—207.}

Gulya 1958 — *Gulya J.* Egy 1736-ból származó manyisi nyelvemlék (Előzetes közlés) // Nyelvtudományi Közlemények. 1958, 60. O. 41—45.

Gulya 1963 — *Gulya J.* Древнемансийские диалекты // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus 20—24. IX. 1960. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1963. O. 172—175.

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Kalman 1958 — *Kálmán B.* Pallas manyisi adatainak hangtörténeti használhatósága // Nyelvtudományi Közlemények. 1958, 60. O. 69—72.

Kannisto 1914 — *Kannisto A.* Der Wogulenfürst Asyka in Chroniken und Volkstradition. Finnisch-Ugrische Forschungen. 1914, 14. S. 18—30.

Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Some new Late Proto-Yukaghir reconstructions with added thoughts and considerations on various etymologies

Peter Sauli Piispanen, Department of Slavic and Baltic Languages, Finnish, German and Dutch, Stockholm University;
peter.piispanen@finska.su.se

In this paper, historical documentation of the Yukaghir languages spoken in the far northeastern Siberia are employed for the reconstruction of a small number of additional or revised Late Proto-Yukaghir (PY) roots. Late Proto-Yukaghir is the latest common ancestor of all varieties of Yukaghir, including the still spoken Tundra Yukaghir and Kolyma Yukaghir languages. Previously, numerous Late Proto-Yukaghir roots have convincingly and exhaustively been reconstructed in Nikolaeva's *A Historical Dictionary of Yukaghir*, published in 2006, and this meager report adds to those materials. The materials are presented and discussed in phonological and semantic terms, employing phonological methods similar to those of Nikolaeva's research, and adding semantic considerations missing from the dictionary.

The newly reconstructed or revised Late Proto-Yukaghir roots include: 1) Late Proto-Yukaghir **kejwə-* 'to be thin', 2) Late Proto-Yukaghir **ač̄i- ~ *ači-* 'to carry', 3) Late Proto-Yukaghir **puγō* 'warmth > some sort of warming clothing: fur, feathers, hair, beard', 4) Late Proto-Yukaghir **inc-* 'today; now', and 5) Late Proto-Yukaghir **nuliñčə* 'crowd'.

Furthermore, numerous etymological comments, notes, discussions and clarifying details are presented for Yukaghir lexicon, ranging from the obscure historical records to the modern languages, clarifying a few matters, correcting some and adding further information of interest to others. Yukaghir roots (or words of later Russian or Ewenki origin) are discussed, and given concrete meanings, include: PY **niyej-* 'heavy, difficult', PY **l'omčə ~ *l'omjə* 'moisture; to shed feathers > to lose color', PY **omnuγə* 'bitch', PY **oi-* 'crack, slit, opening', PY **per-* 'threshold, dug in poles of a yurt door', PY **ñetl'ə* 'fox', Rus. *gavrik* 'collar muffler, scarf', PY **šogi* 'bag', PY **iwe:r* 'place around the hearth', PY **eče:* 'father', PY **mi:-bə* 'cutter', PY **ejmə* 'price, payment', Rus. *piska* 'penis', Rus. *čaška* 'cup', Rus. *Varvara* 'Barbara', Ewenki *noγo:n* 'green', and PY **nunkə* 'sheefish'.

Keywords: Yukaghir, reconstruction, etymology, semantic change

НОВЫЕ ПОЗДНЕПРАЮКАГИРСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И ДОБАВЛЕНИЯ К РАЗЛИЧНЫМ ЭТИМОЛОГИЯМ

Пииспанен Петер Саули, Отделение славянских, балтийских, финского, немецкого и нидерландского языков
Стокгольмского университета; peter.piispanen@finska.su.se

В статье на основе исторически засвидетельствованных юкагирских данных предлагается несколько новых или скорректированных реконструкций позднепраюкагирских корней. Позднепраюкагирский язык — это последний общий предок всех юкагирских идиомов, включая существующие ныне тундренный юкагирский и колымский юкагирский языки. Множество позднепраюкагирских корней было убедительно и исчерпывающе реконструировано ранее в словаре [Nikolaeva 2006], и данная статья — это скромная добавка к этому материалу. Представленные здесь данные обсуждаются с точки зрения фонологии и семантики с использованием фонологических методов, близких к методам И. А. Николаевой, и с добавлением некоторых семантических соображений, не учтенных в словаре.

Здесь представлены следующие позднепраюкагирские (ПЮ) этимологии: 1) ПЮ **kejwə-* 'быть тонким', 2) ПЮ **ač̄i- ~ *ači-* 'нести', 3) ПЮ **puγō* 'тепло > вид теплого покрытия: мех, перья, волосы, борода', 4) ПЮ **inc-* 'сегодня; сейчас'; 5) ПЮ **nuliñčə* 'толпа'.

Кроме того, приводится ряд этимологических комментариев, заметок, дискуссионных замечаний и новых деталей к юкагирским словам, от старых неясных записей до современных материалов, с пояснениями, исправлениями и новыми данными. Обсуждаются юкагирские корни (или поздние русские или эвенкийские заимствования), предлагаются новые значения, в том числе: ПЮ **niyej-* 'тяжелый, трудный', ПЮ **l'omčə ~ *l'omjə* 'влага; ронять перья > терять цвет', ПЮ **omnuγə* 'сука', ПЮ **oi-* 'трещина, щель, отверстие', ПЮ **per-* 'порог, шесты, врытые в землю у входа в юрту', ПЮ **ñetl'ə* 'лиса', рус. *гаврик* 'шарф', ПЮ **šogi* 'мешок', ПЮ **iwe:r* 'место вокруг сердца', ПЮ **eče:* 'отец', ПЮ **mi:-bə* 'лезвие', ПЮ **ejmə* 'цена, плата', рус. *писка* 'пенис', рус. *чашка*, рус. *Варвара*, эвенк. *ноγo:n* 'зеленый', ПЮ **nunkə* 'нельма'.

Ключевые слова: юкагирский язык, реконструкция, этимология, семантический переход

1. Introduction

Late Proto-Yukaghir (PY) roots, the common ancestral roots of all known varieties of the Yukaghir languages and dialects — spoken in the very far Northeast Siberia — were first reconstructed in Irina Nikolaeva's *A Historical Dictionary of Yukaghir* [Nikolaeva 2006]. A total of 2659 roots (or rather, word group entries) were exhaustively presented, a few hundred of which were also therein demonstrated to originate in borrowings from Russian, Ewen, Ewenki, Yakut and Chukchi. In fact, the previous reconstructions were so numerous and detailed that it is most difficult to add any more to these materials. Later research (mainly: [Piispanen 2013; 2015; 2016; 2018; 2019a; 2019b; 2020a; 2020b; 2020c; Nikolaev 2015]), however, has additionally uncovered many dozens of additional borrowings into Yukaghir (from the same donor languages as well as from the Yup'ik language branch of Eskimo, as well as from a hypothetical Northern Nivkh variety), actually invalidating many of the PY roots presented in the aforementioned dictionary. Only the prospective Eskimo and Northern Nivkh borrowings into Yukaghir could arguably be old enough to predate the PY stage of the language. In summary, the number of real demonstrable PY roots may actually be less than 2000 in total.

In this short work, I will present a few new PY root reconstructions (based on the very same principles as outlined in Nikolaeva's dictionary), correct a few of those older PY root reconstructions, and then summarize a lot of etymological thoughts and details of several different Yukaghir languages and dialects, clarifying many details. In this line of research, I have consulted numerous documents and books on documented Yukaghir lexicon of all varieties, including [Angere 1957; Atlasova 2007; Jokhelson 1898; Jokhelson 1900; 1926; Krejnovič 1958; 1982; Kurilov 1990; 2001; Maslova 2003; Nikolaeva, Shalugin 2002; Nykolajeva 2000; Schiefner 1871a; 1871b; Spiridonov 1997; 2003], [Wrangel 1841] (reporting on Matjuškin), and more, and the results of this study are presented in this paper.¹ Regarding transcription, I have remained completely faithful to the records, not changing the written letters even though it might have been warranted to reflect a known pattern of pronunciation or the modern language(s). In any case where the transcription has been changed for one reason or another this is clearly stated.

Nikolaeva states [Nikolaeva 2006: 9] that all aspectual suffixes are excluded from the reconstruction, even if they are attested in modern varieties. Only primary roots are reconstructed, and I will suggest that we both can and should do more than that; derived roots, complete with suffixes and aspectual markers, can be reconstructed as well (not only on the Late Proto-Yukaghir level, but also for even earlier chronological levels, which should be termed Middle Proto-Yukaghir and Early Proto-Yukaghir, respectively), which is what I have also attempted to do in this paper.

2. On the regular phonology of Russian borrowings in Yakut and Yukaghir

According to Yukaghir rules of prosody, and phonological stress, a root could only have root structures of the types: *(C)V:Cə- (1st syllable stressed), *(C)VCV- (2nd syllable stressed), or *(C)VCCə-. These roots could then also be extended further into *(C)V:CəC(C)-, *(C)VCVC(C)-, or *(C)VCCəC(C)-, respectively.

3. New or revised Late Proto-Yukaghir reconstructions

Below I present a number of new or revised Late Proto-Yukaghir roots.

1. Late Proto-Yukaghir **kejwə-* 'to be thin' > KJ *keibe-* 'to be thin', *keibeje* 'thin' (< **kejwə-jə*) [Angere 1957: 110]; KY *kejbə-* 'thin, high (of voice)'; KK *kejbe-*; KJ *kejbe-*; KL *kejwej*; B *keivey*, ME *keivei*, KY *kejbə-iril* 'small intestine, lit. thin stomach', KK *kejben-*, *kejbed'e-* 'to make thin' [Nikolaeva 2006: 204]; TY *kiiwije* 'thin, frail part of smth; fontanel' (< **kejwə-jə*), *kiiwej-rukun* 'smth frail and thin, lit. thin thing', (*juon-*)*kiwijii* 'top of the head' (< **kejwə-jəj*), *kiiwe-* 'to move (of a fontanel)' [Nikolaeva 2006: 214].

This Late Proto-Yukaghir root combines two different earlier reconstructed roots [Nikolaeva 2006: 204, 214]: PY **kejwə-* & **ki:wə-*, respectively) into one, and adds additional Kolyma Yukaghir dialectal details to it. The root has undergone the change of **ej > i*: only in the Tundra Yukaghir branch (a semi-regular feature according to [Nikolaeva 2006: 64]). Examples of this change include: KY *pe:d'ə ~ pejd'ə* 'shoulder-blade; knot; elk' ~

¹ I wish to thank Mikhail Zhivlov, as well as two anonymous reviewers, for providing most rigorous and valuable comments and helpful insights on an early draft version of this paper. All remaining errors are of course my own.

TY *pi:d'e* ‘forelegs of animal’ [Nikolaeva 2006: 349] & KY *kej-* ~ TY *ki-* — ‘to give’ [Nikolaeva 2006: 203]. That is, we also have the verbal root of PY **kejwə-* ‘to be thin’ (> Kolyma Yukaghir forms) > **ki:wə-* (> Tundra Yukaghir forms). I suggest that this sound change is only effective in a stressed first syllable, as numerous Tundra Yukaghir words have the unchanged suffix ending of *-kej*, and neither does it occur with the other plosive variant of *-tej*.

The root is also similarly nominally suffixed in both branches. Clearly, KJ *keibeje* and TY *kiiwije* really represent the same word, originating from one derivative of this PY root, namely **kejwə-je* ‘thin’, a prosodically valid root of the form **CV:Cə-* + suffix **-jə-*. Secondary vowel lengthening is known in TY — and I conjecture that it could have arisen from contact with the Tungusic languages — but this is a matter for future study. This root originally had a stressed long 1st syllable, which **-ej-* counts as: the long vowel **-ej-* is reflected as *-ii-* in TY but remains as the diphthong *-ei-* in KJ. The ending *-je* (< **-jə*), then, is a nominal derivational suffix (missing from those listed in [Nikolaeva 2006: 79—83], but which nevertheless is real as it is found in at least *twenty-six* Yukaghir nouns; [Piispanen 2020a: 153—156], while the change **-w- > -b-* is common in Kolyma Yukaghir. The TY word *kiwijii* ‘top of the head’ (**ki:wə-jə-j*), appears to be suffixed yet once more, this time with **-j*, an assumed diminutive marker. Notably, Nikolaeva herself did correct the spelling of the old Billings (B in the above) and Schiefner documentation for this word [Nikolaeva 2006: 21], which is most agreeable.

An anonymous reviewer raises the valid question if this suffix can actually be considered a productive nominal suffix. In Yukaghir, there is also the derivation of ‘verb > particle’, which is productive. A criterion for morphological productive would be evidence that most particles can be converted into nouns, but there are far fewer examples of the substantivization ‘particle > noun’. Indeed, it is possible that **-jə* represents a historical nominalizing suffix, and that it is now only found in fossilized form in a few dozens of words.²

Regarding the semantics, the original meaning of this root, as evidenced in both Tundra and Kolyma Yukaghir, appears to have been ‘to be thin’. With secondary semantic development, and use of a diminutive marker, we have obtained TY *kiiwije* ‘fontanel’, that is the *anatomical feature of the soft membranous sutures between the cranial bone that makes up the top part of an infant’s skull*. The *fontanel* is thus a *very thin* section of the upper cranium, even a gap in those new-born. TY *juon-kiwijii* is directly derived through these secondary semantics with a literal meaning of ‘small fontanel of the head’, which indeed is located exactly at the *top of the head*. For somewhat similar semantic ideas, cf. TY *juond-ewče* ‘spear; top of the head, lit. point of the head’; KY *jo:n-šomor* ‘top of the head; January, lit. top of the head’ [Nikolaeva 2006: 190].

2. Late Proto-Yukaghir **ač̄- ~ *ači-* ‘to carry’ > TY *ači(:)d-oŋoj* ‘мешочек для мелких мужских вещей = man’s bag for carrying small things, lit. load sack’ [Kurilov 2001: 55; Nikolaeva 2006: 95; Atlasova 2007: 14]; KY *āč̄i-* ‘vinni; cipelni = to take; to carry’ [Nyikolajeva 2000: 129]; SD *ačim* ‘притащила, затащила; потянула = she dragged; she pulled’ [Spiridonov 2003: 8].

First off, it must again be pointed out that Nikolaeva’s dictionary only reconstructs primary roots, with all aspectual suffixes having been excluded from the reconstructions. This is indeed a reasonable start, but I believe that we both could and should start reconstructing derived roots as well. Therefore, in this entry I will suggest no less than four different reconstructive derived roots: PY **ač̄- ~ *ači-* ‘to carry’ (discussed here in detail because it is seemingly unrelated to the other following roots); PY **waj-* ‘to do; to build’ (the basic underived root, but which may also directly function as a verb), and, actually, based on lexical evidence, the derived forms of PY **(w)a:nə- ~ *(w)ajnə-* ‘to drag’³ and PY **wa:δə- ~ *wajδə* ‘to pull’⁴ both being likely suffixed forms of the basic root **waj-* followed by assimilation to **wa:-*. Future research is required to clarify and separate all details.

This Late Proto-Yukaghir form, **ač̄- ~ *ači*, is reconstructed here as a separate root, in contrast to Nikolaeva [Nikolaeva 2006: 449] where it is connected to the underived PY root **wa:- ~ *waj- ~ *we:- ~ *wej-*, which has

² Which by itself does not pose any problems because according to the author’s own statement the listing was never intended to be a complete list of all historical Yukaghir suffixes; a full *one hundred and eighty-three* inflectional and derivational suffixes were given, and there are more existing suffixes than those presented there. An anonymous reviewer further points out that the ending is *-jə/-d’ə/-čə*, a nominalized participle; this is an agreeable etymological origin for this marker which has since become (at least during some period of time if no longer), I will argue, a productive deverbal nominal derivational suffix (suggested in [Piispanen 2020a: 322–325]).

³ Cf. KY *a:nə-* ‘to pull, to drag (a sledge, a boat)’; KK *a:ne-*; KJ *a:ne-*; KD *a:ne-*; M *anai*, KY *a:ňəjo:-* ‘harnessed (of a dog, a reindeer)’; KJ *a:ňəjo-*, *a:nejo-*; M *aňeboi*, *aňeboŋi*, *aňelwonpa* (Nikolaeva, I. 2006: 449).

⁴ Cf. KY *a:də-* ‘to pull’; KK *a:de-*; KJ *a:de-*; KD *a:de-*; TY *waarej-*; TK *wa:rej-*; TJ *worei-*, *wa:rei-* ‘+ to take out, to extract’; TD *warei-*, *uarai-*, *uwarai-*, *wo:rei-*, *uo:rei-* ‘+ to take out’ [Nikolaeva 2006: 449].

a basic meaning of ‘to do; to make; to build’; this root should probably only be reconstructed as **waj-*, because assimilation may produce **wa:-* and palatalization may produce **wej-* > **we:-*. I do not believe that **waj-* is to be connected to **ač̣- ~ *ači* due both to semantic and phonological differences. It would seem as if the difficulties in reconstructing one single root have arisen from the inclusion of words belonging to at least three, possibly four, different roots, reconstructible already at the Late Proto-Yukaghir level, as suggested by the various meanings. I would suggest that these three nearly identical roots had the meanings of ‘to do; to make; to build’, ‘to pull’ (likely related to ‘to drag’) and ‘to carry’, as outlined above. The phonological details are somewhat difficult to sort out, but not impossibly so. In any case, we may reconstruct PY **ač̣- ~ *ači-* ‘to carry’ as based in evidence both in the Tundra and Kolyma Yukaghir branches of languages (details follow), possibly, and even probably with the long second vowel.

Previously, a Tundra Yukaghir compound meaning a ‘man’s bag’, *ači(:)d-oŋoj* (< **ač̣-nt-oŋoj*) had a non-etymologized first part, and this part was otherwise not attested anywhere else. However, the missing piece of required information to etymologize it is found elsewhere with the KY verb *āč̣i-* ‘to take; to carry’ [Nyikolajeva 2000: 129], another non-etymologized Yukaghir root, and likely also with fragments of the Kolyma Yukaghir dialect documented by Spiridonov with SD *ačim* ‘he dragged, he pulled’ ([Nikolaeva 2006: 449] has SD *aci-* ‘to bind, to tie together’, but that should be a separate root). Nikolaeva appears to have missed some of these comparisons when later compiling *A Historical Dictionary of Yukaghir* [Nikolaeva 2006]. In the TY compound, the second part, *oŋoj*, simply means ‘bag, sack’ [Nikolaeva 2006: 329], which originates in the root *oŋ-* ‘to put on’. The full compound, connected through the genitive marker **-nt-*, thus literally means ‘load sack’, a load sack (also called a bulk bag) simply being an utility in which to carry or transport lighter materials something akin to a *satchel*, *messenger bag* or *carriol*. In KY, the root instead represents a verb and has undergone a small semantic shift of ‘to load’ > ‘to carry, to take’, but the connection is still transparent, just as it is with the TY compound. There is a semantic parallel of formation to be found with TY *čiid-oŋoj* ‘pocket’, etc. [Nikolaeva 2006: 131], although in this case the first part of the compound is not clear to me.

Other important comparisons are to KY *a:či:* — ‘to pull; to draw (a bow)’; KK *a:t'i-*, *at'i-*, *a:si-*; SD *aci-* ‘to bind, to tie together’, TK *wajči-* ‘to take out’; TD *uaiči-*, *waiči-* [Nikolaeva 2006: 449], which have previously been connected to underived PY root **wa-*, **waj-*, **we-*, **wej-* (the long-voweled forms are clearly assimilations of the forms containing the **-j-*). Again, we note that the entry appears to mix representatives of several different similar roots and meanings. These aforementioned words, however, may not necessarily be directly connected to the words presented in the entry of this paper, and could be natural derivations of **waj-* ‘to do; to make’. Therefore, the long vowel of the words in this paragraph does not automatically mean that the vowel of the root reconstructed here must be long as well.

As to the reconstruction, some forms suggest an underlying Late Proto-Yukaghir root of **ač̣-* ‘to carry’, which is herewith reconstructed, although the long vowels of some Yukaghir forms could be the result of secondary vowel lengthening as formed from an original short-voweled PY root of **ači-*, which then would have been a prosodically valid root of the type **(C)VCV-* (where the second syllable is stressed). Thus, the vowel length of the PY form is unclear; if the long vowel form is primary, however, it could suggest that the root is actually a borrowing. Further, an anonymous reviewer wisely points out that the genitive marker *-d-* of *ači:-d-oŋoj* is unclear because the genitive does not usually combine with uninflected verbal stems. The marker could follow a particle, such as in a possible **a:či:-jə-d-oŋoj*, but such a form is non-attested.

In that vein, I originally believed the Yukaghir root a possible Mongolic borrowing, cf. Proto-Mongolic **ači-* ‘to load; to carry on one’s back’ [EDAL 519]; **ač̣i-* (< **arč̣i-*) ‘to load’ [Nugteren 2001: 264] > Written Mongolian *ači-* ‘to load a vehicle or animal; to burden, to put on back; to pile up; to accumulate; to throw one’s opponent in wrestling over one’s back and thigh’, *ačigči* ‘loader’, *ačija(n)* ‘load, burden, freight, cargo’, *ačijala-* ‘to load, to burden’ [Lessing 1960: 8]; Middle Mongolian *ači-* ‘to load’ [Haenisch 1939; Kozin 1941; Aptullah 1934]. However, that does not seem possible because there are no attested forms in the needed intermediary transmitting languages of Yakut, Ewen or Ewenki, and, furthermore, assuming borrowing bears no advantages to instead assuming an internal Yukaghir etymology for the root discussed here. The Mongolic root is actually borrowed as (Urulga) Ewenki *atiga* ‘satchel, riding sack’, (Kumare) Ewenki *atijalan* ‘to load’ and Manchu *ačika* ‘burden; saddlebag’ [Poppe 1966: 192; Doerfer 1985: 100; Doerfer 2004: 99; Rozycki 1994: 11]. I note that perhaps Yakut *atyjax* ‘берестяное лукошко = birch basket’ [JRS 52], which describes another type of ‘load bag’ should also be included in those comparisons, but none of these forms have the required phonological shape for providing the Yukaghir root. An anonymous reviewer helpfully suggested that this Yukaghir root be related to KY *a:-* ~ TY *wa:-* ‘to pull, to drag, to carry’ with *-či:-* being a common iterative suffix; indeed, a relation between **(w)a-či:-* and **(w)a-* > **(w)a:-* is of course perfectly regular from a phonological point of view, but any original **w-* would have been lost in Kolyma Yukaghir, but retained in Tundra Yukaghir. This

certainly is a possible internal etymological origin for the Yukaghir root handled here, but it is not necessarily so. Rather, because we have an attested Tundra Yukaghir *ači(:)d-oŋoj* we can tell from this that the original form was actually **a-či(:)-*, not **wa-či(:)-*, and so the differentiation of analysis into several separate Late Proto-Yukaghir roots is warranted.

Rather, I believe that this root **a-či(:)-* is distinct from the **waj-* ‘to do; to make’ already reconstructed by Nikolaeva (with her **wej-*, I suggest, merely being a phantom reconstruction based on later palatalized words, and which may be scrapped altogether). In summary then, the similar roots, meaning slightly different things, have different derivational patterns, but some could also represent different, non-related roots altogether, making both the semantic and phonological analyzes difficult, and to be sorted out by future research.

3. Late Proto-Yukaghir **puyö* ‘warmth > some sort of warming clothing: fur, feathers, hair, beard’ > KY *puge-* ‘hot’, *pugö* ‘summer’, *pugelbe:* ‘fur; hair; feathers’, *puged’ə* ‘sweat’; TY *pugej-* ‘hot’, *pugude* ‘heat, warmth’, *puguče* ‘fur; hair; feathers’; MU *bugö’ntscha* ~ *bugötsch* ‘hot; sun’, *bugü’bee* ‘beard, moustache’; KD *nie-pugare-*, KJ *ñe-pugorei-*, *ñe-puged’ia-* ‘reconciled with, lit. mutual warmth’, etc. with numerous derivatives in all Yukaghir languages and dialects.

Three separate homonymous roots were previously reconstructed as Late Proto-Yukaghir **puyö*, one with meanings related to ‘summer’, ‘warmth’ [Nikolaeva 2006: 366], and the other with meanings related to ‘fur’, ‘feathers’, ‘hair’ [Nikolaeva 2006: 366—367], and the third with the meaning of ‘reconciled with’ [Nikolaeva 2006: 367]. However, it should be clear from both the semantics and the phonology that *all* of the words of all three entries, in various suffixed forms, can be described by one single PY root only, namely **puyö* ‘warmth > some sort of warming clothing: fur, feathers, etc.’.

The meaning of ‘reconciled with’ is a literal, later Kolyma Yukaghir derivative meaning ‘mutual warmth’, a fact having avoided previous research; *ñe-* is a well-attested reciprocal marker [Nikolaeva 2006: 292—293]. It is both a metaphorical and literal interpretation for to have *warmth mutually* for each other is to be *in agreement*, or, indeed, *to reconcile*. Also, since *sharing beds* in the cold nights — both between family members, friends and visitors — was the custom for probably hundreds of years in Yukaghir lands [Jokhelson 1926: 62—68], this could only happen if both parties agreed to such an intimate act and if they were on relatively *good terms* with each other, i.e. they were to literally share *mutual warmth* in the night. The ending *-rei-* (< PY **-raj*) is a perfective transitive marker [Nikolaeva 2006: 83], which renders the literal meaning into ‘to have been reconciled with’, i.e. a completed action.

This semantic development has a parallel with words for ‘clothing’ in the Samoyedic languages, developed from an original Proto-Samoyed root meaning ‘warmth’: Proto-Uralic **lämpi* ‘warmth, warm’ > Proto-Samoyed **jämpə* > Nganasan *d’ənh’a* ‘clothes’; Tundra Nenets *jemp^{ə?}*; Forest Enets *d’ebis* ‘to get dressed’; Taz Selkup *čəmpjt-* ‘gird’; Kamassian *d’ēm-* ‘warm (TR)’ & Finnish *lämpö* ‘warmth’, *lämmän*, *lämpimä-* ‘warm’; Erzya Mordvin *l’embe*, Moksha Mordvin *l’ämbä* ‘warmth’; East Mari *lewe* ‘warm’, etc. [Aikio 2014: 83—84].

Lastly, Nikolaeva hesitantly suggested that the root denoted to ‘warmth’ may be a borrowing from Proto-Tungusic **peku-* ‘hot’ [EDAL 1084], but given the differences in vowels, the extremely extensive spread in Yukaghir and the secondary semantic developments, this seems unlikely to be so.

4. Late Proto-Yukaghir **inć-* ‘today; now’ > KY *id’i:* ‘here; now’ [Nikolaeva, Shalugin 2002: 19; Maslova 2003: 545]; KK *id’i-*, KJ *id’i;* KD *id’i-* TY *id’ie(neŋ)*; TK *id’ie-*, SU *id’e-*; M *ide*; MC *ine*, *idet* ‘today’ [Wrangel 1841: 123]; B *indzhi* ‘today’; ME *intschi*; TY *id’ire(neŋ)* ‘now’; TK *id’iere* ‘today’; TD *id’ire*; MU *indschida* ‘today’; KD *id’il’e*, *id’itij* ‘present day’; *id’ilgene* ‘up to now’, TY *id’ireteŋ* ‘from now on’; *id’ieie* ‘modern’, TK *id’iene* ‘now’.

Late Proto-Yukaghir **inćiyo-* ‘morning’ > MO *endego* ‘today’; TY *id’igojgi-* ‘morning’; TK *id’igojge*, *id’igojege-*, *id’igöjgir*.

Through analyses of historical records, two roots denoting time can be reconstructed. Nikolaeva [2006: 174] reconstructed a short root **inć-* and therein many words meaning ‘now; today’ are included as well as others. It is clearly also possible to reconstruct **inćiyo* ‘morning’, specifically, which I give above, based on the same data. In the above, I have separated all such words into the respective grouping. Furthermore, there are also MO *endte* ‘yesterday’, *iendti* ‘tomorrow’, but their phonological structure and derivational patterns are unclear. As to the ending *-yo*, which Nikolaeva [Nikolaeva 2006: 175] technically suggests points at **inći-γ-/*inći-ŋk-*, we are unable to fully analyze it, just as an anonymous reviewer points out. We could, however, be dealing with a locative case here (cf. TY *-γə*, KY *-gə*, a locative affix; [Nikolaeva 2006: 80]), which could make sense in forming this temporal aspect.

5. Late Proto-Yukaghir **nuliñčə* ‘crowd’ > TK *nulid’e* ‘pack (of wolves)’; TY *nulid’e* ‘стая (волков) = pack (of wolves)’ [Kurilov 2001: 293; Atlasova 2007: 39], *nulid’e-göde* ‘толпа, скопище, банда = crowd, gathering, gang, lit. crowd of man’ [Kurilov 2001: 293; Nikolaeva 2006: 313]; KY *nuled’e* ‘crowd’ [Maslova 2003: 550].

This PY root was first reconstructed elsewhere using Tundra Yukaghir representatives only [Nikolaeva 2006: 313], but hitherto unnoticed Kolyma Yukaghir representatives can be added here as well, which demonstrates that this is a secure PY reconstruction with **nuliñčə-* ‘crowd’, albeit the KY form instead suggests PY **nuleñčə-*. We could almost expect palatalization of the lateral in the former reconstruction if it is correct, although this is not necessary. The latter reconstruction could be faulty if we assume regressive vowel assimilation in the KY form, which actually seems fairly likely. Therefore, Nikolaeva’s original reconstruction still seems the most likely. Clearly, this word could be used for *crowds of people, wolves*, and likely *reindeer* and possibly also *flocks of birds*.⁵

4. Some etymological notes and corrections

By comparing various Late Proto-Yukaghir (PY) roots and its subsequent cognates with homonymous Yukaghir roots presented in other non-referenced works (in this case for example: [Maslova 2003]), the semantics can be expanded upon and the meanings of said PY root be clarified. It should be noted that in Nikolaeva’s dictionary no PY root is ever given a direct meaning, although the original meaning is most often fairly clear from the various derived Yukaghir forms; the method of presenting only the shortest root possible, however, has the problem of some words, which start out phonologically similar, but which otherwise do not belong together etymologically, are lumped together into the entry. In this work, I therefore attempt to actually give each PY form an actual meaning. My reasoning is that we should be as accurate as possible regarding the semantics of all documented words. This is important not only for the purposes of etymology, but also for being able to carry out long-range comparative studies.⁶ Surely we are obliged to point out any shortcomings or discrepancy in available data. For this very reason, I have opted to present some corrections to older documentation as well as to make some other clarifying notes of interest, which, granted, is a subjective criteria, in this section.

The Late Proto-Yukaghir root **niyej-* has been reconstructed [Nikolaeva 2006: 299] and the various Kolyma Yukaghir forms therein all suggested the meaning of ‘heavy’; cf. KY *nigejo:* ‘heavy’. However, unnoticed thus far, another meaning can also be ascribed to this root with the homonym KY *nigejo:j* ‘difficult; have difficulty’ [Maslova 2003: 549]. As ‘heavy’ and ‘difficult’ are semantically connected also in many other languages we can safely assign the double meaning of ‘heavy; difficult’ to this PY root. While what counts as a distinct meaning is naturally a separate semantic and lexicographic issue, the difference in figurative meaning is still worth to point out because this distinction is not made in every language.

The Late Proto-Yukaghir root **l’omčə ~ *l’omjə* has been reconstructed [Nikolaeva 2006: 248] with meanings connected to ‘moisture’ and ‘to shed feathers’; cf. KY *l’omd’ə* ‘moisture; to shed hair, feathers’. While the connection between these two separate meanings is not at all clear, another attested meaning of this root can be given with the non-noticed KY *l’omd’əj* ‘fade, to lose color’ [Maslova 2003: 548], which is what happens when a bird, for example, in winter time *sheds its feathers*. Thus, this PY root can be assigned the double meanings of ‘moisture; to shed feathers > to lose color’. Without being able to demonstrate it, I suspect that the meaning of ‘moisture’ in Yukaghir has arisen from a semantic borrowing from a neighboring language with a phonologically close form with that meaning.

The Late Proto-Yukaghir reconstruction of **omnuγə* ‘bitch’ > RS *omnúga* ‘bitch’; ME *omnuga* [Nikolaeva 2006: 327] can be additionally connected to KY *omnugə* ‘shame’, which was previously placed in error with PY **omol-*, which means ‘shame’ [Nikolaeva 2006: 328]. While these two roots may be semantically and phonologically connected through an earlier underived etymon (?**omo-* > **omo-l-* & ?*omo-nu-γə > **omnuγə*), the

⁵ Perhaps there were also unattested TY compounds such as *nulid’e-nada* ‘flock of birds’ and *nulid’e-talaw* ‘groups of wild reindeer’. It can be assumed that a native Yukaghir speaker could conclude the meaning of these compounds even if they had not heard them before.

⁶ Consider Finnish *koti* ‘home’, which originates in **kota* ‘hut’, and *talo* ‘house’, which originates in **taloi* ‘house’, seemingly from (**talas* ‘platform, boathouse’ <) **tala* ‘shelter, storage house’. We could not follow the semantic development if it were not for the meanings documented in related languages. Thus, accurate semantics and documentation is of utmost importance.

KY word above should be connected directly to the former root only. There actually is a PY **omo-* from where words meaning ‘good, correct’, ‘to cure’, ‘to love’ are derived, and it is easy to see how these, in corrupted form, could denote ‘bitch’ and ‘shame’. This can be semantically compared to: Proto-Indo-European **keh₂ros* ‘loved’ (< **keh₂-* ‘to wish; desire’), continuing on in Proto-Germanic **hōrō* ‘whore’ & modern English ‘whore’, where the original meaning of ‘to love’ has been corrupted into ‘whore’, a vulgar, derogatory word, and the same thing has seemingly happened in Yukaghir with ‘to love’ > ‘bitch’. We thus have two derivatives already on the proto-language level: PY **omol-* ‘shame; to be shameful’ & PY **omnuya* ‘bitch’, both possibly connected to PY **omo-* ‘good, correct; to cure; to love’, which in itself might be related to Proto-Finno-Permic **oma* ‘proper; property’ [UEW 717].

A Late Proto-Yukaghir form of **oñ-* was reconstructed to cover various Tundra Yukaghir words for ‘crack’ and ‘opening’; cf. TY *oñil* ‘crack’ [Nikolaeva 2006: 328]. I believe a Kolyma Yukaghir representative can be added to those cognates with KY *oñil* ‘crack, slit’ [Maslova 2003: 551], making this a secure PY reconstruction. As an anonymous reviewer suggested, the correspondence of *η* < *ñ* is plausible when considered a palatalization of the *engma* when followed by an *-i-* (i.e. *ñi-* > *ñi-*) just as occurs, for instance, in Nenets. An extreme phonological parallel in Yukaghir is found with *-η-* > *-n-*, *-ñ-*, *-č-*, *-g-*, *-ng-*: PY **mōñjör* > TY *mōñer* ‘thunder, noise’; TD *moner* ~ *moñor*; RS *mučer*; B *mungzscha*; KY *mugerpə-* ‘to buzz, to drone’ [Nikolaeva 2006: 275—276], although the development of at least of these forms can be ascribed to the expressive nature of this root (or onomatopoeic character as Nikolaeva calls it in the entry), and other clear examples are difficult to find.⁷ An alternative PY reconstruction for the root discussed here could thus be **oñ-*. Now, because *oñ-* is, phonologically speaking, a small step from *añ-* (exemplified by: Ewenki *aña* ‘wild game; beast’, borrowed as SU *oñyl*, B *onye*, ME *ongei* ‘reindeer’ [Piispanen, P.S. 2015: 244—245], ultimately, all of these words for ‘crack’ could ultimately have arisen from PY **aña*, from where words for ‘mouth; opening’ are derived, and which is likely related to Proto-Uralic **aje* ‘mouth; opening’, *aña-* ‘to open’ [UEW 11—12]. These roots could be part of a *Wanderwort*, as similar forms are found in numerous Northeastern Siberian languages.

The Kolyma Yukaghir word *perul* ‘part of the poles forming the door in a yurt that is dug into the ground’ (< PY **per-*; [Nikolaeva 2006: 350]) is perfectly synonymous with KY *perul* ‘threshold’ [Maslova 2003: 552]. The bare root obviously also means ‘threshold’.

The original Yukaghir word for ‘fox’ appears to have been Late Proto-Yukaghir **ñetl’ə* ‘fox’ (entry 298 in [Nikolaeva 2006: 298]). To those mentioned in that entry (KJ *ñatle* ‘fox; wolverine (*Gulo gulo*)’; KD *ñetle*; TY *ñitle*, *ñetle*; TK *ñetle*; TJ *ñetle*; TD *nietle*; TK *ñetli-* ‘to hunt a fox’), another representative can be added with RS *ñaoe-netla* ‘a kind of fox’ (segmented as RS *ñaoen-etla* elsewhere), given its own entry 1373 on page 289. The old records are fairly often lacking in phonological accuracy and detail, but there should be no doubt that this RS word belongs among the others for ‘fox’. The first part of the compound, *ñaoe-*, is not at first clear at all but should describe what type of fox we are dealing with here (perhaps a color). Here, a reviewer very helpfully suggested that the word might actually represent the cognate of TY *ña:wə-* ‘white’. In highest likelihood, this interpretation is correct because *ñaoe-netla* (< **ña:wə-ñetl’ə*) would literally mean ‘white fox’, a very apt description of a ‘polar fox’. Another word in RS, *ñandimide* ‘black and grey fox’ (also given in entry 1373 on page 289) must be considered separate from this other RS word, and it cannot be related to the general Yukaghir word for ‘fox’ either on phonological grounds, thus leaving the latter completely non-etymologized.

Nikolaeva correctly notes in her historical dictionary (likely basing the assumption on phonology) that dialectal Russian *gavrik* has been borrowed into Tundra Yukaghir [Nikolaeva 2006: 167], and indeed the word is documented in TY as *kawsik*, *kausik* or *gawsik* (TK *kawcik* in older documentation) ‘collar muffler, scarf made of the fur of a young reindeer or of a reindeer killed in early autumn’. In addition, I note that this word is also found in verbal form with TY *gavrikñe-* ‘to have a *gavrik*’ [Kurilov 2001: 79], which I believe is worth mentioning not only because it shows the depth of nativization into Yukaghir of this borrowing, but it also demonstrates that the suffix *-ñe-* (*-ñə-*) is very productive. As an anonymous reviewer points out, this effectively combines the Russian words in code-mixing situations.

Furthermore, SD *šogi* ‘bag’ [Spiridonov 2003: 27; Angere 1957: 228] is likely connected to KD *xancogi* ‘leather bag’; the sibilant in SD *contra* the affricate in KD, which both describe Kolyma Yukaghir dialects, can be explained — during the 19th century, male speakers of Kolyma Yukaghir pronounced both the phonemes

⁷ As an anonymous reviewer correctly points out, in some documented cases *n* and *η* are simply confused in their transcription because *η* is absent in Russian.

č and š as the phoneme č, while female speakers of the same always distinguished between the two phonemes [Jokhelson 1898: 153—154]. This leads to the logical conclusion that earlier speakers, in contrast to modern speakers, must have rendered an *š in this word as the affricate *č, and that word must therefore have been *šogi ‘bag’. Jokhelson himself believed that the Yukaghir word was etymologically derived as a translation from old Russian *meshok* ‘bag’ [Jokhelson 1926: 39], but such a front-truncated form would be most unusual and it does not look very convincing. The first part of *xan-cogi* is not known from anywhere else in Yukaghir lexicon in this form, and must therefore phonologically go back to *qan- (i.e. *qan-šogi, or *qa-n-šogi if *-n- constitutes the genitive marker of a compound). The KD form was hesitantly suggested to originate from *qansə- but the analysis presented here shows that this cannot be correctly segmented. The KD form can instead be compared to KY *qa:d-o*: ‘leather trousers with fur inside’ (< *qant-o:) < KY *o*: ‘trousers’, which may exhibit a hypothetical *qa(n)- ‘leather’ as well. Could there also be a connection to TY *kuod’e* ‘leather belt for tying things up’ (< *kōncə)? In other words, by adding *qan- we appear to have an object made of *leather*, but this is a poorly attested and unfounded hypothesis and is to be considered most tentative only.

The TY word *ibier* ‘place around the hearth’ [Atlasova 2007: 17] can be etymologized through Late Proto-Yukaghir **iwe:r* [Nikolaeva 2006: 179], which already had representatives in Kolyma Yukaghir and several other dialects, but not TY *per se*. While a reader of Atlasova could possibly make the connection himself/herself, it is still worth to point out that with the TY addition this PY reconstruction is further attested and therewith suggesting its correctness.

The Late Proto-Yukaghir root *eče: ‘father’ [Nikolaeva 2006: 150] (> KY *eče*: ‘father’) — which has Uralic cognates — can also be given a modern TY cognate with *ōčid’ie* ‘uncle’ [Atlasova 2007: 44]; cf. TK *oqt’idie* (sic?) ‘father’s younger brother’, TJ *ōčidie* ‘father’s younger brother, father’s younger male cousin’.

An etymological clarification can be given. Nikolaeva noted for the MU word *míwe* ‘knife’ [Nikolaeva 2006: 270] that it might be related to Proto-Tungusic *mi: — ‘to cut’ [TMS 535]. Indeed, it should be a borrowing, with a seeming nominal derivational suffix *-wə* attached to the borrowed verbal root. Nikolaeva suggests exactly this same suffix with another borrowing [Nikolaeva 2006: 206], namely Proto-Tungusic *kende- ‘threshold; to hinder, to obstruct’ [EDAL 663—664], borrowed as: KY *kenbə* ‘fence’, etc. (< *keniwə). In Yukaghir, PY **-wə* is normally considered an intransitive verbal marker [Nikolaeva 2006: 83], but the same could tentatively be listed as a nominal derivational suffix. However, as pointed out by an anonymous reviewer, a better assumption for the development of the words above, instead of creating additional *ad hoc* suffixes, is to instead use the known nominal suffix *-bə/-bul* [Nikolaeva 2006: 79], which typically derives nouns from verbs, and which could go back to *mbə, but this is not fully clear. Using this, the MU word *míwe* ‘knife’ could have arisen from **mi:-bə* ‘cutter’, instead of from *miwə. Likewise, KY *kenbə* could have arisen from *ken-bə (?< *kendə-bə).

SD *ajmagrehtajan* ‘платить, вносить, давать = to pay, to bring in, to give’ [Spiridonov 2003: 7], describes a dialect of Kolyma Yukaghir. This verbal root clearly belongs to PY *ejmə > KY *ejmə* ‘price, payment’, SU *eimatut* ~ *eimegen* ~ *eimege* ‘price, payment’, TK & KK *ejmeš-* ‘to pay’, etc. [Nikolaeva 2006: 154], in a set that previously was without an SD representative. The morphological structure of the SD root is not clear, but it no doubt describes a verbal form of ‘price’, just like the TK and KK roots above do with ‘to pay’.

TD *pička* ‘penis’ [Jokhelson 1926: 326] can be added among the Yukaghir words of KY, KJ and SD [Nikolaeva 2006: 353] as also having a loanword etymology originating in Rus. *piska*. This adds a Tundra Yukaghir representative to these Kolyma Yukaghir words.

SD *caska* ‘mug’ was suggested borrowed from Rus. *čaša* ‘чаша = bowl’ [Nikolaeva 2006: 126], but rather, as is clear from the phonology, it is instead a borrowing from Rus. *čaška* ‘чашка = cup’. While both Russian words should have the same etymological origin, these matters must be made clear. The latter word has also been the source of numerous borrowings into Yukaghir [Nikolaeva 2006: 126—127], and it was just a minor misstep to connect the SD word in error to the former Russian word instead of to the latter.

A female name recorded only in TY folklore, *warwaa*, was reconstructed as a PY root (in [Nikolaeva 2006: 454]), but this must surely just reflect a contracted form of the Russian female name *Varvara* — as suggested to me by Mikhail Zhivlov — which is the Russian equivalent of English *Barbara*. No PY root needs to be reconstructed for this borrowed name.

Previously, KY *ńoŋo*: — ‘green, blue’ has hesitantly been suggested a Tungusic borrowing [Nikolaeva 2006: 308], cf. Proto-Tungusic **l’og-* ‘green, dark’ [EDAL 875]. Principally, this is correct, but as the EDAL does point out the TMS entries for the corresponding Tungusic forms, from where the data is collected, are confused and intermingled with some Mongolic borrowings, and greater accuracy and detail can be given. Specifically, the KY form is directly borrowed from Ewenki *noŋo:n* ‘green’ ([TMS 601; Vasilevič 1958: 297] — the word is missing altogether from Ewen); this explains the vocalism, and sporadic changes between *ŋ* and *ɣ* do occur in Yukaghir. The final *-n* has upon borrowing been reinterpreted as the common Yukaghir genitive marker *-n* and was therefore scrapped with the borrowing. The Ewenki word itself was borrowed (as suggested in the TMS) from Mongolic, cf. Written Mongolian *noguyan* [Lessing 1960: 588].

So far, TD *nogieŋ* ‘kind of salmon found in a lake’ (entry 1482 in [Nikolaeva 2006: 305]) has remained wholly non-etymologized and without comparison. There is, however, also TY *nunge(ŋ)* ‘нельма = nelma, a species of salmon’ [Kurilov 2001: 293], which describes the same word, and which was given as derived from PY **nunkə* ‘sheefish (Stenodus leucichthys)’ (entry 1550 on page 315), and the TD form belongs in the latter entry, meaning that entry 1482 can be deleted altogether. The *sheefish* is more commonly called *nelma salmon* in Siberia.

Abbreviations of Yukaghir linguistic sources

- B = Materials of Billings 1787.
 BO = Materials of Boensing 1781.
 KD = Kolyma Yukaghir from Jokhelson’s manuscript dictionary.
 KJ = Kolyma Yukaghir materials of Jokhelson (1898) and (1900).
 KK = Kolyma Yukaghir materials of Krejnovič (1982).
 KL = Materials of Klitschka (1781).
 KY = Modern Kolyma Yukaghir.
 M = Materials by Maydell presented by Schiefner (1871a) and (1871b).
 MC = Chuvan materials of Matjuškin in Wrangel (1841).
 ME = Materials of Merk 1787.
 MK = Kolyma Yukaghir materials of Mueller and Lindenau in 1741.
 MO = Omok materials of Matjuškin in Wrangel (1841).
 RS = Materials of Rajskij and Stubendorf presented by Schiefner (1871a).
 MU = Ust’-Janskoe materials of Mueller/Lindenau 1741.
 SD = Kolyma Yukaghir materials of Spiridonov (2003).
 SU = Materials by Suvorov presented by Schiefner (1871a).
 TD = Tundra Yukaghir materials of Jokhelson (1926).
 TK = Tundra Yukaghir materials of Krejnovič (1958) and Krejnovič (1982).
 TY = Modern Tundra Yukaghir.
 W = Early materials of Witsen in 1692.
 All the older materials are fully described and referenced in Nikolaeva (2006).

References

- Aikio 2014 — *Aikio A.* Studies in Uralic etymology III: Mari etymologies // *Linguistica Uralica*. 2014, L, 2. P. 81—93.
 Angere 1957 — *Angere J.* Jukagirisch-Deutsches Wörterbuch. Stockholm: Almqvist & Wiksell, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957.
 Aptullah 1934 — *Aptullah B.* Ibnü-Mühenna lûgati {Mongolian glosses in Ibnü-Mühenna’s dictionary}. Istanbul, 1934.
 Atlasova 2007 — *Atlasova Э. С.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (тундренный диалект) — около 3500 слов. СПб., 2007. {*Atlasova È. S.* Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir dictionary (Tundra dialect) — about 3500 words. Saint Petersburg, 2007.}
 Doerfer 1985 — *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985.
 Doerfer 2004 — *Doerfer G.* Etymologisch-Ethnologisches Wörterbuch tungusischer Dialekte (vornehmlich der Mandschurei). Hildesheim-Zürich-New York: Georg Olms Verlag, 2004.
 EDAL — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* An etymological dictionary of Altaic languages. Leiden: Brill, 2003.
 EDT — *Clauson G., Sir.* Etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Clarendon, 1972.
 Fedotov 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* An etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, 1996.}

Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Mangholun Niuča Tobčaan (Yüanchiao pishi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Jokhelson 1898 — *Иохельсон В. И.* Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Якутской экспедиции // Известия Академии наук. 1898, сентябрь. Т. IX. № 2. С. 151—177. {*Jokhelson W.* Samples of materials for studying Yukaghir language and folklore collected during the Yakut expedition // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1898, September. Vol. 9, pt. 2. P. 151—177.}

Jokhelson 1900 — *Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе I. Образцы народной словесности юкагиров (тексты с переводом) // Тр. Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Т. IX. Ч. 3. СПб.: ИАН, 1900. С. XV, 240. {*Jokhelson W.* Materials on the Yukaghir language and Folklore, gathered in the Kolyma okrug I. Samples of Yukaghir folklore (texts with translation) // Proceedings of the Yakut expedition, equipped with funds from I. M. Sibiryakov. Vol. IX. Pt 3. Saint Petersburg: Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 1900. P. XV, 240.}

Jokhelson 1926 — *Jokhelson W.* The Yukaghir and Yukaghirized Tungus // Jesup North Pacific expedition. Publications. Vol. IX. American Museum of Natural History. Memoir. Vol. XIII. Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co., 1926. Pt. 3. P. 343—469.

JRS — *Слепцов П. А.* Якутско-русский словарь. М., 1972. {*Sleptsov P. A.* Yakut-Russian dictionary. Moscow, 1972.}

Kozin 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Москва — Ленинград, 1941. {*Kozin S. A.* The Secret History. Moscow — Leningrad, 1941.}

Krejnovič 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. Москва — Ленинград, 1958. {*Krejnovič E. A.* The Yukaghir language. Moscow — Leningrad, 1958.}

Krejnovič 1982 — *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград, 1982. {*Krejnovič E. A.* Studies and materials on the Yukaghir language. Leningrad, 1982.}

Kurilov 1990 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990. {*Kurilov G. N.* Yukaghir-Russian dictionary. Jakutsk, 1990.}

Kurilov 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001. {*Kurilov G. N.* Yukaghir-Russian dictionary. Novosibirsk, 2001.}

Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English dictionary. Los Angeles & Berkeley: University of California Press, 1960.

Maslova 2003 — *Maslova E.* A Grammar of Kolyma Yukaghir. Bossong, G., Comrie, B. & Dryer, M. (eds.). Mouton Grammar Library 27. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2003.

MGCD — *Zhu S.* 语族语言词典蒙古 (Měnggǔ yǔzú yǔyán cidíán) {Dictionary of the Language(s) of the Mongolian Nationality}. Xining: Qinghai renmin chubanshe {Qinghai People's Press}, 1990.

Nikolaev 2015 — *Nikolaev S. L.* Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Pt. 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship // Journal of Language Relationship. 2015, 13/1. P. 23—61.

Nikolaeva 2006 — *Nikolaeva I.* A historical dictionary of Yukaghir. (Trends in Linguistics Documentation 25.) Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Nikolaeva, Shalugin 2002 — *Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Юкагирско-русский словарь. СПб., 2002. {*Nikolaeva I. A., Shalugin V. G.* Yukaghir-Russian dictionary. Saint Petersburg, 2002.}

Nugteren 2011 — *Nugteren, H.* Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Utrecht: LOT, 2011.

Nyikolajeva 2000 — *Nyikolajeva I.* Chrestomathia Jucagirica (Urálisztikai Tanulmányok 10). Budapest, 2000.

Piispanen 2013 — *Piispanen P. S.* Further lexical borrowings from (Pre-)Yakut into the Yukaghiric languages // Turkic Languages. 2013, 17(1/2). P. 115—139.

Piispanen 2015 — *Piispanen P. S.* Extensive borrowing of reindeer terminology in north-eastern Siberia // Turkic Languages. 2015, 19(1/2). P. 240—258.

Piispanen 2016 — *Piispanen P. S.* Folklore borrowings in north-eastern Siberia // Turkic Languages. 2016, 20. P. 257—272.

Piispanen 2018 — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir // Turkic Languages. 2018, 22. P. 108—138.

Piispanen 2019a — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir II // Journal of Old Turkic Studies (JOTS). 2019, 3(1). P. 54—82.

Piispanen 2019b — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir III // Journal of Old Turkic Studies (JOTS). 2019, 3(2). P. 321—371.

Piispanen 2020a — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir IV // Journal of Old Turkic Studies (JOTS). 2020, 4(1). P. 152—187.

Piispanen 2020b — *Piispanen P. S.* Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir V, *forthcoming*.

Piispanen 2020c — *Piispanen P. S.* Yup'ik Eskimo loan etymologies for the Yukaghir languages and dialects, *forthcoming*.

Poppe 1966 — *Poppe N.* On some ancient Mongolian loanwords in Tungus // Central Asiatic Journal. 1966, 11(3). P. 187—198.

Rozycki 1994 — *Rozycki W.* Mongol elements in Manchu. Indiana, Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1994.

Schiefner 1871a — *Schiefner A.* Beiträge zur Kenntnis der jukagirischen Sprache // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences. 1871a, 3/16. S. 373—399.

Schiefner 1871b — *Schiefner A.* Über Baron Gerhard von Maydell's jukagirische Sprachproben // Mélanges Asiatiques. 1871b, 6/5. P. 600—626.

Spiridonov 1997 — *Спиридонов В. К.* Школьный русско-юкагирский словарь. Якутск, 1997. {*Spiridonov V. K.* School Russian-Yukaghir dictionary. Jakutsk, 1997.}

Spiridonov 2003 — *Спиридонов Н. И.* Юкагирско-русский словарь и эвенско-русский словарь. Якутск, 2003. {*Spiridonov N. I.* Jukaghir-Russian dictionary and Even-Russian dictionary. Jakutsk, 2003.}

TMS — *Цинциус В. И.* Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1. Ленинград, 1975. {*Tsintsius V. I.* Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages 1. Leningrad, 1975.}

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988—1991.

Vasilevič 1958 — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. {*Vasilevič G. M.* Ewenki-Russian dictionary. Moscow, 1958.}

VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.

Wrangel 1841 — *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицию, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. Т. 1—2. СПб., 1841. {*Wrangel F. von.* A voyage along the northern coast of Siberia and the Arctic Sea made in 1821, 1822, 1823 and 1824 under the expedition of lieutenant Ferdinand von Wrangel. Vols. 1—2. Saint Petersburg, 1841.}

Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН (Москва); stoynova@yandex.ru

В статье рассмотрен вопрос о том, как словоизменительная система языка-реципиента влияет на стратегию адаптации лексических заимствований и, с другой стороны, какую роль могут играть лексические заимствования в его словоизменительной системе. Обсуждаются стратегии морфологической адаптации русских существительных в двух южно-тунгусских языках: нанайском и ульчском. Несмотря на близость этих двух языков и, в частности, большое сходство их словоизменительных систем, русские существительные ведут себя в них очень по-разному. Более того, в ульчском языке они на первый взгляд даже образуют особый, промежуточный, словоизменительный тип.

И в нанайском, и в ульчском языках основы делятся на два словоизменительных типа: основы на гласный принимают один набор словоизменительных показателей, основы на согласный — другой. При этом набор возможных исходов на согласный очень ограничен. Основная сложность при адаптации русских существительных состоит в том, что многие из них оканчиваются на такие согласные, которые нехарактерны для нанайского и ульчского. Это противоречие снимается в нанайском и ульчском языках по-разному. Интересно, что ни в том, ни в другом языках такие существительные не включаются в класс исконных основ на согласный. В нанайском языке к таким существительным добавляется эпентетический гласный и они встраиваются в словоизменительный класс существительных с основой на гласный (*класс-а-ва* ‘класс-STEM-ACC.V’). В ульчском языке они принимают показатели, характерные для основ на гласный, несмотря на то что оканчиваются на согласный (*класс-ва* ‘класс-ACC.V’). Тем самым, о таких словах можно говорить как об особом небольшом подклассе основ с нестандартным морфологическим поведением.

Если более внимательно посмотреть на вариативность в ульчском именном словоизменении, а также на некоторые поверхностно-фонетические явления, ульчская стратегия адаптации заимствований и ее отличия от нанайской кажутся вполне закономерно. Ульчская система именного словоизменения оказывается менее жесткой, чем нанайская, отсюда разница в поведении русских существительных. С другой стороны, наличие в ульчской системе русских заимствований, ведущих себя особым образом, можно считать дополнительным фактором, расшатывающим нестабильную словоизменительную систему.

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, переключение кодов, морфологическая адаптация заимствований, именное словоизменение, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, ульчский язык, русский язык

DIFFERENT LOANWORD INTEGRATION STRATEGIES IN SIMILAR MORPHOLOGICAL SYSTEMS: RUSSIAN NOUNS IN NANAI AND ULCH

Natalia M. Stoynova, Russian Language Institute, RAS, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); stoynova@yandex.ru

In this paper I show how the inflectional system of the recipient language can influence the strategy of morphological integration of loanwords, and how loanwords themselves can affect the inflectional system. I discuss the morphological integration of Russian nouns in two Southern Tungusic languages: Nanai and Ulch. These languages are very close to each other and have very similar inflectional systems. At the same time, they treat Russian nouns in rather different ways. In Ulch, Russian nouns appear to form a separate inflectional sub-class.

Both in Nanai and in Ulch, there are two inflectional classes. Stems ending in vowels take one set of inflectional affixes, while stems ending in consonants take another set of inflectional affixes. The range of stem-final consonants is very restricted. The main problem in loanword accommodation is that many Russian nouns have final consonants non-typical of the Nanai and Ulch inflectional systems. This problem is solved in Nanai and Ulch in different ways. Neither in Nanai, nor in Ulch such Russian consonant-final stems are included in the class of native consonant-final stems. In Nanai, they take an epenthetic vowel and behave as standard vowel-final stems (*klass-a-wa* ‘class-STEM-ACC.V’). In Ulch, they also take inflectional affixes typical of vowel-final stems, but still end in consonants (*klass-wa* ‘class-ACC.V’). Therefore, such nouns can be analyzed as forming a separate minor exceptional stem class.

A closer look at morphological variation and some surface-level phonetic features attested in the Ulch inflectional system allows us to explain the unexpected strategy of loanword accommodation in Ulch and its differences with that of Nanai. Actually the behavior of Russian loanwords goes in line with the native inflectional system. The crucial factor is that in Ulch the distribution of native nouns by inflection classes is less strict and more complicated than in Nanai. Russian loanwords, which are inflected in Ulch in a non-standard way, in their turn, might influence the native Ulch system of nominal inflection, increasing its instability.

Keywords: language contact, loanwords, code-switching, morphological integration of loanwords, nominal inflection, Tungusic languages, Nanai, Ulch, Russian

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01649.

1. Введение

В работе на материале текстовых коллекций на двух близкородственных тунгусо-маньчжурских языках, нанайском и ульчском, будут рассмотрены случаи, когда русское существительное оформляется словоизменительными аффиксами соответствующего языка.

В нанайском и ульчском языках представлены два именных словоизменительных типа — для основ на гласный и для основ на согласный. При этом согласных, на которые может оканчиваться основа, очень мало. Русские существительные, наоборот, могут оканчиваться на разные согласные без ограничений. Это противоречие в нанайском и в ульчском языках разрешается по-разному. Для нанайского оказывается принципиально, оканчивается ли русское существительное на согласный, характерный для нанайского: тогда оно ведет себя как нанайское существительное на согласный, или на другой согласный: тогда оно получает эпентетический гласный и ведет себя как нанайское существительное на гласный. В ульчском языке, независимо от типа конечного согласного, русские существительные склонны вести себя особым образом: не получая эпентетического гласного, т. е. формально не попадая в класс основ на гласный, русские основы, тем не менее, присоединяют алломорфы, характерные для гласного типа. Так, в примере (1) существительное *класс* в аккумулятиве получает эпентетический гласный в нанайском (1a), но не в ульчском (1b), однако в обоих примерах присоединяет аккумулятивный суффикс гласного типа *-wa*. В примере (2) существительное *стакан* в нанайском получает аккумулятивный суффикс согласного типа *-ba* (2a), а существительное *карман* в ульчском — аккумулятивный суффикс гласного типа *-wa* (2b).

- (1) a. *elan класс-a-wa selān хо̄же-хам-bi bi-či-ni*
три **класс-STEM-ACC.V** с.трудом заканчивать-PST-1SG.C быть-PST-3SG
'Я три класса еле закончила'. (нанайский, fna_120808_ns_Detstvo)
- b. *жуа иту класс-wa ходи-хам*
десять один **класс-ACC.V** заканчивать-PST.1SG
'{В семьдесят втором году} я закончил одиннадцатый класс {вечерней школы}'. (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)¹
- (2) a. *стакан-m-ba жа̄ра-ра, мӯэ-вэ таоси нэ-хэ-ни*
стакан-STEM-ACC.C брать-CVB.NSIM вода-ACC.V туда класть-PST-3SG
'Взяв стакан, воды туда налила'. (нанайский, sds_110811_ns_utoplennik)
- b. *поэ́тому с̄упал̄ ч̄ас-и, карма́н-wa, х̄а̄й-wa=dəxum*
поэ́тому всё резать-IMPS **карман-ACC.V** что-ACC.V=INDEF
'Поэ́тому всё надрезают, карманы и всякое такое'. (ульчский, oab_20180723_nst_EthnoPoxoronnyje-Obrijady)

Нанайская и ульчская словоизменительные системы очень близки и обнаруживают лишь незначительные различия. Интересно, можно ли объяснить этими различиями наблюдаемую разницу в стратегиях адаптации русских существительных.

Вопрос о том, как и в какой мере структурные характеристики языка-донора и языка-реципиента влияют на стратегию адаптации заимствований и саму возможность заимствования, поднимается в литературе о заимствованиях и языковых контактах, начиная с классических работ [Haugen 1950: 217—218; Weinreich 1953/1979: 44—46]. Например, в книге [Field 2002] формулируются общие «принципы (не)совместимости систем» [Field 2002: 40—43]. Ф. Филд рассматривает ситуации контакта между языками разных структурных типов (флективными, агглютинативными, изолирующими в разных комбинациях) и предсказывает, может ли морфема того или иного типа (корень, автономная словоформа, агглютинативный или флективный аффикс) быть заимствована в зависимости от того, какого типа морфемы

¹ Все примеры, если не оговаривается обратное, взяты из полевой коллекции устных текстов на нанайском и ульчском языках, о которой см. в разделе 2. Система записи для нанайского в общих чертах соответствует кириллической записи, принятой в [Аврорин 1959; 1961], для ульчского — принятой в [Суник 1985]. Все русские фрагменты, независимо от их статуса, для удобства восприятия записываются кириллицей в стандартной русской орфографии и выделяются прямым шрифтом (в примерах, которые даны в основном тексте, вместо прямого шрифта используется подчеркивание). Неоднословные русские вставки не глоссируются, однословные глоссируются. После примера в скобках дается указание на источник: язык и код текста (включающий код информанта, код записавшего лингвиста, дату записи и условное название).

имеются в языке-реципиенте. В типологической работе Я. Вольгемута о глагольных заимствованиях одна из глав посвящена поиску корреляций между стратегией адаптации иноязычного глагола (прямая вставка глагольной основы, оформление ее вербализатором, конструкция со вспомогательным глаголом) и самыми разными типологическими параметрами языка-донора и языка-реципиента из списка [WALS 2005] (морфологическими, фонетическими, синтаксическими) [Wohlgemuth 2009: 188—205]. Не обнаруживается корреляций с характеристиками языка-донора и обнаруживается несколько прямых и опосредованных корреляций с характеристиками языка-реципиента.

В этой статье сходная проблематика будет детально рассмотрена на микроуровне. Перед нами две ситуации, которые удобно сопоставить: разные стратегии адаптации заимствований и при этом похожее социолингвистическое положение (начавшийся языковой сдвиг), один и тот же язык-донор (русский), генетически очень близкие языки-реципиенты с мельчайшими различиями в словоизменительной системе (нанайский и ульчский). Тем не менее, как будет показано ниже, наблюдаемые различия в адаптации русских существительных удастся объяснить этими небольшими различиями. Возможно, дополнительным фактором является социолингвистический — степень языкового сдвига. Также будет показано, что в данном случае можно говорить не только о влиянии словоизменительной системы на адаптацию русских заимствований, но и об обратном процессе: о влиянии интенсивных русских заимствований на словоизменительную систему (применительно к ульчскому языку).

В статье приняты следующие методологические и терминологические конвенции. Для такого типа исследования важно, какие русские вставки включать, а какие не включать в рассмотрение. В случае однословных иноязычных вставок в каждом конкретном случае не всегда удастся на практике провести границу между устойчивыми заимствованиями, окказиональными заимствованиями и переключением кодов. Более того, и в общем случае в разных работах она проводится по-разному в зависимости от теоретических установок автора. Принимаются во внимание такие содержательные и операциональные критерии, как частотность, степень фонетической адаптации, значение, фиксация в словарях соответствующего языка, возможность употребления монолингвами, рефлексия носителей и др. (см. обзор основных критериев, например, в [Haspelmath 2009: 40—42]). Радикальный подход принят в теории К. Майерс-Скоттон, которая относит максимально широкий круг явлений к переключению кодов, в частности признает возможность внутрисловного переключения, и считает, что между переключением кодов и заимствованием нет резкой границы и за ними стоит один и тот же содержательный механизм. В качестве чисто операционального условного критерия разграничения она использует только частотность [Myers-Scotton 1992; 1993: 163—228; 2002: 153—160]. Противоположный подход развивает Ш. Поплак, в работах которой используется понятие *nonce-borrowings* — окказиональных заимствований (см. [Poplack et al. 1988; Sankoff et al. 1990; Poplack 2012] и др.). Исследования Ш. Поплак и ее соавторов свидетельствуют против гипотезы о том, что степень фонетической и морфосинтаксической интеграции иноязычной лексемы коррелирует с ее частотностью, т. е. против гипотезы о континууме между переключением кодов и устойчивым заимствованием. Их результаты говорят о том, что по морфосинтаксическому поведению окказиональные заимствования не отличаются от устойчивых (частотных). С другой стороны, поведение окказиональных заимствований (как и устойчивых) резко отличается от поведения словоформ при неоднословном переключении кодов [Poplack 2018: 122—158]. Что касается степени фонетической интеграции, то она, по данным Ш. Поплак, вообще не коррелирует со статусом лексемы (переключение кодов, окказиональное или устойчивое заимствование) и не может считаться критерием для разграничения [Poplack et al., в печати]. В этой статье я не пытаюсь проводить каких бы то ни было априорных границ и включаю в рассмотрение на равных основаниях все случаи, когда русское существительное было оформлено тунгусскими аффиксами (см. подробнее раздел 2). Термин «заимствование» применяется в статье расширительно ко всем этим случаям (однако, учитывая описанную выше теоретическую дискуссию, я стараюсь по возможности его избегать).

Применительно к русскому языку в работе используется термин «язык-донор», применительно к нанайскому и ульчскому — «язык-реципиент». Термины «адаптация» и «интеграция» употребляются как синонимы для обозначения того, насколько слово фонетически, морфологически или синтаксически встроено в систему языка-реципиента. Ср. [Haspelmath 2009: 43], где предлагается использовать в этом значении термин «адаптация», а термин «интеграция» зарезервировать для указания на то, признается ли слово частью системы языка-реципиента.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 описан материал исследования. В разделе 3 приведены необходимые сведения о нанайской и ульчской системах именного словоизменения. В разделе 4 подробно описываются стратегии адаптации русских существительных разных типов. Наконец, в заключительном разделе 5 рассмотренные данные обобщаются и обсуждаются в более широком контексте.

2. Материал исследования

Близкородственные нанайский и ульчский языки распространены на Дальнем Востоке России и находятся в интенсивном контакте с русским языком, оба в разной степени под угрозой исчезновения. На нанайском языке говорят в Хабаровском крае (в меньшей степени в Приморском крае), по данным переписи 2010 г. насчитывается 1347 носителей среднего и старшего поколения, 11% от этнической группы, все или почти все владеют также русским языком, см. о текущей социолингвистической ситуации [Герасимова 2002; Калинина, Оскольская 2016]. Язык достаточно хорошо описан, см. подробную грамматику [Аврорин 1959; 1961]. Нанайский язык представлен несколькими разновидностями, в этой статье обсуждаются данные амурских говоров.

Носители ульчского языка компактно проживают в Ульчском районе Хабаровского края. По данным переписи 2010 г., осталось 154 носителя старшего поколения, что составляет 6% от этнической группы, см. о текущей социолингвистической ситуации [Герасимова 2002; Сумбатова, Гусев 2016]. Ульчская грамматика описана в меньшей степени, чем нанайская, см. очерки [Петрова 1936] и [Суник 1985]. Языки очень близки, по крайней мере некоторые говоры нанайского взаимопонятны с ульчским.

Исследование проведено на материале коллекций текстов на нанайском (амурские говоры) и ульчском языке, собранных в ходе экспедиций по документации соответствующих языков в 2010-х гг. в селах Хабаровского края². Коллекции состоят из коротких спонтанных устных рассказов по заданию лингвиста «рассказать что-нибудь на своем языке». По жанру это преимущественно биографические и фольклорные нарративы и этнографические описания. Объем проанализированной ульчской коллекции — 47 509 словоупотреблений (ок. 14 часов записей, 20 носителей), объем нанайской коллекции — 47 411 (ок. 11 часов записей, 36 носителей)³.

Из обеих коллекций были извлечены все употребления русских существительных, оформленных тунгусскими аффиксами. Все русские существительные с тунгусскими аффиксами были включены в выборку на равных основаниях, независимо от их частотности, значения, степени фонетической адаптации, мнения носителей, наличия в словарях соответствующего языка и под. (см. обсуждение возможных подходов к разграничению в разделе 1). Исключение составили несколько старых устойчивых заимствований, русское происхождение которых не осознается самими носителями и требует специального лингвистического доказательства: ср. ульч. *kaskə* ‘кошка’, *lapka* ‘магазин (русс. *лавка*)’, *gumaska* ‘рубль (русс. *бумажка*)’. Такие слова в выборку не вошли. Русские имена собственные (имена людей, географические названия) попали в выборку. Русские существительные, оформленные тунгусскими показателями с полуавтономным морфологическим статусом (энклитики и постфиксы), в выборку не попали. Исключение составили существительные с ульчским лативным показателем $=bAn^4$ (см. раздел 4.1). Таким образом, анализируемая выборка составила 566 употреблений для ульчского и 458 употреблений для нанайского языка. О лексическом и морфологическом разнообразии выборки дает представление сводная таблица 1.

Таблица 1. Русские существительные в нанайских и ульчских текстах: общий состав выборки

морфологический тип: исход формы номинатива	нанайская выборка		ульчская выборка	
	словоупотреблений	лексем	словоупотреблений	лексем
на гласный	214	116	308	140
на -j	13	5	13	8
на -n	44	17	30	19
на -l и -r	41	19	7	6
на другие согласные	146	78	208	81
всего	458	235	566	254

² Коллекции собраны и расшифрованы в 2011—2019 гг. С. А. Оскольской, А. С. Сметиной и автором.

³ В рассмотрение, таким образом, не вошел материал письменных текстов, в частности учебных пособий по родному языку, очень богатых заимствованиями из русского. В этих текстах (предполагающих значительно большую унификацию и нормализацию, чем спонтанные устные нарративы) правила адаптации русских существительных могут заметно отличаться от формулируемых ниже по данным устных текстов.

⁴ Здесь и далее заглавными буквами обозначены контексты, в которых гласный выбирается в зависимости от гласных основы в соответствии с правилами сингармонизма.

Деление существительных на морфологические типы обусловлено задачами исследования и будет пояснено ниже в разделе 4. Выборки невелики и недостаточно сбалансированы для того, чтобы во всех случаях давать описываемым стратегиям адаптации существительных строгие количественные характеристики, однако, как будет показано ниже, вполне позволяют дать им подробную качественную характеристику.

3. Именное словоизменение в нанайском и ульчском языке

В этом разделе описана система словоизменения существительных в нанайском и ульчском языках. В разделе 3.1 кратко представлены общие сведения, необходимые для дальнейшего обсуждения адаптации русских существительных. В разделе 3.2 я сосредоточусь на тонких различиях между нанайской и ульчской системами, которые, как я попробую показать ниже (раздел 5), предопределяют различия в поведении русских заимствований.

3.1. Общие сведения о словоизменении существительных

Система существительных в нанайском и ульчском языках практически одинакова. К корню может прибавляться несколько деривационных суффиксов разной степени продуктивности, затем суффикс множественного числа (единственное не маркировано), затем показатель падежа и, наконец, показатель лица-числа обладателя, если слово употреблено в посессивном контексте (3а, 3б). В нанайском языке в некоторых формах посессивный показатель предшествует падежному (3с), в некоторых других между падежным и посессивным показателем вставляется дополнительная морфема, которую можно описывать как показатель косвенного падежа (3д), см. [Аврорин 1959: 171—176; Оскольская 2015].

(3) root-DER-NUMBER-CASE-POSS

a. <i>bəgʒi-kə-səl-bə-pu</i> нога-DIM-PL-ACC.C-1PL	b. <i>bəgʒi-kə-səl-du-pu</i> нога-DIM-PL-DAT-1PL	(ульчский)
c. <i>bəgʒi-kən-səl-pu-wə</i> нога-DIM-PL-1PL-ACC.V 'наши лапки (ACC)'	d. <i>bəgʒi-kən-səl-du-ə-pu</i> нога-DIM-PL-DAT-OBL-1PL 'на наших лапках'	(нанайский)

Общий для нанайского и ульчского языков инвентарь падежей включает немаркированный номинатив, аккузатив, датив-эссив, инструменталис, латив, локатив и дестинатив (используемый только в посессивной парадигме). В нанайском языке также есть специальный показатель элатива (в ульчском совпадает с инструменталисом), в ульчском — специальный показатель пролатива (в нанайском в этом контексте используется локатив). В ульчском языке статус, близкий к статусу падежного аффикса, имеет также энклитика =*bAn* с лативным значением (в нанайском ей соответствует автономный послелог *bāroa-(ni)* 'к-(3SG)'). В обоих языках по восемь посессивных аффиксов: 1, 2, 3 л. единственного и множественного числа, а также посессивные рефлексивные аффиксы единственного и множественного числа ('свой'). В нанайском языке они употребляются в посессивном контексте регулярно, в ульчском в некоторых случаях опускаются (см. подробнее [Оскольская, Стойнова 2019]).

Для дальнейшего обсуждения важнее всего морфонологические правила, действующие в именной парадигме. В обоих языках противопоставлено два типа основ: основы на гласный и основы на согласный (ср. ульч. *gasa-* 'утка' и *gasan-* 'село'). Конечный гласный основы может быть любым⁵, и основы на гласный крайне многочисленны. Основы на согласный — более ограниченный тип: согласных, на которые может оканчиваться основа, всего несколько. Это *-n* (большинство основ на согласный, ср. нан. *morin-* 'лошадь'), *-l* (именных корней, оканчивающихся на *-l*, немного, ср. нан. *omol-* 'пояс'; но как основы на *-l* ведут себя все существительные с показателем мн. ч. *-sAl*, ср. нан. *gasasal-* 'утки'), *-g* в нанайском / *-g~y* в ульчском (единичные слова, ср. нан. *dərag-* 'лицо'), а также *-r* в нанайском (немногочисленные слова, ср. нан. *saŋgar-* 'дыра'; в ульчском конечному *-r* соответствует уже упомянутый *-l*: ульч. *saŋgal-* 'дыра'). Есть также основы, оканчивающиеся на *-j*, они ведут себя как основы на гласный⁶ (нан. *naj-* 'человек').

Противопоставление по типу основы релевантно в следующих контекстах. Во-первых, в зависимости от типа основы выбираются алломорфы падежных суффиксов аккузатива и локатива, а также посессив-

⁵ Кроме носовых гласных в нанайском, о которых см. ниже.

⁶ Соответствующая фонема реализуется как согласный [j] или краткий гласный [i] в зависимости от контекста.

ных аффиксов 1SG ‘мой’, REFL.SG и REFL.PL ‘свой’, если они непосредственно следуют за основой. Во-вторых, конечный *-n* чередуется с *-m* перед показателями аккузатива и рефлексивных посессивных аффиксов (т. е. всех аффиксов на *-b*). Также конечный *-n* выпадает перед показателями на *-n*, *-ŋ* (3SG и некоторые деривационные) и перед показателем мн. ч. *-sAl* (в ульчском последовательно, в нанайском вариативность)⁷. См. обобщение для основных релевантных контекстов в таблице 2. При описании адаптации русских существительных в разделе 4 контекстам, перечисленным в таблице 2, будет уделено особое внимание, ниже я буду говорить применительно к ним о «различительном контексте».

Таблица 2. Контексты, противопоставляющие основы на гласный и согласный (примеры из ульчского языка)

	основы на гласный	основы на согласный	основы на гласный (пример)	основы на согласный (пример)	
ACC	<i>-wA</i>	<i>-bA (n > m)</i>	<i>gasa-wa</i> ‘утку’	<i>gasam-ba</i> ‘деревню’	<i>gasa-sal-ba</i> ‘уток’
LOC	<i>-lA</i>	<i>-dOlA</i>	<i>gasa-la</i> ‘за утку’	<i>gasan-dŭla</i> ‘по деревне’	<i>gasa-sal-dŭla</i> ‘за уток’
1SG	<i>-I</i>	<i>-bI (n > m)</i>	<i>min gasa-i</i> ‘моя утка’	<i>min gasam-bi</i> ‘моя деревня’	<i>min gasa-sal-bi</i> ‘мои утки’
REFL.SG	<i>-I</i>	<i>-bI (n > m)</i>	<i>mən gasa-i</i> ‘свою утку’	<i>mən gasam-bi</i> ‘свою деревню’	<i>mən gasa-sal-bi</i> ‘своих уток’
REFL.PL	<i>-wArI</i>	<i>-bArI (n > m)</i>	<i>mən gasa-wari</i> ‘свою утку’	<i>mən gasam-bari</i> ‘свою деревню’	<i>mən gasa-sal-wari</i> ‘своих уток’
=LAT (ульч.)	<i>=bAn</i>	<i>=bAn (n > m)</i>	<i>gasa=ban</i> ‘к утке’	<i>gasam=ban</i> ‘в деревню’	<i>gasa-sal=ban</i> ‘к уткам’

Подробнее об именном словоизменении в нанайском языке см. [Аврорин 1959: 131—132; 163—182], об именном словоизменении в ульчском — [Петрова 1936: 26—29; Суник 1985: 31—34].

3.2. Отклонения от основной системы: нанайский vs. ульчский

В нанайском языке описанное противопоставление основ регулярно: каждая основа последовательно ведет себя как основа на согласный или на гласный. В ульчском же оно заметно размыто: наблюдается вариативность в поведении отдельных основ.

Это связано, видимо, прежде всего с тем, что в ульчском языке ослаблена разница между основами в немаркированной форме номинатива, которая в нанайском, наоборот, отчетлива. В нанайском языке основы на *-n* имеют в номинативе исход на носовой гласный (которому при присоединении аффиксов соответствует парный неносовой гласный + *n*), ср. (4a); в речи современных носителей произнесение неносовой + *n* фиксируется и в номинативе параллельно с произнесением носового гласного. В ульчском языке носовые гласные отсутствуют, и в номинативе основы на *-n* реализуются с простым усечением конечного согласного, ничем не отличаясь от основ на гласный, ср. (4b)⁸. Произнесение с конечным *-n* если и фиксируется, то крайне редко.

- (4) a. *mor[iⁿ]*   *moren-ži*   (нанайский)
       b. *mur[i]*   *murin-ži*   (ульчский)
       лошадь.NOM   лошадь-INS
       ‘лошадь’   ‘лошадью / на лошади <ехать>’

Что касается основ на *-l* и *-r*, второго относительно заметного класса основ на согласный, в нанайском языке они в номинативе оканчиваются на согласный (5a), в ульчском же факультативно полу-

⁷ Некоторые другие частные процессы, связанные с отдельными лексемами или с присоединением отдельных словообразовательных аффиксов, а также процессы, которые в обоих языках факультативны, здесь не обсуждаются.

⁸ Описывая речь более старшего поколения, Т. И. Петрова отмечает, что форма номинатива оканчивается «на назализованный гласный звук, причем эта назализация очень слабо слышима (курсив наш. — Н. С.)» [Петрова 1936: 26]. В речи современных носителей назализации не отмечается.

чают дополнительный гласный *-I* (т. е. оканчиваются на *-II*) и снова перестают отличаться от основ на гласный⁹ (5b):

- (5) a. *bādur* *omol* *naj-sal* (нанайский)
 b. *budul~buduli* *ɯmal~ɯmalɨ* *ńi-səl~ńi-səli* (ульчский)
 ‘разделочная доска.NOM’ ‘пояс.NOM’ ‘люди.NOM (человек-PL)’

Еще один морфонологический фактор, который может способствовать смешению основ, — тенденция к фонетической редукции гласных (прежде всего, *I* и *U*) вплоть до полного выпадения в некоторых позициях между согласными, наблюдаемая в ульчском языке и несвойственная нанайскому. Особенно она характерна для глагольных форм (так, форма прош. вр. глагола *xodV-* ‘закончить’ в беглой ульчской речи будет произноситься как *xo[dx]an*, ср. нан. *xožexańi*), однако встречается и в именной парадигме. Для современных носителей ульчского языка еще одним фактором, который, вероятно, дополнительно усиливает вариативность, можно считать социолингвистический — ситуацию языкового сдвига, когда практически для всех носителей единственным или основным языком повседневного общения является русский, а не ульчский.

В результате в современных ульчских текстах наблюдается следующая картина. Происходит выравнивание основ на согласный по образцу основ на гласный. На синхронном уровне для основ на согласный отмечается вариативность между ожидаемыми формами и формами, характерными для основ на гласный, — как между говорящими, так и в речи одного говорящего. Ср. примеры из одного и того же текста: в (6a) *ńiɲtam-* ‘сказка’ ожидаемо ведет себя в аккумулятиве как слово на согласный (*ńiɲtam-ba*), в (6b) — как слово на гласный (*ńiɲta-wa*).

- (6) a. *tɨ ńiɲtam-ba-n* *ɕɯpal oŋbo-xo-pu*, *uj=də əʒə-ɕ-ə-si-n*
 тот **сказка-ACC.C-3SG** все забывать-PST-1PL кто=EMPH помнить-IPFV-NEG-PRS.NEG-3SG
 ‘Эту его сказку мы совсем забыли, никто не помнит’. (ульчский, aid_170728_so_konux)
 b. *siksə taom-ba-n* *tɨ nan ńiɲta-wa* *tɨ ńiɲtam-dɨ* *bi-ɕi-n*
 вечер каждый-ACC.C-3SG так 3SG **сказка-ACC.V** так рассказывать-PRS быть-PST-3SG
 ‘Каждый вечер он так рассказывал сказки’. (ульчский, aid_170728_so_konux)

Особенно характерно такое выравнивание для форм аккумулятива (в которых основы на согласный и на гласный максимально различаются), см. [Оскольская, Стойнова 2019].

С другой стороны, есть и (более редкие) случаи, когда существительное с основой на гласный принимает форму, характерную для основ на согласный. Ср. форму *sorom-ba* от основы *soro-* ‘плоская корзина из прутьев’¹⁰ в (7a) и ожидаемую форму *soro-wa* в (7b):

- (7) a. *sorom-ba* *ʒapa-mɨ*
корзина-ACC.C брать-CVB.SIM.SG
 ‘Взяв корзину...’ (ульчский, lpd_1700804_nst_SkazkaMyshkaLjagushka)
 b. *əj soro-wa* *aŋʒu-t* *xaj-ʒi* *tundə ɲujktə-ʒi-n*
 этот **корзина-ACC.V** делать.PRS-3PL что-INS тальник корень-INS-3SG
 ‘Эти корзины делают из этого, из тальниковых прутьев’. (ульчский, oab_170730_nst_Descr OKorzinax_I_Samoleť)

В наших устных текстах в некотором количестве встречаются также формы от основ на гласный с полной редукцией конечного гласного основы типа *Aurdu* ‘в (Аори-DAT)’ от топонима *Aurɨ-*, *paswan* ‘кусок {кожи} (кусок-ACC.V-3SG)’ от *pasɨ-* ‘кусок’, *xupwən* ‘ее игру (играть-PRS-ACC.V-3SG)’ от *xupɨ-* ‘игра (NMLZ)’, *maqorwa* ‘юколу (юкола-ACC.V)’ от *maqori-* ‘юкола’. Ср. (8): в полном произнесении ожидалось бы *maqoriwa*.

- (8) *xolʒo-wan-dɨ-n* *tɨ maqor-wa*
 сохнуть-CAUS-PRS-3SG тот **юкола-ACC.V**
 ‘Она сушит эту юколу...’ (ульчский, spd_20180730_nst_BioDetstvo)

⁹ Впрочем, для форм мн. ч., основного «поставщика» основ на *-I*, исход на гласный не очень частотен: в нашей коллекции исход на *-I* в номинативе встретился в 12% случаев (28 вхождений формы номинатива на *-sAlI* и 215 вхождений формы на *-sAl*). Для корней на *-I* исход на *-II* в номинативе, видимо, более характерен, но это требует дополнительной проверки.

¹⁰ Исходно это с очевидностью основа на гласный: как слово с основой на гласный оно фиксируется в словаре О. П. Суника [Суник 1985: 234], в нанайском языке оно имеет вид *soro-*, а не **soron-*; из других тунгусо-маньчжурских языков оно фиксируется в маньчжурском в форме *šori*, *šoro* [ССТМЯ 1975(II): 113].

Можно считать это чисто фонетическим явлением. Однако, если принять такие формы во внимание, они значительно расширяют репертуар возможных конечных согласных основы. С другой стороны, подобные редуцированные основы полностью не переходят в класс основ на согласный, как можно было бы ожидать: ср. приведенные формы аккузатива с алломорфом *-wA*, характерным для основ на гласный, а не для основ на согласный. Так, в (8) регулярная форма от основы на согласный звучала бы как *maqor-ba*, таких употреблений не встретилось ни разу. Ср. также пример (9) с еще более нестандартным, чем в (8), сочетанием [nw] на стыке основ: *qanwa* ‘дымоход под нарами, кан’. Для основ на *-n* ожидается форма аккузатива с чередованием и алломорфом *-bA* (*qam-ba), но это на самом деле не основа на *-n*, а основа на гласный, в которой произошла редукция конечного гласного (*qani-*).

- (9) *si ičə-xə-si t̪i xagdu-wa¹¹, t̪i qan-wa?*
 2SG видеть-PST-2SG тот дом-ACC.V тот кан-ACC.V
 ‘Ты видела этот дом, этот кан?’ (ульчский, spk_170802_so_dom, реплика nak)

Формы с редукцией гласного, не примыкая к классу основ на согласный, видимо, наоборот, способствуют тому, что «настоящие» основы на согласный начинают принимать алломорфы, характерные для основ на гласный, без усечения или наращивания основы (обсуждавшегося выше). Так, в наших текстах в 12% всех форм аккузатива от основ множественного числа на *-sAl* (22 примера) используется не ожидаемый для основ на согласный алломорф *-bA*, а, как и в редуцированных формах, алломорф основы на гласный *-wa*. Ср. формы *ñi-səl-wə* ‘людей’ и *əkə-səl-wə* ‘женщин’, вместо *ñi-səl-bə* и *əkə-səl-bə*, в (10)¹²:

- (10) *mēwa ənu-s-i ñi-səl-wə,*
 сердце болеть-IPFV-PRS человек-PL-ACC.V
piktə bāq-a-si əkə-səl-wə samada-m
 ребенок находить-NEG-PRS.NEG женщина-PL-ACC.V шаманить-CVB.SIM.SG
 ‘Когда она шаманила людям, у которых болит сердце, и женщинам, которые не могут родить ребенка...’ (ульчский, spd_20180731_nst_BioBabushkaShamankaJeneke)

Для основ на *-n* (предполагающих еще и чередование на стыке и склонных к усечению, а не к наращиванию основы) аналогичных форм (на *-nw-*) в текстах не встречается.

Итак, в ульчской и нанайской именных системах противопоставлены основы двух типов — на гласный (многочисленные и разнообразные) и на согласный (менее многочисленные и допускающие всего несколько согласных). В нанайском языке граница между словоизменяемыми типами очень четкая, в ульчском более размытая, что окажется важно для дальнейшего обсуждения.

4. Морфологическая адаптация русских существительных

Для русского существительного исходной формой, которая далее интегрируется в южно-тунгусскую именную систему, оказывается форма номинатива единственного числа (вместе с соответствующим окончанием). Ср. (11):

- (11) *min əʒi семья-du-ni*
 1SG муж семья-DAT-3SG
 ‘в семье моего мужа...’ (ульчский, aid_171112_nst_BioSemjaMuzha)

Морфонологические типы русских номинативных форм в определенном смысле противоположны описанным в разделе 3.1 южно-тунгусским типам именных основ. Возможно ограниченное число исходов на гласный (на *-a*, на *-o* и на безударный редуцированный гласный), если не учитывать несклоняемые заимствования, и разнообразные исходы на согласный без каких бы то ни было ограничений: и на согласные, которые возможны в исходе южно-тунгусской основы (*буран*, *журнал*), и на согласные, на которые не может оканчиваться нанайское или ульчское существительное (*класс*, *интернат*), в том числе и такие, которых вообще нет в нанайской и ульчской фонологических системах (*карандаш*).

Русские существительные на гласный вполне вписываются в тунгусский тип основ на гласный, и для них можно ожидать, что они будут оформляться тунгусскими аффиксами без каких бы то ни было до-

¹¹ В этом примере также произошло выравнивание основы на согласный по образцу основ на гласный: от *xagdun-* ожидается форма *xagdun-ba*.

¹² При этом форм с выраженным гласным типа *əkəsəli-wə*, которых можно было бы ожидать по аналогии с номинативом на гласный *əkəsəli*, все же не встречается.

полнительных преобразований по правилам для основ на гласный. Это будет проверено в разделе 4.1. Там же описано поведение основ на *-j*, которые в нанайском и ульчском примыкают к основам гласного типа. Русские существительные на согласный, наоборот, представляют для тунгусской морфонологической системы проблему, и для них ожидаются более сложные правила интеграции, которые могут зависеть от типа согласного. Они будут описаны в разделе 4.2: последовательно рассмотрены существительные на *-n* (как большинство тунгусских основ на согласный), на *-l*, *-r* (возможные в исходе тунгусской основы) и на прочие согласные (которые не могут встречаться в исходе тунгусской основы). В обоих разделах я сравню данные нанайского языка с данными ульчского. В разделе 4.3 кратко обсуждаются явления, связанные с интеграцией русских существительных, которые не попали в основной фокус исследования: редкие образования от форм множественного числа; действие тунгусских правил сингармонизма на русские существительные и другие свидетельства их фонетической адаптации; однословные русские вставки, не оформленные тунгусскими аффиксами.

4.1. Существительные на гласный и *-j*

Для существительных на гласный (*бригада*, *ведро*), как было сказано выше, ожидается, что они будут вести себя как обычные тунгусские основы на гласный. Это, за редкими исключениями, действительно так и для нанайского языка, и для ульчского, см. таблицу 3. Тунгусский аффикс прибавляется непосредственно к русской форме номинатива без каких бы то ни было преобразований (см. (11) выше), причем в различительном контексте (см. список различительных контекстов в таблице 2) выбирается аффикс, характерный для основы на гласный:

- (12) ну, **писька-*wa-ni***, *xaj*, *ʒapa-ra=tani*
 ну **писька-ACC.V-3SG** что **брать-CVB.NSIM=COORD**
 ‘Ну, за письку его, это, взял...’ (нанайский, itg_130312_ns_LegendaSpasennyjMaljchik)

Таблица 3. Существительные на гласный

	нанайский	ульчский
как основы на гласный	212	304
как основы на <i>-n</i>	1	3
редукция основы	1	1
всего	214	308

В выборке встретились единичные отклонения от этого правила. В одном примере из нанайского (13a) и в одном из ульчского (13b) выступает редуцированная основа. Пример (13a) можно объяснить гаплогогией (ожидается форма *платье-*ji**), в примере (13b) можно предполагать старое заимствование топонима *Весёлое* в усеченной форме *Весёло*¹³.

- (13) a. *mən* **плать-*ji*** *pasi-ʒi-a-ni* *tətuə-go-a-ni* *mī=də* *an̄go-xam-bi=goa*
 свой **платье-REFL.SG.V** кусок-INS-OBL-3SG одежда-DEST-OBL-3SG 1SG=EMPH делать-PST-1SG.C=PTCL
 ‘Из куска своего платья я ей сделала одежду’. (нанайский, itg_130308_ns_KuklaBliznjashka)
- b. *bu* **Весёло-*du***...
 1PL Весёлое-DAT
 ‘Мы в Веселом {жили}...’ (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)

В трех примерах из ульчского и в одном из нанайского русское существительное на гласный реинтерпретируется как основа на *-n*: в неразличительном контексте (14a) *-n* добавляется перед падежным аффиксом, в различительном контексте в (14b) происходит чередование и выбирается алломорф, характерный для основ на согласный (*радиво-*m-ba**, а не **радиво-*wa**).

¹³ По этим двум примерам можно было бы предположить более общую тенденцию к усечению безударного гласного после *j*, однако свидетельств этому в наших данных нет. И в нанайской, и в ульчской выборках довольно много слов на «*j*+ безударный гласный», усечения в них не наблюдается: *армия-*či** ‘в армию’, *станция-*ʒeaʒi** ‘со станции’, *Приморье-*du** ‘в Приморье’, *печенье-*səlbə** ‘печенье-PL.ACC’. Я благодарна анонимному рецензенту за указание на необходимость этого уточнения и за наблюдение о возможности старого заимствования в (13b).

(14) a. *ʒua ða aŋa-n bi-či-n bilə* **Надя-*n-du***
 десять три год-3SG быть-PST-3SG наверное **Надя-STEM-DAT**
 ‘Лет тринадцать, наверное, было Наде’. (ульчский, spd_20190801_nst_BioDetiOdniVAori)

b. *dosola-j* телевизор-*bə=nu* **радио-*m-ba=nu***
 слушать-PRS телевизор-ACC.C=Q **радио-STEM-ACC.C=Q**
 ‘Слушаем телевизор или радио’. (нанайский, vmk_160718_ns_DescrVodaVOzere)

В нанайском и ульчском языках как основы на гласный ведут себя также основы на *-j* (см. раздел 3.1). Это же верно и для русских существительных на *-j* (типа *чай*). Тип основы в данном случае можно определить только в различительном контексте: таких примеров очень мало (таблица 4), но во всех этих примерах выбирается алломорф, характерный для основы на гласный, ср. *слой-wa*, а не *слой-ba в (15). Конечный *-j* основы произносится как согласный или как полугласный.

(15) *elan ʒuər xaj ačo-o-ri-ni=go* **слой-*wa***
 три четыре что снимать-IMPS-PRS-HAB=PTCL **слой-ACC.V**
 ‘Три-четыре этих снимают, слоя’. (нанайский, gchk_110807_ns_Jukola)

Таблица 4. Существительные на *-j*

	нанайский	ульчский
в неразличительном контексте	10	7
в различительном контексте:		
как основы на гласный	3	6
всего	13	13

4.2. Существительные на согласный

Правила морфологической адаптации русских существительных на согласный сложнее и различаются для нанайского и ульчского языков. Ниже последовательно рассмотрены разные типы основ: на *-n*, на *-l* и *-r* (основы на согласный, возможные в нанайском и ульчском) и основы на другие согласные (невозможные в нанайском и ульчском).

4.2.1 Существительные на *-n*

Русские существительные на *-n* (*экзамен*) в нанайском языке ведут себя как регулярные основы на *-n*: сохраняют конечный *-n* в неразличительном контексте (16a) и обнаруживают характерные для основ на *-n* алломорфы (16b, 16c) и чередования (16c) в различительном контексте:

(16) a. *xodase-ra=tani,* **магазин-*či*** *əpə-rə*
 продавать-CVB.NSIM=COORD **магазин-LAT** идти-CVB.NSIM
 ‘Продали {торбаза} и пошли в магазин’ (нанайский, itg_20130310_ns_BabaNadjaVyxodilaZamuzh)

b. **карман-*dola-i*** *nə-ri-du-j*
карман-LOC.C-REFL.SG.V класть-PRS-DAT-REFL.SG.V
 ‘Когда себе в карман положила {золотой слиток}...’ (нанайский, vsg_110813_ns_SonDocheriNachalo)

c. *noani təj* **драко-*m-ba*** *wā-xa,* *tudur-bə*
 3SG тот **дракон-STEM-ACC.C** убивать-PST дракон-ACC.C
 ‘Он убил этого дракона, мудура (земного дракона)’. (нанайский, sds_110811_ns_legenda pro Xujun)

В выборке встретилось всего два слова с исходом на мягкий *-nⁱ*, который в нанайском невозможен. В (17a) такое слово принимает алломорф, характерный для основ на согласный, но чередования, характерного для основы на *-n*, не происходит. В (17b) в первом вхождении та же ситуация, а в последующих двух *-nⁱ* чередуется с *-m*, как у нанайской основы на *-n* твердый.

(17) a. **Сихотэ-Алинь-*bə*** *xuəl-i* *bi-či-či=tən*
Сихотэ-Алинь-ACC.C переваливать-PRS быть-PST-3PL=COORD
 ‘Они переходили Сихотэ-Алинь’. (нанайский, vmk_160708_ns_PujmurIPodobnoje)

- b. *печень-**bə-niə**, хэт пече-**m-bə-niə** хай-**o-ri**, туй **žəp-du-j***
печень-ACC.C-3SG весь *печень-STEM-ACC.C-3SG* что.делать-IMPS-PRS так есть-PURP-REFL.SG.V
*пече-**m-bə-ni** жари-**la-go-o-ri***
печень-STEM-ACC.C-3SG жарить-VBLZ-REP-IMPS-PRS
 ‘Ее (кеты) печень, всю печень это самое делают, вот так, чтобы есть, печень жарят’. (нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)

В ульчском языке русские существительные на *-n* ведут себя по-другому. И в неразличительном, и в различительном контексте они сохраняют конечный *-n*, в т. ч. перед показателем мн. ч., перед которым у ульчских основ он выпадает (см. раздел 3.1 выше), (18a). При этом в различительном контексте они ведут себя как основы на гласный: нет чередования, ср. *Биробиджан*, а не *Биробиджа-т в (18b); выбирается алломорф, характерный для основ на гласный, ср. *телефон-**wa*** в (18c), а не **телефо-**m-ba***, как было бы в нанайском и как происходит в исконных ульчских основах на *-n*.

- (18) a. *керосин-**sal** хай-**mə** ixəɾə хай тао-**ха-тi***
керосин-PL что-МАТ свет что зажигать-PST-3PL
 ‘Керосиновые, из этого самого, лампы зажгли’. (ульчский, tsd_170726_so_Arta)
- b. *paŋiŋ Биробиджан=**baŋi** тауџi-**ŋda-m** ɲəŋə-**хə-ti***
некоторые Биробиджан=LAT учиться-MPURP-CVB.SIM.SG идти-PST-3PL
 ‘Некоторые поехали учиться в Биробиджан’. (ульчский, spd_20180730_nst_BioDetstvo)
- c. *tara* сотовый *žəpa-**ха-n***, сотовый *телефон-**wa***
потом сотовый брать-PST-3SG сотовый *телефон-ACC.V*
 ‘Потом сотовый взял, сотовый телефон’. (ульчский, lpd_20180720_nst_SluchajMuzhUpalVProrubj)

В трех примерах наблюдаются отклонения от этой схемы: усеченная основа в (19a)¹⁴, как в исконных ульчских основах на *-n* (ср. с (18a)), эпентеза в (19b)¹⁵ и, возможно, алломорф, характерный для основы на согласный, в (19c) (ср. с нанайским (17))¹⁶.

- (19) a. ну *хай-**sal** ками-**sal***
 ну что-PL *камин-PL*
 ‘Ну эти, камини... {то есть уже русские печки там были}’. (ульчский, gir_20190718_nst_BioStaryjDom)
- b. колхоз *план-**ə-n** ujlə-m dəŋsi-**хəт** nada žakpu aŋan-**du=də***
колхоз план-STEM-3SG работать-CVB.SIM.SG работать-PST.1SG семь восемь год-DAT=EMPH
 ‘Выполняя колхозный план, я работал семь-восемь лет’. (ульчский, mixailduvan_BioOSebe)
- c. *от чан-**b**=... чан-**wa** хай-**wa** хай dawso-**la-m***
один чан-?ACC.C= чан-ACC.V что-ACC.V что соль-VBLZ-CVB.SIM.SG
 ‘Один чан когда солят...’ (ульчский, oax_20190713_nst_BioNizhnijePrungi)

¹⁴ Про слово *камин* можно предположить, что его нестандартное поведение связано с тем, что это старое устойчивое заимствование, а не окказиональное заимствование или переключение кодов, как в других случаях (см. о заимствовании этого слова в разные языки Сибири [Аникин 2003: 234]). Я благодарна анонимному рецензенту статьи за это наблюдение. На статус старого заимствования указывает на первый взгляд семантический сдвиг: в современном литературном русском языке слово *камин* в таком значении не употребляется. С другой стороны, в региональной разновидности русского языка, используемой носителями нанайского и ульчского (особенно пожилыми), слово *камин* в значении ‘печь русского типа, буржуйка’ существует, ср. фрагмент русской речи ровесницы информантки gir, от которой получен пример (19a), родом из соседнего села: *Перед этим... каминчик горит* (vas, ульчский).

¹⁵ Немногочисленные употребления, когда за основой следует показатель 3SG *-ni*, подробно не обсуждались. Для регулярных тунгусских основ на *-n* ожидается одиночный *-n* на стыке двух одинаковых согласных основы и аффикса (см. выше раздел 3.1). Такой пример находим в нанайской выборке, где русские существительные действительно ведут себя как обычные основы на *-n*: *патро-**ni*** ‘его (ружья) патрон’. Употребление (19b) с эпентезой, наоборот, скорее вписывается в ульчскую тенденцию, когда основы на *-n* ведут себя не как регулярные основы на согласный (в других контекстах они просто принимают алломорф, характерный для основы на гласный, а здесь, видимо, это оказывается невозможным по фонетическим причинам).

¹⁶ В этом примере самокоррекция: в следующем вхождении той же лексемы выбирается алломорф, характерный для основ на гласный. Про первое вхождение можно предположить, что это вообще не форма аккузатива, а форма с лативной клитикой *=bAn* ‘в чан’, как в (18b).

В таблице 5 дана подробная информация о количестве употреблений разного типа в нанайской и ульчской выборках.

Таблица 5. Существительные на *-n* и *-nʲ*

	нанайский	ульчский
в неразличительном контексте		
на <i>-n</i>	31	18
редукция <i>-n</i>	0	1
эпентеза (на <i>-nʲ</i>)	0	1
в различительном контексте		
как исконные основы на <i>-n</i> (чередование и алломорф согласного типа)	11	0
<i>-n</i> + алломорф согласного типа (без чередования)	2	3
<i>-n</i> + алломорф гласного типа	0	7
всего	44	30

4.2.2. Существительные на *-l*, *-r*

Ниже рассмотрены русские существительные на *-l*, *-r* для нанайского и *-l* для ульчского — т. е. на согласные, которые, как и *-n*, встречаются в исходе тунгусской основы на согласный (раздел 3.1). Вместе с ними рассмотрены и слова на мягкие *-lʲ* и *-rʲ* (регулярных пар по палатализации в нанайском и ульчском для этих согласных нет).

В нанайском языке и основы на *-l*, *-r*, и основы на мягкие *lʲ* и *rʲ* в неразличительном (20а) и различительном (20b) контексте ведут себя как основы на согласный.

- (20) а. комсомольский **госпиталь-*du*** *ʒobo-j-ni=goa*
комсомольский **госпиталь-DAT** работать-PRS-3SG=PTCL
‘Она в комсомольской больнице работает’. (нанайский, exk_160725_ns_BioRusskajaNanajka)
- б. *ulən-ʒi* *ʒapa-če-xam-bi* *taj* **катер-*bi***
хороший-ADV брат-IPFV-PST-1SG.C тот **катер-REFL.SG.C**
‘Я хорошо содержал свой катер’. (нанайский, jutsg_130307_ns_Biografia)

Гораздо более редки примеры, в которых между согласным основы и аффиксом вставляется эпентетический гласный, как в (21). Такие употребления встретились в выборке только в неразличительном контексте.

- (21) а. **тюль-*i-ʒi*** *dase-go-j* *oja-wa-ni*, *ələ*
тюль-STEM-INS накрывать-REP-PRS сверху-ACC-3SG всё
‘Тюлем покрывают сверху (лицо покойника) — и всё’. (нанайский, rchk_110807_ns_Poxorony)
- б. *gə*, **мотор-*a-p*=*da*** *guk-pi-ni*
вот **мотор-STEM-1PL=EMPH** гаснуть-PST-3SG
‘А мотор-то у нас заглох!’ (нанайский, pnv_160702_ns_RasskazUbiliMedvedja)

В ульчской выборке примеров на *-l*, *-lʲ* встретилось очень мало. Все они без эпентезы (22а, 22b), в различительном контексте присоединяют алломорф, характерный для основ на гласный (22b).

- (22) а. *anaje*, *tʲi* Игорь *tame* **Израиль-*ʒi*** *ʒiʒu-n*, *ʒiʒu-xə-n* *am-tʲi*
ой тот Игорь потом **Израиль-INS** приходить.PRS-3SG приходить-PST-3SG отец-LAT
‘Ой-ой, потом этот Игорь из Израиля приезжает — он к отцу приехал’. (ульчский, lpd_171109_nst_BioOtetsIgorja)
- б. газета-*wa*, **журнал-*wa*** *ločadam* *taɯn-dʲi-n*
газета-ACC.V **журнал-ACC.V** по-русски читать-PRS-3SG
‘Газеты, журналы по-русски читает...’ (ульчский, spd_20180731_nst_BioShkolaRabochejMolodezhi)

Количественные данные по этому типу основ см. в таблице 6.

Таблица 6. Существительные на *-l, -r*

	нанайский (<i>-l, -r, -li, -ri</i>)	ульчский (<i>-l, -li</i>)
в неразличительном контексте		
на <i>-l, -r</i>	25	4
эпентеза (на <i>-li, -ri</i>)	2	0
в различительном контексте		
как исконные основы на согласный:		
с алломорфом согласного типа	14	0
<i>-l, -r</i> + алломорф гласного типа	0	3
всего	41	7

4.2.3. Существительные на другие согласные

В нанайских текстах русские существительные на остальные согласные большей частью принимают эпентетический гласный и ведут себя как основы на гласный в различительном и неразличительном контексте, ср. (23).

- (23) а. **карандаш-а-ž=ni** **тетрад-а-č** *xaji jaori-če-xa-ni*
карандаш-STEM-INS=Q **тетрад-STEM-LAT** что чертить-IPFV-PST-3SG
bi-či, xaj-go-j ičə-əŋ-gu-j
 быть-PST что.делать-PURP-REFL.SG.V видеть-CAUS-PURP-REFL.SG.V
 ‘То ли карандашом в тетрадь что-то рисовал, чтобы показать’. (нанайский, vmk_160708_ns_BioVyliVMoskve)

- б. **Борис-ə-du** **подарк-а-wa** *aŋgo-xa-ni=goa*
Борис-STEM-DAT **подарок-STEM-ACC.V** делать-PST-3SG=PTCL
 ‘Она сделала Борису подарок’. (нанайский, itg_20130310_ns_BabaNadjaVuxodilaZamuzh)

В крайне немногочисленных примерах без эпентезы типа (24) существительные в различительном контексте принимают алломорфы, характерные для основы на согласный, (24b) (примеров без эпентезы на различительный контекст всего 4 — с одной и той же лексемой из одного текста):

- (24) а. **арбуз-а-wa**, **помидор-sal**, **огурец-sal** *tar-i bi-či-či=goa*
арбуз-STEM-ACC.V **помидор-PL** **огурец-PL** сажать-PRS быть-PST-3PL=PTCL
 ‘Арбузы, помидоры, огурцы выращивали’. (нанайский, lfb_120812_ns_NaixinskajaAlema)
- б. *hoani cū buju-du* **Арсеньев-бə** *Oni-a tuj olbe-ač-i bi-či*
 3SG самый первый-DAT **Арсеньев-ACC.C** **Анью-ACC.V** так вести-ALTER-PRS быть-PST
 ‘Он <дед> самый первый Арсеньева по Анюю водил’. (нанайский, kmb_120811_so_DedMakto)

В ульчских текстах, в отличие от нанайских, в большинстве случаев эпентетический гласный к русскому существительному на согласный не добавляется (25). При этом, как и для типов, рассмотренных выше, в различительном контексте выбираются алломорфы, характерные для основы на гласный, а не для основы на согласный (25b, 25c). Разница между ульчской и нанайской стратегиями особенно отчетливо видна при заимствовании русских существительных с беглым гласным (об адаптации которых см. ниже в разделе 4.3), ср. *подарк-а-wa* в (23b) выше и *песок-wa* в (25b).

- (25) а. **колхоз-du** *amba goro ujlə-xət*
колхоз-DAT достаточно долго работать-PST.1SG
 ‘Я довольно долго работал в колхозе’. (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)
- б. *xaj-wa, песок-wa pala-ki* *сыпə-rə*
 что-ACC.V **песок-ACC.V** пол-PROL сыпать-CVB.NSIM
 ‘Этот, песок по полу разбросав...’ (ульчский, gip_20190712_nst_BioRabotalaVDetstve)
- с. *tara* **китаец-la** *землянка ga-či-ni*
 потом **китаец-LOC.V** землянка покупать-PST-3SG
 ‘Потом у китайца землянку купил’. (ульчский, aid_20190709_nst_BioDetstvo)

Употребления с эпентезой, как в нанайском, тоже встречаются (26), но очень редко (см. таблицу 7).

- (26) медвежий **праздник-о-wa** хаж-ха-н би-чи-ни
 медвежий **праздник-STEM-ACC.V** что.делать-PST-3SG быть-PST-3SG
 ‘Медвежий праздник это самое делали (проводили)’. (ульчский, ОК_medvezhij prazdnik)

В одном примере основа ведет себя как исконная ульчская основа на согласный: выбирается алломорф локатива *-dOla*, а не *-la* (27)¹⁷.

- (27) и *mimbə*, *mimbə utu-du* хаж-ва... **тальник-dulə** loqo-xo
 и 1SG.ACC 1SG.ACC люлька-DAT что-ACC.V **тальник-LOC.C** вешать-PST
 ‘И меня в люльке это, на тальник повесили’. (ульчский, oax_20190713_nst_BioRannejeDetstvo)

Сводные данные по ульчскому и нанайскому приведены в таблице 7.

Таблица 7. Существительные на согласный, нехарактерный для ульчского и нанайского¹⁸

	нанайский	%	ульчский	%
в неразличительном контексте				
на согласный	6	5,26%	134	86,45%
эпентеза	108	94,74%	21	13,55%
в различительном контексте				
как исконные основы на согласный (алломорф согласного типа)	4	12,5%	1	1,89%
эпентеза + алломорф гласного типа	28	87,5%	4	7,55%
на согласный + алломорф гласного типа	0	0%	48	90,57%
всего	146		208	

4.3. Другие особенности адаптации русских существительных

В этом разделе я кратко перечислю некоторые особенности адаптации русских существительных, отмеченные в выборке, но не относящиеся непосредственно к теме статьи.

а) Поведение форм множественного числа. При референции к множественному числу форма номинатива ед. ч. русского существительного может оформляться тунгусским показателем множественного числа (28а) или не оформляться показателем мн. ч. вовсе, когда это допускается нанайскими/ульчскими правилами (28b).

- (28) а. *təj səwən-səl=tani* **полено-səl** би-чи-ни=goani
 тот сэвэн-PL=COORD **полено-PL** быть-PST-3SG=PTCL
 ‘Эти сэвэны (идолы) были поленья’. (нанайский, ivg_110806_ns_Seweny)

- б. *elan* **отгадка-wa** отгада-la-ru=əmdə
 три **отгадка-ACC.V** отгадывать-VBLZ-IMP.SG=QUOT
 ‘Три загадки отгадай, говорит’. (нанайский, itg_20130310_ns_SkazkaDevushka)

Однако в выборке (и в нанайских, и в ульчских текстах) встретились и более интересные случаи. В первых, показатель числа может дублироваться: тунгусский показатель мн. ч. прибавляется к русской форме мн. ч., а не ед. ч. номинатива (такие случаи выше попали в класс русских существительных на

¹⁷ Интересно, что в (27) основа на задненебный. Как упоминалось в разделе 3.1, в ульчском и нанайском есть единичные основы на звонкий задненебный (в некоторых контекстах реализуется с оглушением как [к]). Поскольку они очень маргинальны, русские основы на задненебный в качестве отдельного класса не рассматривались. Но в принципе их наличие может поддерживать выбор алломорфа согласного типа в (27). При этом большинство русских основ на задненебный (и в ульчском, и в нанайском) ведут себя по-другому, ср. (23b), (25b), (26).

¹⁸ Разница между нанайским и ульчским в распределении вариантов на согласный vs. с эпентезой статистически значимая и в различительном, и в неразличительном контексте, точный 2-сторонний тест Фишера, $p < 0,0001$.

гласный), (29а). Во-вторых, множественное число может выражаться только русским показателем им. п. мн. ч.¹⁹, как в (29b).

(29) а.	болячки- <i>sal</i> , болячки-PL 'болячки' (нан.)	унты- <i>səl-bə</i> , унты-PL-ACC.C 'унты' (нан.)	бревна- <i>sal-wa</i> бревна-PL-ACC.V 'бревна' (ульч.)		
б.	каникулы- <i>ti-n</i> , каникулы-LAT-3SG 'на каникулы' (ульч.)	сани- <i>wa</i> , сани-ACC.V 'сани' (ульч.)	фитили́- <i>wə</i> , фитили-ACC.V 'фитили' (нан.)	советские советские	времена- <i>du</i> времена-DAT 'в советские времена' (нан.)

б) Фонетическая адаптация. Выше нас интересовали только морфонологические процессы на стыке русской основы и тунгусского аффикса. Однако при адаптации русских существительных могут происходить и другие процессы. В частности, русская фонема, отсутствующая в нанайском/ульчском, может заменяться на близкую нанайскую/ульчскую: ср. [*s*]/*кола*=*ban* 'в школу' (ульч.). Отдельный интересный вопрос, оставшийся за пределами рассмотрения: как на русское существительное действуют тунгусские правила сингармонизма. В нанайском и ульчском языках достаточно строгие правила сингармонизма по подъему: внутри одной основы встречаются только гласные верхней серии или нижней серии, в зависимости от гласных основы выбираются алломорфы суффиксов с гласным верхней или нижней серии. В ульчском языке также отмечается факультативный сингармонизм по [o]: к основам с [o] могут присоединяться особые алломорфы суффиксов с [o]. При адаптации русских существительных правила сингармонизма тоже действуют, но значительно менее последовательно. Гласные в основе могут подстраиваться по подъему под ударный гласный. В соответствии с правилами сингармонизма может выбираться эпентетический гласный и гласные словоизменительных суффиксов. Так, в (30а) выбран эпентетический гласный верхней серии [ə] и алломорф *-səl*, а не *-sal*, т. к. в корне гласный верхней серии [u]; в (30b) и в качестве эпентетического гласного, и в суффиксе выбирается, наоборот, нижний гласный [a], поскольку в корне гласные нижней серии. Однако в большом количестве встречаются и употребления типа (30с), в которых сингармонизм не соблюдается:

(30) а.	дух-[ə]- <i>s[ə]l</i> 'духи'	б.	моряк-[a]- <i>s[a]l</i> 'моряки'	с.	ковер- <i>s[ə]l</i> 'ковры' (нан.)
---------	------------------------------	----	----------------------------------	----	------------------------------------

Про все описанные фонетические явления в общем случае нельзя однозначно сказать, являются ли они маркером заимствования (или, шире, адаптации русского фрагмента в нанайскую/ульчскую речь). Для некоторых носителей они отмечаются и в их русской речи, для некоторых нет (и только в этом случае можно говорить о том, что фонетическая адаптация сопутствует заимствованию или внутрисловно-переключению кодов).

в) Русский «беглый гласный» при адаптации существительных. В некоторых русских существительных гласный *-o* основы перед ненулевым окончанием выпадает (чередуется с нулем): *крючок* — *крючка*, *овёс* — *овса*. Интересно, происходит ли это при присоединении тунгусских аффиксов. При вставке эпентетического гласного во всех примерах (31а), кроме одного (31с), беглый гласный выпадает (5 употреблений в нанайском, 4 в ульчском). При присоединении аффикса без эпентезы во всех зафиксированных вхождениях беглый гласный сохраняется (6 употреблений в ульчском), (31b).

(31) а.	остатк- <i>a-wa-ni</i> остаток-STEM-ACC.V-3SG 'его остаток' (нан.)	овс- <i>a-n=da</i> овес-STEM-3SG 'его овёс-то' (ульч.)	б.	крючок- <i>du</i> крючок-DAT 'на крючке' (ульч.)	с.	овёс- <i>a-wa</i> овёс-STEM-ACC.V 'овёс' (нан.)
---------	--	--	----	--	----	---

Примеры типа (31а) заставляют задуматься о том, корректно ли в данном случае говорить о присоединении тунгусских аффиксов к форме номинатива (как предлагалось в общем случае выше). В русской форме номинатива гласный выпадать не должен. При этом если посмотреть на русские существительные на согласный с беглым гласным в номинативном контексте, некоторые из которых тоже прибавляют эпентетический конечный гласный как в заимствованиях и переключенных фрагментах, так и в русской речи нанайцев и ульчей, то для них наблюдается похожая картина: иногда беглый гласный сохраняется (*овёса*, *переца*, *ящичека*), иногда выпадает (*удегейца*, *линька*, *камушка*).

г) Однословные вставки, не оформленные тунгусскими аффиксами. За пределами этой статьи остались одиночные русские существительные, не оформленные тунгусскими аффиксами, поскольку для

¹⁹ Интересно, что он в этом случае десемантизируется в качестве падежного показателя, но не в качестве числового. Впрочем, в большинстве встретившихся примеров, хотя и не во всех, мн. ч. выступает в идиоматизированном значении (29).

них не актуален вопрос о морфологической адаптации. Среди них есть существительные, оформленные русскими словоизменительными показателями по русским правилам, как в (32a); существительные в форме номинатива в номинативном контексте (32b); а также существительные в форме номинатива за пределами номинативных контекстов: характерных для номинатива (неоформленной основы) в нанайском и ульчском языках, но не в русском (32c), или не характерных для номинатива ни в тунгусских языках, ни в русском (32d).

- (32) a. **закидушку** *ńal-i*
закидушка.ACC.SG бросать-PRS.1SG
 ‘Закидушку бросаю...’ (ульчский, agk_20190720_ASm_SluchajBrataVmestoRyby)
- b. **война** *xod-xan-du-n*
война заканчиваться-PST-DAT-3SG
 ‘Когда кончилась война...’ (ульчский, spk_171112_nst_Biografia)
- c. **сени** *pəži-lə-n gusə bi-či-n*
сени.NOM.PL низ-LOC-3SG сундук быть-PST-3SG
 ‘Под сениями был сундук’. (ульчский, agk_20190725_ASm_ZveriNapilis)
- d. *tī bi-m=də min ag-bi* **армия** *žižu-xə-n=tə,* *xagdu anžu-xa-n*
 так быть-CVB.SIM.SG=EMPH 1SG брат-1SG.C **армия** возвращаться-PST-3SG=PTCL дом строить-PST-3SG
 ‘Тогда мой старший брат из армии вернулся, дом построил’. (ульчский, spk_171112_nst_Biografia)

Употребления типа (32a) интересуют нас в наименьшей степени. Про все остальные употребления в контексте статьи интересно, в какой мере на них распространяются морфонологические свойства номинативов (неоформленных существительных) нанайского и ульчского языков. В частности, интересно, получают ли основы на согласный, нехарактерный для исхода основ в нанайском и ульчском, эпентетический гласный, как в формах с аффиксами, а для существительных на *-n* — выступает ли в номинативе усеченная основа на обычный (для ульчского) или носовой (для нанайского) гласный. Формы с эпентезой встречаются (см. примеры выше), но единичны в выборке. Форм с усечением *-n* не зафиксировано.

5. Результаты и обсуждение

Как показано в предыдущем разделе, нанайский и ульчский языки используют не вполне сходные стратегии морфологической адаптации русских существительных. За основу берется русская форма номинатива. Формы номинатива на гласный в обоих языках ведут себя как исконные основы на гласный. Формы на согласный ведут себя по-разному.

В нанайском языке русские существительные с исходом на те согласные, на которые может оканчиваться нанайское существительное, ведут себя как исконные основы на согласный. Существительные на согласный, недопустимый в исходе нанайской основы, получают эпентетический гласный и ведут себя как основы на гласный.

В ульчском языке основы на согласный, независимо от типа согласного, ведут себя особым образом, нехарактерным для тунгусских основ. Они не получают эпентетического конечного гласного, как в нанайском, но при этом сочетаются с алломорфами, характерными для исконных основ на гласный, а не для исконных основ на согласный, т. е. ведут себя как слова особого словоизменительного типа.

Эти правила кратко резюмируются в таблице 8. В обоих языках, особенно в ульчском, наблюдаются отклонения от них, подробно описанные выше (раздел 4). Однако на уровне отчетливых тенденций эти правила действуют в обоих языках.

Таблица 8. Морфологическая адаптация русских существительных: обобщение

	нанайский	ульчский
на гласный (и <i>-j</i>)	как основы на гласный	
на <i>-n</i>	как основы	особый тип:
на <i>-l, -r</i>	на согласный	согласный +
на прочие согласные	как основы на гласный: эпентеза	алломорфы гласного типа

Различия между нанайской и ульчской стратегиями адаптации русских существительных согласуются с наблюдениями над собственной словоизменительной системой этих языков, приведенными в разделе 3.2. В нанайском языке — жесткая стабильная оппозиция типов склонения. В этой ситуации русское существительное последовательно ведет себя так же, как исконные существительные того или иного типа склонения, если по морфонологическому облику оно от них не отличается, и претерпевает регулярное преобразование (вставку эпентетического гласного), если отличается.

В ульчском языке та же самая система размыта. Класс основ на согласный меньше. По форме номинатива тип основы не опознается однозначно. Сильная фонетическая редукция затемняет разницу между типами склонения. Часть исконных основ на согласный переходит в гласный тип. В силу этого и русские существительные система не стремится четко распределить по существующим типам склонения, как в нанайском. Ключевым фактором оказывается наличие в самом ульчском языке поверхностной фонетической редукции, которая делает возможным сочетание согласного с аффиксом, характерным для основ на гласный (как в примерах (8), (9)). Это позволяет русским существительным на согласный встраиваться в класс основ на гласный, не получая дополнительного эпентетического гласного (как в нанайском), то есть образовывать особый словоизменительный подкласс, не подчиняющийся общим правилам. С другой стороны, в отличие от нанайского, в ульчском языке такие существительные никогда не включаются в класс основ на согласный. В самом ульчском он, видимо, оказывается для этого слишком малочисленным и неустойчивым, и даже русские основы на *-l* и *-n* не начинают вести себя по аналогии с исконными основами на эти согласные. Тут важно и то, что такая аналогия слабее, чем в нанайском, поддерживается формой номинатива: исконные ульчские основы на *-n* в номинативе оканчиваются на гласный, а основы на *-l* могут оканчиваться на *-ll* (см. раздел 3.2).

Таким образом, на первый взгляд не очень существенные различия в словоизменительной системе нанайского и ульчского языков, описанные в разделе 3.2, ведут к заметному различию в поведении русских существительных.

Еще одно различие между нанайским и ульчским языками, которое в принципе может быть релевантно для выбора стратегии адаптации русских заимствований, — различие в социолингвистической ситуации. Ульчское языковое сообщество находится на более поздней стадии языкового сдвига, чем нанайское (что, впрочем, верно не для всех нанайских сел). В этой ситуации можно было бы ожидать, что ульчская стратегия адаптации будет менее последовательной, чем нанайская, и в большей степени противоречащей исконной ульчской системе словоизменения. Второе отчасти верно, первое скорее нет: ульчская стратегия отличается от нанайской, но тоже вполне последовательна. Так что объяснение различия между нанайской и ульчской стратегиями адаптации существительных через различия в словоизменительных системах оказывается более убедительным и самодостаточным. С другой стороны, различия в словоизменительных системах отчасти, видимо, связаны с ситуацией языкового сдвига, так что косвенно социолингвистический фактор все же оказывается вовлечен.

Итак, тонкие особенности именного словоизменения в ульчском и нанайском влияют на выбор стратегии адаптации русских существительных. Но и сами русские существительные могут, в свою очередь, влиять на тунгусскую словоизменительную систему, особенно в ситуации языкового сдвига. Для нанайского языка, где русские заимствования жестко распределены по существующим словоизменительным типам, не противореча им, такого влияния не ожидается. В ульчском не так. Среди русских существительных на согласный, интегрируемых в ульчскую систему, есть довольно частотные: прежде всего, это обозначения мер (*час, метр*), названия русских/советских реалий (*колхоз, класс, интернат*), имена собственные (*Комсомольск*)²⁰. Их нестандартное поведение, возможно, дополнительно расшатывает в целом нестабильную ульчскую систему словоизменительных классов, поддерживая нестандартные формы исконных существительных типа приведенных в разделе 3.2.

В этой статье подробно обсуждалась адаптация русских существительных. Интересно, что в нанайском и ульчском языках очень по-разному ведут себя и русские глаголы. В нанайском используется стратегия т. н. непрямой вставки по [Wohlgemuth 2009]: русская глагольная основа оформляется нанайским вербализатором и только затем — нанайскими глагольными словоизменительными аффиксами (см. подробнее [Oskolskaya, Stoynova 2013]), как в (33a), ср. также (28b) выше. В ульчском словоизменительные аффиксы непосредственно присоединяются к русской основе, иногда с некоторыми фонетическими изменениями, как в (33b), ср. также (25b) выше.

- (33) а. (= (17b)) пече-*m-bə-ni* жарь-*la-go-o-ri*
 печень-STEM-ACC.C-3SG жарить-VBLZ-REP-IMPS-PRS
 ‘...печень жарят’. (нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)

²⁰ Для слова *час*, к тому же, самая частотная форма — форма локатива (*чac-la*), алломорфы которой в двух типах склонения отчетливо различаются.

- b. *malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni жару-т*
 дельфин мясо-ACC.V-3SG жир-ACC.V-3SG жарить-CVB.SIM.SG
 ‘Когда дельфинье мясо, жир жарят...’ (ульчский, mkd_20190714_nst_SluchajMamuLechilaShamanka)

Это очень похоже на то, что наблюдается в именной системе, и различия в ульчской и нанайской стратегиях, видимо, можно объяснить похожим образом: в ульчском языке сильнее фонетическая редукция и за счет этого, по крайней мере на поверхностном уровне, более разнообразен инвентарь возможных сочетаний звуков и менее отчетливы морфемные швы. Такая ситуация в большей степени располагает к прямым вставкам русского глагола.

Сокращения

Языки и диалекты

нан. — нанайский

русс. — русский

ульч. — ульчский

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ACC — аккузатив

ADV — адвербиализатор

ALTER — альтернатив (‘туда-сюда’)

C — алломорф для основ на согласный

CASE — падеж

CAUS — каузатив

COORD — сочинение

CVB — деепричастие

DAT — датив

DER — деривационный показатель

DEST — дестинатив

DIM — диминутив

EMPH — эмфаза

HAB — хабишуалис

IMP — императив

IMPS — имперсонал

INDEF — неопределенность

INS — инструменталис

IPFV — имперфектив

LAT — латив

LOC — локатив

MAT — деривационный суффикс со значением материала

MPURP — движение с целью

NEG — отрицание

NMLZ — номинализация

NOM — номинатив

NSIM — неодновременность

NUMBER — число

OBL — косвенный падеж

PL — множественное число

POSS — посессивный показатель

PROL — пролатив

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

PTCL — частица

PURP — целевая форма

Q — вопросительная частица

QUOT — цитатив

REFL — рефлексив

REP — рефактив

SG — единственное число

SIM — одновременность

STEM — часть основы

V — алломорф для основ на гласный

VBLZ — вербализатор

Общие

ед. ч. — единственное число

мн. ч. — множественное число

им. п. — именительный падеж

прош. вр. — прошедшее время

Литература

Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.—Л., 1959. {Avrorin V. A. A grammar of Nanai. Vol. 1. Moscow — Leningrad, 1959.}

Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.—Л., 1961. {Avrorin V. A. A grammar of Nanai. Vol. 2. Moscow — Leningrad, 1961.}

Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003. {Anikin A. E. An etymological dictionary of Russian loanwords in the languages of Siberia. Novosibirsk, 2003.}

Герасимова 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002, 12. С. 246—257. {Gerasimova A. N.

Nanai and Ulch in Russia: a comparative characteristics of the sociolinguistic situation // Languages of indigenous peoples of Siberia. 2002, 12. P. 246—257.}

Калинина, Оскольская 2016 — *Калинина Е. Ю., Оскольская С. А.* Нанайский язык // *Михальченко В. Ю.* (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 293—296. {*Kalinina E. Ju., Oskolskaya S. A.* The Nanai language // Ed. *Mikhailjchenko V. Ju.* Language and Society. An encyclopedia. Moscow, 2016. P. 293—296.}

Оскольская 2015 — *Оскольская С. А.* Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2015, 11(2). С. 379—397. {*Oskolskaya S. A.* The oblique case marker in Nanai // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2015, 11(2). P. 379—397.}

Оскольская, Стойнова 2019 — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига // *Урало-алтайские исследования.* 2019, 2(33). С. 66—82. {*Oskolskaya S. A., Stoynova N. M.* Changes in noun paradigm in Ulch in the situation of language shift // *Ural-Altai Studies.* 2019, 2(33). P. 66—82.}

Петрова 1936 — *Петрова Т. И.* Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936. {*Petrova T. I.* The Ulch dialect of Nanai. Moscow — Leningrad, 1936.}

ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Л., 1975. {A comparative dictionary of Tungus-Manchu languages / Ed. *Tsintsius V. I.* Leningrad., 1975.}

Сумбатова, Гусев 2016 — *Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю.* Ульчский язык // *Михальченко В. Ю.* (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 513—515. {*Sumbatova N. R., Gusev V. Ju.* The Ulch language // Ed. *Mikhailjchenko V. Ju.* Language and Society. An encyclopedia. Moscow, 2016. P. 513—515.}

Суник 1985 — *Суник О. П.* Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. {*Sunik O. P.* The Ulch language. Studies and materials. Leningrad, 1985.}

Field 2002 — *Field F.* Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam — Philadelphia, 2002.

Haspelmath 2009 — *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Haspelmath M., Tadmor U.* (Eds.) Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin, 2009. P. 35—54.

Haugen 1950 — *Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // *Language.* 1950, 26. P. 210—231.

Myers-Scotton 1992 — *Myers-Scotton C.* Comparing codeswitching and borrowing // *Journal of Multilingual & Multicultural Development.* 1992, 13(1—2). P. 19—39.

Myers-Scotton 1993 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.

Myers-Scotton 2002 — *Myers-Scotton C.* Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002.

Oskolskaya, Stoynova 2013 — *Oskolskaya S. A., Stoynova N. M.* The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2013, 4(2): Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99—116.

Poplack 2012 — *Poplack Sh.* What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // *Bilingualism: Language and Cognition.* 2012, 15(3). P. 644—648.

Poplack 2018 — *Poplack Sh.* Borrowing: Loanwords in the speech community and in the grammar. Oxford, 2018.

Poplack et al. 1988 — *Poplack Sh., Sankoff D., Miller C.* The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics.* 1988, 26(1). P. 47—104.

Poplack et al., в печати — *Poplack Sh., Robillard S., Dion N., Paolillo J. C.* Revisiting phonetic integration in bilingual borrowing // *Language,* 96(1), to appear.

Sankoff et al. 1990 — *Sankoff D., Poplack Sh., Vanniarajan S.* The case of the nonce loan in Tamil // *Language Variation and Change.* 1990, 2. P. 71—101.

WALS 2005 — *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* (Eds.) The World Atlas of Language Structures. Oxford etc., 2005.

Weinreich 1953/1979 — *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. The Hague etc., 1979 (1st ed.: New York, 1953).

Wohlgemuth 2009 — *Wohlgemuth J.* A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, 2009.

Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН; hisamitdinova@list.ru
Экба Зарема Назировна, Институт языкознания РАН (Москва); zaremaekba@mail.ru

Статья посвящена анализу именованных персонажей башкирской мифологии *эйәләр/ийәләр* ‘духи-хозяева’. Согласно представлениям древних башкир, *эйәләр* ‘духи’ являются хозяевами, покровителями различных объектов, местностей, природных стихий, помещений, временных отрезков, а также помощниками шаманов, баксы и других «знающих людей». С точки зрения происхождения духи-хозяева, духи-покровители, судя по функциям и терминологии, восходят к древнейшим шаманистическим представлениям тюрков.

В ходе исследования обнаружилось тяготение некоторых типов именования к определенным диалектным зонам. Наиболее распространенное название *эйә/ийә* ‘дух, хозяин’ является общебашкирским (и общетюркским); вторые компоненты имен духов *хужа* ‘хозяин’ и *баба* ‘дед, старик’ могут быть достаточно надежно связаны с северо-западной и южной диалектными зонами; общебашкирскими является также *ана/инә* ‘мать’; *батша* ‘царь’ тяготеет к восточному диалекту, *әби/әбей* ‘бабушка, старушка’ — к северо-западному. Все остальные названия не имеют столь широкого распространения, чтобы можно было делать достоверные выводы об их диалектной принадлежности.

Отмечается значительное влияние исламской религии на мифологию башкир: часть мусульманских святых постепенно перенимает функции духов-покровителей в народном сознании, что находит отображение и в языке, и в духовной культуре. В народном творчестве башкир представлены многочисленные примеры контаминации названий духов языческого периода с названиями, содержащими имена мусульманских святых.

Некоторые названия духов-хозяев имеют соответствия в других тюркских языках, прежде всего близкородственных, в частности, названия с использованием в качестве второго компонента имен родства *ана/инә* ‘мать’, *ата/баба* ‘отец’. По смысловому содержанию и выполняемым функциям к категории сверхъестественных существ с такими названиями максимально приближены духи-покровители, связанные с культом предков, — подобные наименования имеются во многих других тюркских языках и восходят к шаманистическим представлениям древнетюркского этноса.

Ключевые слова: башкирский язык, башкирские диалекты, тюркская мифология, духи-хозяева, духи-покровители, духи-помощники, языческие верования древнетюркского этноса

NAMES OF LOCAL SPIRITS IN BASHKIR MYTHOLOGY

Firdaus G. Khisamitdinova, Research Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, RAS; hisamitdinova@list.ru
Zarema N. Ekba, Institute of linguistics, RAS (Moscow); zaremaekba@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the names of characters in Bashkir mythology *eyälär/eyelär* ‘host spirits’. According to the ideas of the ancient Bashkirs, *eyälär* ‘spirits’ are the owners, patrons of various objects, localities, natural elements, rooms, time periods, as well as assistants to shamans-Baksa and other “knowledgeable people”. From the point of view of origin, host spirits, patron spirits, judging by their functions and terminology, go back to the earliest shamanistic ideas of the Turks.

The study revealed the attraction of some types of naming to certain dialect zones. The most common name *eyä/eye* ‘spirit, master’ is common Bashkir (and common Turkic); the second components of the names of spirits *huzha* ‘master’ and *baba* ‘grandfather, old man’ can be quite reliably connected with the North-Western and Southern dialect zones; *ana/inä* ‘mother’ is also General Bashkir; *batsha* ‘king’ tends to the Eastern dialect; *äbi/äbey* ‘grandmother, old woman’ — to the North-Western. All other names do not have such a wide distribution that would allow drawing reliable conclusions about their dialect affiliation.

There is a significant influence of the Islamic religion on the mythology of Bashkirs: some Muslim saints gradually take over the functions of patron spirits in the national consciousness, which is reflected in the language and spiritual culture. In the folk art of the Bashkirs, we find numerous examples of contamination of spirits’ names — the ones of the pagan period with the ones containing the names of Muslim saints.

Some names of host spirits have correlation in other Turkic languages, primarily closely related ones, in particular, names with the use of the second component of the names of kinship *ana/inä* ‘mother’, *ata/baba* ‘father’. According to the semantics and functions performed, patron spirits associated with the ancestral cult are mostly close to this category of supernatural beings — similar names are found in many other Turkic languages and go back to the shamanistic ideas of the ancient Turkic ethnic group.

Keywords: the Bashkir language, Bashkir dialects, Turkic mythology, master spirits, guardian spirits, spirit-helpers, pagan beliefs of the ancient Turkic ethnic group

I. Введение

В мифологии большинства тюркоязычных народов особое место занимают духи, являющиеся покровителями («хозяевами») тех или иных объектов действительности — местностей, природных стихий, помещений, артефактов, временных отрезков, — а также помощниками шаманов, баксы и других «знающих людей». Названия таких персонажей практически во всех тюркских языках восходят к рефлексам ОТю *edge ‘хозяин, владелец, обладатель’ (см. подробно [Севортян 1974: 237—241; СИГТЯ 2006: 576—578]). Из материалов, представленных в СИГТЯ, видно, что слово реконструируется на общетюркский уровень (с учетом як. *иччи* ‘хозяин’ < *edge-čü, или, скорее, < *ed-čü, что позволяет связать основу слова с ПТю *ed ‘добро, имущество’ [Дьячковский 1977, II: 63]), но не на пратюркский: чувашское *ija, ijä* ‘злой дух’, скорее всего, заимствовано из татарского. По поводу фонетической эволюции этого слова в литературе существуют две основные версии: Дёрфер считает первичной форму *edi*, далее *edi* > *iyi > *i* > *i*, Э. В. Севортян — форму *idi*, так как форма с корневым *-i-* документируется ранними памятниками и отмечена в некоторых современных языках [ЭСТЯ 1974: 237].

Слово *edge ‘хозяин, владелец, обладатель’ встречается в мифологическом употреблении с самого раннего периода письменной фиксации тюркских языков (в буддийских текстах: *jer suv igäsi* ‘дух вселенной’ (ТТ); *tört jirtinčü ijäsi* ‘хозяин четырех миров’; *ijäsiz* ‘без хозяина, лишенный хозяина’ (Suv)) [СИГТЯ 2006: 577].

Что касается современных кыпчакских языков, то ср. башк. *Агас эйәһе* ‘дух дерева’, *Тимер эйәһе* ‘дух железа’, *Юл эйәһе* ‘дух дороги’, *Урман эйәһе* ‘дух леса’; тат. *Абзар иясе* ‘дворовой’, *Су иясе* ‘водяной’, *Йорт иясе* ‘домовой’; карач.-балк. *Юй иеси* ‘домовой’, *Суу иеси* ‘водяной’; каз. *Уй иеси* ‘домовой’, *Су иеси* ‘дух воды’; ног. *Ер иеси* ‘владыка земли’, *От иеси* ‘владыка огня’ и др. [Хисамитдинова 2011: 382—385; Урманчеев 2008—2009; Малкондуев 2005: 272; Кондыбай 2005].

Кроме лексем *эйә/уйә*, в башкирском и других тюркских языках в составе слов, обозначающих духов-покровителей (хозяев), употребляются лексем *ана/инә* ‘мать’, *ата/баба* ‘отец’, *хужа* ‘хозяин’, *батша* ‘царь’ и другие, менее продуктивные. Насколько употребительны эти и другие названия, каким образом они распространены по диалектным зонам, в настоящее время можно установить для башкирского языка, поскольку в словаре [Хисамитдинова 2010] собран максимально полный материал наименований духов по разным диалектам.

II. Диалектная локализация названий духов в башкирском языке

1. ПТю *edge, башк. *эйә/уйә* ‘хозяин’.

Башкирский рефлекс общетюркского *edge — *эйә/уйә* по диалектам — выступает в функции части наименований духа-хозяина чаще всего — 230 случаев. Наименование духа с его помощью — изафетная конструкция, атрибутивная, то есть с показателем принадлежности при главном слове, с наименованием объекта, которому этот дух «покровительствует», в качестве атрибута. Другие слова из перечисленных также могут использоваться в таком сочетании, но для каждой подобной конструкции с другим словом засвидетельствовано синонимичное наименование с *эйә/уйә*. Употребление наименований духов с *эйә/уйә* никак не ограничено в географическом и в диалектном отношении, т. е. характерно для всех башкирских диалектов. Вот наиболее употребительные примеры.

1.1. Общешкирский (приведено в словаре без локализирующих помет):

Азбар эйәһе {хлев хозяин-POSS.3}. Дух хлева, дворовой;

Алтын эйәһе {золото хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух золота; по поверьям, живет в рудниках, иногда помогает найти самородок. Однако часто дух сбивает человека с дороги и губит, особенно опасен для жадных и злых людей;

Ауырыу эйәһе {болезнь хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух болезни. *Һайыҫканды ауырыу эйәһе теһзәр*. — Сороку называют духом болезни;

Ел эйәһе {ветер хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух, хозяин ветра. *Ел эйәһе кағылһа, һуғылһа, ғәзәттә кеше ауырый* (БМ). — Если «задевает» или «ударяет» дух ветра, человек обычно заболевает;

Ер эйәһе {земля хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух земли. *Ерзең дә эйәһе бар, бисмилланы укып йөрәмәһәң, ер «йотам мин һине», тип өс мәртәбә әйтер, ти* (ҺҺФ). — Говорят, и у земли есть дух, если не произносишь *Бисмилла*, земля трижды произносит: «Проглочу я тебя»;

Зыярат эйәһе {кладбище хозяин-POSS.3}. Дух, хозяин кладбища, который охраняет его от нечистой силы, злых духов. *Зыярат эйәһе тәүге кәбер хужаһы* (ЭФ). — Дух первого покойника является хозяином кладбища;

Йорт эйәһе {двор хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух двора, дворовой. *Һәр йорттоң эйәһе, хужаһы була.* — У каждого дома есть дух, хозяин;

Йәй эйәһе {лето хозяин-POSS.3}. В башкирской мифологии дух лета. *Йәйҙең эйәһе бар.* — У лета есть дух;

Күл эйәһе {озеро хозяин-POSS.3}. Дух озера. *Шулған күленең эйәһе бар, тизәр* (Н. Ғәлиһа). — Говорят, у озера Шулған есть дух;

Кызылса эйәһе {корь хозяин-POSS.3}, тж. *кызылса*. Дух кори. *Кызылсаға азмаһын тип кызыл әтәс һуялар ине* (БИТК). — Чтобы корь не осложнилась, резали красного петуха;

Каралды эйәһе {хлев хозяин-POSS.3}. Дух двора, дворовых построек;

Мәзрәсә эйәһе {медре́се хозяин-POSS.3}. Дух медре́се. В башкирской мифологии разновидность духа помещения, типа *Өй эйәһе* (см. ниже). *Һәр мәзрәсәнең эйәһе булған тизәр.* — Говорят, у каждого медре́се был свой дух;

Өй эйәһе {дом хозяин-POSS.3}. Дух, домовый, хозяин дома, который охраняет благополучие дома, помогает или вредит жильцам. *Тыуым оҙакка һузылһа, Өй эйәһенән ярзам һорағандар* (БИТК). — Когда роды затягивались, просили помощи у духа, хозяина дома; *Өй эйәһе тауыш бирһә: «Һин теймә, мин дә һиңә теймәйем, бисмиллаһи-рахманир-рахим», — тип әйтергә кәрәк* (ЙФ). — Если домовый подал голос, надо сказать: «Ты нас не трогай, и я тебя не трону, бисмиллахи-рахманир-рахим»;

Тау эйәһе {гора хозяин-POSS.3}. Дух горы, хозяин родовой территории, часто встречается в облике женщины. *Тәңре һиңә дарман бирһен, тау эйәһе фарман бирһен* (БХИ I). — Пусть Тенри даст тебе мощь и силу, а дух горы — энергию;

Урман эйәһе {лес хозяин-POSS.3}. Дух — хозяин леса. *Урман эйәләрен тау, Урал арьяғы башкорттары шүрәле тип атайзар* (БХИ I). — Лесных духов горные, зауральские башкиры называют Шурале; *Урман эйәһен ризалатыу кәрәк, ату һине азаитыра* (М. Кәләмов). — Надо умилоствлять духа, хозяина леса, не то заведет тебя, и заблудишься. (Ср. *Урман эйәһе* II. Табуированное название медведя, букв. ‘хозяин леса’);

Һыу эйәһе {вода хозяин-POSS.3}. Дух воды. Появляется в облике черноволосой женщины. *Һыу эйәһе кыскырһа, кеше ала, тизәр* (БМ). — Говорят, если дух воды кричит, заберет человека;

Юл эйәһе {путь хозяин-POSS.3}. Дух дороги и путников. Встречается человеку в облике белой коровы;

Ямғыр эйәһе {дождь хозяин-POSS.3}. Дух, хозяин дождя.

Как видно из примеров, приведенных ниже, северо-западные и южные формы отдельных терминов являются фонетическими вариантами общешкирских, не отличаясь от них по семантике (в скобках приводится указание на говоры, если таковое имеется).

1.2. Северо-западный диалект:

Абзар ийәсе {двор хозяин-POSS.3} (сев.-запад.). Дух двора. *Абзар ийәсе атларның йалларын ишә* (Ғ. Ялалова). — Дух двора заплетает лошадям гриву;

Ағас эйәһе/ийәсе {дерево хозяин-POSS.3} (нижнебельск.). Дух дерева;

Йорт араныкы ийәсе {дворовая постройка хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Хозяин дворовых построек;

Каралды ийәсе {двор хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух двора, хлева. *Элек Каралды ийәсе күзгә күренеп йөрөгән* (СФ). — Раньше дворовой был видимым;

Каралты ийәсе юлы {двор хозяин-POSS.3 дорога-POSS.3} (караид.). Граница между двумя дворами, где, по представлениям башкир, проходит дорога духа двора;

Урман ийәсе {лес хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух леса. *Урман ийәсенә бәйлә ошондай хәл булды* (СФ). — Был такой случай, связанный с духом леса.

1.3. Южный диалект:

Абзар эйәһе {хлев хозяин-POSS.3} (иргиз.). Дух хлева. *Кыпсакта Абзар эйәһе бар тейләр ине* (ҺҺФ). — Говорили, что в деревне Кыпсак есть дух двора, соотв. общешкир. *Азбар эйәһе* — дух хлева, дворовой, покровитель домашних животных; показывается в облике хозяина дома, соседей, родственников, знакомых старцев, иногда животных; предупреждает хозяев об отеле и окоте, о проникновении во двор и хлева воров, возникновении пожара и других бедах, несчастиях.

1.4. Восточный диалект:

Ай эйәһе {луна хозяин-POSS.3} (арг.). Дух Луны;

Албар эйәһе {хлев хозяин-POSS.3} (куб.). Дух хлева. *Һарык бәрәндәгәндә Албар эйәһе уятты: “Тор, бәрәстәрәң үлә бит!”* — Когда овца ягнилась, меня разбудил дух хлева: «Вставай, ягнята погибнут!»;

Коток эйәһе {колодец хозяин-POSS.3} (миас., куб.). Соотв. общешкир. *Козок эйәһе* — дух колодца, охраняет его от злых сил, с уходом его из колодца уходит и вода;

Мәгәрә эйәһе {пещера хозяин-POSS.3} (кизил.). Дух пещеры, встречающийся людям в облике птицы, лисы, змеи, лошади.

2. Хужа ‘хозяин’ (заимств. из перс. خواجه).

Синоним общетюркского по происхождению *эйә/ийә*. Слово *хужа* также образует наименования духов; таких наименований в словаре встретилось 26. В основном это такие же словосочетания с атрибутом в качестве объекта (т. е. буквально «Хозяин Х-а») в изафетной конструкции. Следует заметить, что *хужа* как обозначение духа-покровителя встречается, по-видимому, только в северо-западном и южном диалектах башкирского языка: не маркированных по месту встречаемости случаев очень мало, маркированных как восточные нет совсем.

2.1. Не маркированные по месту встречаемости (общебашкирские?) названия:

Ер хужаһы {земля хозяин-POSS.3}. Хозяин, дух земли. *Ер хужаһы Тулауа озон сәсле бер йөнтәс, йәмһез әбей итеп һүрәтләһә* (БМ). — Дух земли Тулауа изображается как длинноволосая, волосатая, не красивая старуха;

Өй хужаһы {дом хозяин-POSS.3}. Хозяин дома, домовый. *Өй хужаһы кешегә күренмәй, ул өйҙө төрлө бәлә-казаларҙан һаҡлай*. — Домовой человеку не показывается, он охраняет дом от всяческих бед;

Төн хужаһы {ночь хозяин-POSS.3}. Хозяин ночи;

Урам хужаһы {двор, улица хозяин-POSS.3}. Хозяин двора, дворовой. *Урам хужаһы кара көсөк булып күренде* (СФ). — Дворовой показался в облике черного щенка;

Һыу хужаһы {вода хозяин-POSS.3}. Дух, хозяин воды. *Кояш байығас алырға Һыу хужаһынан гәфү үтенеп рәхсәт алып һыу алабыҙ* (БФ). — Чтобы набирать воду после заката, у хозяина воды спрашиваем разрешения;

Ямғыр хужаһы {дождь хозяин-POSS.3}. Хозяин дождя.

2.2. Северо-западный диалект:

Абзар хужасы {хлев хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Хозяин хлева;

Абзар хужа {хлев хозяин} (гайн.). Хозяин хлева;

Ағас хужасы {дерево хозяин-POSS.3} (среднеурал., гайн.). Хозяин дерева;

Ақсын хужасы {цинга хозяин-POSS.3} (караид.). Хозяин цинги. *Ақсын хужасы кағылған, тейләр*. — Говорят, коснулся хозяин цинги;

Ел хужасы {ветер хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Хозяин ветра;

Ер-сыу хужасы {земля-вода хозяин-POSS.3} (среднеурал.). В башкирской мифологии хозяин угодий и полей;

Инеш хужаһы {родник хозяин-POSS.3} (нижебельск.). Дух, хозяин родника. *Һәр инештең хужаһы, зйәһе була* (Ф. Локманова). — У каждого родника бывает свой дух, хозяин;

Йорт хужасы {двор хозяин-POSS.3} (сев.-запад.). Хозяин двора, дома. *Йорт хужасы яратмаған хайуанын кыйнай* (БФ). — Хозяин, дух двора нелюбимую скотину бьет;

Йәшен хужасы {молния хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух, хозяин молнии. *Йәшен хужасы озон сыбырткылы кеше булып күренә*. — Хозяин молнии показывается человеком с длинным кнутом;

Мал хужасы {скот хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух скотоводства;

Урам хужаһы {двор хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух двора. *Урам хужаһы кара көсөк булып күренде* (СФ). — Дворовой показался в облике черного щенка;

Ут хужаһы {огонь хозяин-POSS.3} (среднеурал.). Дух огня; досл. ‘хозяин огня’.

Один случай в сев.-запад. диалекте выбивается из этой модели, это *Хөппи хужа* {Хуппи хозяин} (танып.). Домовой. Сочетание с именем собственным без изафетного показателя. *Өйҙән сығып киткәндә: «Хөппи хужа, өйҙө һаҡла»*, — *тип сығып китәләр* (БФ). — Выходя из дома, надо сказать: «Хуппи хужа, береги дом» (см. подробнее ниже).

2.3. Южный диалект:

Ай хужаһы {луна хозяин-POSS.3} (иргиз.). Хозяин Луны;

Йәй хужаһы {лето хозяин-POSS.3} (иргиз.). Дух, хозяин лета;

Кеше хужаһы {человек хозяин-POSS.3} (иргиз.). Дух, хозяин человека, который всюду незаметно следует за ним. Он оберегает человека. *Кешенең хужасы, зйәсе була. Кеше сақсыз ул* (ҺФ). — У человека есть дух, хозяин. Ведь человек такой беспечный;

Мунса хужаһы {баня хозяин-POSS.3} (иргиз.). Дух, хозяин бани, банник. *Мунсаның хужаһы була. Беренсе тапкыр баланы мунса индергәндә мунса хужаһына тәңкә, сук йә бер һүренте калдырырға кәрәк* (ҺФ). — В бане есть свой дух, хозяин. Когда младенца первый раз моют в бане, надо духу бани оставить монету, кисть или нитку с одежды;

Тимер хужаһы {железо хозяин-POSS.3} (иргиз.). В мифологии иргизо-камеликских башкир дух, хозяин железа. *Дауыт бабай* — *тимер хужаһы, уның рухына дога кылабыз* (ҺҺФ). — Даут бабай — хозяин железа. Молимся во имя его.

В южном диалекте представлена и другая модель, при которой дух-покровитель объекта назван сочетанием компонента *хужа* (естественно, при имени собственном без изафетного показателя) и мусульманского имени собственного. Очевидно, в этих случаях мы имеем дело с переносом в низовой мифологии функций духов-покровителей на мусульманских святых:

Баһауетдин хужа (иргиз.). В мифологии иргизо-камеликских башкир имя духа дороги. *Юлга сыкканда Баһауетдин хужага «риза бул», тип хәйер бирергә кәрәк* (ҺҺФ). — Отправляясь в дорогу, надо дать подаяние во имя Бахауетдина хужа со словами: «Будь доволен»;

Кутдус хужа (иргиз.). Хозяин земли.

Отметим, что синонимичное *эйә/уйә* ‘хозяин’ в конструкциях с именем собственным в исследованных материалах не зафиксировано, что, вообще говоря, вполне ожидаемо, т. к. семантика этого слова подразумевает сочетаемость его с неким объектом (ср., например, *акыл эйәһе* ‘умный, мудрый’, досл. ‘хозяин, обладатель ума’, *йән эйәһе* ‘живность, живое существо’, досл. ‘владелец души’), но никак не с субъектом, в частности, выраженным именем собственным.

Ни *хужа*, ни *эйә/уйә* не несут в себе указаний на гендерную принадлежность духов, соответствующие сущности могут мыслиться и как мужчины, и как женщины, ср.: *Һыу эйәһе*. Дух воды. Появляется в облике черноволосой женщины. *Йәшен хужасы озон сыбырткылы кеше булып күренә*. — Хозяин молнии показывается человеком с длинным кнутом.

3. **Бабай/баба** ‘дед, старик’. 19 терминов со словом *бабай/баба* ‘дед, старик’, в основном с именами собственными, без изафетного показателя.

3.1. Не маркированные по локализации:

Йоко бабай {сон дед}. В башкирской мифологии дух сна; досл. ‘дед сон’. *Йоко бабай килә*. — Идет дух сна;

Кар бабай {снег дед}. Мифический персонаж, распорядитель снега; досл. ‘снежный старик’;

Кыш бабай {зима дед}. Дед мороз; досл. ‘старик зима’; олицетворение зимы;

Селлә бабай. Название *селлә* происходит из перс. ‘сорокадневный период плохой погоды’. Дух погоды;

Төкләс баба. С именем собственным и с неизвестной зоной ответственности: досл. ‘старик Тукляс’, в башкирской мифологии святой, аулия (подробнее см. ниже).

3.2. Северо-западный диалект:

Йорт бабай {дом дед} (среднеурал.). Дух двора; досл. ‘дед дома’. *Йорт бабай йортны яман заттан саклай* (В. Әминова). — Дух, хозяин двора оберегает двор от нечистой силы;

Һыу бабасы {вода дед-POSS.3} (гайн.). Дух воды; досл. ‘отец воды’;

Нужа бабай {нужда дед} (нижнебельск.). Дух нужды и бедности.

С именами собственными:

Хәпти бабай (танып.). Имя домового. *Өй эйәсен Хәпти бабай, тиләр* (БФ). — Домового называют Хуппи бабай;

Ек Баба (среднеурал.). Бука. «*Ек Баба тота, Ек Баба килә*», — *диләр ыйы әбиләр* (СФ). — Раньше старушки говорили: «Ек Баба (бука) схватит, Ек Баба идет»;

Мәрешкә бабай (сев.-запад.). Дух скота. *Малларыбыз исәнлегенә тип Мәрешкә бабай рухына хәйер бирәбез* (БФ). — Для благополучия домашнего скота даем милостыню во имя Мәрешкә бабай;

Сөбхи баба (танып.). Дух скота. *Малларны япкас, шушы доганы укып керергә кирәк: Раббым Аллах, Хәпти Хужа, Зәңки баба, Сөбхи баба, үзең сакла* (БФ). — Когда скот закрывают в хлев, надо читать эту молитву: Всевышний Аллах, Хуппи Хужа, Занки баба, Субхи баба, спаси и сохрани;

Зәңке бабай (среднеурал., караид.). В башкирской мифологии хозяин, дух домашнего скота, хозяин, дух хлева; досл. ‘старик/дед Зэнке’. *Көтөү сыкканда Зәңке бабай рухына хәйер бирәбез* (СФ). — При первом выгоне скота во имя духа Зэнке бабай даем подаяние.

3.3. Южный диалект:

Мал бабалары {скот дед-PL-POSS.3} (иргиз.). Хозяева, духи животных. *Мал рухына хәйер бирәбез, «башикүзенән сазака» тип. Сөнки һәр мал бабаларының исеме бар* (ҺҺФ). — В знак благодарности во имя духов, хозяев домашнего скота подаем милостыню. Потому что у каждого из этих духов, хозяев есть свое имя.

С именами собственными:

Баһауэтдин бабай (иргиз.). В мифологии иргизо-камеликских башкир имя духа дороги;

Дауыт бабай (иргиз.). В мифологии иргизо-камеликских башкир дух, хозяин железа. *Дауыт бабай* — *тимер хужаһы, уның рухына доға кылабыз* (ҺҺФ). — Дауыт бабай — хозяин, дух железа. Молимся во имя его;

Зәңге бабай (иргиз.). Дух, хозяин скота. *Малдың кото китмәһен тип Зәңге бабай рухына хәйер бирергә кәрәк* (ҺҺФ). — Чтобы домашний скот был плодовитым, надо дать милостыню во имя духа Зәнке бабая;

Сөләймән бабай (иргиз.). Дух домашней птицы. *Каззарзы ултыртканда, Сөләймән бабай рухына хәйер бирәбез* (М. Даһиева). — Когда гусынь усаживаем выводить гусят, подаем милостыню во имя Сулейман бабая.

Как можно заметить, только 8 из всех терминов (*Йорт бабай, Ыуу бабасы, Мал бабалары, Йоко бабай, Кар бабай, Кыш бабай, Нужа бабай, Селлә бабай*) образованы непосредственно с использованием слов, означающих «объект покровительства» духа, остальные — при мусульманских и иных именах собственных.

4. *Ана* ‘мать’ — следующее по встречаемости обозначение, сочетаний с ним встретилось 18. Гендерная принадлежность определяемого духа при употреблении таких терминов ожидалась бы как женская, но есть противоречащие примеры. Такие названия встретились во всех трех диалектах.

4.1. Не маркированные по локализации (по форме могут быть отнесены к южным или восточным):

Буран анаһы {буран мать-POSS.3}. В башкирской мифологии Дух бурана, досл. ‘мать бурана’;

Тау анаһы {гора мать-POSS.3}. Дух горы; досл. ‘мать горы’;

Юл анаһы {дорога мать-POSS.3}. Дух, божество; покровительница путников, досл. ‘мать дороги’.

4.2. Северо-западный диалект:

Ағас анасы {дерево мать-POSS.3} (среднеурал.). Дух дерева;

Ер анасы {земля мать-POSS.3} (среднеурал.). Мать земли. *Ер анасы* — *ерән сакал* (из заговоров). — Мать земли — рыжебородая;

Йорт анаһы {дом мать-POSS.3} (среднеурал.). Мать двора, дома;

Куз анасы, Куз анаһы {глаз мать-POSS.3} (среднеурал.). Дух-покровитель глаз, досл. ‘мать глаза’;

Каралты анасы {хлев мать-POSS.3} (нижнебельск.). Дух хлева, досл. ‘мать хлева’;

Ыуу анаһы {вода мать-POSS.3} (среднеурал.). Дух воды, хозяйка воды, досл. ‘мать воды’; *Ыуу анаһы Ылыубикә* (СФ). — Мать воды Сылубика;

Сыу анасы {вода мать-POSS.3} (гайн.). Дух-покровитель воды, досл. ‘мать воды’;

Урман анасы {лес мать-POSS.3} (гайн.). Дух леса; досл. ‘мать леса’. *Урман анасын асыуландырырга ярамай*. — Нельзя сердить духа леса;

Ут анасы {огонь мать-POSS.3} (таньп., среднеурал.). Дух огня, досл. ‘мать огня’;

Ут анаһы {огонь мать-POSS.3} (караид.). Дух огня; досл. ‘мать огня’. *Ауыз осонһа, Ут анаһына һары май тамызалар* (Мэф. Нәсибуллина — кара-идель). — Если обметало губы, для Матери огня капают в огонь топленое масло;

Руда анасы {руда мать-POSS.3} (гайн.). Дух, хозяин руды; досл. ‘мать руды’, в составе названия использовано русское заимствование ‘руда’;

Пәшә ана {лось мать} (гайн.). Дух, хозяин леса. *Пәшә/поши* является диалектным вариантом лит. *мышы* ‘лось’, т. е. досл. ‘лось-мать’.

С именами собственными:

Һауа анаһы. Һауа — праматерь Ева. Дух болезней глаз. *Һауа анаһы булһа, ауырыу кешенән мал баһы уратып алып фәкир әбейгә бирәң* (Х. Мөхәмәтова — илишевские). — При глазной болезни голову зарезанного животного, обведя вокруг больного, отдаешь нищей старушке. Странно использование изафетного показателя с именем собственным. Возможно переосмысление через *Һауа* ‘воздух, атмосфера’;

Һауана (гайн.). По-видимому, то же со стяжением. Дух болезней мочеполовых органов. *Часто сейдермә керештисә, Һауанага хәйр бирәң* (С. Савина). — От частого мочеиспускания надо дать подаяние духу Хауана;

Мәрийәм ана, досл. ‘мать Мария’ (употребляется в заговоре помощи при родах). *Ауыр бала тапкан катынды: «Минең кул түгел, Мәрийәм ана кулы», — тип һыпырып алғандар* (ҺҺФ). — При тяжелых родах оглаживали тело женщины со словами: «Не моя рука, рука Марьям ана».

4.3. Южный диалект:

Ут анаһы / *Ут анасы* {огонь мать-POSS.3} (дем., сред.). Дух огня, досл. 'мать огня'.

4.4. Восточный диалект:

Ағас анаһы {дерево мать-POSS.3} (миас.). Дух дерева, досл. 'мать дерева';

Ау анаһы {невод мать-POSS.3} (вост.). Мать невода. В башкирской мифологии дух, покровительница рыбаков.

5. *Ина* 'мать' — 11 терминов образовано с данным словом, все — изафетные конструкции:

5.1. Не маркированные по локализации (по форме — южные или восточные) обозначения:

Кызылса инәһе {корь мать-POSS.3}. Дух кори; досл. 'мать кори';

Сәсәк инәһе или *Сәсәк инәһе* {оспа мать-POSS.3}. Дух оспы, оспенный нарыв; досл. 'мать оспы'. *Сәсәк сыкһа*, *Сәсәк инәһенә бағышһап аҡ кош-корттан хәйер биргәндәр* (БИТК). — При оспе во имя Матери оспы — *Сәсәк инәһе* — давали подаяние в виде белой домашней птицы;

Кызамык инәһе {краснуха мать-POSS.3}. Дух краснухи, досл. 'мать краснухи'. По представлениям башкир, от него избавляются с помощью красных вещей. *Кызамык эйәһе кызылдан курка, шуға уға каршы кызыл еләктәр (кызыл карагат, кызыл көртмәле, кызыл бөрлөгән) ашатырға, кызыл кейем кейзерергә кәрәк* (БИТК). — Дух краснухи боится красного, поэтому больному надо дать красные ягоды (красную смородину, бруснику, костянику), надеть на него одежду красного цвета;

Ауырыу инәһе {болезнь мать-POSS.3}. Дух болезни, букв. 'мать болезни';

Күк инәһе {гром мать-POSS.3}. Божество грома; досл. 'мать грома (неба)';

Күл инәһе {озеро мать-POSS.3}. Дух озера; досл. 'мать озера'. «*Күлде күккә асма инде*», — *тип инәлә тей теге күл инәһе* (СФ). — И взмолился, говорит, тогда дух, хозяин озера: «Только не подвешивай озеро на небо».

5.2. Северо-западный диалект:

Ер инәһе {земля мать-POSS.3} (караид.). Мать земли. *Ер инәһе ер булыр, сыу анасы сыу булыр* (БИТК). — Мать земли — это земля, мать воды — это вода.

5.3. Южный диалект:

Ер инәһе / *Ер инәһе* {земля мать-POSS.3} (сакмар., дем.). Дух, божество земли, досл. 'мать земли';

Руда инәһе {руда мать-POSS.3} (иргиз., сакмар.). Дух-хозяин руды, досл. 'мать руды' (ср. *Руда анасы*, п. 4.1).

Из этой модели несколько выбивается одно название, в составе которого использован компонент *әнәһ* (скорее всего, от диал. *әней* 'мать' (гайн., среднеурал.)), без изафетного показателя:

Һәүәнәһ {вода мать} (иргиз.). Упырь, оборотень, Злой дух воды, досл. 'мать воды'.

5.4. Восточный диалект:

Арыш инәһе {рожь мать-POSS.3} (арг., кизил., миас.). Мать ржи. Спорынья ржи, досл. 'мать ржи';

Ауырыу инәһе {болезнь мать-POSS.3} (вост.). Дух болезни, досл. 'мать болезни';

Ер инәһе {земля мать-POSS.3} (кизил., миас.). Мать земли. *Һыу инәһе* — *Һарысәс*, *Ер инәһе* — *Ерәнсәс* (из заговоров). — Мать воды — Светловолосая, Мать земли — Рыжеволосая;

Һыу инәһе {вода мать-POSS.3} (ай., кизил., миас.). Божество, дух, покровительница источников; досл. 'мать воды'. *Ер инәһе ерән һакал*, / *Һыу инәһе һыуған һакал* (БМ). — Мать земли Рыжая борода, / Мать воды Холодная борода.

Любопытно, что, кажется, наличие в составе названия духа слова 'мать' не влияет на гендерные характеристики его облика, ср.: *Ер инәһе ерән һакал*, / *Һыу инәһе һыуған һакал* (БМ). — южн. Мать земли Рыжая борода, / Мать воды Холодная борода; *Ер анасы* — *ерән сакал* (из заговоров). (среднеурал.) — Мать земли — рыжебородая. По мнению Ф. Хасановой, «'борода' в данном контексте акцентирует архетип, старшинство хозяев и высшее... почитание» [Хасанова 2018: 54].

6. *Ата* 'отец': 8 наименований.

6.1. Не маркированные по локализации (по форме — южные или восточные):

Арыш атаһы {рожь отец}. Спорыш, спорынья; досл. 'отец ржи'. По представлениям башкир, дух ржи оплодотворяет поле. В результате ржаное поле дает хороший урожай. Символ плодородия, новой жизни, богатства;

Йэй атаһы {лето отец-POSS.3}. Разгар лета; досл. 'отец лета';

Кызылса атаһы {корь отец-POSS.3}. Дух кори; досл. 'отец кори';

Каралты атаһы {амбар отец-POSS.3}. Дух амбара; досл. 'отец амбара';

Һыу атаһы {вода отец-POSS.3}. Водяной, дух воды; досл. 'отец воды'. *Һыу атаһы* — *Сөләймән*. (СФ). — Отец воды — Сулейман.

6.2. Северо-западный диалект:

Ер атасы {земля отец-POSS.3} (караид., среднеурал.). Дух земли; досл. 'отец земли'. *Ер атасы Ерэнсәскә азығын бирәм* (БИТК). — Отцу земли Ерэнсәсу даю его пищу;

Куз атасы {глаз отец-POSS.3} (среднеурал.). Дух глаза; досл. 'отец глаза'. *Куз атасы күзнең хужасы, ийәсе ул* (К. Фәйзрахманова). — Отец глаза — это хозяин, дух глаза;

Өй атасы {дом отец-POSS.3} (среднеурал.). Домовой; досл. 'отец дома'.

6.3. Восточный диалект:

Ер атаһы {земля отец-POSS.3} (вост.). Дух земли; досл. 'отец земли'. *Ер атаһы, Ер инәһе, тоткан булһаң, ебәр!* (из заговоров). — Отец земли, Мать земли, если держишь, отпусти!;

Сәсәк атаһы {оспа отец-POSS.3} (куб.). Дух оспы; досл. 'отец оспы'.

Также не маркированным по локализации является наименование другого типа — *Түлкә атай*. Мифический персонаж; покровитель, первопредок, упоминаемый в заговорах, направленных на возвращение души, жизненной силы (досл. 'отец-лиса'); можно считать, что первый компонент наименования — имя собственное [см. о таких именах СИГТЯ 2001: 643—644, 2006: 721], поскольку его номинативное значение не связано с областью действия персонажа. Рядом с ним, в том же заговоре употреблено другое сочетание тюркского имени собственного (см. ниже об этом распространенном в тюркских мифологиях персонаже) с *ата*:

Коркот атай, котоң бир, / Түлкә атай, котоң бир (БМ). — Коркут-ата, дай твой Кут, / Тулькә-ата, дай твой Кут.

7. *Батша* 'царь' — 6 терминов со этим словом; область распространения — восточный диалект.

Арыш батшаһы {рожь царь-POSS.3}. (миас.) Дух ржи; досл. 'царь ржи';

Асылыкул батшаһы {озеро Асылыкуль царь-POSS.3}. Дух-хозяин озера Асылыкуль; досл. 'царь озера Асылыкуль';

Йылан батшаһы {змея царь-POSS.3}. Дух-хозяин змей; досл. 'царь змей';

Күк батшаһы {небо царь-POSS.3}. Божество грома; досл. 'небесный царь';

Һыу батшаһы {вода царь-POSS.3}. Дух воды; досл. 'царь воды'.

С мифологическим именем собственным: *Шулгән батша*. Божество нижнего мира, досл. 'царь Шулгән'.

8. *Әби/әбей* 'бабушка'; область распространения — северо-западный диалект.

Единично встретилось *әбий* 'бабушка' с изафетным показателем: *Йорт әбие* (гайн.). Дворовой; досл. 'старушка двора (дома)'. *Йорт әбие шагыр-шогор басып йөрөй, ти* (Ф. Кабанова). — Говорят, дух, хозяин двора ходит, тяжело шаркая ногами.

Тот же термин родства дважды встречается с именами собственными:

Бибисара әби. В мифологии западных башкир дух, хозяйка пчелиных и птичьих крыльев, досл. 'старушка Бибисара'. *Бал корто, кош-корттоң канатларының хужасы Бибисара әбигә, тип жомга көнө акча, чәй бирәләр хәйергә* (БФ). — По пятницам со словами «Духу крыльев пчел и домашних птиц Бибисара-әби» давали подавание деньгами и чаем.

Зәңке әбей (среднеурал., караид., нижнебельск.). В мифологии хозяйка, дух хлева, хозяйка, дух домашнего скота; досл. 'старушка Зәңке'. *Абзар ийәсе Зәңке баба, Зәңке әбейләргә тип мал көтүгә сыкканда хәйер бирәбез* (СФ). — При первом выгоне скота во имя духа Зәңке баба, во имя духа старушки Зәңке даем подавание.

9. *Әсә* 'мать'.

Единично встретилось неопределенное по локализации именованное со словом *әсә* 'мать' (лит. башк.): *Ут әсә* (фольклор.), *Ут-әсә*. Дух огня; досл. 'мать-огонь'.

10. *Апай* (*ана*) ‘тетя, старшая сестра’ (без изафета).

10.1. Не маркировано по локализации:

Кояш апай {солнце сестра}. Солнце; досл. ‘сестра (тетя) Солнце’. *Кояш апай, сык, сык!* (из заговоров). — Сестра Солнце, выходи, выходи.

10.2. Восточный диалект: *Айыу ана* (кизил., миас.). ‘Дядя-медведь’ (ср. также ик-сакм. *Айыу-абзый* ‘Брат-медведь’ и общебашк. *Айыу олатай* и гайн. *Айыу-бабай* ‘Дедушка-медведь’).

11. *Кыз* ‘девушка, дочь’ (с изафетным показателем).

Урман кызы {лес дочь-POSS.3} (сред.). Дух леса; досл. ‘лесная девушка’;

Гыу кызы {вода дочь-POSS.3} (общебашк.). Эпитет хозяйки воды, досл. ‘водяная девушка’. *Көмөш тешле Гыу кызы, гыу бир* (из заговоров). — Хозяйка воды с серебряными зубами, дай воды.

12. *Бикә* ‘госпожа’.

Единично встречаются композиты наименования «зоны ответственности» с *бикә* ‘госпожа; почтительное обращение к женщине’:

Гыубикә {вода госпожа}. Имя хозяйки воды, досл. ‘госпожа вода’. *Гыу эйәһе Гыубикә, гыу бир* (из заговоров). — Хозяйка воды Хыубика, дай воды;

Яуымбикә {дождь госпожа-POSS.3} (иргиз.). Личное имя духа дождя, направленное на продуцирование многодетности, плодovitости, хорошего урожая, досл. ‘госпожа дождь’. *Яуымбикә апай ямгыр бир, Яуымбикә апай яуын бир! Алдан бир, арттан бир! Уңдан бир, һулдан бир!* (заклинание). — Тетя Яуымбика, дай дождя! Тетя Яуымбика, дай дождя! Спереди дай, сзади дай! Справа дай, слева дай!

13. *Агай* ‘дядя, старший брат’.

Единично: *Галкын агай* {холод дядя}. Холод, прохлада; табуированное название; досл. ‘дядя холод’. Реликт олицетворения. *Кояш апай, кил, кил, Галкын агай, кит, кит!* — Тетя Солнце, приходи, приходи, дядя Холод, уходи, уходи!

В диалектах представлены, кроме того, следующие единичные опорные слова в названиях духов-покровителей (большая их часть — названия духа леса, по семантике приближенные к общебашк. *Урман эйәһе* — Дух-хозяин леса).

14. *Бәрей, нәри* ‘бес’ (от перс. *перу* ڤر):

14.1. Южный диалект:

Урман нәрие {лес бес POSS-3} (ик-сакм.). Дух леса; досл. ‘лесной бес’.

14.2. Восточный диалект:

Урман бәреһе {лес бес POSS-3} (миас.). Дух леса; досл. ‘лесной бес’.

15. *Кеше* ‘человек’:

Северо-западный диалект:

Урман кешесе {лес человек-POSS.3} (танып.). Дух леса; досл. ‘лесной человек’.

16. *Кот* ‘жизненная сила’:

Не маркировано по локализации:

Урман кото {лес жизненная сила-POSS.3}. Табуированное название медведя; досл. ‘жизненная сила леса’.

17. *Сарык* ‘овца’:

Северо-западный диалект:

Урман сарыгы {лес овца-POSS.3} (среднеурал.). Дух леса; досл. ‘лесная овца’.

18. *Үгез* ‘бык’:

Северо-западный диалект: *Гыу үгезе* {вода бык-POSS.3}. Дух воды; досл. ‘водяной бык’. *Танып бер-бер артлы дүрт кешене алды. Гыу үгезе алды.* — Река Танып забрала друг за другом четырех человек. Дух, хозяин реки забрал.

Вторые компоненты имен духов *хужа* и *бабай* могут быть относительно надежно связаны с северо-западной и южной диалектными зонами; *эйә/ийә, ана/инә* являются общепашкирскими; *батша* тяготеет к восточному диалекту, *әби/әбей* — к северо-западному; для остальных ввиду их не очень широкой распространённости говорить об однозначной диалектной принадлежности не представляется возможным.

Все вторые компоненты, которые встретились статистически значимое число раз, одинаково употребительны и с именами духов «дальнего пространства» (природные явления), и с именами духов «ближнего пространства». Употребительность формально «женских» и «мужских» наименований примерно одинакова, и бывают дублированные по этому параметру названия.

III. Названия и имена, связываемые с персонажами ранней тюркской мифологии

1. Особое место занимает термин *Тәңре* божество — встречается 14 раз. Слово восходит к др.-тюрк. *teŋri* — ‘небо’, ‘бог’, ‘божество’ (см. подробно [СИГТЯ 2006: 562—568]) и имеет наибольшее распространение в ранней мифологии тюрков доисламского периода. Большая часть этих наименований для башкирского языка имеет своим источником башкирский перевод сообщения о древних башкирах Ибн Фадлана (X век); ср.:

Кук тәңре {небо божество}. Божество Небо. В мифологии башкир одно из двенадцати божеств. По Ибн-Фадлану, главное верховное божество. Имеет параллели в древнетюркской мифологии;

Ағас тәңреһе {дерево божество-POSS.3}. Божество дерева. В башкирской мифологии одно из 12 божеств. *Уларзың кайһы берҙәре 12 тәңре тураһында һөйләнә: имеш, кыштың, йәйҙең, ямғырзың, елдәң, ағастарзың тәңреләре бар икән* (Ибн-Фадлан). — Некоторые из них рассказывали о 12 божествах: якобы есть божества зимы, лета, дождя, ветра, деревьев;

Урман тәңреһе {лес божество-POSS.3}, *Урман тәңре* {лес божество}. Божество леса. *Башкорттарзың ун ике тәңреһенең береһе — Урман тәңре.* — Одно из двенадцати божеств башкир — божество леса;

Кыш тәңре {зима божество}. Божество Зима. По данным Ибн-Фадлана, одно из двенадцати божеств башкир;

Ел тәңреһе {ветер божество-POSS.3}, *Ел тәңре* {ветер божество}. Божество Ветер. В ДТС *jel tänri* ‘бог-ветер’ [СИГТЯ 2006: 562]. Божество Ветер зафиксировано у древних башкир Ибн-Фадланом. *Ибн-Фадлан башкорттарзың Ел тәңреһе тураһында ла мәғлүмәт бирә.* — У Ибн-Фадлана есть сведения и о Тенгри ветра башкир;

Йәй тәңре {лето божество}. В мифологии божество Лето. По Ибн-Фадлану, одно из двенадцати божеств башкир. *Йәй тәңре менән бәйлә ышаныуҙар исламғаса осорға барып тоташа* (БМ). — Верования, связанные с божеством Лето, восходят к доисламскому периоду;

Үлем тәңреһе {смерть божество-POSS.3}. Божество смерти. Одно из двенадцати божеств, отмеченных Ибн-Фадланом у башкир.

Каждый раз, когда речь идет о 12 древнебашкирских божествах, следует иметь в виду, что это интерпретация свидетельства арабского путешественника X в. Ибн Фадлана, которое дошло до нас на арабском языке и не содержало тюркских теонимов. Ибн Фадлан пишет буквально следующее: «Из них кое-кто говорит, что у него двенадцать господ: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин... Он (Ибн-Фадлан) сказал: мы видели, как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям...» [Ковалевский 1956: 130]. Из этого ясно, что, во-первых, как отмечает комментатор русского перевода, речь идет о воззрениях лишь части башкир; во-вторых, скорее всего, информаторы Ибн Фадлана, рассказывая ему о своих верованиях, употребляли здесь не слово *Teŋri* ‘бог’, а слово со значением ‘господин, хозяин’, т. е. речь идет о рассмотренном выше (см. II, п. 1) башкирском термине *эйә/ийә* ‘хозяин’. Современный башкирский перевод записок Ибн Фадлана вряд ли может считаться источником по древней мифологической терминологии башкир. К арабскому тексту Ибн Фадлана восходят также попавшие в «Мифологический словарь» термины *Кыш раббыһы* ‘божество зимы’ и *Ел раббыһы* ‘божество ветра’ (образованные с помощью заимствованного из араб. *раббы* ‘Бог; хозяин, глава’, см. [Ковалевский 1956: 131]).

Однако часть терминов, имеющих в составе компонент *тәңре*, обнаруживается в фольклорных источниках:

Ай тәңре {луна божество}. В башкирской мифологии божество Луны. В эпосе «Урал-батыр» *Ай тәңре* является женой божества неба и птиц Самрауа, т. е. имеет женское начало. В некоторых легендах *Ай тәңре* предстает юношей, соответственно, имеет мужское начало. Близок к древнетюркскому мифическому персонажу *Ai teŋri*;

Күк тәңреһе {небо божество-POSS.3}. Божество Небо. *Йәшен йәшнәһә, күк килә. Күк тәңреһе тауыш бирә, тибез* (ЙФ). — Когда надвигается гроза, сверкает молния, гремит гром. Мы говорим, что это Божество Небо голос подает. *Кояш-күк тәңресә иң зурысы, диләр* (БФ). — Говорят, Тенгри солнца и неба — это верховное божество;

Ер тәңреһе {земля божество-POSS.3}. Божество земли. *Ер тәңреһе бороңго төркизәрзең Ер-Суб тәңреһе менән тығыз бәйлә* (БМ). — Божество земли тесно связано с божеством *Ер-Суб* древних тюрков;

Йәшен тәңреһе {молния божество-POSS.3}. В башкирской мифологии божество молнии; его удары направлены против шайтана. Связано с древнетюркским *jašin teŋri*; ‘богиня-молния’;

Оло тәңре {великий божество}. Высшее божество. *Күктәге Оло тәңре башка тәңреләрҙән ололор*. — Высшее божество в небе — главный для всех божеств;

Ут тәңре {огонь божество}. Божество огня. *Ут тәңре боронго тәңреләрҙең береһе*. — Тенгри огня — одно из древних божеств;

Һыу тәңреһе {вода божество-POSS.3}. Божество воды. По представлениям башкир, оно уносит болезни, несчастья. *Әүәле боз өстөндә туз яндырып ебарә инек, ауырыған кешенең кейемдәрен дә ебарзек. Ярга ташлаган боззо иретеп эстек, шиғалы тип, Һыу тәңреһе бирзе, тип* (ЙФ). — Раньше мы во время ледохода отправляли на льдине горящую бересту, одежду больных. Откалывали кусок со льдины, выброшенной на берег, растапливали и пили как целебный напиток, данный Тенгри воды;

Юл тәңре {дорога божество}. Божество дороги. *Ала атлы Юл тәңре мин* (из заговоров). — Я божество пути, разъезжающее на пегом коне;

Ямғыр тәңре {дождь божество}, *Ямғыр тәңреһе* {дождь божество-POSS.3}. Божество дождя. *Теләктән һуң Ямғыр тәңреһенә корбан салалар*. — В обряде вызывания дождя приносят жертву божеству дождя.

Эти свидетельства не оставляют сомнений в том, что по крайней мере в башкирском мифологическом фольклоре XX в. имена духов (языческих божеств), содержащие компонент *тәңре* ‘бог’ (обычно употребляющийся у башкир по отношению к единому Богу мусульман), были весьма распространены. Некоторые из приведенных примеров (особенно строчка из заговора *Ала атлы Юл тәңре мин*, являющаяся точной цитатой из древнетюркской книги предсказаний Ырк Битиг: *ala .. (a)tl(1)g .. y-ol .. t(ä)ngi .. m(ä)-n* [VATEC: 399—400, 42]), наводят на мысль о реинтродукции в современный башкирский фольклор сведений о древнетюркской мифологии из книжных источников.

Как мы уже отметили, компонент *эйә/ийә* употребляется только в прозрачных наименованиях духов-хозяев (покровителей) определенных объектов, где первым компонентом служит название соответствующего объекта. Остальные вторые компоненты могут сочетаться с такими первыми компонентами, которые сейчас воспринимаются как имена собственные.

2. *Ек Баба* (среднеурал.). Бука. Вероятно, первый компонент восходит к др.-уйг. *jek* ‘подземный демон-людоед’ [ДТС: 292].

3. *Коркот ата* (не локализован), досл. ‘отец Коркут’. Коркут — имя легендарного патриарха огузов, персонажа из родословных и эпоса [Басилов 1964: 9], хорошо известный также в мифологиях тюркоязычных народов Средней Азии, Кавказа, Малой Азии, в частности туркмен, узбеков, казахов, каракалпачков [Жирмунский 1962: 150]. По Жирмунскому и Басилову, это домусульманское божество, патрон шаманов, певцов и музыкантов [Басилов 1964: 40]. В преданиях огузских тюрков Коркуд — это советник и помощник правителей, богатырей, вещей старец и провидец. Имя производно от глагола **kork-It-* ‘пугать’, т. е. буквально «напугай!», модель имени собственного как глагольного императива характерна для тюркской ономастики [ЭСТЯ 2000]. В [Хасанова 2018: 59] приводится текст, произносившийся шаманом-баксы в ритуале лечения болезни: *Изге рух, ата-бабам рухы, Изге рух, Коркот-ата рухы, Түлкә ата ярзам ит, Насар көстө кыуала! Кыуыла, кыуыла*. «Добрый дух, ты дух моих предков, Добрый дух, ты дух Коркут-ата, Тюлька ата, помоги, Изгони злого духа! Изгоняется, изгоняется...».

4. *Шүлгән батша*. Божество нижнего мира, досл. ‘царь Шульген’, персонаж из эпоса «Урал-батыр» и из многих фольклорных источников, персонаж также и татарского фольклора. Обычно владыка подводного царства. Об этимологии см. [Ахметьянов 1981: 58—59; Ахметьянов 2015, 2: 494—495; Аникин 2000: 700—701]. Этимология спорная. Очевидно только, что начальное *ш-* в татарском и башкирском говорит о заимствованном характере слова. Напрашивается связь с як. *сүлүүкүн* — миф. ‘шиликун, водяной дух, водяной’ (по якутскому поверью — обитатели глубоких вод, живущие подобно людям, разводя скот); *сүлүүкүн тахсар кэмэ* — ‘время от Рождества до Крещения’ (когда, по древним якутским поверьям, водяные выходят из водных глубин); *сүлүүкүн иһиллээһин* — ‘подслушивание водяных’ (согласно поверьям, они способны предсказывать будущее) [ЯРС 1972: 348]. Можно предположить, что к якутам это наименование попало из поволжского региона через русский источник.

IV. Влияние ислама на мифологическую лексику башкирского языка

У тюркоязычных народов, принявших ислам, в текстах заговоров, кроме доисламских имен, стали появляться имена мусульманских святых. Для примера можно привести текст заговора башкирского баксы:

Һыу инәһе Һарысәс,
Ер инәһе Ерәнсәс!
Минәң кулым түгел,
Ғәйшә, Фатима кулы,
Мине тотма,
Ошоно тот!

Мать воды Светловолосая,
Мать земли Рыжеволосая!
Не моя рука,
Руки Гайши, Фатимы,
Не меня хватай,
Ты этого хватай. [БХИ I: 62].

Если в первой части заговора знахарь обращается к доисламским духам матери Воды и матери Земли, то во второй части он обращается уже к мусульманским святым Гайше и Фатиме, чьи руки, по представлениям башкир и других тюрков, принявших ислам, способны исцелить от всех болезней и недугов. В текстах заговоров знахарей, кроме имен Гайши и Фатимы, встречаются имена ангела смерти Газраиль-фарешты, пророка Нуха, пророка Магомеда и др. [Кондыбай 2005: 122—126]. Эти факты свидетельствуют о синкретизме, имеющем место в верованиях башкир и других мусульманских народов. Поэтому в мифологических представлениях этих народов присутствуют как доисламские духи, так и связанные с исламом реальные персонажи. Ср.: «Так, теонимы Керей-каан, Темир-каан, Пий Маатыр вполне могли возникнуть в результате трансонимизации, т. е. перехода из разряда имен собственных в разряд теонимов» [Ойноткинова 2019: 205].

Отметим, что выбор мусульманских святых для передачи им функций духов-покровителей в народном башкирском исламе, в общем, нетривиален. По большей части удастся истолковать их функции как косвенно и часто довольно формально связанные с соответствующими суфийскими легендами об этих святых.

Использование имени ишана Ходжи Багауддина (*Bahauetdin хужа, Bahauetdin бабай*), основателя суфийского братства Накшбандия (VIII в.), для именованя покровителя дороги и путников вполне объяснимо (намек на суфизм как учение бродячих проповедников), но кроме того, он почитается как покровитель имущества, что, вероятно, является оксюмороном в свете суфийского мировоззрения, предполагающего отказ от имущества.

Распространенное в различных говорах именоване *Зәңге бабай* (среднеурал., караид.), *Зәңге бабай* (иргиз.), *Зәңге әбей* (среднеурал., караид., нижебельск.) (видимо, одно и то же в мужской и женской ипостаси) обычно трактуется как дух-покровитель скота или имущества. Занги-баба — имя легендарного ученика суфийского шейха Сулеймана Хакима Бакыргани (XII в.). Как покровитель крупного рогатого скота и скотоводов зафиксирован также у сибирских татар и казахов [Селезнев и др. 2009: 77—85]: почитание при отеле коровы и получении молозива; связь с крупным рогатым скотом, вероятно, связана с легендой о быке, который являлся разрушать мавзолей ходжи Ахмеда Ясави, чтобы сбылось предсказание о том, что мавзолей шейха Занги будет построен раньше него. Обращает на себя внимание следующая особенность башкирского персонажа: умиловивление его проводят при первом выгоне скота весной на свежую траву и при запирании скота на зиму. Это дает повод предположить реинтерпретацию первого компонента как башк. *зәңге* ‘цинга’ (из рус.). Ср. сообщение о календарных обрядах башкир: «Выход на первую зелень: наступление весны знаменовало не только обновление природы, но и обновление забот, чаяний о здоровье. При первой пробе травы, ягод обязательно произносят заклички: ... Иске ауызға — яны аш! Зәңге, минән кас! Старому рту — новая пища! Цинга, от меня уйди!» [Хасанова 2018: 75].

Хәпти хужа, Хәпти бабай (сев.-запад., танып.). Хранитель дома. Очевидно, связан с именем суфийского святого, Хубби-ходжа, Султана Хубби, сына шейха Сулеймана Бакыргани, наиболее популярного в Хорезме. В пространной хорезмской легенде он спасает мореплавателей и оживляет зарезанных быков [Снесарев 1969: 236, 250]; в Средней Азии почитается как покровитель лодочников. Функция хранителя дома передается ему в северо-западном Башкортостане. Вероятно, дело в том, что его имя контаминировалось с *Хәпти* — явное заимствование из чувашского *хупти* < *хуп* {ross.3} ‘крышка, закрытый’ [Ашмарин, 16: 171]: естественно, что хранитель дома ассоциируется с закрыванием двери.

Имя Сулеймана встречено в качестве именованного покровителя воды, а также водоплавающей домашней птицы. Вероятно, это связано не с библейским Соломоном, а с суфийской легендой о том, что Аллах наслал на шейха Сулеймана Бакыргани проклятие, по которому после кончины могила Бакыргани 40 лет будет находиться под водой. Проклятие исполнилось, Бакырган на 40 лет затопило водой, а потом его местонахождение уже никто не помнил [Залеман 1898: 125]. Ученые связывают легенду о затоплении могилы с изменением русла Амударьи вследствие разрушения монголами плотин в 1221 г. [Бартольд 1965]. Впрочем, в [Сухарева 1975: 47] для поверий равнинных таджиков предлагается другое объяснение: «Часто упоминалась *Сулаймон-пари*, которая обычно связывалась с водой (*су лабига утурган Сулаймон-пари*), эта связь могла установиться по созвучию первого слога имени *Сулаймон* с узбекским *су* — вода. С другой стороны, с водой ассоциируется и сам библейский царь: по мусульманскому поверью, его трон висел над водой. Это представление отмечено А. А. Диваевым у казахов». Поскольку библейского и коранического источника для указанного казахского поверья не обнаруживается (только мусульманская легенда о развалинах *Техт-е Солейман* (из перс. ‘трон Сулеймана’) сасанидского времени, находящаяся рядом с вулканическим озером), мы бы предпочли объяснение из суфийской легенды, ср. [Селезнев и др. 2009: 62].

Женские мусульманские персонажи функционируют естественным образом в области лечения болезней. В первую очередь это *Һауа анаһы* или *Һауана* — Праматерь Ева. «Во многих обрядах уже давно роль женских покровительниц вручена библейско-кораническим персонажам, таким, как праматерь Ева и особенно Фатима (дочь пророка Мухаммеда)» [Снесарев 1969: 241]. Связь *Һауа* с мочеполовыми болезнями, может быть, имеет объяснение в следующей легенде: «В д. Атачка Тарского района Омской области (тарские татары) рассказывают легенду об Адаме и Хаве. После того как Аллах изгнал из рая за непослушание первого мужчину и первую женщину, они застыдились своей наготы. Деревья не хотели давать им свои листья, чтобы прикрыться, и только осина сбросила на них свою листву. За это Аллах наказал осину. С тех пор ее листья осенью опадают первыми, а за то, что Хава прикрылась красными листьями осины, у всех женщин детородного возраста с тех пор возникает менструация» [Селезнев и др. 2009: 100].

Достаточно органично выглядит и призывание Девы Марии — матери пророка Гайсы по мусульманскому канону, *Мәрйәм ана*, досл. ‘мать Мария’, — при родовспоможении. Ср. у узбеков: «Кроме того, во всех случаях принимающие роды пожилые женщины поминали и призывали на помощь своих патронесс — Биби-Фатиму и Анбар-она, произнося следующие слова: *Менинг кулим эмас, Биби Фатиманинг кули, Анбар онанинг кули* «Не моя рука — рука Биби Фатимы, Анбар-она» [Снесарев 1969: 243] (*Ганбар, Анбар-ана* — жена Сулеймана Бакыргани).

Общим для башкирских, татарских и казахских представлений является то, что Дауд (библейский Давид) — покровитель кузнецов и железа. «Источником мусульманизации древних сакральных представлений о кузнечестве, видимо, послужила 21 сура Корана (стихи 79—80), в которой говорится, что аллах подчинил Дауду горы и научил его делать кольчугу; так библейский псалмопевец, воспринятый исламом, стал повсеместно в мусульманском мире патроном кузнецов. На это обратил внимание еще В. А. Гордлевский. (Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 282, примечание 35)» [Снесарев 1969: 48].

Һөлөк хужаһы — *Әйүп*, Хозяин пивяки — Аюп. Пивяка в мифологии башкир относится к нижнему миру и используется в лечении и магических обрядах. Библейский Иов (Аюп) мог приобрести эту функцию в соответствии со среднеазиатской легендой, которая связывает его имя с водой (создатель священного источника в Бухаре). Возможно, этот образ в башкирской мифологии контаминирован с именем Аюпа — суфийского ходжи XVII в., жившего в Тобольске [Селезнев и др. 2009: 134—135].

В некоторых районах (Зианчуринский, Зилаирский районы) духа Земли-Воды называют *Хызыр Ильяс*. «*Һээр бернәә мәәнең эйәһе бар. Хызыр Ильяс ер-һыузы һаклап йөрөй. Хызыр ерзе, әә Ильяс һыузы аңлата*». «У каждого явления есть свой хозяин-дух. Хызыр Ильяс охраняет землю и воду. Хызыр — покровитель земли, Ильяс — покровитель вод» [Хасанова 2018: 57]. Образ Хызра-Ильяса, общемусульманский (защитник путешественников; домусульманский арабский персонаж Хидр, контаминированный с кораническим Ильясом — пророком Илией), на территории Средней Азии, Западной Сибири и Урало-Поволжья также находился в тесной связи с представлением о суфийских подвижниках [Селезнев и др. 2009: 93—95].

Рядом с именем *Коркот ата* в обоих известных источниках упомянуто имя *Тулкә ата*, букв. ‘лиса-отец’; из текстов неясно, именуется ли один и тот же персонаж или два разных. В обрядах заговаривания, вызывания улетевшего *кот* (жизненной силы, из древнетюркского *qut* [ДТС: 471—472], см. подробно об этом [Экба 2015]), башкирские баксы-знахари обращаются к помощи духов-покровителей, помощников *Коркот атай* и *Тулкә атай*. Ср.:

Котом эмере буйынса,
Коркот эмере буйынса,
Коркот атай, котоң бир.
Түлкә атай, котоң бир.

По велению моего Кута,
По велению Коркута,
Коркут-ата, дай свой Кут,
Түлкә-ата, дай свой Кут! [БХИ I: 93].

Значение первого компонента именованя наводит на мысль о тотемистическом происхождении персонажа. Отметим, однако, что представления о тотемных предках-покровителях у тюрков сильно контаминировались с более поздними представлениями; ср., например, башк. *Бөркөт* ‘Орел’; мифологизированная птица, тотем, прародитель, покровитель; символ солнца (*Бөркөт кырк артыу аша күрә* — Орел видит через сорок перевалов [БХИ I: 93]) и персонаж среднеазиатской тюркской мифологии святого Диван-и-Бурха (*Шайқы-Бұрқы диуана* у казахов, *Burkut baba* или *Burkut diwana* у туркмен). «У туркмен считается, что Аллах доверил Буркут-бабе управление дождем, и он ходит по небу, посохом подгоняя облака и хлеща по ним кнутом, когда нужен дождь. Использование древних легенд для прославления патронов дервишских орденов свидетельствует о том, что население, сохранившее остатки прежних верований, перенесло на этих святых представления о могучих доисламских божествах» [Басилов 1970: 40]. Что касается *Тулкә-ата*, то можно предположить, что имя этого явно шаманского персонажа — носителя кута получилось вследствие переосмысления имени суфийского аулия *Туклес-баба* или *Тукли-баба* (ср. башк. *Төкләс баба*. Старик Тукляс; в башкирской мифологии святой, аулия), в Средней Азии и у ногайцев рассматриваемого как покровитель женщин-шаманок и бездетных семей [Викторин 2003: 50—61].

V. Не идентифицированные названия

Не удастся пока связать с какими-то конкретными святыми следующие имена духов-покровителей:

Котдос хужа. Покровитель земли. «С течением времени и трансформацией культового поклонения божеству-тенгри земли дается исламское имя Кутдус» [Султангареева 2014: 140]. Это эпитет арабского происхождения, который означает «очень дорогой, святой» [Кусимова 2000: 55]. Кому из исламских святых, называемых этим эпитетом, перешли функции духа-хозяина земли, неясно. *Бәтә заттың да хужаһы була. Донъя хужаһы — Зәңке баба менән Хужа Баһауетдин, Тимер хужаһы — Дауыт, Ыузыкы — Сәләймән, Ерзекә — Котдос хужа, Гөлөк хужаһы — Әйүп. Хәйер биргәндә шуларга бағышлап дога кылырға кәрәк, донъя именлеге өсөн* (ҺҺФ). — У всего на свете есть свой хозяин. Хозяин имущества — Занки баба и Хужа Багаутдин, Хозяин железа — Даут, Воды — Сулейман, Земли — Кутдос хужа, Хозяин улитки — Аюп. Когда даешь подаяние, надо молиться и во имя этих духов, хозяев, чтоб в мире было все спокойно.

Сөбхи баба (танып.). Дух скота; связано с араб. *субхи* ‘рассвет’, *субхи козиб* ‘время Солнца’, а затем — ‘период утренней зари’, *Субхи содик* ‘время Венеры’; по форме — прилагательное от араб. *собхан* — ‘слава, хвала’, можно перевести как ‘восхваляемый’.

Бибисара әби (сев.-запад.). В мифологии западных башкир дух, хозяйка пчелиных и птичьих крыльев. Имя состоит из почтительного обращения к женщине *биби* персидского происхождения и семитского имени *Сара* ‘избранная’.

Мәрешкә бабай (сев.-запад.). Дух-покровитель скота. Как устроено его почитание, в подробностях не сообщается. Но, учитывая северо-западное распространение, можно было бы предположить связь с чув. *мерешке* ‘назв. рыболовной снасти’ (из рус. *мережка*) [Ашмарин, 8: 227] и первоначальную функцию покровителя водной живности.

Использование имен суфийских святых в наименованиях духов-покровителей надежно отмечено по представленному материалу только в северо-западном и южном, но не в восточном диалектах. Сочетаются они со вторыми компонентами *хужа* ‘хозяин’, *бабай* ‘дед’, *ана* ‘мать’, *әби* ‘бабушка’, *биби* ‘госпожа’; с компонентом *ата* ‘отец’ — возможно, в контаминированном виде. Вероятно, на территории восточного диалекта было менее распространено почитание суфийских святых.

VI. Параллели с наименованиями духов в других тюркских языках

В связи с отсутствием полных словарей по мифологической лексике других тюркских языков привести статистику по ним не представляется возможным. Однако имеющийся материал по мифологии ря-

да тюркских языков позволяет нам говорить об активности лексем *ана/инэ* в составе названий духов в этих языках. Так, например, судя по данным Д. Б. Рамазановой, в составе мифологической лексики татарского языка представлены следующие мифологемы, образованные от термина *ана* ‘мать’: *Йер анасы* (хвл., кузн.) ‘дух земли’, досл. ‘мать земли’, *Йорт/Йырт анасы* (тмн., лмб., кузн., срг.) ‘дух двора, дворовой’, досл. ‘мать усадьбы, двора’, *Кызамык анасы* (каз. ар., т-и., нокр., минз.) ‘дух кори’, досл. ‘мать кори’, *Су анасы* ‘дух воды’, досл. ‘мать воды’, и др. [Рамазанова 2014: 287].

В составе мифологической лексики карачаево-балкарского языка в качестве названий духов отмечаются следующие мифологемы: *Кюл анасы* ‘покровительница очага’, досл. ‘мать золы’, *Жукъу анасы* ‘дух сна’, досл. ‘мать сна’, *Кеме анасы* ‘дух кори’, досл. ‘мать кори’ и др. [Малкондуев 2005: 230—231]. Мифологемы, включающие в свой состав лексемы со значением ‘мать’, зафиксированы и в других тюркских языках. Ср. казахский: *Умай ене* ‘богиня Умай, дух-покровитель детей’, досл. ‘мать Умай’, узбекский: *Амбар-она* ‘дух-покровитель женщин’, досл. ‘мать Амбар’ (восходит к имени *Ганбар-биби*, жены Сулеймана Бакыргани, см. [Басилов 1986: 114]), киргизский: *Умай-эне* ‘божество, покровительница женщин и детей’, досл. ‘мать Умай’, чувашский: *Ҷёр амаше* ‘божество земли’, досл. ‘мать земли’, кумыкский: *Сув-анасы* ‘дух воды’, досл. ‘мать воды’, *Ер-анасы* ‘дух земли’, досл. ‘мать земли’, и др.

Лексемы *ата/баба* ‘отец, дед’ также часто встречаются в составе названий духов в мифологии других тюркоязычных народов. Ср. тат.: *Жорт бабай* ‘домовой’, досл. ‘дед, старик дома’, *Курше бабай* ‘дух двора’, досл. ‘старик, дед двора’, *Нардуган бабайы* ‘дух-хозяин Нардугана’, досл. ‘старик Нардугана’ (Нардуган — зимнее и летнее солнцестояние); каз.: *Нур-ата* ‘один из святых казахов’, досл. ‘отец Нур’, *Асан-ата/Есен-ата* ‘род святых, их предводителей’, досл. ‘отец Асан/Есен’, *Дәуут-ата* ‘покровитель кузнецов, досл. ‘отец Даут’; кир.: *Кыргыз-ата* ‘дух-покровитель кыргызов’, досл. ‘отец Кыргыз’, *Ойсул-ата* ‘дух-покровитель верблюдов’, досл. ‘отец Ойсул’, *Чолпон-ата* ‘покровитель овец и овцеводств’, досл. ‘отец Чолпон’, *Дюльдюль-ата* ‘покровитель коневодства’, досл. ‘отец Дюльдюль’, и др. [Рамазанова 2014; Кондыбай 2005; Юдахин 1965].

Как следует из примеров, именованная духов-хозяев с использованием в качестве второго компонента имен родства *ана/инэ* ‘мать’, *ата/баба* ‘отец’ в целом характерны для тюркской мифологии. В качестве первого компонента при этом могут встречаться, так же, как и в башкирском, и названия объекта покровительства (в этом случае возможна конструкция как с изафетным показателем, так и без него), и имена собственные различного происхождения (в этом случае изафетного показателя нет). Сама идея такого именованная духов восходит к шаманистическим воззрениям. Очень близко к этой категории сверхъестественных существ подходят духи-покровители, связанные с культом предков; в нашем материале, очевидно, к таким случаям относятся именованная *Коркот ата*, *Тулкэ атай* и *Бөркөт баба* (последние два, может быть, переосмысленные). Аналогичное происхождение, по всей видимости, имеет именованная медведя в башкирском фольклоре: *Айыу ата*, *Айыу бабай* ‘предок, отец, дед медведь’, *Айыу абзый* (иксакм.) ‘брат-медведь’. *Айыузы һунарсылар айыу абзый тейләр* — Медведя охотники называют братом-медведем. *Айыу апа* (кизил., миас.) ‘дядя-медведь’. *Беззең якта айыузы ололап айыу апа тип әйтә торгайнылар* — В наших краях медведя уважительно называли дядей-медведем. Ср.: *Беззә айыу араһы, козгонлар, мәсекәйләр, керпеләр бар* (С. Миңлегәлина). — У нас есть потомки медведя, ворон, упырей, ежей.

В пантеонах сибирских тюрков, не затронутых влиянием монотеистических религий, и потому, может быть, более близких к первоначальному пратюркскому состоянию, духи-хозяева занимают особое место. У якутов эти существа не принадлежат ни к разряду *аҕы*: (общее название высших существ, олицетворяющих собою начала творчества и добра), ни к разряду *аба:сы* (общее название многочисленных злых духов), хотя в сказках их называют *абасылар* в тех случаях, когда они угрожают каким-либо злом. При соблюдении известных условий они всегда полезны человеку и скорее считаются его покровителями в различных житейских делах [Пекарский 1959, I: 989]. Религиозные представления и обряды южных алтайцев, связанные с почитанием окружающего мира, были во многом близки якутским. Они тоже «выделяли духов-хозяев местности в совершенно самостоятельную категорию сверхъестественных существ, не зависящих ни от Ульгения — главы духов верхнего мира, ни от Эрлика — главы духов нижнего мира, считавшихся в алтайской мифологии основными творцами земли, людей, животных и проч.» [Алексеев 1980: 63].

Тат., башк. *ия/эйэ*, чув. *ыйа/ыйе/ие*, напротив, имеют такие значения, как ‘злой дух, дух болезни, черт’. Отсюда дериваты: тат. диал. *ияле*, чув. *ийеле* ‘одержимый, больной неизлечимой болезнью’. Чувашское *ийе* ‘злой дух’, отмеченное в ЭСТЯ, может быть только татарским заимствованием.

Особую группу духов (часто, впрочем, пересекающуюся с набором «духов-хозяев») представляют собой духи — помощники шаманов, целителей, прорицателей и других «знающих людей». Эта группа духов этнографически в основном изучена для шаманизма тюркских народов Сибири (особенно в этом плане следует отметить работы Н. А. Алексеева [Алексеев 1975, 1980, 1984, 1992]), а также для тюрк-

ских народов Средней Азии, в первую очередь казахов, каракалпаков, узбеков и туркмен (см. литературу, упомянутую в п. IV—VI). В этнографии и фольклористике народов Поволжья эта категория остается практически не описанной, вероятно, в силу реликтового характера собственно шаманистической обрядности на этих территориях.

VII. Заключение

Таким образом, на основе анализа собранного материала и имеющихся источников можно сделать выводы прежде всего о диалектной локализации названий духов-хозяев башкирской мифологии: наиболее распространенное название *эйә/ийә* ‘дух, хозяин’ является общешкирским (и общетюркским); вторые компоненты имен духов *хужа* ‘хозяин’ и *бабай/баба* ‘дед, старик’ могут быть достаточно надежно связаны с северо-западной и южной диалектными зонами; общешкирскими являются также *ана/инә* ‘мать’, *батша* ‘царь’ тяготеет к восточному диалекту, *эби/эбей* ‘бабушка, старушка’ — к северо-западному. Все остальные названия не имеют столь широкого распространения, чтобы можно было делать достоверные выводы об их диалектной принадлежности.

В числе названий персонажей ранней тюркской мифологии наиболее распространенным (но, вероятно, в ряде случаев реиндуцированным в XX в. из книжных источников) является общетюркское *Тәңре* божество: слово употребительно как самостоятельно, так и в составе сложных названий в значении покровителя объекта.

Влияние исламской религии на мифологию башкир очевидно: часть мусульманских святых постепенно перенимает функции духов-покровителей в народном сознании, что отображается и в языке, и в духовной культуре. В народном творчестве башкир находим многочисленные примеры контаминации духов-названий языческого периода с названиями, содержащими имена мусульманских святых. В большинстве случаев перенос таких функций с высокой долей вероятности удастся истолковать, обратившись к соответствующим суфийским легендам об этих святых. И все же остается ряд наименований, пока не поддающихся какой-либо идентификации.

Некоторые названия духов-хозяев имеют соответствия в других тюркских языках, прежде всего близкородственных; в частности, таковы названия с использованием в качестве второго компонента имен родства *ана/инә* ‘мать’, *ата/баба* ‘отец’. По семантике и выполняемым функциям к такой категории сверхъестественных существ максимально приближены духи-покровители, связанные с культом предков, — подобные наименования имеются во многих других тюркских языках и восходят к шаманистическим представлениям древнетюркского этноса. Однако в силу отсутствия полноценного описания этой категории лексики для большинства языков пока не представляется возможным провести полное типологическое сопоставление. Возможно, это задача будущих исследований.

С о к р а щ е н и я

Языки и диалекты

ар. — арабский	перс. — персидский
башк. — башкирский	рус. — русский
вост. — восточный диалект башкирского языка	сев.-зап. — северо-западный диалект башкирского языка
др.-уйг. — древнеуйгурский	тат. — татарский
каз. — казахский	чув. — чувашский
карач.-балк. — карачаево-балкарский	юж. — южный диалект башкирского языка
кир. — киргизский	як. — якутский
ног. — ногайский	

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект:

ай. — айский говор
 арг. — аргаяшский говор
 кизил. — кызыльский говор
 куб. — кубалаякский подговор кызыльского говора
 миас. — миасский говор

Южный диалект:

дем. — демский говор
 ик-сакм. — ик-сакмарский говор
 иргиз. — иргизский говор
 сакмар. — сакмарский говор
 сред. — средний говор

Северо-западный диалект:

- гайн. — гайнинский говор
 караид. — караидельский говор
 нижебельск. — нижебельский говор
 среднеурал. — среднеуральский говор
 танып. — таныпский говор

Диалекты и говоры татарского языка

каз. ар. — казан арты	срг. — сергашевский
кузн. — кузнецкий	т-и. — тоболо-иртышский
лмб. — лямбирский	тмн. — темниковский
минз. — минзелинский	хвл. — хвалынский
нокр. — нократский	

Общие

диал. — диалектное	Suv — Suvnaprabhasa. «Сутра золотого блеска» (в кн. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.—Л., 1951.)
лит. — литературное	
общешарк. — общешаркское слово	
ОТю — общетюркское слово	ТТ — Bang W., Gaben A. von. Türkische Turfan-Texte. I // SPAW. 1929. XV; II // SPAW. 1929. XXII; III // SPAW. 1930. XIII; IV // SPAW. 1930. XXIV; V // SPAW. 1931. XIV; VI // SPAW. 1934. X.
ПТю — пратюркское слово	
POSS.3 — посессив 3 л. ед. ч.	

Источники

ДТС — Древнетюркский словарь. М., 1969.

БИТК — Башкорттарзын им-том китабы / *Хисамитдинова Ф. Г.* Өфө, 2006.

БМ — *Хисамитдинова Ф. Ф.* Башкорт мифологияһы. Өфө, 2002.

БФ — Экспедиция материалдары — 2006: Борай районы. Материалдар һәм тикшеренеүҙәр.

БХИ — Башкорт халыҡ ижады. Т. 1. Йола фольклоры. Өфө, 1995. Т. 2. Легенда һәм риүәйәттәр. Өфө, 1997.

ЙФ — Экспедиция материалдары — 2003: Йылайыр районы. Өфө, 2006.

СФ — Рухи мирас: Свердловск башкорттарының фольклоры. Өфө, 2008.

ҺҺФ — һамар, һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы. Өфө, 2008.

ӨФ — Экспедиция материалдары — 2004: Элшәй районы. Өфө, 2006.

Литература

Алексеев 1975 — *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975. {*N. A. Alekseyev.* Traditional religious beliefs of Yakuts in the 19th — beginning of the 20th century. Novosibirsk, 1975.}

Алексеев 1980 — *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркских народов Сибири. Новосибирск, 1980. {*N. A. Alekseyev.* Early forms of religion of Turkic peoples of Siberia. Novosibirsk, 1980.}

Алексеев 1984 — *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. {*N. A. Alekseyev.* Shamanism of Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, 1984.}

Алексеев 1992 — *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1992. {*N. A. Alekseyev.* Traditional religious beliefs of Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, 1992.}

Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. — Новосибирск, 2000. {*A. Ye. Anikin.* Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages. Moscow — Novosibirsk, 2000.}

Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. {*R. G. Akhmetyanov.* Common vocabulary of spiritual culture of peoples of Middle Volga region. Moscow, 1981.}

Ахметьянов 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка. Казань, 2015. {*R. G. Akhmetyanov.* Etimological dictionary of the Tatar language. Kazan, 2015.}

Ашмарин — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1—17. Казань — Чебоксары, 1928—1950. {*N. I. Ashmarin.* Dictionary of the Chuvash language. Ed. 1—17. Kazan — Cheboksary, 1928—1950.}

Бартольд 1965 — *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. Т. I. Работы по исторической географии. М., 1965. С. 14—15. {*V. V. Bartold.* Details of the Aral sea and lower Amu Darya from ancient times to the 17th century. // Works. Vol. I. Works on historical geography Moscow, 1965. P. 14—15.}

Басилов 1963 — *Басилов В. Н.* О туркменском «пире» дождя Буркут-баба // СЭ. 1963, 3. С. 42—52. {*V. N. Basilov.* On Turkmen “pir” of rain — Burkut-baba. SE. 1963, 3. P. 42—52.}

Басилов 1970 — *Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М., 1970. {*V. N. Basilov.* On the worship of saints in Islam. Moscow, 1970.}

Басилов 1986 — Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии / Отв. ред. *В. Н. Басилов.* М., 1986. {Ancient rites, beliefs and different types of worship of peoples of the Central Asia / Executive editor: *V. N. Basilov.* Moscow, 1986.}

Викторин 2003 — *Викторин В. М.* Тукли-баба Шашлы-аже — святое место астраханских мусульман (Памяти В. Н. Басилова) // Этнографическое обозрение. 2003, 2. С. 50—61. {*V. M. Viktorin.* Tukli-baba Shashly-ajeh — the sacred place of the Astrakhan region’s muslims (In memoriam of V. N. Basilov) // Etnographic review. 2003, 2. P. 50—61.}

Дьячковский 1977 — *Дьячковский Н. Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч. II: Консонантизм. Якутск, 1977. {*N. D. Diachkovskiy.* Phonology of the Yakut language. Part 2: Consonants. Yakutsk, 1977.}

Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М.—Л., 1962. С. 4—5. {*V. M. Zhirmunskiy.* Oghuz heroic epos and the “Book of Korkut” // The book of my grandfather Korkut: Oghuz heroic epos. Moscow — Leningrad. 1962. P. 4—5.}

Залеман 1898 — *Залеман К. Г.* Легенда про Хаким-Ата (Доложено в заседании Историко-филологического отделения 29 сентября 1897 г.) // Известия Императорской академии наук. Серия V. Т. IX. № 2. СПб., 1898. С. 105—150. {*K. G. Zaleman.* The legend on Hakim-Ata (Reported at the meeting of the Historical-philological department on September 29, 1897) // Bulletin of the Imperial Academy of Sciences. Series 5. Volume 9. № 2. Saint-Petersburg, 1898. P. 105—150.}

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 911—922 гг. Харьков, 1956. {*A. P. Kovalevskiy.* The Book of Ahmad Ibn Fadlan on his trip to Volga in 911—922 AD. Kharkov, 1956.}

Кондыбай 2005 — *Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005. {*S. Kondybay.* Kazakh mythology. A Brief Dictionary. Almaty, 2005.}

Кусимова 2000 — *Кусимова Т. Х.* Башкирские имена (Башкорт исемдәре). Уфа, 2000. {*T. Kh. Kusimova.* Bashkir Names (Başqort isemdäre). Ufa, 2000.}

Малкондуев 2005 — *Малкондуев Х.Х.* Мифология балкарцев и карачаевцев // <http://www.elbrusoid.org/articles>, 2005. {*Kh. Kh. Malkonduyev.* Mythology of Balkar and Karachay people // <http://www.elbrusoid.org/articles>, 2005.}

Ойноткинова 2019 — *Ойноткинова Н. Р.* О происхождении некоторых теонимов шаманского пантеона алтайцев // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 200—212. {*N. R. Oynotkinova.* On genesis of some theonyms of the Altai shaman pantheon // The Questions of Onomastics. 2019. Vol. 16. № 1. P. 200—212.}

Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. I—III. Л., 1959. {*E. K. Pekariskiy.* Dictionary of the Yakut language. Volumes 1—3. Leningrad, 1959.}

Рамазанова 2014 — *Рамазанова Д. Б.* Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре. Казан, 2014. {*D. B. Ramazanova.* The terms of kinship and family relations. Kazan, 2014. (In Tatar).}

Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*E. V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems, beginning with vowels. Moscow, 1974.}

Селезнев и др. 2009 — *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. {*A. G. Seleznev, I. A. Selezneva, I. V. Belich.* The worship of saints in the Siberian Islam: peculiarity of the universal. Moscow, 2009.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 4. Лексика. М., 2001. {Comparative historical grammar of Turkic language. Volume 4. Lexics. Moscow, 2001.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. {Comparative historical grammar of Turkic languages. Volume 6. The worldview of Pre-Turkic ethnos according to the language data. Moscow, 2006.}

Снесарев 1969 — *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. {*G. P. Snyesarev.* The throwbacks of pre-islamic beliefs and rites of Uzbek people of Khwarizm. Moscow, 1969.}

Султангареева 2014 — *Султангареева Р. А.* Магический фольклор башкир: специфика и мифоритуальные особенности репертуара. Уфа, 2014. {*R. A. Sultangareyeva.* The magic folklore of Bashkirs: specificity and mythological ritual peculiarities of repertoire. Ufa, 2014.}

Сухарева 1975 — Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5—93. {O. A. Sukhareva. The throwbacks of demonology and shamanism of the lowland Tajiks // Eds. G. P. Snyesarev, V. N. Basilov. Pre-muslim beliefs and rites in the Central Asia. Moscow, 1975. P. 5—93.}

Урманчеев 2008—2009 — Урманчеев Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сузлек: 3 томда: 1, 2 т. Казан, 2008—2009. {F. I. Urmancheev. Tatar mythology. Encyclopedic dictionary: in 3 Volumes. Volumes 1, 2. Kazan, 2008—2009. (In Tatar).}

Хасанова 2018 — Аккужина (Хасанова) Ф. Д. Башкирский календарно-обрядовый фольклор: семантика, функция, бытование. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. {F. D. Akkuzhina (Khasanova). Bashkir calendar and household folklore: semantics, function, practice. PhD Thesis. Moscow, 2018.}

Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. {F. G. Khisamitdinova. Mythological dictionary of the Bashkir language. Moscow, 2010.}

Хисамитдинова 2011 — Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011. {F. G. Khisamitdinova. The dictionary of Bashkir mythology. Ufa, 2011.}

ЭСТЯ 1974 — Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I—III. М., 1974—1980. {E. V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages. Vol. I—III. Moscow, 1974—1980.}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтуркские лексические основы на букву «К». М., 2000. {Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems, beginning with letter “Q”. Moscow, 2000.}

Экба 2015 — Экба З. Н. О соотношении пратюркского *qut* и иранского *žan* в современных тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2015, 1 (16). С. 53—62. {Z. N. Ekba. On the relation of the Proto-Turkic *qut* and the Iranian *žan* in the modern Turkic languages // Ural-Altaic Studies. 2015, 1 (16). P. 53—62.}

Юдахин 1965 — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. {K. K. Yudakhin. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow, 1965.}

ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь / Ред. П. А. Слепцов. М., 1972. {Yakut-Russian Dictionary / Ed. P. A. Sleptsov. Moscow, 1972.}

VATEC — Vatec Text Database // <http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/query.htm>

Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы *šöšqum / šöšqur* и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского/шёшкупского) диалекта селькупского языка

Сайнакова Наталья Викторовна, Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный педагогический университет; pushkareva0723@rambler.ru

Ковылин Сергей Васильевич, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томский государственный педагогический
университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; kovylin.ser@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу топонимического материала, зафиксированного на территории проживания этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкумов/шёшкупов реки Оби и периферийной к ней территории.

В ходе исследования был обобщен топонимический материал, собранный исследователями в Кетском Приобье и осуществлен лингвистический разбор выявленных топонимов по признакам центральных и южных диалектов, очерчены ареалы распространения этих признаков. Все топонимы на селькупском языке были соотнесены с русскими названиями. В ходе проведенного анализа всего топонимического материала были составлены две таблицы и одна карта. Первая таблица демонстрирует центральные и южные признаки, отраженные в топонимах шёшкумов/шёшкупов р. Оби и топонимах, записанных в соседних посёлках, входящих в ареал, периферийный к территории расселения шёшкумов/шёшкупов. Во второй таблице показано соотношение топонимов, записанных лингвистами и этнографами на селькупском и русском языке (1952—2019 гг.). Все селькупские топонимы, которые удалось найти, были отмечены на карте по наличию в них центральных и южных диалектологических признаков. Сопоставив официальные топонимические данные и материал, собранный от старожилов-селькупов и русских рыбаков, было выявлено, что в официальных названиях и названиях, которые используют местные жители, есть существенные различия, и большое количество топонимов не занесено на карту.

Ключевые слова: селькупы, обские шёшкумы/шёшкупы, топонимика, диалектные особенности, диалектно-локальный ареал, этнографическая группа

MATERIALS ON TOPONYMY OF THE KET OB REGION AS A BASIS FOR IDENTIFICATION OF THE SETTLEMENT BORDER OF THE *ŠÖŠQUM / ŠÖŠQUP* DIALECT LOCAL GROUP AND CONFIRMATION OF THE INTERMEDIATE POSITION OF THE MIDDLE OB (SHESHKUM/SHESHKUP) DIALECT OF THE SELKUP LANGUAGE

Natalia V. Saynakova, National Research Tomsk State University, Tomsk State Pedagogical University; pushkareva0723@rambler.ru
Sergei V. Kovylin, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow), National Research Tomsk State University,
Tomsk State Pedagogical University, National Research Tomsk Polytechnic University; kovylin.ser@yandex.ru

This paper is devoted to the analysis of the toponymic materials recorded in the indigenous territory of the ethnographic (dialect local) group of Sheshkums/Sheshkups of the Ob River and its peripheral territory.

In the course of our study, the toponymic material collected by researchers in the Ket Ob region was generalised, and the linguistic analysis of the identified toponyms was carried out in accordance with the peculiarities of the Central and Southern dialects; the distribution areas of these peculiarities were outlined. All the toponyms in Selkup were correlated with their Russian names. In the course of the analysis of all toponymic materials, two tables and one map were compiled. The first table demonstrates the Central and Southern peculiarities reflected in the toponyms of the Sheshkums/Sheshkups of the river Ob and the toponyms recorded in neighbouring settlements included in the area peripheral to the settlement territory of the Sheshkums/Sheshkups. The second table shows the interrelation of toponyms recorded by linguists and ethnographers in Selkup and Russian (1952—2019). All the Selkup toponyms that were found were marked on the map using the principle of the presence of Central and Southern dialectological features in them. Having compared the official toponymic data and the materials collected from the old-timer Selkups and Russian fishermen, it was revealed that there are significant differences in the official names and the names used by locals. That is why a large number of toponyms did not enter the map.

Keywords: Selkups, Ob Sheshkums/Sheshkups, toponymy, dialectal peculiarities, dialect-local area, ethnographic group

Анализ материала выполнен при поддержке гранта № 20-18-00403 (Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных) и программы повышения конкурентоспособности ТГУ. Аффiliation: Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири ТГУ.

Данная статья является продолжением анализа топонимики ареала проживания *шёшкупов/шёшкупов* [Ковылин, Сайнакова 2017] и посвящена поиску доказательств, подтверждающих промежуточный статус диалектно-локальной группы *шёшкупов/шёшкупов* р. Оби на основе лингвистического анализа топонимов.

Диалектно-локальная группа *шёшкупов/шёшкупов* находится фактически в самом центре селькупского ареала — в Приобье¹ между Верхним и Средним устьями р. Кети, так как именно где-то здесь — рядом со Средним (Копыловским) устьем р. Кети — проходила зона стыковки центральных (чумылькупских) и собственно южных (сюссыкумских) диалектов, а значит, и зона контакта представителей разных локальных групп [Тучкова 2013: 53].

В результате проведенного исследования по выявлению территории расселения и описанию этнической культуры этнографической (диалектно-локальной) группы *шёшкупов/шёшкупов* установлено, что их, прежде выделяемых только как диалектно-локальная группа, следует рассматривать также и в качестве самостоятельной этнографической, этнолокальной группы, так как она обладает всеми необходимыми признаками: собственный этноним, языковые особенности, общая территория проживания, представление о собственном единстве и отличие себя от соседних групп селькупов (чумылькупов и сюссыкумов), наличие интенсивного социального взаимодействия внутри группы — тесные родственные, хозяйственные и культурные связи, а также общие этнокультурные черты [Сайнакова 2017].

Для определения ареала расселения изучаемой группы одним из авторов были выдвинуты следующие критерии, помогающие очертить границы этого ареала: диалектные особенности языка, характерные для представителей этой группы; этнонимы, используемые ими; топонимика исследуемой территории; фамильный состав и родственные связи; представление жителей этой местности о каких-либо территориальных границах, существующих у *шёшкупов/шёшкупов*. Одними из важных маркеров стали топонимические данные, собранные исследователями в течение XX в. на территории проживания этой группы. Проблема определения границ территории расселения группы *шёшкупов/шёшкупов* с помощью топонимики на сегодняшний день считается не до конца решенной. Критерий «топонимика», маркирующий ареал этой диалектно-локальной группы, требует комплексного подхода для установления более четких границ расселения *шёшкупов/шёшкупов* и выявления с помощью топонимического материала промежуточного статуса изучаемой группы.

В результате изучения территории расселения с помощью выделенных критериев этнолокальной группы *шёшкупов/шёшкупов* были выявлены населенные пункты, которые составляли центр сосредоточения их представителей — юрты Иванкины, Кияровы и Чаршины (входившие в XIX в. в Пиковскую волость). Из них к концу XIX в. перестали существовать ю. Чаршины, к сер. XX в. — Киярово, а территория Иванкино до середины XX в. оставалась центром, куда стекалось селькупское население из соседних деревень, таких как Киярово, Езенгино, Иготкино, Тяголово.

Для XIX в. на основе собранных данных было выявлено, что представители этнолокальной группы *шёшкупов/шёшкупов* р. Оби проживали в следующих населенных пунктах: Иванкино, Киярово, Чаршино, Тяголово, Иготкино, Конерово, Езенгино, Испаево, Островные, Инкины, Ромашкины, Зайкины. В ходе исследования также были определены соседние поселки, которые входили в ареал, прилегающий к территории расселения *шёшкупов/шёшкупов*. Население этих поселков состояло с ними в родственных отношениях. Этими населенными пунктами были: Басмасово (Ларпинская инородческая волость), Баранаково, Пундогино, Касогосово (Больше-Чурубаровская инородческая волость), Тайзаково, Костенькино, Пагино (Мало-Чурубаровская (Тискинская) инородческая волость). Жители Иванкино также тесно контактировали с жителями соседних деревень — Тибинак (заимка Тибинак), Ласкино, Мумышево, Сагандуково, Тогур и Колпашево [Сайнакова 2017].

Таким образом, ареал контактов *шёшкупов/шёшкупов* гораздо шире, чем собственно территория их расселения. Населенные пункты Тайзаково, Сондрово, Старо-Сондрово, Ново-Сондрово были отнесены лингвистами к сюссыкумскому диалекту/говору, но есть данные, что в Тайзаково также звучал и шёшкупский диалект [Dulson 1971]. Это объясняется тем, что между жителями населенных пунктов Иванкино, Тайзаково и Ново-Сондрово также были выявлены тесные родственные связи, о чем свидетельствует в том числе и наличие одинаковых фамилий в этих деревнях.

Во второй половине XX в. диалект *шёшкупов/шёшкупов* был распространен только в д. Иванкино, и именно там лингвистами были сделаны наиболее ценные записи, характеризующие этот диалект. Изучаемая группа была выделена исследователями-лингвистами и определена как диалектно-локальная

¹ Кетским Приобьем в данной статье обозначен район р. Оби между тремя устьями р. Кети — Нарымским, Копыловским и Тогурским.

(с маркировкой «среднеобской диалект»), имеющая «свои лингвистические признаки» [Ковылин, Сайнакова 2017]².

Исследователями XVIII в. — первой половины XX в. были составлены карты, где зафиксированы названия поселений и крупных рек для изучаемой территории [Ремезов 1701; Спафарий 1882; Нагнибеда 1927]. Наиболее полную информацию для рубежа XIX—XX в. содержит историко-статистический очерк, написанный чиновником и краеведом А. Ф. Плотниковым [Плотников 1901]. Им были собраны первые ценные сведения этнографического характера и этноисторические данные об осятках-«инородцах» всего Нарымского края, в том числе о жителях р. Оби в пределах исследуемого отрезка — между тремя устьями Кети и устьем Чаи.

Во второй половине XX в. топонимикой селькупов в целом занимались такие лингвисты и этнографы, как Л. И. Калинина [Калинина 1959], Э. Г. Беккер [Беккер 1965], А. П. Дульзон [Дульзон 1952], Г. И. Пелих [Пелих 1995], Г. К. Вернер [Вернер 1978], С. В. Глушков [Глушков 1999], В. В. Быконя, Я. А. Яковлев [Быконя, Яковлев 2001; Яковлев 2000], Н. Г. Кузнецова, Н. А. Тучкова [Кузнецова, Тучкова 2008]. Все стационарные поселения селькупов Приобья были перечислены Н. А. Тучковой и описаны по гидрографическому принципу [Тучкова 2014].

Однако на сегодняшний день нет работ, в которых топонимы выступали бы важным маркером для определения территории расселения селькупских диалектно-локальных групп с точки зрения этнической истории и лингвистики (кроме публикаций А. П. Дульзона [Дульзон 1959, 1960, 1970]). Лингвистический анализ топонимов, выявленных на территории расселения изучаемой группы, а также топонимов соседней территории, позволит выяснить диалектную специфику, характерную для жителей населенных пунктов, рассматриваемых как шёшкупские, и определить границы территории расселения *шёшкупов/шёшкупов*.

Любые топонимы в целом и топонимы изучаемой группы селькупов в частности, распространенные в пределах очерченной территории, несут в себе информацию этноисторического характера. В конкретной ситуации языковые признаки разных селькупских диалектов также дают возможность проследить перемещения их носителей. Для обоснованных выводов о расселении необходим лингвистический анализ собранной топонимики, так как именно интерпретация топонимического материала лингвистами сможет сделать этноисторические выводы относительно границ расселения более аргументированными.

С целью выявления признаков среднеобского диалекта *шёшкупов/шёшкупов* и прилегающих территорий в данной статье будут использоваться следующие изоглоссы [Хелимский 1985; Глушков 2001; Филиппова 2011]:

1) Противопоставление южных носовых согласных центральным смычным согласным в ауслауте: Ю. *-m, -n, -ŋ*; Ц. *-p, -t, -k*.

2) Противопоставление центрального *-l* южному *-j*.

3) Противопоставление нарымского *h* и *f* южному *s* и *ps*.

4) Противопоставление центрального *š'* южному *s*.

5) Рефлексии интервокального **-ŋ-*: Ц. *-y-* или *-w-*, Ю. *-ø-*.

6) Самодийский **j-* отражен в южных диалектах не в виде *t'*- или *č'*-, а как *k-*.

7) Удлинение согласного, расположенного в начале слога и следующего за кратким гласным или сонантом, в кетском диалекте.

8) Дифтонгизация гласных в чаинском диалекте, что отличает его от шешкупского (среднеобского) и сюссыкумского (кетско-верхнеобского).

9) Деназализация *td < nd* в тайзаково-старосондровской группе верхнеобского говора, а также в районах р. Чаи, верхней Оби и нижней Кети.

10) Дополнительно можно указать еще один диалектный критерий, выделенный нами при анализе сондровской группы. Для населенных пунктов Сондрово, Старосондрово и Новосондрово характерно изменение артикуляции гласного *e-* (*e:-*) в начале слова на *je-* (*je:-*), например *jegu* 'быть', *je:do* 'деревня'. Данный признак выделяется достаточно регулярно на основе архивных записей кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета [Архив ЛЯНС, том 6, 7, 8: 1962].

Первыми исследователями, целенаправленно изучавшими селькупские топонимы, стали ученые-лингвисты А. П. Дульзон [Дульзон 1952], Э. Г. Беккер [Беккер 1964], А. И. Кузьмина [Кузьмина 1967]. На сегодняшний день эти записи являются единственным топонимическим источником на селькупском языке с русским переводом. Топонимы д. Иванкино и ее окрестностей были записаны на селькупском языке и внесены в таблицу «Топонимы, собранные в д. Иванкино» [Ковылин, Сайнакова 2017]. Из вышеуказанной таблицы были выбраны топонимы, в которых удалось усмотреть признаки южного и цен-

² Подробное обсуждение особенностей также представлено далее в тексте работы и Приложении 1.

трального диалектов (см. Приложение 1). В результате по диалектным признакам 24 топонима можно отнести к южному диалекту, 52 топонима — к центральному диалекту. Эти селькупские топонимы были добавлены в общую таблицу, включая топонимы, которые на основе выявленных признаков можно отнести как к центральным, так и к южным (см. Приложение 2, Приложение 3). Но не все топонимы удалось нанести на карту, так как данные об их расположении отсутствуют или не содержат диалекторазличительных признаков (см. Приложение 2).

В ходе исследования был осуществлен сбор этнографического и лингвистического материала, а также картографических источников. В результате были записаны гидронимы (1952—2019 гг.) и на их основе составлена *общая таблица* (см. Приложение 3). В самой таблице проведен анализ и сравнение названий, записанных в разный период времени, и выявлена их принадлежность к центральным и южным диалектам. Также были рассмотрены переводы исследуемых топонимов на русский язык.

В результате сбора этнографического материала список топонимов был существенно дополнен селькупкой Н. П. Иженбиной, которая собирала материал в рамках школьного курса по селькупскому языку в д. Иванкино [Иженбина 1999, 2001]. Ценная информация была собрана ею в 1990-е годы от односельчан-селькупов — В. А. Киярова (1926 г. р.), Н. А. Тобольжина (1935 г. р.) и С. Н. Сычина (1962 г. р.). Всего ею было записано более 50 топонимов [Иженбина 1996]. Собранный материал важен тем, что все мужчины были рыбаками и хорошо знали местность. Они объясняли расположение водоемов и давали небольшое описание, но, к сожалению, данные не были занесены на карту.

В 2012 г. сбор топонимического материала продолжила Н. В. Сайнакова. В 2012—2019 гг. ей удалось поработать с картой и выявить порядка 100 топонимов с помощью местных жителей-рыбаков — В. Е. Мурзина (1935 г. р.), В. Т. Былина (1949 г. р.), А. А. Анисимова (1959 г. р.), С. Н. Сычина (1962 г. р.) [Сайнакова 2016].

Для сравнения гидронимов и топонимов были использованы документы и картографические источники:

1. Перечень рыбопромысловых водоемов от КМН общины «Рассвет» (2001 г.) [Перечень пользователей водными биоресурсами 2016]. В документах официально была создана община КМН «Рассвет» (2002 г.) за национальным поселением Иванкино для промышленного рыболовства ООО «Рыбозавод» и официально были закреплены границы [Личный фонд С. Н. Сычина 2002]³ (все названия внесены в общую таблицу топонимов, см. Приложение 3).
2. Данные гидрологической изученности Средней Оби [Ресурсы поверхностных вод СССР 1967]⁴. Для уточнения и поиска гидронимов изучаемой территории был просмотрен алфавитный список рек, озер и других водных объектов. В таблицах указаны названия водотока, а также куда он впадает и с какого берега. Относительно изучаемой территории среди огромного числа водоемов были выделены порядка восьми гидронимов, которые подходят по названиям — оз. Большое Порультто, Долгое (Езенга), Кожпар, Квеш, Мамонтово и др. Также была просмотрена лоцманская карта реки Оби от Новосибирского гидроузла до устья реки Томь [Лоцманская карта 1973].
3. Интернет-ресурсы: карты генштаба (<http://map-1.ru/index.html>), ГВР — государственный водный реестр (<http://textual.ru/gvr/>), ОГБУ природы — управление водными ресурсами, Верхне-Обское бассейновое водное управление (<http://vobvunsk.ru/>), сведения территориального центра «Томскгеомониторинг» [ОАО «Томскгеомониторинг» 2019]. По просьбе территориального центра была подготовлена карта Колпашевского района, на которой официально на сегодняшний день зафиксирован 171 топоним. Из них более 56 топонимов отмечены на территории проживания *шёшкупов/шёшкупов* и занесены официально на карту, а 43 топонима отсутствует, так как точных данных по названиям у сотрудников нет.

Все топонимы, собранные Н. П. Иженбиной и Н. В. Сайнаковой, зафиксированы на русском языке, но многие названия водоемов, несомненно, имеют селькупское происхождение. Например, такие озера, протоки и речки: *Шарато* (Шара-то — твердый-озеро), *Пинчибряк* (Пинчи-бряк — стрежь-исток), *Кунак* (Ку-н-ак — человек-GEN-исток); *Кутеречвор* (Кутере⁵-чвор⁶ — курья-чвор), *Элензато* (Эленза-то — Елена-озеро), *Нючквежнак* (Нючквежн-ак — ?-устье), *Сольднак* (Сольд-н-ак — горло-GEN-устье), *Нюнглото* (Нюнгло-то — ?-озеро); *Ташунто* (Ташу-н-то — ?-GEN-озеро), *чвор Пиндигу* (чвор Пинди-гу — чвор ?плыть.по.течению-INF), *Поньджа* (болото с водой, трясина), *Квёж* (запор), *Неллгэтэвипузэто* (Неллгэтэвипузэ-то — ?-озеро); *Тагишунде* (Таги-шунде — зад-нутро), *Кютдэ/Кюддэ* (островное.озеро),

³ Материалы предоставлены бывшим главой администрации национального поселения Иванкино С. Н. Сычиным.

⁴ Материалы предоставили сотрудники кафедры гидрологии НИ ТГУ.

⁵ Должно быть *кужсере*.

⁶ Чвор — озеро с истоком от реки [Архив ЛЯНС 1962].

Сыркукито/Сыркукубито/Сырикакикито (Сыр-ку-ки-то — корова-умереть-?-озеро; Сыр-ку-ку-би-то — корова-умереть-НАВ-РСТ.РТСР-озеро; Сыр-икакики-то — корова-?-озеро), *Тяньджелзади, Пекалд(т)отю* (*Пека-л-д(т)о-тлю* — лось-ADJz-?-озеро), *Суколд(т)о* (Суко+л+д(т)о — мыс-ADJz-озеро), *Пёдиго/Педигу, Порульдо, Карабухто, Кургунто, Леволдо, Квычнак, Кодотай, Пярчук, Кяжу, Лэмпэде* (см. Приложение 3).

В топонимах видны черты селькупской фонетики, но некоторые из них сложно расшифровать. Часть топонимов была записана в том числе и от русских информантов, поэтому их селькупский фонетический облик может быть искажен. Представленный материал требует более детального изучения, и, вероятно, в нем могут быть обнаружены черты не из селькупского и русского языков. Следует признать, что диалектно-локальная группа *шёшкумов/шёшкупов* существовала и развивалась не изолированно от своих соседей, поэтому изучаемую местность можно считать «зоной смешения» как в языковом плане, так и в плане этнокультурных особенностей, что существенно осложняет решение вопроса об определении ареала расселения рассматриваемой группы и мест проживания ее представителей.

Всего на основе собранного топонимического материала было зафиксировано 152 топонима (1950—2000-е гг.). Общую таблицу топонимов (см. Приложение 3) можно разделить на три части: 1) топонимы на селькупском языке с переводом на русский; 2) топонимы, которые удалось сопоставить между собой за период с 1990-х по 2000-е гг. и найти одни и те же названия; 3) топонимы, зафиксированные из различных источников, которые были упомянуты один раз. Собранный материал позволяет увидеть, как менялись и исчезали селькупские названия, но этот вопрос требует отдельного более детального изучения.

Все топонимы на селькупском языке были соотнесены с русскими названиями. Таким образом, методом поиска и сравнения удалось выявить 50 топонимов на селькупском языке с переводом на русский, то есть эти топонимы можно считать «уцелевшими», так как с 1950-х гг. до настоящего времени они не поменялись. Порядка 11 топонимов удалось соотнести за период с 1996 по 2019 год. Всего на карту нанесено 82 топонима, из которых только в 16 топонимах обнаруживаются черты центральных диалектов, в 10 — черты южных диалектов и в 4 топонимах — смешанные черты. Из них в 52 топонимах, которые были отражены на карте, не обнаруживаются признаки центральных или южных диалектов селькупского языка (см. Приложение 2). Такой результат наглядно доказывает промежуточный статус диалектно-локальной группы *шёшкумов/шёшкупов*.

Для того чтобы удостовериться в правильности определения территории расселения изучаемой группы, необходимо проверить также топонимы соседних поселков по признакам центрального и южно-го диалектов селькупского языка.

Э. Г. Беккер исследовала топонимику всех диалектно-локальных групп селькупов, поэтому материал собирался и изучался ею в совокупности с данными из других районов расселения селькупов. В связи с этим в дополнение к таблице топонимов, собранных в д. Иванкино, в данном исследовании были собраны все топонимы соседних деревень и разобраны по тем же самым диалектным признакам (см. Приложение 1). Согласно материалам А. П. Дульзона, А. И. Кузьминой, Э. Г. Беккер, представители этого говора проживали и в соседних деревнях: Киярово, Езенгино, Тяголово, Иготкино, Тогур, Колпашево, Конерово, Баранакково. Исследователями также были упомянуты населенные пункты Басмасово, Мумышево, Ласкино, Сагандуково, Тайзаково, Костенькино, Ново-Сондрово, Инкино, Тебенак.

В Приложении 1 представлены топонимы из Иванкино и прилегающих деревень, в которых обнаруживаются соответствующие центральные или южные диалектные черты. Деревни, где были записаны топонимы, представлены по гидрографическому принципу с севера на юг: Басманово, Ласкино, Тебенак, Иванкино, Новосондрово, Сондрово, Старосондрово, Тайзаково. Дальнейший анализ основывается на статистических данных.

Так, в деревнях **Басманово** и **Тайзаково**, представляющих крайние точки анализируемого ареала, выделяется лишь по одному топониму, демонстрирующему центральные черты: согласный **-l** (противопоставление южного **-j** центральному **-l**).

В деревне **Ласкино** центральные черты доминируют: **Ю.:** **-n** (3⁷) (противопоставление южного **-n** центральному **-t**); **Ц.:** **-k** (2), **ш** (2), **-л** (21) (противопоставление южного **-ŋ** центральному **-k**, южного **s** центральному **š**, южного **-j** центральному **-l**).

В деревне **Тебенак** центральные черты немного преобладают: **Ю.:** **-n** (2), **-й** (2) (противопоставление южного **-n** центральному **-t**, южного **-j** центральному **-l**); **Ц.:** **-k** (2), **-m** (1), **-л** (3) (противопоставление южного **-ŋ** центральному **-k**, южного **-n** центральному **-t**, южного **-j** центральному **-l**).

В деревне **Иванкино** встречаются смешанные диалектные черты, однако преобладают центральные: **Ю.:** **-n** (5), **-й** (7), **c** (12) (противопоставление южного **-n** центральному **-t**, южного **-j** центральному **-l**;

⁷ Здесь и далее в скобках приведено количество примеров с представленным диалектным признаком (см. Приложение 1).

южного *s* нарымскому *h*); Ц.: *-к* (13), *-m* (14), *-б* (2), *-л* (13), *ш* (10) (противопоставление южного *-ŋ* центральному *-k*, южного *-n* центральному *-t*, южного *-m* центральному *-b*, южного *-j* центральному *-l*, южного *s* центральному *š*).

В деревне **Новосондрово** отмечаются только южные диалектные черты: Ю.: *-(н)гъ* (1), *-н* (2), *с* (2), *je-* (*ie-*, *je:-*) (8) (противопоставление южного *-ŋ* центральному *-k*, южного *-n* центральному *-t*, южного *s* центральному *š*; изменение гласного *e-* (*e:-*) в *je-* (*je:-*) в Сондровской группе).

В деревне **Сондрово** выделяются в основном южные диалектные черты, большинство из которых свойственно Сондровской группе: Ю.: *с* (1), *-mд-* (1), *je-* (*ie-*) (5) (противопоставление южного *s* центральному *š*; деназализация *-mд-* < *-нд-* в тайзаково-старосондровской группе верхнеобского говора, в районах р. Чаи, верхней Оби и нижней Кети; изменение гласного *e-* (*e:-*) в *je-* (*je:-*) в Сондровской группе); Ц.: *-л* (1) (противопоставление южного *-j* центральному *-l*).

В деревне **Старосондрово** доминируют южные диалектные черты: Ю.: *-нг* (4), *-н* (8), *-й (-и)* (3), *к-* (3) вместо *ti-* или *či-*, *-m(m)-* (1), *je-* (*ie-*) (2) (противопоставление южного *-ŋ* центральному *-k*, южного *-n* центральному *-t*, южного *-j* центральному *-l*; самодийский **j-* отражен в южных диалектах не в виде *ti-* или *či-*, а как *к-*; деназализация *-mд-* < *-нд-* в тайзаково-старосондровской группе верхнеобского говора, в районах р. Чаи, верхней Оби и нижней Кети; изменение гласного *e-* (*e:-*) в *je-* (*je:-*) в Сондровской группе); Ц.: *-к* (5); *-л* (2) (противопоставление южного *-ŋ* центральному *-k*, южного *-j* центральному *-l*).

Проанализировав и сравнив данные, извлеченные из списка топонимов иванкинского идиома, где бывал этноним *шёшкуп/шёшкум*, с данными топонимов соседних поселков, где были расселены чумьлькупы и сюссыкумы, а также — периферийно — и *шёшкумы/шёшкupy*, мы можем выделить условный переходный континуум. Так, иванкинский идиом совмещает в себе как центральные, так и южные диалектологические признаки, в связи с чем его можно с достаточной долей уверенности считать переходным между центральными и южными диалектами, где преобладают соответствующие центральные и южные признаки. Центральных признаков в иванкинском идиоме выделяется больше, чем южных, однако основные данные получены всего от двух информантов, уроженцев Иготкино и Иванкино. Данный идиом может являться весьма неоднородным по данным из разных населенных пунктов как в синхронии, так и в диахронии. Например, в разговорнике, составленном В. В. Быконой, информанты из Иванкино и Киярово именуют себя *шушкупами* или *шешкумами* и демонстрируют немного различающуюся фонетику и грамматику [Быконя 1999: 4—6].

В списках топонимов, зафиксированных около д. Ласкино, доминируют центральные диалектные черты селькупского языка, в Тебенаке — как центральные, так и южные диалектные черты, в Новосондрово, Старосондрово и Сондрово в основном преобладают южные диалектные черты, а также черты, присущие сондровскому (сюссыкумскому) ареалу, что отличает их от иванкинского идиома *шёшкумов/шёшкупов*.

В целом почти в каждом из рассмотренных диалектов можно выделить как центральные, так и южные признаки, которые плавно нарастают соответственно к центральным и южным границам проанализированного ареала.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что дополнительное целенаправленное изучение топонимики, собранной в районе проживания этнографической (диалектно-локальной) группы *шёшкуп/шёшкум*, проводилось впервые. Сопоставив официальные топонимические данные и материал, собранный от старожилов-селькупов, мы установили, что между официальными названиями и названиями, которые используют сами селькупы и русские рыбаки, есть существенные различия, а большое количество топонимов не занесено на карту Колпашевского района Томской области. Можно предположить, что метод определения границ расселения *шёшкумов/шёшкупов* при помощи диалектных особенностей селькупского языка, отраженных в названиях топонимов, в данном случае не является достаточно эффективным для выявления границ применительно к изучаемой диалектно-локальной группе, т. к. данные топонимы несут в себе смешанные диалектные черты, что доказывает наглядно промежуточный статус среднеобского диалекта.

В результате проведенного исследования в топонимах изучаемой территории было выявлено присутствие как центральных, так и южных признаков, что говорит о совместном расселении носителей этих признаков в данном регионе. В свою очередь, в деревнях, находящихся на периферии проживания *шёшкупов/шёшкумов*, таких как Ласкино, Тебенак, преобладают центральные диалектные черты; в таких деревнях, как Новосондрово, Сондрово, Старосондрово, преобладают южные диалектные черты⁸.

⁸ В деревнях Басманово и Тайзаково выделяется лишь по одному топониму. Они не могут быть использованы в качестве надежных данных для определения признаков из-за их количества, так как сами центральные и южные диалекты в исследовании демонстрируют смешанные черты.

Приложение 1. Южные и центральные признаки, отраженные в топонимах *шёшкупов/шёшкумов* р. Оби и топонимах, записанных в соседних поселках, входящих в ареал, периферийный к территории расселения шёшкупов⁹

ЮЖНЫЕ	ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
БАСМАСОВО¹⁰	
Южная <i>-j</i> vs Центральная <i>-l</i>	
<i>тэ.бълто</i> (тэ:+бъл+то — сгнуть+PST.PTCP+озеро) ‘гнилое озеро’.	
ЛАСКИНО¹¹	
Южная <i>-ŋ</i> vs Центральная <i>-k</i>	
1) <i>н'евàлгунáк, н'евàлгынáк</i> (н'евà+л+гу+н+áк, н'евà+л+гы+н+áк — заяц+ADJz+река+GEN+устье) ‘Неволь-канак, Невальцево’;	
2) <i>канакэм</i> (канак+эт — собака+деревня) ‘Сагандуково’.	
Южная <i>-n</i> vs Центральная <i>-t</i>	
1) <i>н'евàлгунáк, н'евàлгынáк</i> (н'евà+л+гу+н+áк, н'евà+л+гы+н+áк — заяц+ADJz+река+GEN+устье) ‘Неволь-канак, Невальцево’;	
2) <i>пыджан эт</i> (пыджа+н эт — Пыжино+GEN деревня) ‘Пыжино’.	
Южная <i>-j</i> vs Центральная <i>-l</i>	
1) <i>вас'уганалкы</i> (вас'угана+л+кы — Васюган+ADJz+река) ‘Васюган’;	
2) <i>ка́лкы</i> (ка́+л+кы — окунь+ADJz+река) ‘Тым’;	
3) <i>ты́мылкы</i> (ты́мы+л+кы — тым+ADJz+река) ‘Тым’;	
4) <i>ша́алгы</i> (ша́а+л+гы — ?Чая+?ADJz+река) ‘Чая’;	
5) <i>то́дылто</i> (то́ды+л+то — карась+ADJz+озеро) ‘?’;	
6) <i>кварал эт, квóрал эт</i> (квара+л эт, квóра+л эт — ?ворона+ADJz деревня) ‘Чирняево, Ласкино’;	
7) <i>кыáрлет</i> (кыáр+л+ет — Кияров ¹² +ADJz+деревня) ‘Киярово’;	

⁹ Все информанты хорошо владели селькупским языком. С большой долей вероятности они говорили на соответствующих идиомах населенных пунктов, представленных в таблице.

¹⁰ Информант: Тагина Татьяна Дмитриевна. 41 год (записано в 1962 г.). Родилась в д. Мумышево, но ребенком увезли в Напас Тымского района. Мать — коренная остячка. Окончила педучилище в Колпашево в 1944 г. Учительница начальных классов [Архив ЛЯНС, том 10, 1962: 561, 564, 568].

¹¹ Информант: Мальков Степан Николаевич. 81 год (записано в 1953 г.). Глава семьи. Записано в Ласкино. Самоназвание — чумылькуп. [Архив ЛЯНС, том 2, 1953: 145, 146, 171, 172, 169, 176, 182, 183, 209, 272, 273].

¹² Фамилия.

ЮЖНЫЕ**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ**

- 8) *късôуыI эт* (късôуыI эт — ?в.другую.сторону(вниз).ADJz деревня) ‘Чиголово, Тиголово’;
- 9) *късôуыI эт* (късôуы+I эт — ?в.другую.сторону(вниз)+ADJz деревня) ‘Чиголово, Тиголово’;
- 10) *къчиблэт* (къ+чиб+л+эт — яр+?конец+ADJz+деревня) ‘Мумышево’;
- 11) *н'евàлгунàк, н'евàлгынàк* (н'евà+л+гу+н+àк, н'евà+л+гы+н+àк — заяц+ADJz+река+GEN+устье) ‘Неволь-канак, Невальцево’;
- 12) *парбьI эт* (парбь+I эт — Парба+ADJz деревня) ‘Парба’;
- 13) *пилэт* (пи+I+эт — осина+ADJz+деревня) ‘Иванкино’;
- 14) *саиспаил эт* (саиспай+л эт — Саиспаево+ADJz деревня) ‘Саиспаево’;
- 15) *тибинал эт* (тибина+I эт — ?Тибинак+ADJz деревня) ‘Тибинак’;
- 16) *т'у'ай эт* (т'у'ä+I эт — береста+ADJz деревня) ‘Инкино’;
- 17) *чварол ат, чварол эт* (чваро+л ат, чваро+л эт — чвор+ADJz деревня) ‘Тюхтерево’;
- 18) *чир'айI эт* (чир'ай+I эт — ?+ADJz деревня) ‘Чиряево’.

Южная *s* vs Центральная *š'*

- 1) *кô:дъшынч'* (кô:дъ+шынч' — исток+ручей) ‘Кеть’;
- 2) *ш'аалгы* (ш'аа+л+гы — ?Чая+?ADJz+река) ‘Чая’.

ТЕБЕНАК¹³Южная *-ŋ* vs Центральная *-k*

- 1) *кôнганак* (кôннга+н+ак — Кёнга+GEN+устье) ‘Тингунак’;
- 2) *те:бинак* (те:би+н+ак — ?+GEN+устье) ‘Тебенак’.

Южная *-n* vs Центральная *-t*

- 1) *кôнганак* (кôннга+н+ак — Кёнга+GEN+устье) ‘Тингунак’; *коромджеткы* (коромдже+т+кы — ?лукошко+GEN+река) ‘Корджа’.
- 2) *те:бинак* (те:би+н+ак — ?+GEN+устье) ‘Тебенак’.

Южная *-j* vs Центральная *-l*

- 1) *те:би-чуор* (те:би-чуор — ?длинный.ADJz-чвор) ‘?’;
- 1) *каделкы* (каде+л+кы — ?+ADJz+река) ‘л. пр. Васюган’;
- 2) *чалджито* (чалдж+и+то — ?+ADJz+озеро) ‘?’.
- 2) *н'урел'кы* (н'уре+л'+кы — ?заливной.луг+ADJz+река) ‘Нюролька’;
- 3) *логолту* (лого+I+ту — черт+ADJz+озеро) ‘?’.

¹³ Нет данных по источнику топонимов в диссертации Э. Г. Беккер [Беккер 1965].

ИВАНКИНО¹⁴Южная *-ŋ* vs Центральная *-k*

- 1) *pr'ak* 'Пурьянга';
- 2) *марена'к* 'Тогур';
- 3) *шадык куадж* (шадык куадж — сырок запор) 'Сырковый чвор озеро';
- 4) *канаке̄т* (канак-ēt — собака+деревня) 'Сагандуково';
- 5) *нуджкводженак* (нудж+кводже+н+ак — трава+запор+GEN+устье) '?';
- 6) *варг пәнжабрāk* (варг пәнжа+брāk — большой стрежь+исток) 'Большой стрежневой исток';
- 7) *кыба пәнжабрāk* (кыба пәнжа+брāk — маленький стрежь+исток) 'Малый стрежневой исток';
- 8) *кунак* (ку+н+ак — человек+GEN+рот) 'Человека рот — исток';
- 9) *мейнак* (мей+а̄к — ?+рот) '?';
- 10) *варг кылнак* (варг кыл+н+ак — большой глубокая яма+GEN+устье) 'Исток, устье глубокой ямы';
- 11) *арктéw* (арк+теw — другой?+исток) 'Исток поперек';
- 12) *пуджиджāk* (пуджидж+а̄к — ?+устье) 'Тенистое озеро';
- 13) *пёнджеибрāk* (пёндже+ибрāk — ?+исток) 'Стаханова пристань'.

Южная *-n* vs Центральная *-t*

1) <i>кеярын кужере</i> (кеяры+н кужере — ?кияр?+GEN+курья) 'Киярский чвор'; 2) <i>нуджкводженак</i> (нудж+кводже+н+ак — трава+запор+GEN+устье) '?'; 3) <i>кунак</i> (ку+н+ак — человек+GEN+рот) 'Человека рот — исток'; 4) <i>варг кылнак</i> (варг кыл+н+ак — большой глубокая яма+GEN+устье) 'Исток, устье глубокой ямы'; 5) <i>пәддонтó</i> (пәдо+н+то — ?чебак+GEN+озеро) 'Чаршин чвор'.	1) <i>төрра+т+то</i> (төрра+т+то — исток+GEN+озеро) 'Источное озеро'; 2) <i>лаврентимто</i> (лаврент'и+т+то — Лаврентий+GEN+озеро) 'Лаврентьево озеро'; 3) <i>лабдаратто</i> (лабо+ара+т+то — Ефим+старик+GEN+озеро) 'Ефимушкино озеро'; 4) <i>пәтромто</i> (пәтро+т+то — Петр+GEN+озеро) 'озеро Петрово'; 5) <i>лемешкааратто</i> (лемешка+ара+т+то — Лементий+старик+GEN+озеро) 'Лементьево озеро'; 6) <i>пилкайаратто</i> (пилка+й+ара+т+то — Филипп+ADJZ+старик+GEN+озеро) 'Филлошкино озеро'; 7) <i>мәрготкводжчвер</i> (мәрго+т+кводж+чвер — Марк+GEN+запор+чвор) 'Маркин чвор'; 8) <i>кијарткужерё</i> (кијар+т+кужерё — Кияр+GEN+курья) 'Киярская курья'; 9) <i>аратто</i> (ара+т+то — старик+GEN+озеро) 'Дедушкино озеро';

¹⁴ Информант: Тобольжин Роман Сергеевич. 77 лет. Родился в Иготкино (12 км от Иванкино), там вырос. Переехал в Иванкино в 1917 г. [Архив ЛЯНС, Том 1, 1952: 272—276]; информант: Ижучкина Анна Федоровна [Архив ЛЯНС, том 10, 1962: 595—645].

ЮЖНЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ

- 10) *ло̀га̀ткужэ̀рчѣ̀вр* (ло̀га+т+кужер+чѣ̀вр — лиса+GEN+курья+чвор) ‘Лисье озеро’;
 11) *квѣтабито́* (квѣ+т+аби+то — береза+GEN+?+озеро) ‘Подберезовое озеро’;
 12) *лѣмбѣтпедѣ́ка̀сѣ̀тѣ̀* (лѣмбѣ+т+педѣ+касѣ̀тѣ̀ — орел+GEN+гнездо+?) ‘озеро Орлиное гнездо’;
 13) *ка̀риѣткводж* (ка̀риѣ+т+кводж — Григорий+GEN+запор) ‘исток Григория’;
 14) *пѣзѣѣтпакѣ̀то* (пѣзѣ+ѣ+т+пакѣ̀то — топор+GEN+рукоятка+озеро) ‘Топорище озеро’.

Южная -т vs Центральная -р

- 1) *кыба́ ка̀рьб пѣ̀подито́* (кыба ка̀рь(б) пѣ̀д+поди+то — маленький+морда(?ACC?) поставить сеть+PST.PTCP+озеро) ‘Малое озеро, куда морду ставят’;
 2) *варг ка̀рьб пѣ̀подито* (варг ка̀рь(б) пѣ̀д+поди+то — большой+морда(?ACC?) поставить сеть+PST.PTCP+озеро) ‘Большое озеро, куда морду ставят’.

Южная -j vs Центральная -l

- 1) *ла̀йкводж* (ла+й+кводж — язь+ADJz+запор) ‘Язевый исток’;
 2) *пилка̀йаратто* (пилка+й+ара+т+то — Фи-липп+ADJz+старик+GEN+озеро) ‘Филлюшкино озеро’;
 3) *шѣ̀йкводж* (шѣ̀+й+кводж — змея+ADJz+запор) ‘Змеинный исток (запорный)’;
 4) *ка̀вѣйтѣ̀* (ка̀вѣ+й+то — лине+ADJz+озеро) ‘Линевое озеро’;
 5) *ка̀зайкѣ̀л* (ка̀за+й+кѣ̀л — окунь+ADJz+яма) ‘Окунева ямка’;
 6) *нагурдѣ̀райтѣ̀* (нагур+дѣ̀ра+й+то — три+развилка+ADJz+озеро) ‘Трехразвилочное озеро’;
 7) *ка̀гайпѣ̀дѣ̀чѣ̀р* (ка̀га+й+по+д+чѣ̀р — могила+ADJz+?озеро+?POSS.3SG+?чвор?) ‘Кладбищенское озеро’.
- 1) *шѣ̀рѣ̀лто* (шѣ̀рѣ̀л+то — чайка+ADJz+озеро) ‘Чайкино озеро’;
 2) *пѣ̀кѣ̀лто* (пѣ̀кѣ̀л+то — лось+ADJz+озеро) ‘Лосиное озеро’;
 3) *са̀нѣ̀гѣ̀лдо́* (са̀нѣ̀гѣ̀л+дѣ̀до́ — глухарь+ADJz+озеро) ‘Глухаринное озеро’;
 4) *тиѣ̀гѣ̀лдо́* (тиѣ̀гѣ̀л+дѣ̀до́ — лебедь+ADJz+озеро) ‘Лебединное озеро’;
 5) *па̀далдо́* (па̀да+л+дѣ̀до́ — карась+ADJz+озеро) ‘Красное карасевое озеро’;
 6) *нѣ̀улѣ̀гѣ̀лдо́* (нѣ̀улѣ̀гѣ̀л+дѣ̀до́ — пихта+ADJz+озеро) ‘Пихтовое озеро’;
 7) *тѣ̀урулто́* (тѣ̀уру+л+то — песок+ADJz+озеро) ‘Песчаное озеро’;
 8) *лѣ̀влто* (лѣ̀в+л+то — доска+ADJz+озеро) ‘Досковое озеро’;
 9) *пачѣ̀елто* (пачѣ̀е+л+то — утка-чирок+ADJz+озеро) ‘Чирковое озеро’;
 10) *джѣ̀мджѣ̀лда̀дѣ̀и* (джѣ̀мджѣ̀л+да̀дѣ̀и — лягушка+ADJz+?) ‘Лягушачье озеро’;
 11) *лѣ̀мбѣ̀лтѣ̀ак* (лѣ̀мбѣ̀лтѣ̀л+тѣ̀ак — мохнатый+?) ‘Моховое озеро’;
 12) *ватѣ̀лто* (ватѣ̀л+л+то — дорога+ADJz+озеро) ‘Дорожное озеро’;
 13) *нѣ̀ингѣ̀лто* (нѣ̀ингѣ̀л+л+то — камыш+ADJz+озеро) ‘Камышовое озеро’.

Южная -s vs Центральная -h

- 1) *кѣ̀дѣ̀сой* (кѣ̀дѣ̀+сой — островное озеро+исток) ‘Островное озеро’;
 2) *квѣгарѣ̀акѣ̀сой* (квѣгар+ѣ̀акѣ̀+сой — ?+?речки, как озерки+?исток) ‘Прямой исток’;
 3) *лѣ̀горсой* (лѣ̀гор+сой — Егорка+исток) ‘Егоркин исток’;
 4) *кусой* (ку+сой — человек+исток) ‘?’;
 5) *мейнатсой* (мейнат+сой — ?+исток) ‘?’;
 6) *шаратсой* (шара+то+сой — твердый+озеро+исток) ‘Твердый исток’;

ЮЖНЫЕ**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ**

- 7) *мáлдосой* (мáл+до+сой — врозь+озеро+исток) ‘Исток поврозь’;
- 8) *лакрѣсой* (лаккре+сой — ?+исток) ‘?’;
- 9) *ајесой* (аје+сой — рот+исток) ‘Ае исток’;
- 10) *артòсой* (арто+сой — поперек+исток) ‘Исток поперечного озера’;
- 11) *корсой* (кор+сой — глубокий+исток) ‘Ломовое озеро’;
- 12) *сапгьлòдо* (сапгь+л+òдо — глухарь+adjz+озеро) ‘Глухариное озеро’.

Южная *s* vs Центральная *šʹ*

- 1) *пйгьшынті* (пйгь+швентʹ — осина+ручей) ‘Пиковка (осиновая)’;
- 2) *шадьык куáдж* (шадьык куáдж — сырок+запор) ‘Сырковый чвор озеро’;
- 3) *шáрьлто* (шáрь+л+то — чайка+ADJz+озеро) ‘Чайкино озеро’;
- 4) *шаратòсой* (шарато+сой — твердый+исток) ‘Твердый исток’;
- 5) *шоромдо* (шором+до — дождь+озеро) ‘Дождевое озеро’;
- 6) *шўудо* (шўу+до — змея+озеро) ‘Змеиное озеро’;
- 7) *шўйкводж* (шў+й+кводж — змея+ADJz+запор) ‘Змеиный исток (запорный)’;
- 8) *шáрелто* (шарел+то — камыш+озеро) ‘Камышовое озеро’;
- 9) *шидькводж* (шиды+кводж — сырок+запор) ‘Сырковое озеро (чвор)’;
- 10) *шѣдыкводж* (шѣды+кводж — сырок+запор) ‘Сырковый чвор’.

НОВОСОНДРОВО¹⁵Южная *-ŋ* vs Центральная *-k*

каунагь т'òр (кау+н+агь¹⁶ т'òр — ?+GEN+устье озеро) ‘?’.

Южная *-n* vs Центральная *-t*

- 1) *каунагь т'òр* (кау+н+агь т'òр — ?+GEN+устье озеро) ‘?’;
- 2) *мад'инпар'ет* (мад'и+н+пар'ет — ?+GEN+берег+деревня) ‘Касогасово’.

Южная *s* vs Центральная *šʹ*

- 1) *сент'е:т* (сент'и+е:т — новый+деревня) ‘Новосондрово’;
- 2) *сэнд'е:т* (сэнд'и+е:т — новый+деревня) ‘Новоильинка’.

Изменение гласного *e-* (*e:-*) на *je-* (*je:-*) в Сондровской группе

- 1) *ивд'ар'ет* (ивд'ар'и+ет — ?+деревня) ‘Тискино’;
- 2) *кортна'ет* (кортна+јет — ?+деревня) ‘Чалково’;
- 3) *кудмар'ет* (кудмарг'и+ет — ?+деревня) ‘Тайзаково’;

¹⁵ Информант: Пидогина Марина Павловна. 70 лет (записано в 1962 г.). Новосондрово [Архив ЛЯНС, том 6, 1962: 650; том 8, 1962: 950, 951, 953].

¹⁶ Скорее всего, *агь* < *ангь*.

ЮЖНЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ

- 4) *ку:дмарг'ѐт* (ку:дмарг'+ет — ?+деревня) 'Баранаково';
  - 5) *мад'инпар'ѐт* (мад'и+н+пар'+ет — ?+GEN+берег+деревня) 'Касогасово';
  - 6) *сент'и-е:т* (сент'+е:т — новый+деревня) 'Новосондрово';
  - 7) *старый-жет* (старый+жет — старый+деревня) 'Старосондрово';
  - 8) *сэнд'и:т* (сэнд'+е:т — новый+деревня) 'Новоильинка'.
-

СОНДРОВО¹⁷

Южная -j vs Центральная -l

п'л'и'жет (п'и+л'+и'жет — осина+ADJz+деревня) 'Иванкино'.

Южная s vs Центральная š'

с'атдъ жет (с'атдъ жет — новый деревня) 'Новосондрово'.

Деназализации *тд < нд* в тайзаково-старосондровской группе верхнеобского говора, в районах р. Чаи, верхней Оби и нижней Кети

с'атдъ жет (с'атдъ жет — новый деревня) 'Новосондрово'.

Изменение гласного *e-* (*e:-*) на *je-* (*je:-*) в Сондровской группе

- 1) *уФд'ар'ѐт* (уФд'ар'+ет — ?+деревня) 'Тискино';
  - 2) *к'орт'ына-ж'ѐт* (к'орт'ына+ж'ѐт — ?+деревня) 'Чалково';
  - 3) *п'л'и'жет* (п'и+л'+и'жет — осина+ADJz+деревня) 'Иванкино';
  - 4) *с'атдъ жет* (с'атдъ жет — новый деревня) 'Новосондрово';
  - 5) *стара жет* (стара жет — старый деревня) 'Старосондрово'.
-

СТАРОСОНДРОВО¹⁸

Южная -ŋ vs Центральная -k

---

1) <i>кынанг</i> (кы+н+анг — река+GEN+устье) 'Чая';	1) <i>м'эндък</i> (м'енд+ък — ?+устье) 'озеро Мендык';
2) <i>варг'ы кос'ынг</i> (варг'ы кос'ынг — большой петля) '?';	2) <i>каунак</i> (кау+н+ак — ?+GEN+устье) '?';
3) <i>кыб'акъс'ынг</i> (кыба+къс'ынг — маленький+петля) '?';	3) <i>падай каунак</i> (пада+й кау+н+ак — ?зеленый+ADJz ?+GEN+устье) '?';
4) <i>ме:нданаŋ</i> (ме:нда+н+ан — ?+GEN+устье) 'Сондрово'.	4) <i>падай каунакто</i> (пада+й кау+н+ак+то — ?зеленый+ADJz ?+GEN+устье+озеро) '?';
	5) <i>к'узурнак</i> (к'узур+н+ак — ?+GEN+устье) 'Кузурово'.
-

¹⁷ Информант: Майдасова Матрена Федоровна. Родилась в Сондрово. Жила 30 лет в Иванкино. Знает оба диалекта [Архив ЛЯНС, том 8, 1962: 78, 79].

¹⁸ Информант: Сергей Федорович Чигаткин. 63 г. (записано 1953 г.); информант: Чигаткин Иван Сергеевич. 38 лет. (записано 1962 г.) Учился 3 класса. В 1 классе учился на своем языке; информант: Аранжин М. Г. 78 лет. (записано 1962 г.); информант: Педогина Вера Димидовна. Родилась 6 июля 1962 г. Всю жизнь прожила в Старосондрово. [Архив ЛЯНС, том 2, 1953: 52, 130, 131; том 6, 1962: 578; том 7, 1962: 151, 169, 265—269, 542].

ЮЖНЫЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ

Южная -n vs Центральная -t

- 1) *кынанг* (кы+н+анг — река+GEN+устье) ‘Чая’;
  - 2) *каунак* (кау+н+ак — ?+GEN+устье) ‘?’;
  - 3) *кўт(т)унўл т'аку* (кўт(т)у+н+ўл т'аку — лошадь+GEN+голова ?) ‘лошадиная голова’;
  - 4) *падай каунак* (пада+й кау+н+ак — ?зеленый+ADJZ ?+GEN+устье) ‘?’;
  - 5) *падай каунакто* (пада+й кау+н+ак+то — ?зеленый+ADJZ ?+GEN+устье+озеро) ‘?’;
  - 6) *тага́н гвеш* (тага́+н+гвеш — ?+GEN+запор/исток) ‘?’;
  - 7) *кўзўрнак* (кўзўр+н+ак — ?+GEN+устье) ‘Кузурово’;
  - 8) *ме:нданап* (ме:нда+н+ап — ?+GEN+устье) ‘Сондрово’.
-

Южная -j vs Центральная -l

---

1) <i>падай каунак</i> (пада+й кау+н+ак — ?зеленый+ADJZ ?+GEN+устье) ‘?’; 2) <i>падай каунакто</i> (пада+й кау+н+ак+то — ?зеленый+ADJZ ?+GEN+устье+озеро) ‘озеро Каунак’; 3) <i>тад'и</i> (тад'+и — прямой+ADJZ) ‘?’.	1) <i>варгь пурудо</i> (варгь пуру+л+до — большой щука+ADJZ+озеро) ‘?’; 2) <i>кўбалдо</i>: (кўба+л+до: — ?+ADJZ+озеро) ‘?’.
-

Самодийский *j- отражен в южных диалектах не в виде *tⁱ-* или *čⁱ-*, а как *k-*

- 1) *варгь косьинг* (варгь косьинг — большой петля) ‘?’;
  - 2) *кыба́ксьы́нг* (кыба́+ксьы́нг — маленький+петля) ‘?’;
  - 3) *кўт(т)у-н-ўл т'аку* (кўт(т)у+н+ўл т'аку — лошадь+GEN+голова ?) ‘лошадиная голова’.
-

Деназализации *td < nd* в тайзаково-старосондровской группе верхнеобского говора, в районах р. Чаи, верхней Оби и нижней Кети

- кўт(т)унўл т'аку* (кўт(т)у+н+ўл т'аку — лошадь+GEN+голова ?) ‘лошадиная голова’.
-

Изменение гласного *e-* (*e:-*) на *je-* (*je:-*) в Сондровской группе

- 1) *ка́пгу-жè:ды* (ка́пгу+жè:ды — ?+деревня) ‘Костенькино’;
  - 2) *кудймарг'èт* (кудймарг'+èт — ?+деревня) ‘Тайзаково’.
-

ТАЙЗАКОВО¹⁹

Южная -j vs Центральная -l

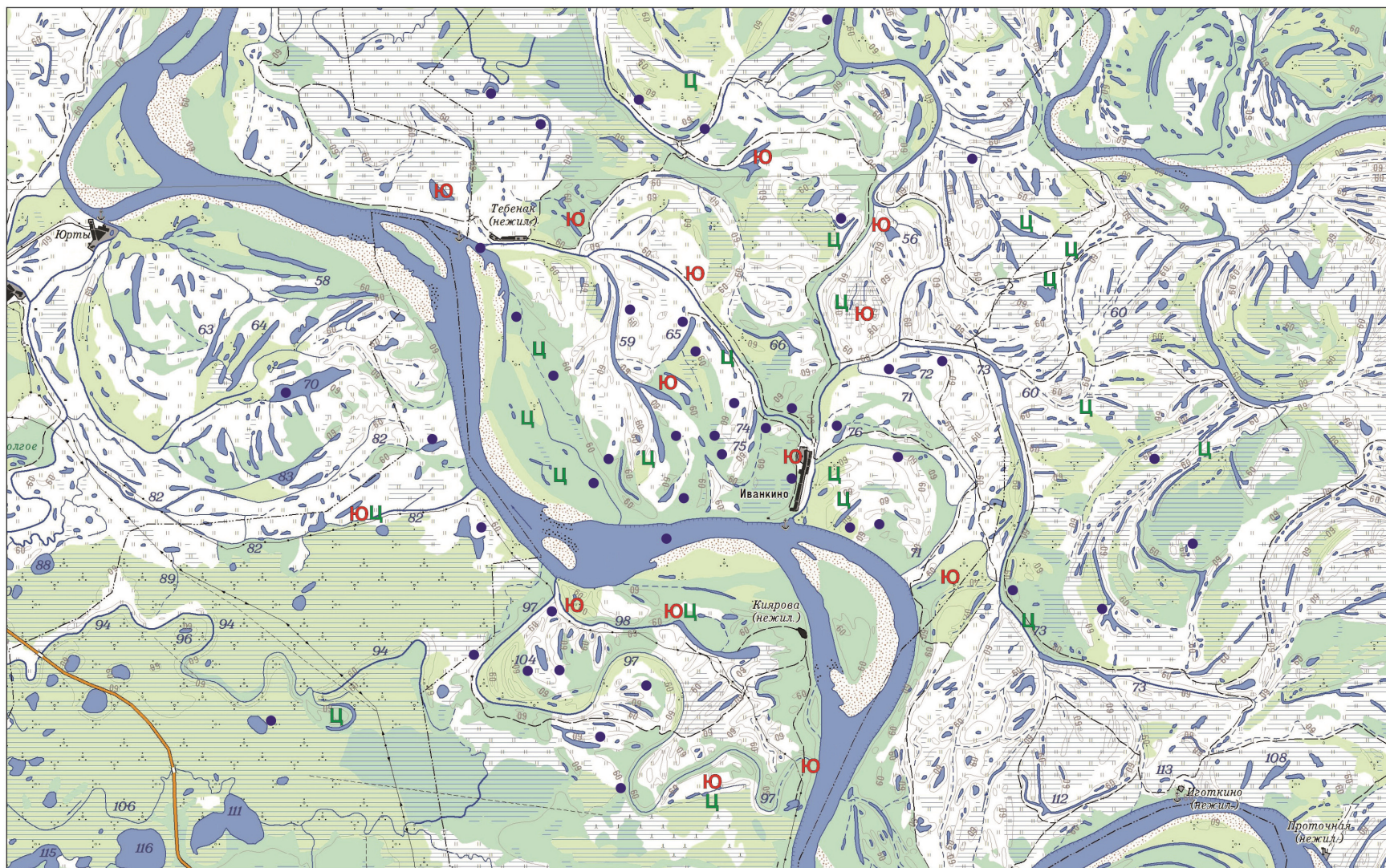

тогулто (тогу+л+то — ?+ADJZ+озеро) ‘?’.

---

¹⁹ Нет данных по источнику топонимов в диссертации Э. Г. Беккер [Беккер 1965].

Приложение 2. Карта топонимов по диалектным признакам группы šöšqum / šöšqur

- Ю - южный диалект
- Ц - центральный диалект
- - диалект не определён

**Приложение 3. Соотношение топонимов, записанных лингвистами и этнографами
на селькупском и русском языке (1952—2019 гг.)**

Записи А. П. Дульзона (1952 г.) и Э. Г. Беккер (1965 г.). Топонимы, которые удалось найти и отметить на карте	Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.)	Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами ²⁰	Перевод с селькупского на рус- ский и возможный перевод селькупских названий, записан- ных на русском языке, с ком- ментарием из архивных записей	Южные и централь- ные признаки, отра- женные в топонимах диалектно-локальной группы шёшкупов
Топонимы, записанные в 1950—1960-х гг.				
колд		р. Обь	р. Обь	(–)
б́рăк; пр'ак	Речка Пурьянга — «Щучья река»	р. Пурьянга Протока Пурьянга* Протока Б. Пурьянга, М. Пурьянга*	р. Пурьянга	Центральный
ел'ёнзатó (ел'енза+то — Елена+озеро)	оз. Элинзато (Эленза-то — Елена-озеро)	оз. Лизато/Легато/Лизариха*	оз. Еленино	(–)
л'агорсой (л'агор+сой — Егорка+исток)	Исток Егоркино	Егоркин исток	Егоркин исток	Южный
кыбá пánжаб́рăк (кыба пánжа+б́рăк — маленький стрежь+исток)	Маленькая речка Пинчибряк	Исток Пинжибряг*	Малый стрежневой исток	Центральный
пéнджеб́рăк (пéндже+б́рăк — стрежь+исток)	Пинчибряк (Пинчи-бряк — стрежь-исток)	Исток Пиджибряг*, р. Прямой исток*	Прямой исток	Центральный Южный
мáрготкводжчвэр (мáрго+т+кводж+чвер — Марк+GEN+запор+чвор)	оз. Маркино	оз. Маркины	Маркин чвор	Центральный
киjарткужер'е (киjар+т+кужер'е — Кияр+GEN+курья)	р. Кияриха, Протока Кияриха Исток Киярово	р. Кияриха*, Кияровский чвор, Киярово, Кияровская курья, оз. Кияриха	Киярская курья (закрыт. чворн. курьей)	Центральный Южный
кáджу	протока Кяжу	р. Кяжу/Кажу*	Киярская протока	(–)
джáмджълдáд'и (джáмджъ+л+дад'и — лягушка+ADJZ+?) дад'и — тип озера?	оз. Тяньджелзади	оз. Долгое/Легушачье	оз. Лягушачье	Центральный
т'урултó (т'уру+л+то — песок+ADJZ+озеро)	оз. Песочное	оз. Песчаное*	оз. Песчаное	Центральный
пáдóнтó (пáдо+н+то — ?чебак+GEN+озеро)	Чаршин чвор — исток выходит в Кеть	р. Чаршан*, оз. Чаршан в пределах поселения	Чаршин чвор Чаршина протока (жили Чаршины)	(–)
шўйкводж (шў+й+кводж — змея+ADJZ+запор)	оз. Змеиное	оз. Змеиные (7 шт.)	Змеинный исток (запорный)	Центральный Южный
шўудо (шўу+до — змея+озеро)			оз. Змеиное	Центральный

²⁰ Топонимы с обозначением * проверены по карте Колпашевского района на 2019 г. (Карта была подготовлена ОАО «Томскгеомониторинг».)

Записи А. П. Дульзона (1952 г.) и Э. Г. Беккер (1965 г.). Топонимы, которые удалось найти и отметить на карте	Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.)	Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами	Перевод с селькупского на рус- ский и возможный перевод селькупских названий, записан- ных на русском языке, с ком- ментарием из архивных записей	Южные и централь- ные признаки, отра- женные в топонимах диалектно-локальной группы шёшкупов
тиҕгълдо (тиҕгъ+л+до — лебедь+ADJZ+озеро)	~	оз. Лебяжко	оз. Лебединое	Центральный
ара̀тто́ (ара+т+то — старик+GEN+озеро)	~	оз. Дедушкино	оз. Дедушкино	Центральный
шара̀тсо́й (шара+то+сой — твердый+озеро+исток)	оз. Шарато (Шара-то — твердый-озеро)	~	Твердый исток	Центральный Южный
н'у́лгълдо́ (н'у́лгъ+л+до — пихта+ADJZ+озеро)	оз. Нюнглото	~	оз. Пихтовое	Центральный
п'енд́ж'ебра́к (п'енд́ж'е+бра́к — ?+исток)	~		Стаханова пристань	
м'уд́жк'во́дж (м'уд́ж+к'во́дж — ?+запор) в комментариях: м'уд́ж — заним. больш. мучу	~	Стахановская пристань	Стаханова пристань (стоит у устья)	Центральный
куна́к (ку+н+ак — человек+GEN+рот)	Куна́к (Ку-н-ак — человек-GEN-исток)	~	Человека рот — исток	Центральный Южный
па́д'е'к'во́дж (па́д'е+к'во́дж — чебак+запор)		оз. Чебачье* (2 озера)	Чебаковый исток, он тоже закрывается / Чебачий чвор	(-)
пек'я́лто́ (пек'я́+л+то — лось+ADJZ+озеро)	Пекалд(т)отю (Пека-л-д(т)-тю — лось-ADJZ-?-озеро)	оз. Пекалдетю	оз. Лосиное	Центральный
па́рч'ы́гу́ (па́рч'ы́+гу — кипеть+INF)	оз. Пярчук	оз. Пергучу/оз. Перчугу*	оз. Кипящее	(-)
к'у́д'ьсо́й (к'у́д'ь+сой — островное.озеро+исток)	оз. Кю́д'е́/Кю́д'е́ (островное.озеро)	оз. Кю́д'ь/Кю́д'зе*	большое озеро на острове	Южный
ме́йна́к (ме́йн-а́к — ?-рот)	оз. Мэйнак	оз. Майнак*	оз. Майнак	(-)
л'эмб'ьтпед'ика́с'т'я́ (л'эмб'ь+т+пед'и+кас'т'я́ — орел+GEN+гнездо+?) (кас'т'е — тип озера?)	оз. Лэмпэде Кастя, Кастя	оз. Кастя, оз. Большая и малая Кастя*;	оз. Орлиное гнездо	(-)
скри́пкато́ (скрипка+то — скрипка+озеро)		оз. Скрипка	оз. Скрипка	(-)
ше́ды'к'во́дж (ше́ды+к'во́дж — сырок+запор)		оз. Сырковое	Сырковый чвор	Центральный
ка̀в'яй'то́ (ка̀в'я+й+то — лить+ADJZ+озеро)		оз. Линевоe*	оз. Линевоe	Южный
(ч'а́к'ьл+то — развилка-ADJZ+озеро)		оз. Развилистые	оз. Развилостое	Центральный
ка́р'ьто́ (ка́р'ь+то — кривой+озеро)	Много Кривых озер	оз. Кривоe* (3 озера)	оз. Кривоe	(-)
лапш'по́р'е (лапш'по́р'е — ?)		оз. Сад/Садовое оз. Садовая Курья*	оз. Садовое	(-)

Записи А. П. Дульзона (1952 г.) и Э. Г. Беккер (1965 г.). Топонимы, которые удалось найти и отметить на карте	Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.)	Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами	Перевод с селькупского на русский и возможный перевод селькупских названий, записанных на русском языке, с комментарием из архивных записей	Южные и центральные признаки, отраженные в топонимах диалектно-локальной группы шёшкупов
н'ингълто (н'ингъ+л+то — камыш+ADJz+озеро)		оз. Камышово	оз. Камышовое	Центральный
ш'арелто (шарел+то — камыш+озеро)				
Арто (ар+то — поперек+озеро)		Поперёшные озера (3 шт.)	оз. Поперечное	Южный
Вательто (ватъ+л+то — дорога+ADJz+озеро)	оз. Дорожное	оз. Дорожное	оз. Дорожное	Центральный
пил'кай'аратто (пил'ка+й+ара+г+то — Филипп+ADJz+старик+GEN+озеро)		оз. Филюшкино	оз. Филюшкино	Центральный Южный
кагайп'одчър (кага+й+по+д+чър — могила+ADJz+?озеро?+?POSS.3SG?+?чвор?)		оз. Кладбищенское	оз. Кладбищенское	Южный
áзалто (áзал+то — ?+озеро) русал'ови то (русал'ов+и то — Русалев+ADJz+озеро)		Исток Русалево, Русалево маленькое / Русалево большое	оз. Русалево (перешагнуть только, но его нельзя перешагнуть)	(-)
пач'елто (пач'е+л+то — утка-чирок+ADJz+озеро)	оз. Чирковое	оз. Чирковое	оз. Чирковое	Центральный
кожарито (кожари+то — мамонт+озеро)	оз. Кожар	оз. Кожар, оз. Мамонтово	оз. Мамонтово	Южный
кабато (каба+то — ?каба?+озеро)		оз. Ручинские	оз. Ручинское. Народ, который раньше здесь проживал, наз. по-русски — <i>ручинские</i> , а по-остяцки — <i>каба</i>	Центральный
нагурд'арайто (нагур+д'ара+й+то — три+развилка+ADJz+озеро)		оз. Развилыстые	оз. Трехразвильное	Южный
н'алогот т'еw (н'алогот т'еw — ?+протока)	оз. Мифодейкино	оз. Миходейкино оз. Михалейкино*	Михадеевская протока	(-)
куалуо		Тебенацкая курья (старлица)	Тебинацкая курья	(-)
àркт'еw (арк+т'еw — другой+исток (?поперек?))		Оз. Поперённое	Исток поперек	Центральный
кв'еш к'ош (кв'еш к'ош — ?)	Квёж (запор), речка «Квёж большой» из Кети в Обь	Протока Квёж*, Малый Квёж	24 чвора сюда входят, запоры ставят	(-)
арт'осой (арто+сой — поперек+исток)			Исток поперечного озера	(-)
каж'ар то (каж'ар то — мамонт озеро)	Покос и озеро, Копжар	оз. Копшар/Кашпар	оз. Капшар	(-)
какшат'о (какша+то — ?+озеро)	Ломовое озеро		Ломовое озеро	Южный

Записи А. П. Дульзона (1952 г.) и Э. Г. Беккер (1965 г.). Топонимы, которые удалось найти и отметить на карте	Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.)	Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами	Перевод с селькупского на рус- ский и возможный перевод селькупских названий, записан- ных на русском языке, с ком- ментарием из архивных записей	Южные и централь- ные признаки, отра- женные в топонимах диалектно-локальной группы шёшкупов
Топонимы, записанные в 1990—2000-х гг.				
	оз. Сыркукито/Сырку- кубито/Сырикакикито Сыркукито/Сыркукубито/ Сырикакикито (Сыр+ку+ки+то — корова+умереть+?+озеро; Сыр+ку+ку+би+то — корова+умереть+НАВ+ PST.PTSP+озеро; Сыр+икакики+то — корова-?-озеро)	оз. Сырыкикито	озеро дохлой коровы (по рассказам информантов)	(–)
	оз. Игнашкино	оз. Игнашкино*	оз. Игнашкино	(–)
	оз. Неллгэтэвипузэто (Неллгэтэвипузэ-то — ?-озеро)	оз. Нелоготева Кужето (озеро на мысу); Энное	Озеро на мысу	(–)
	Чвор — большое озеро оз. Большой и Малый чвор	оз. Чвор*; Большой чвор; оз. Чвор 1-й, оз. Чвор. 3-й*	оз. Чвор	
	Маленькая речка Ташунто (Ташу-н-то — ?-GEN-озеро); Тагишунде тагишунде (таги+шунде — зад+нутро)	Протока Тушун-де*	Протока Ташун-де	
	Сухая курья* — речка	Сухой чвор	Сухая курья/чвор	
	Кужеречвор кужеречвор (кужере+чвор — курья+чвор)	Кужев чвор	Кужев чвор	
	оз. Пёдигу	оз. Педигу	оз. Педигу	
	Курья *	Малая курья	Летом речку от большой реки отделяет коса песчаная, а весной затопляется. Вверх по Кяжу 4 км от Оби место называлось Лосиным кладбищем	

Записи А. П. Дульзона (1952 г.) и Э. Г. Беккер (1965 г.). Топонимы, которые удалось найти и отметить на карте	Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.)	Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами	Перевод с селькупского на рус- ский и возможный перевод селькупских названий, записан- ных на русском языке, с ком- ментарием из архивных записей	Южные и централь- ные признаки, отра- женные в топонимах диалектно-локальной группы шёшкупов
	оз. Сукол/сокол — мыс; Оз. Суколд(т)о — озеро на мысу суколд(т)о (Суко+л+ д(т)о — мыс-ADJZ-озеро)	оз. Соколдо /Сокулдо*	оз. Сокол-до*	

Топонимы, зафиксированные в различных источниках один раз (1990—2000-е гг.)

Записи Н. П. Иженбиной (1990-е гг.): Большая Муча, Маленькая Муча — покосы, Иготкинский взвоз, Поньджа — когда болото подходит к реке (болото с водой, трясина), оз. Нюнглото (Нюнгло-то — ?-озеро), оз. Нючквежнак (Нючквежн-ак — ?-устье), оз. Сольднак (Сольд-н-ак — горло-GEN-устье), Кутеречвор (Кутеречвор — курья-чвор) (то же, что и кужеречвор), оз. Порульдо, чвор Пиндигу (чвор Пинди-гу — чвор ?плыть.по.течению-INF).

Записи Н. В. Сайнаковой (2012, 2016, 2019 гг.) + работа с картами: Протока Полой*, Заход в Полой, оз. Рыбное, оз. Хвощёвое, оз. Межевые, оз. Ковальё, Ямка, оз. Долгое* (край дороги, 3 озера), оз. Дорожное, Иман Полой, Лива, Широкая Лива*, Бабы Валина Лива (в самой деревне Иванкино), оз. Школьное (в самой деревне Иванкино), оз. Узкое, Запор, Питюговские озера, Пьянковские озера, исток Гнилой*, оз. Деда Михайла, оз. Андреевское, оз. Мамочево, оз. Кузнецово, оз. Жирное, оз. Белорыбное, оз. Карабухто, оз. Крестьянское, оз. Большая и Маленькая Малда, оз. Алёшкин чвор, Мальцев исток, оз. Мартышкино, оз. Пашкины*, оз. Голодное, Татаркин исток*, оз. Рождественское, оз. Хлебушкино, оз. Пожар (Сельсоветское), оз. Школьное, оз. Белое озеро, оз. Кургупто, оз. Глубокое, оз. Карасево, оз. Леволдо, оз. Ломботкостное, оз. Мучи, Квычнак, оз. Чажапкасте, оз. Кодотай, 16 без названий.

Сокращения

ACC — аккумулятив
 ADJZ — прилагательное
 GEN — генитив
 HAB — хабишуалис
 INF — инфинитив
 POSS — посессивность

PST — прошедшее время
 PTCP — причастие
 SG — единственное число
 Ц. — центральные диалекты
 Ю. — южные диалекты

Литература

- Архив ЛЯНС 1952, 1953, 1962 — Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Селькупы. Тома 1, 2, 6, 7, 8, 10. Томск, 1952, 1953, 1962. {Archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages TSPU. The Selkup. Volumes 1, 2, 6, 7, 8, 10. Tomsk, 1962.}
- Беккер 1964 — Беккер Э. Г. Селькупская топонимика Томской области // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964. С. 126—133. {Bekker E. G. Selkup toponymy of the Tomsk region // Toponymy of the East. New researches. Moscow, 1964. P. 126—133.}
- Беккер 1965 — Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. {Bekker E. G. Selkup toponyms of Western Siberia. PhD thesis. Tomsk, 1965.}
- Быконя 1999 — Быконя В. В. Шарватплэнд шешкуй шэндсэ! Говори по-шешкупски!: Русско-селькупский разговорник. Томск, 1999. {Bykonya V. V. Sharvatplend Sheshkuy Shendse! Speak Sheshkup!: Russian-Selkup phrasebook. Tomsk, 1999.}
- Быконя, Яковлев 2001 — Быконя В. В., Яковлев Я. А. Географические названия Чаинского района. Что они означают? // Земля чаинская. Томск, 2001. С. 57—70. {Bykonya V. V., Yakovlev Ya. A. Geographical names of the Chainsky district. What do they mean? // Chainsky land. Tomsk, 2001. P. 57—70.}
- Вернер 1978 — Вернер Г. К. О гидронимах Тым и Сым в междуречье Оби и Енисея // Языки и топонимия. Томск, 1978. С. 153—157. {Werner G. K. About the hydronyms Tym and Sym in the interfluve of the Ob and Yenisei // Languages and toponymy. Tomsk, 1978. P. 153—157.}
- Глушков 1999 — Глушков С. В. К вопросу уточнения этимологии топонимов Каргосокского района Томской области // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1999. Вып. 6. С. 158—164. {Glushkov S. V. To the question of specification of the etymology of toponyms in the Kargosok district of the Tomsk region // Languages of the indigenous peoples of Siberia. Novosibirsk, 1999. Iss. 6. P. 158—164.}
- Глушков 2001 — Глушков С. В. Место чаинского диалекта в ряду других диалектных подразделений селькупского языка // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск — Омск, 2001. С. 197—198. {Glushkov S. V. The place of the Chaya dialect among other dialectal subdivisions of the Selkup language // Samoyedic peoples. Materials of the 4th Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia” (December 10—12, 2001, Tobolsk). Tobolsk — Omsk, 2001. P. 197—198.}
- Дульзон 1952 — Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков // Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Т. 1. Томск, 1952. С. 217—289. {Dulzon A. P. Materials on the language and ethnography of the Narym Ostyaks // Archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages TSPU. Vol. 1. Tomsk, 1952. P. 217—289.}
- Дульзон 1959 — Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопросы языкознания. 1959, 4. С. 35—46. {Dulzon A. P. Questions of etymological analysis of Russian toponyms of substratum origin // Voprosy Jazykoznanija. 1959, 4. P. 35—46.}
- Дульзон 1960 — Дульзон А. П. Топонимы средней Оби // Изв. СО РАН. 1960, 5/2. С. 109—115. {Dulzon A. P. Toponyms of the Middle Ob // Izvestiya SB RAS. 1960, 5/2. P. 109—115.}
- Дульзон 1970 — Дульзон А. П. Этнически дифференцированные топонимы Сибири и Дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. Вып. 2. С. 86—97. {Dulzon A. P. Ethnically differentiated toponyms of Siberia and the Far East // Languages and toponyms of Siberia. Tomsk, 1970. Iss. 2. P. 86—97.}
- Иженбина 1996 — Иженбина Н. П. Полевые материалы. Колпашево, 1996. С. 9. {Izhenbina N. P. Field materials. Kolpashevo, 1996. P. 9.}
- Иженбина 1999 — Иженбина Н. П. О преподавании селькупского языка в Иванкинской школе // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа — Томск, 1999. Ч. 1. С. 81—84. {Izhenbina N. P. On teaching the Selkup language in the Ivankino school // Problems of documentation of endangered languages and cultures. Ufa — Tomsk, 1999. Part 1. P. 81—84.}

Иженбина 2001 — *Иженбина Н. П.* Разнообразные виды деятельности на уроках родного (селькупского) языка // Междисциплинарное изучение Сибири. Томск, 2001. С. 126—131. {*Izhenbina N. P.* Various activities in the lessons of the native (Selkup) language // Interdisciplinary study of Siberia. Tomsk, 2001. P. 126—131.}

Калинина 1959 — *Калинина Л. И.* О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1959. Т. 18. С. 112—124. {*Kalinina L. I.* On some toponymy topics of the Middle Ob left bank // TSPI scholarly notes. Tomsk, 1959. Vol. 18. P. 112—124.}

Ковылин, Сайнакова 2017 — *Ковылин С. В., Сайнакова Н. В.* О специфике среднеобского диалекта и возможности выявления границ расселения диалектно-локальной группы *sösqum/sösqur* по данным топонимики // Урал-алтайские исследования. 2017, 1 (24). С. 19—33. {*Kovylin S. V., Saynakova N. V.* On the specifics of the Middle-Ob dialect and possibilities to determine the *Šöšqur/Šöšqur* dialectal local group settlement borders based on toponymy // Ural-Altaic studies. 2017, 1 (24). P. 19—33.}

Кузнецова, Тучкова 2008 — *Кузнецова Н. Г., Тучкова Н. А.* Отражение миграционных процессов селькупов в топонимике бассейна р. Шудельки // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 131—133. {*Kuznetsova N. G., Tuchkova N. A.* Reflection of the Selkup migration processes in the toponymy of the Shudelka river basin // Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction. Materials of the 14th West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk, 2008. P. 131—133.}

Кузьмина 1967 — *Кузьмина А. И.* Dialekt von Ivankino am Ob // Полевые материалы А. И. Кузьминой (1967). Т. 11. Тетрадь 1, 10, 11. Архив института финно-угристики / уралистики Гамбургского университета. {*Kuzmina A. I.* Dialekt von Ivankino am Ob // Field materials of A. I. Kuzmina (1967). Vol. 11. Notebook 1, 10, 11. Archive of the Institute of Finno-Ugrian and Uralic Studies in Hamburg University.}

Личный фонд С. Н. Сычина 2002 — Личный фонд С. Н. Сычина. Описание границ территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Томской области местного значения «Иванкино». Постановление № 211, 2002. Л. 2. {Personal fund of S. N. Sychin. Description of boundaries of the territory of traditional nature management of indigenous peoples of the North of the Tomsk region of local importance “Ivankino”. Resolution № 211, 2002. L. 2.}

Лоцманская карта 1973 — Лоцманская карта реки Оби от Новосибирского гидроузла до устья реки Томь. 1973. // <https://yadi.sk/d/8OnyTwxF3U5Csr> (дата обращения: 15.11.2019). {Pilot chart of the Ob River from the Novosibirsk hydroelectric complex to the mouth of the Tom River. 1973 // <https://yadi.sk/d/8OnyTwxF3U5Csr> (date of access: 15.11.2019).}

Нагнибеда 1927 — *Нагнибеда В. Я.* Нарымский край: материалы статистико-экономического исследования 1910—1911 гг., собранные и разработанные под руководством и ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. {*Nagnibeda V. Ya.* Narym Krai: materials of statistical and economic research of 1910—1911 collected and developed under the direction and edition of V. Ya. Nagnibeda. Tomsk, 1927.}

ОАО «Томскгеомониторинг» 2019 — ОАО «Томскгеомониторинг». Карта гидронимов Колпашевского района 2019 г. // <http://www.tgm.ru/link.php?ind=pi&rz=pi&lv=1> (дата обращения: 15.11.2019). {JSC “Tomskgeomonitoring”. Map of hydronyms of the Kolpashevo district in 2019 // <http://www.tgm.ru/link.php?ind=pi&rz=pi&lv=1> (date of access: 15.11.2019).}

Пелих 1995 — *Пелих Г. И.* Обские Каяловы о реке Каяла // Вопросы географии Сибири. Томск, 1995. Вып. 21. С. 67—79. {*Pelikh G. I.* Ob Kayalovs about the river Kayala // Topics in the study of Siberian geography. Tomsk, 1995. Iss. 21. P. 67—79.}

Перечень пользователей водными биоресурсами 2016 — Перечень пользователей водными биоресурсами и рыбопромысловых участков, используемых для добычи (вылова) водных биологических ресурсов Общины КМН «Рассвет» по состоянию на 15.01.2016 г. // Департамент охотничьего и рыбного хозяйства Томской области, <https://dor.tomsk.gov.ru/files/front/download/id/39603>, 2016. {The list of users of aquatic bioresources and fishing grounds used for the extraction (catch) of aquatic bioresources of the small indigenous peoples’ Community “Rassvet” by January 15, 2016 // Department of Hunting and Fisheries of the Tomsk Region, <https://dor.tomsk.gov.ru/files/front/download/id/39603>, 2016.}

Плотников 1901 — *Плотников А. Ф.* Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. {*Plotnikov A. F.* Narym Krai (5th camp of the Tomsk district of the Tomsk province). Historical and statistical sketch. Saint-Petersburg, 1901.}

Ремезов 1701 — *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири / Сост. в 1699—1701 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями // Собр. Н. П. Румянцева. 1701. Ф. 256. № 346. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. {*Remezov S. U.* Drawing book of Siberia / Comp. in 1699—1701 by S. U. Remezov and his sons // Collection of N. P. Rumyantsev. 1701. F. 256. № 346. Access from the local network of Tomsk state university Scientific library.}

Ресурсы поверхностных вод СССР 1967 — Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. Алтайский край и Западная Сибирь. Средняя Обь. Л., 1967. Том 15. Вып. 2. Таблица 1, 2. {Surface water resources of

the USSR. Hydrological information. Altai Kray and Western Siberia. Middle Ob. Leningrad, 1967. Vol. 15. Iss. 2. Table 1, 2.}

Сайнакова 2016 — Сайнакова Н. В. Полевые материалы. Томск, 2016. {*Sainakova N. V. Field materials. Tomsk, 2016.*}

Сайнакова 2017 — Сайнакова Н. В. Обские шёшкupy: расселение, формирование и этническая культура в XIX—XX вв. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2017. {*Sainakova N. V. Ob Sheshkups: settlement, formation and ethnic culture in the 19th—20th centuries: PhD thesis. Tomsk, 2017.*}

Спафарий 1882 — Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Зап. РГО. По отделению этнографии. СПб., 1882. Т. X. Вып. 1. {*Spafari N. G. Travel across Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675 // Notes of Russian Geographical Society. Department of Ethnography. Saint-Petersburg, 1882. Vol. 10. Iss. 1.*}

Тучкова 2013 — Тучкова Н. А. Селькupy: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. {*Tuchkova N. A. Selkups: Surveys of traditional culture and language. Tomsk, 2013.*}

Тучкова 2014 — Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. {*Tuchkova N. A. Selkup eumene. Inhabited space of Southern and Central dialect groups. Tomsk, 2014.*}

Филиппова 2011 — Филиппова Т. М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 2. С. 81—87. {*Filipova T. M. Peculiarities of the Upper Ob dialect of the Southern Selkups (Taizakovo-Starosondrovo group) // NSU Bulletin. Series: History, Philology. 2011. Vol. 10. Iss. 2. P. 81—87.*}

Хелимский 1985 — Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 42—58. {*Helimski. E. A. On account of the historical dialectology of the Selkup language // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. Moscow, 2000. P. 42—58.*}

Яковлев 2000 — Яковлев Я. А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? // Земля колпашевская. Томск, 2000. С. 76—103. {*Yakovlev Ya. A. Geographical names of the Kolpashevo region. What do they mean? // The Kolpashevo land. Tomsk, 2000. P. 76—103.*}

Dulson 1971 — Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumgruppen // Sowjetische Finnisch-ugrische sprachwissenschaft, kirjastus «Periodika» Tallinn. 1971, 7. S. 35—41.

**Дискуссионная заметка к статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина
«Материалы по топонимике Кетского Приобья
как основа для выявления границ расселения
диалектно-локальной группы *šöšqum / šöšqur*
и подтверждения промежуточного статуса
среднеобского (шёшкумского) диалекта селькупского языка»**

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

В дискуссионной заметке классификация топонимов, предложенная Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылиным, рассматривается с точки зрения ее надежности и соответствия диалектному материалу первых селькупских источников. Это связано с тем, что, как показывает анализ памятников XVIII и XIX вв., большинство признаков в тот период не позволяло надежно различить южные и центральные диалекты, в частности, 1) южное *í* ~ центральное *ċ*, 2) южное *-j* ~ центральное *-l/-l'*. В дискуссионной заметке приведена альтернативная классификация топонимов, выполненная на основании надежных общеизвестных диалектных признаков. В результате можно прийти к выводу, что количество примеров не является достаточным для убедительного отнесения говоров, в которых содержатся анализируемые топонимы, к южным или центральным или для доказательства их промежуточного статуса. Лишь для говора с. Иванкино промежуточный диалектный статус выглядит надежным, но он был известен и ранее.

Ключевые слова: селькупские диалекты, фонетика, графика, топонимика

**DISCUSSION NOTE ON THE ARTICLE BY N. V. SAYNAKOVA AND S. V. KOVYLIN
“MATERIALS ON TOPONYMY OF THE KET OB REGION
AS A BASIS FOR IDENTIFICATION OF THE SETTLEMENT BORDER
OF THE ŠÖŠQUM/ŠÖŠQUP DIALECT LOCAL GROUP
AND CONFIRMATION OF THE INTERMEDIATE POSITION
OF THE MIDDLE OB (SHESHKUM/SHESHKUP) DIALECT OF THE SELKUP LANGUAGE”**

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS;
Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

The discussion note shows that the classification of toponyms proposed by N. V. Saynakova and S. V. Kovylin does not seem entirely reliable from the point of view of southern and central dialectal features. This is due to the fact that, as the analysis of monuments in the 18th and 19th centuries shows, most of the features at that period did not allow to reliably distinguish between southern and central dialects, in particular, 1) southern *í* ~ central *ċ*, 2) southern *-j* ~ central *-l/-l'*. The discussion note provides an alternative classification of toponyms based on reliable well-known dialectal features. As a result, we can conclude that the number of examples is not sufficient for convincing toponyms' assignment to southern or central dialects or for proof of the dialects' intermediate status. Only for the dialect of Ivankino village the intermediate status looks reliable, but it was known earlier.

Keywords: Selkup dialects, phonetic, graphic, toponymy

В статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина «Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы *šöšqum/šöšqip* и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкупского) диалекта селькупского языка» собран ценный материал по топонимам из наименее изученной зоны расселения носителей селькупских диалектов¹. В подтверждение этого факта можно указать, что по классификации разных исследователей говоры этого региона могут относиться как к центральным [Katz 1979], так и к южным диалектам [Глушков 2002]. Вероятно, это связано с тем, что в XX в. было очень мало материалов, доступных исследователям иванкинского, или шёшкупского, по терминологии А. П. Дульзона, диалекта, распространенного в населенных пунктах Басмасово, Иванкино, Мумышево, Тайзаково на Оби выше Нарыма [Dulson 1971: 35—43].

В статье [Норманская 2020] был впервые рассмотрен с точки зрения диалектной принадлежности наиболее ранний памятник — книга св. Макария (Невского) «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков», 1900, глоссированный корпус которой доступен он-лайн: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/106079/perspective/1606/106082/view>.

При рассмотрении текста книги св. Макария по 11 диалектно-классифицирующим признакам и сравнении с архивными данными, записанными А. И. Кузьминой, А. П. Дульзоном и его учениками, можно сделать вывод, что в 1900 г. в иванкинском диалекте прослеживались три южных инновационных изоглоссы: ПСельк. **-ŋ- > 0*, ПСельк. **š > s*, ПСельк. **-l' > -j*. В диалекте книги св. Макария нами не было выявлено ни одной центрально-селькупской инновационной диалектной черты. Поэтому можно предполагать, что диалект с. Иванкино в XIX в. относился к южным. Как показано в диссертации Г. П. Поздеевой [Поздеева 2015: 34—56], по данным архива А. П. Дульзона во второй половине XX в. в диалекте с. Иванкино происходит ряд процессов, характерных для центральных говоров: фактически был завершён переход 1) *s (< *š) > š*, начались процессы изменений 2) *-m > -p*, *-n > -t*, *-ŋ > -k*; 3) *0 (< *ŋ) > ɣ*, 3) *-j (< *-l') > -l*. На основании этого в [Katz 1979] иванкинский говор начала второй половины XX в. уже определяется как «центральный». Таким образом, было установлено, что в рассматриваемом диалекте почти полное изменение всех классификационных черт заняло 70 лет.

В связи с этими наблюдениями изучение топонимов в деревнях Басманово, Тайзаково, Ласкино, Тебенак, Иванкино, Новосондрово, Сондрово, Старосондрово целесообразно проводить, оценивая не то, являлся ли говор той или иной деревни исконно южным или центральным, а то, насколько сильно его затронул произошедший переход южных говоров в центральные.

Такая работа уже была проведена в статье [Ковылин, Сайнакова 2017] на материале топонимов с. Иванкино. Было установлено, что в топонимах присутствуют как южные, так и центральные черты, но в разной степени: переход *-ŋ > -k* фактически уже завершён, переход *-n > -t* прошёл примерно у 78% слов, переход *-m > -p* ещё не был отмечен, переход *-j > -l* прошёл в 58% случаев.

В рассматриваемой статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина приведен материал ещё по семи населённым пунктам. В результате анализа авторы пришли к выводу, что в деревнях Басманово, Тайзаково отмечены только центральные диалектные черты, в Тебенак, Ласкино, Иванкино доминируют центральные черты, в Сондрово, Старосондрово преобладают южные диалектные черты, а в Новосондрово зафиксированы только южные черты.

Как видно из анализа карты, если принять эти выводы, то не удастся выделить ареалы территорий, для говоров которых характерны южные vs. центральные черты. Складывается впечатление, что на рассматриваемой территории присутствовала «чересполосица» южных и центральных говоров, происхождение которой достаточно сложно объяснить.

На наш взгляд, это ошибочный вывод, связанный с тем, что из привлекаемых к анализу диалектно-дифференцирующих признаков четыре, согласно Е. А. Хелимскому, не являются достаточно надёжными для различения южных и центральных говоров. По ряду других признаков Н. В. Сайнакова и С. В. Ковылин зачастую приводят один-два примера, которые не могут быть статистически значимыми для классификации говора.

Изложение ниже будет построено следующим образом: сначала будет приведен список ненадёжных диагностических признаков с обоснованием, затем будет дан разбор степени убедительности количества слов по более надёжным признакам.

¹ По мнению Е. А. Хелимского, некоторые говоры на р. Обь между с. Нарым и г. Колпашево (нарымско-обские) и на Нижней Кети (кетско-обские) носят переходный (отчасти смешанный) характер и недостаточно изучены [Хелимский 1985: 24—25].

Краткая сводная информация о недостоверности ряда диалектно-дифференцирующих признаков для различения южных и центральных диалектов

1. Как отмечено в [Хелимский 1985: 74], критерий Ю *í* — С Ц *ĭ* не является достаточно четким, потому что в материалах XVIII в. есть примеры, когда в южных диалектах употребляется *ĭ* (у Г. Ф. Миллера, Ф. Желтухина), а в северных в качестве дублета встречается *í* (у М. А. Кастрена, Ф. Желтухина).

Отклонения от предложенной закономерности наблюдаются и в [Аудиословарь Иженбиной 2017], ср., например, томск. *Тѣль*, нарым. *Чель*, кет. *Чель*, тим. *Чель*, карасин. *Тѣльдъ* 'день', где в южном кетском диалекте представлен рефлекс *ч-*, а в северном карасинском — *т'*.

На то, что в части говоров и в XX в. встречалось «свободное варьирование» этих рефлексов, указывалось в [Katz 1979]. При этом любопытно, что, как показано в [Поздеева 2015: 49—51], в картотеке архива А. П. Дульзона указанная закономерность соблюдается достаточно последовательно, и в диалекте с. Иванкино представлена южная рефлексация *т'*, ср., например, *т'ү* 'глина', *т'елт* 'солнце, день'. Аналогичная рефлексация зафиксирована и в словаре тогурского говора иванкинского диалекта [Аудиословарь Тобольжиной], созданного А. И. Кузьминой.

2. В [Хелимский 2000: 74—75] указывается, что признак Ю *-j* ~ Ц *-l/-l'* ~ С *-l'* не представляется надежным, поскольку в XX в. в большинстве говоров отмечены многочисленные отклонения, ср. [Katz 1979: 85]. При этом Е. А. Хелимский отмечает, что в ранних записях это распределение прослеживается достаточно четко. Интересно, что в книгах Н. П. Григоровского стандартным рефлексом С *-l'* также является *-j*, см. [Ковылин 2020].

Переход *-l' > -j* в большинстве случаев характеризует и диалект книги св. Макария: *куш(u)ай* 'сколько?' — таз. *kuššal'*, *нашакый* 'тогдашний' — таз. *naššāqil'*, *амдыкой* 'царский' — таз. *amtij'qōl'*, *ауплей* 'находящийся на другой стороне' — *mtj peläl'*. В одном случае представлены дублетные формы: *Нуй*, *Нул* 'божий' — таз. *nūl'*.

В материалах А. П. Дульзона в диалекте с. Иванкино встречаются примеры как на *-й*, так и на *-л* примерно в равной пропорции, зафиксированы и дублеты: *карлай* ~ *карлал* 'косматый' [Аудиословарь Тобольжиной].

Представляется, что рефлексация *-l' > -j* в диалекте книги св. Макария отражает южную инновационную черту, и это еще один важный признак для отнесения иванкинского диалекта к южной группе.

3. Как указывается в [Хелимский 2000: 75], расширение праселькупских гласных **i > e*, **u > o*, **ū > ō*, **ī > ē*, **ē > *ā > a* имело место в разной степени во всех южных и центральных селькупских диалектах между серединой XVIII и началом XIX в.

Как показано в [Alatalo 2004: 318—358], в диалектах книг св. Макария и Н. П. Григоровского, действительно, также были зафиксированы переходы ПСельк. **i > e*, ПСельк. **ē (> таз. ē)* и **æ (> таз. e) > a*, характерные и для современных южных и центральных диалектов. Можно отметить еще одну общую южную и центральную инновацию, которая отразилась и в диалекте книги св. Макария: **ā* и **a* совпали в *a*, в отличие от тазовского (северного) диалекта, где их различие сохраняется. Особенности в системе гласных, которые позволяли бы отнести диалект книги св. Макария к южным или центральным диалектам, не выявлено.

Характеристика топонимов по надежным диалектно-дифференцирующим признакам для различения южных и центральных диалектов:

Как следует из статьи Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина, в топонимах представлено достаточно много рефлексов, релевантных для надежного различения южных и центральных диалектов. Статистика по ним дана ниже в таблице.

Статистика рефлексов фонем, релевантных для различения южных и центральных диалектов

	Ласкино	Тебенак	Иванкино	Н.-Сондрово	Сондрово	Ст.-Сондрово
Ц. <i>š</i> vs. Ю. <i>s</i>	Ц <i>š</i> (2)		Ц <i>š</i> (10)	Ю <i>s</i> (2)	Ю <i>s</i> (1)	
Ц <i>-p</i> vs. Ю <i>-m</i>			Ц <i>-b</i> (2)			
Ц <i>-t</i> vs. Ю <i>-n</i>	Ю <i>-n</i> (2)	Ю <i>-n</i> (2) vs. Ц <i>-t</i> (1)	Ю <i>-n</i> (4) vs. Ц <i>-t</i> (14)	Ю <i>-n</i> (1)		Ю <i>-n</i> (8)
Ц <i>-k</i> vs. Ю <i>-ŋ</i>	Ц <i>-k</i> (2)	Ц <i>-k</i> (2)	Ц <i>-k</i> (2)	Ц <i>-g</i> (1)		Ц <i>-k</i> (5) vs. Ю <i>-ng</i> (4)

Как видно, различия в рефлексации Ц *-p, -t, -k* vs. Ю *-m, -n, -ŋ* не являются значимым признаком для определения принадлежности говора рассматриваемых поселков к южным или центральным диалектам, поскольку для ПСельк. **-n* в них всюду представлена южная рефлексация, а для Псельк. **-ŋ* — центральная, за исключением колебаний в Старосондровском говоре.

Единственным значимым признаком² является противопоставление Ц. *š* vs. Ю. *s*. Эти фонемы представлены в д. Ласкино в 2 словах (*š*), в д. Иванкино в 10 словах (*š*), в д. Новосондрово в 2 словах (*s*), в д. Сондрово в 1 слове (*s*). Безусловно, такое количество слов во всех населенных пунктах, исключая д. Иванкино, не является статистически значимым, но предварительно полученные данные показывают, что переход с южного говора на центральный селькупский затронул носителей, проживавших в более северных поселках Ласкино и Иванкино, и в меньшей степени — в находящихся примерно на 100 км южнее д. Новосондрово, Сондрово, Старосондрово.

Сокращения

Языки и диалекты

карасин. — карасинский диалект селькупского языка
кет. — кетский диалект селькупского языка
нарым. — нарымский диалект селькупского языка
ПСельк. — праселькупский язык
С — северные диалекты селькупского языка
таз. — тазовский диалект селькупского языка
тим. — тимский диалект селькупского языка
томск. — томский диалект селькупского языка
Ц — центральные диалекты селькупского языка
Ю — южные диалекты селькупского языка

Литература

Аудиословарь Иженбиной 2017 — Аудиословарь иванкинского диалекта селькупского языка, собранный в 2017 г. от Н. П. Иженбиной // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1782/6/perspective/1782/7/view> (дата обращения 06.05.2020). {Audiodictionary of the Ivankino dialect of the Selkup language, collected in 2017 from N. P. Izhenbina // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1782/6/perspective/1782/7/view> (accessed 06.05.2020).}

Аудиословарь Тобольжиной — Словарь тогурского говора среднеобского диалекта селькупского языка, записанный от Ф. Ф. Тобольжиной // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1733/6/perspective/1733/7/view?page=1> (дата обращения 06.05.2020). {Dictionary of the Togur dialect of the Middle Ob dialect of the Selkup language, recorded from F. F. Tobolzhina // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1733/6/perspective/1733/7/view?page=1> (accessed 06.05.2020).}

Глушков 2002 — Глушков С. В. Длительность гласных и согласных в диалектах селькупского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. {Glushkov S. V. Duration of vowels and consonants in the dialects of the Selkup language. PhD thesis. Moscow, 2002.}

Ковылин 2020 — Ковылин С. В. Словарь книг Н. П. Григоровского «Объяснение праздников святой церкви на остяко-самоедском языке», 1879 и «Священная история на остяко-самоедском языке», 1879 // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/74983/perspective/1606/74984/view?page=1>, (дата обращения 06.05.2020). {Kovylin S. V. Dictionary of the books by N. P. Grigorovsky “Explanation of the holidays of the Holy Church in the Ostyako-Samoyed language”, 1879 and “Sacred history in the Ostyak-Samoyed language”, 1879 // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1606/74983/perspective/1606/74984/view?page=1>, (accessed 06.05.2020).}

Ковылин, Сайнакова 2017 — Ковылин С. В., Сайнакова Н. В. О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов/шёшкупов по данным топонимики // Урало-алтайские исследования. 2017, 1 (24). С. 19—34. {Kovylin S. V., Saynakova N. V. On the specifics of the Middle-Ob dialect and possibilities to determine the Šöšqum/Šöšqum dialectal local group settlement borders based on toponymy // Ural-Altai studies. 2017, 1 (24). P. 19—33.}

Норманская 2020 — Норманская Ю. В. Как менялась диалектная принадлежность селькупского говора с. Иванкино Колпашевского района в XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020, 66.

² Х. Катц также указывает, что это наиболее надежный признак для дифференциации южных и центральных селькупских говоров, см. [Katz 1979: 84].

C. 144—158. {*Normanskaja Ju. V.* How the dialect affiliation of the Selkup dialect of Ivankino village, Kolpashevo district, changed in the 20th century // *Bulletin of the Tomsk state University. Philology.* 2020, 66. P. 144—158.}

Поздеева 2015 — *Поздеева Г. П.* Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. {*Pozdeyeva G. P.* Numerical agreement in the dialects of the Selkup language. PhD thesis. Moscow, 2015.}

Хелимский 1985 — *Хелимский Е. А.* К исторической диалектологии селькупского языка // *Лексика и грамматика языков Сибири.* Барнаул, 1985. С. 42—58. {*Helimski E. A.* On the historical dialectology of the Selkup language // *Vocabulary and grammar of Siberian languages.* Barnaul, 1985. P. 42—58.}

Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. {*Helimski E. A.* Comparative studies, uralistics: Lectures and articles. Moscow, 2000.}

Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / *Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J.* Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.

Dulson 1971 — *Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // *Sowjetische Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, kirjastus «Periodika»* Tallinn. 1971, 7. S. 35—41.

Katz 1979 — *Katz H.* *Selkupische Quellen.* Ein Lesebuch. Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs, 1979.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >